

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

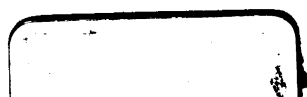
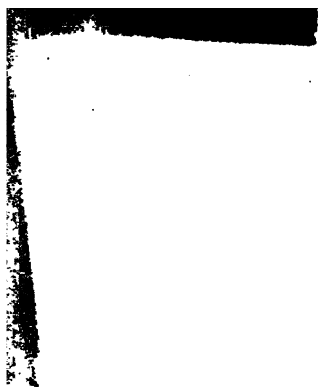
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

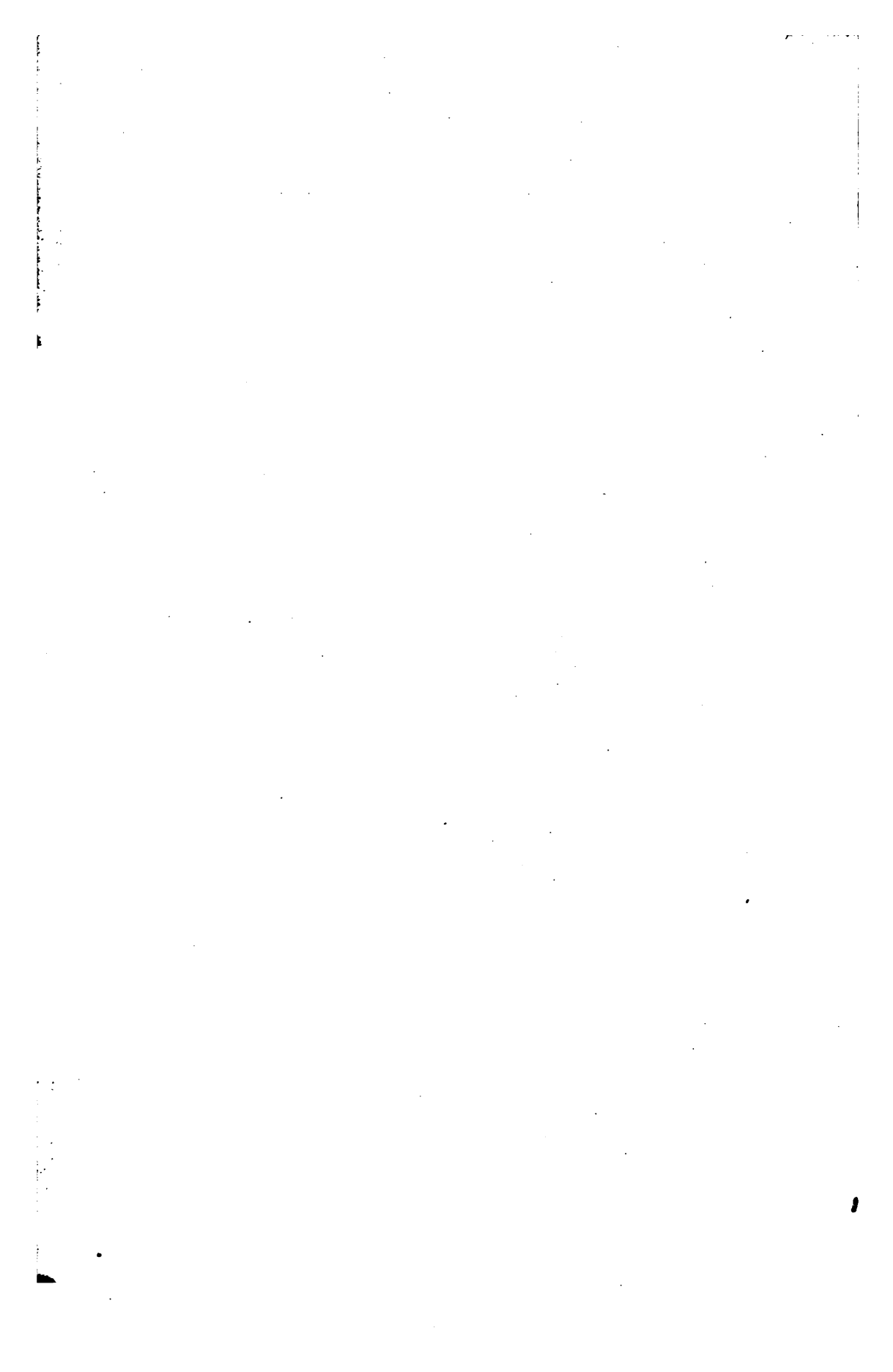

SĀMAVEDA- ĀRANYAKA-SAMHITĀ

ИЗСЛѢДОВАНИЕ

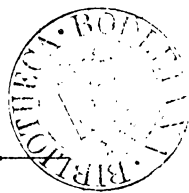
ФИЛИППА ФОРТУНАТОВА.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

НѢСКОЛЬКО СТРАНИЦЪ ИЗЪ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ГРАММАТИКИ

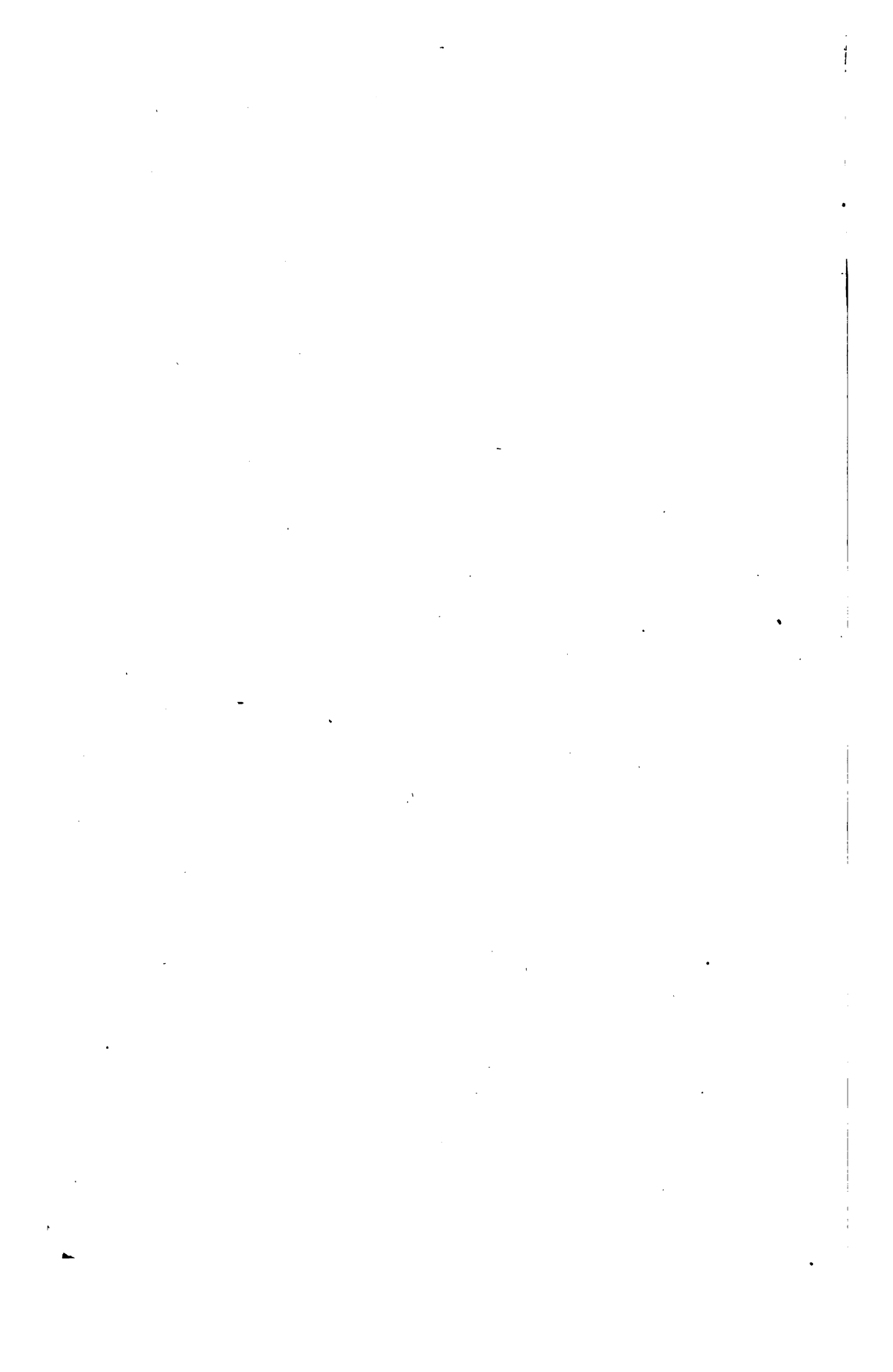
ИНДОЕВРОПЕЙСКИХЪ ЯЗЫКОВЪ.

Москва, 1875 г.

Типографія И. И. Родзевича. Тверской бул., д. Лазарика.

ВВЕДЕНИЕ.

Гимны и священные изречения Ведъ переданы въ четырехъ сборникахъ, которые носятъ слѣдующія названія: *ṛgveda*, ¹⁾ *Sāmaveda*, *Yajurveda* (въ двухъ текстахъ) и *Atharvaveda* (иначе *Brahmaveda*). Къ каждому изъ этихъ названій прибавляется слово *samhitā* „собрание“, для того чтобы отличить основную часть Ведъ, мантры (ед. ч. *mantra*), т. е. стихи и священные изречения, отъ позднѣйшей богословско-спекулятивной и ритуальной литературы (ед. ч. *brāhmaṇa*), основанной на мантрахъ и соединяющейся вмѣстѣ съ санхитами подъ общимъ названіемъ *Veda* (собств. „знаніе, вѣдѣніе“). Каждая изъ четырехъ названныхъ выше Ведъ имѣетъ свои *brāhmaṇa*, которыя должны быть, однако, строго отдѣляемы отъ санхиты, какъ созданія двухъ совершенно различныхъ эпохъ. Когда мы говоримъ о Ведахъ вообще или о Ригведѣ, Самаведѣ и т. д. въ частности, то разумѣемъ обыкновенно именно санхиты Ведъ, а не ту ученую или ритуальную литературу, которая примыкаетъ къ нимъ какъ обширный комментарий,—канонизированный впослѣдствіи,—къ самому тексту ²⁾. Третью ступень въ развитіи ведійской литературы составляютъ сутры (ед. ч. *sūtra*), основывающіяся главнымъ образомъ на *brāhmaṇa* и передающія въ сжатомъ стилѣ (въ противоположность съ растянутымъ способомъ изложенія въ *brāhmaṇa*) все, что имѣетъ отношеніе къ ритуалу, построенному на Ведахъ, или къ правиламъ благочестивой жизни и т. д.

Atharvaveda, или *Brahmaveda*, есть самая молодая изъ четырехъ Ведъ и никогда не пользовалась въ Индіи тѣмъ значеніемъ, какое имѣють три другія Веды. Главное содержаніе *Atharvaveda* состав-

¹⁾ По отсутствію необходимаго шрифта, я долженъ употреблять иногда малыя буквы вмѣсто большихъ.

²⁾ Мантры и браhmaṇa носятъ названіе «*ṣrutī*», собств. «слушаніе», т. е. то, что слушаемо бываетъ. Такимъ образомъ *ṣrutī* совпадало съ божественнымъ откровеніемъ (но самое слово не обозначало этого) и противопоставлялось *smṛtī* «памятованію» (т. е. тому, что сохраняется по преданію), куда принадлежатъ, напр., законы Ману.

ляютъ заклинанія и заговоры (*brahman* и *bheshaga*), откуда объясняется и самое названіе ея: *Brahmaveda*, хотя позднѣе это слово толковалось иначе и приводилось въ связь съ *brahman*, названіемъ того жреца, который долженъ наблюдать за правильнымъ совершеніемъ жертвоприношенія. Другое, болѣе распространенное названіе этой Веды: *Atharvaveda* приводитъ ее, для приданія большаго авторитета, въ близкое отношеніе къ священному роду Атарвановъ, рядомъ съ которымъ назывались также и Ангирасы, вслѣдствіе чего мантры Атарваведы носили, между прочимъ, имя: *Atharvāṅgirasas*.

Атарваведа состоитъ не только изъ метрическихъ частей, но также и изъ прозаическихъ; ³⁾ послѣднія, очевидно, болѣе новаго происхожденія, сравнительно съ первыми, и по характеру языка своего приближаются къ *brāhmaṇa*. Что касается стиховъ Атарваведы, то нѣкоторые изъ нихъ встрѣчаются также и въ другихъ Ведахъ, преимущественно въ десятой книгѣ Ригведы (прибавленной позднѣе къ первымъ девяти), но въ такомъ случаѣ они не рѣдко являются въ Атарваведѣ въ формѣ подновленной или даже искаженной. какъ и вообще текстъ этой Веды переданъ намъ со множествомъ ошибокъ, ⁴⁾ что было слѣдствіемъ сравнительно поздняго составленія сборника или, по крайней мѣрѣ, поздняго его канонизированія. Мы не должны думать, однако, чтобы всѣ мантры Атарваведы уступали по времени своего происхожденія старымъ гимнамъ Ригведы. Нѣкоторые изъ заговоровъ, помѣщенныхъ въ Атарваведѣ, могутъ быть очень древними, но, составляя принадлежность домашняго обихода и не имѣя прямого отношенія къ богочитанію, эти заклинанія долѣе оставались не собранными и давали, слѣдовательно, все большій и большій просторъ искаженіямъ и подновленіямъ языка, который, понятно, должны были явиться потомъ и въ текстѣ записанномъ.

Что касается трехъ первыхъ Ведъ, соединяемыхъ часто подъ общимъ названіемъ *trayī vidyā* („тройное знаніе“), то наименьшую древность должны мы признать за Яджурведой, хотя индійская традиція, перечисляя Веды, называетъ обыкновенно Яджурведу непосредственно за Ригведой. Мнѣніе о болѣе позднемъ происхожденіи Яджурведы, сравнительно съ Самаведой, можетъ опираться, ⁵⁾ напр.,

³⁾ Атарваведа дѣлится на 20 книгъ. См. *Atharvaveda—sanhita*, herausgegeben von R. Roth und W. D. Whitney. Berlin. 1856.

⁴⁾ Срав. разсужденіе Pota Ueber den Atharva-Veda. Tübingen. 1856.

⁵⁾ Срав. Whitney's Oriental and linguistic Studies, стр. 16.

на слѣдующій стихъ изъ этой послѣдней (I, 4, 2, 3, 10): *ṛsañ sâma yasâmahe yâbhyâm karmâni kṛnvate, vi te sadasi rāgato yaḡnam deveshu vakshataḥ*, т. е. „мы почитаемъ стихъ *ṛc* и стихъ *sâman*, пособіемъ которыхъ совершаются жертвоприношенія; оба они властвуютъ у алтаря, оба да ведутъ къ богамъ жертву,“ ⁶⁾ Мы видимъ, что *yaḡus* (жертвенная формула, жертвенное изреченіе) здѣсь вовсе не упоминается, между тѣмъ какъ стихи—*ṛc* и пѣсни—*sâman* являются уже принадлежностью жертвоприношенія. Ригведа часто говоритъ о пѣснопѣніяхъ *sâman* (рядомъ съ *ṛc* напр. въ ст. 5, 44, 14), а слово *yaḡus* въ значеніи жертвенной формулы встрѣчается здѣсь лишь въ позднемъ гимнѣ 10, 90. Но болѣе новое происхожденіе Яджурведы указывается, помимо того, самымъ содержаніемъ этого сборника. Яджурведа получила названіе отъ жертвенныхъ формулъ (*yaḡus*), которыя обязаны своимъ существованіемъ сильному развитію религіозной обрядности. Происхожденіе этихъ формулъ относится не къ эпохѣ созданія древнихъ гимновъ, но къ болѣе позднему времени, когда ритуаль сталъ получать все большее и большее значеніе въ богопочитаніи и когда сословіе жрецовъ (уже выдѣлившееся) поставило себѣ задачей регулировать религіозную обрядность и развить ее до мелочей. Такимъ образомъ назначеніе Яджурведы исключительно литургическое; отдѣльныя жертвенныя изреченія часто не имѣютъ внутренней связи между собою, и эта связь можетъ быть понята лишь по отношенію къ ритуалу, съ которымъ мы знакомимся изъ комментарія къ тексту, а равно изъ браһманъ и сутръ. Яджурведа, отличающаяся обиліемъ школъ, ⁷⁾ передана въ двухъ текстахъ, которые разнятся одинъ отъ другаго главнымъ образомъ не содержаніемъ, но расположеніемъ матеріала. Одинъ изъ этихъ текстовъ пазывается Бѣлою Яджурведою, а другой Черною; санһита перваго носитъ имя: *Vāḡasaneyi-saṃhitā*, ⁸⁾ а санһита втораго: *Taittirīya-saṃhitā*. ⁹⁾ Что касается

⁶⁾ Срав. въ Аथарваведѣ 7, 54, 1, гдѣ, между прочимъ, вмѣсто *vakshataḥ* читается *yaschataḥ*, т. е. «оба они доставляютъ (изъявит. накл.) къ богамъ жертву». Въ стихѣ, который слѣдуетъ за этимъ, упоминается и *yaḡus*.

⁷⁾ Это обстоятельство вполнѣ понятно, такъ какъ жертвенный ритуаль въ его подробностяхъ было не вездѣ одинъ и тотъ же.

⁸⁾ См. *The Vāḡasaneyi—saṃhitā*, edited by A. Weber. Berlin. 1852.

⁹⁾ См. *Indische Studien*, томы XI и XII, (1871 и 1872; гр.): *Die Taittirīya—saṃhitā*, herausgegeben von A. Weber. Текстъ изданъ здѣсь въ транскрипціи. Часть этой санһиты, вмѣстѣ съ комментаріемъ, была издана уже прежде въ Калькуттѣ въ *Bibliotheca Indica* (деванатарскій шрифтъ).

словъ *vâḡasaneyin* (или *vâḡasaneya*) и *taittiriya*, то въ нихъ должно видѣть *ratnagumisa*, обозначающія извѣстныя школы; названія же „Бѣлая“ и „Черная“ объясняются Веберомъ ¹⁰⁾ изъ расположенія матеріала: Бѣлая Яджурведа строго отдѣляетъ самыя изреченія и стихи отъ объясненія, приложеннаго къ нимъ, между тѣмъ какъ въ Черной жертвенныя формулы по большей части непосредственно сопровождаются догматическими объясненіями, указаніями на ритуаль и т. д.

Жертвенныя формулы, или *yaḡus* въ собственномъ смыслѣ, составляютъ половину содержанія Яджурведы (т. е. ея *saṁhitā*) и имѣютъ форму прозаическую, которую, впрочемъ, можно назвать иногда ритмическою прозою. Кромѣ этихъ прозаическихъ *yaḡus* Яджурведа заключаетъ въ себѣ также много стиховъ, *ṛc*, наибольшую часть которыхъ мы находимъ въ Ригведѣ; но въ Яджурведѣ каждый стихъ получаетъ значеніе жертвенной формулы и связывается съ тою или другою частью жертвеннаго обряда. Стихи, общіе Яджурведѣ съ Ригведою, представляютъ не рѣдко варианты, число которыхъ, впрочемъ, не столь значительно, какъ при сравненіи Самаведы съ Ригведою, да и при томъ по своему второстепенному характеру они не имѣютъ для насъ того интереса, какъ эти послѣдніе. Относительно прозаическихъ *yaḡus* я думаю, что однѣ изъ этихъ жертвенныхъ формулъ создавались вновь по мѣрѣ развитія обрядоваго культа, другія же представляли въ основѣ своей обломки старыхъ стиховъ (*ṛc*), приуроченные къ той или другой части жертвеннаго обряда. Подобнымъ же образомъ объясняю я ниже составъ Стобһы (*Stobha*), примыкающей къ Самаведѣ.

Совершенно своеобразную теорію касательно *yaḡus* и ихъ отношенія къ гимнамъ высказалъ Гаугъ (*Haug*) въ Введеніи къ своему изданію одной изъ браһманъ Ригведы, именно *Aitareya—Brāhmaṇa*. ¹¹⁾ По мнѣнію Гауга, жертвенныя формулы—*yaḡus* и тѣ краткія обращенія къ богамъ, которыя мы встрѣчаемъ въ браһманахъ и сутрахъ подъ именемъ *nivid*, предшествовали по времени своего созданія гимнамъ и отличаются, слѣдовательно, особенно глубокою древностію. Изъ гимновъ Гаугъ считаетъ наиболѣе древними тѣ, которые связаны съ жертвоприношеніемъ, между тѣмъ какъ другіе,

¹⁰⁾ *Akademische Vorlesungen über indische Literaturgesch—ichte* (Berlin. 1852), стр. 83 и 99.

¹¹⁾ *Aitareya—Brāhmaṇam of the Rīg-Veda*. Edited, translated and explained by Martin Haug. Bombay. 1863. См. основательные разборы этого изданія въ *Indische Studien*, т. IX, стр. 177—380. Срав. также Макса Мюллера *Essays*, т. I, стр. 94—105.

выражающіе просто поэтическое міровоззрѣніе или прославленіе боговъ, онѣ относятъ ко временамъ болѣе позднимъ. Я не могу входить здѣсь въ подробный разборъ этой теоріи, противорѣчащей общепринятому въ наукѣ мнѣнію, но долженъ замѣтить, что какихъ-нибудь убѣдительныхъ доказательствъ Гаугъ не представилъ въ пользу своего взгляда. Противъ него говоритъ уже прозаическая форма *yağus* и *nivid* (хотя бы мѣстами эта проза и была ритмическою), между тѣмъ какъ у народовъ индо-европейскихъ поэтическія произведенія всегда предшествовали прозаическимъ, что и было замѣчено противъ Гауга Максомъ Мюллеромъ. Относительно краткихъ обращеній къ богамъ, извѣстныхъ подъ именемъ *nivid*, должно быть принято во вниманіе и то, что сама традиція не придавала имъ особенно священнаго значенія, вслѣдствіе чего мы не имѣемъ даже отдѣльнаго текста, въ которомъ онѣ были бы собраны. Естественно предположить поэтому, что и *nivid* произошли, по крайней мѣрѣ, отчасти, изъ обломковъ старыхъ гимновъ, подобно *yağus*. Само собою разумѣется, что нѣкоторые краткія обращенія къ богамъ съ мольбою принять участіе въ жертвѣ могли быть созданы въ очень древнее время, и слово *uktha* въ Ригведѣ я понимаю именно въ значеніи жертвеннаго изреченія,¹²⁾ но отсюда далеко еще до той теоріи, выставляемой Гаугомъ, по которой исходнымъ пунктомъ всей устной литературы служить жертва и связанныя съ нею краткія изреченія, или формулы. Съ такою теоріею я не согласенъ въ принципѣ: не обрядъ и не жертва были первою ступенью въ развитіи богослуженія, но словесное богопочитаніе, гимнъ. Гимны, какъ прославленія боговъ и мольбы къ нимъ, произошли въ свою очередь изъ тѣхъ лирическихъ произведеній, которыя выражали воззрѣніе человѣка на окружавшій міръ, его удивленіе и страхъ передъ силами и явленіями природы, облекавшимися въ тотъ или другой осязательный образъ, и мольбы обращенныя къ этой видимой природѣ, а не къ богамъ, которые еще не существовали. Такимъ образомъ жертвенные гимны и жертвенныя формулы должны были имѣть передъ собою длинный рядъ гимновъ совершенно инаго характера, и самая жертва, у народовъ индо-европейскихъ, по крайней мѣрѣ,¹³⁾ явилась послѣ славословія

¹²⁾ Мы не знаемъ, однако, на сколько совпадали эти *uktha* съ позднѣйшими *yağus*. Срав. объ *uktha* сказанное мною ниже.

¹³⁾ Я намеренно ограничиваю свое положеніе индоевропейскими народами, такъ какъ не могу входить здѣсь въ подробное разсмотрѣніе этого вопроса по отношенію къ другимъ народностямъ.

и молитвы. Въ подтвержденіе этого мы имѣемъ факты, представляемые языкомъ. Въ эпоху совмѣстной жизни индо-европейское племя, вѣроятно, не знало еще жертвы, ¹⁴⁾ хотя устная поэзія, несомнѣнно, существовала (какъ это доказывается сравнительной мѣологіей), и вотъ позднѣе, когда отдѣльные индо-европейскіе народы получили надобность въ новомъ словѣ для выраженія новаго понятія, они обратились или къ словамъ, выражавшимъ „дѣйствіе“ (жертвоприношеніе какъ священное дѣйствіе, или дѣйствіе *κατ' ἑξοχήν*), или къ тѣмъ, первоначальное значеніе которыхъ было „закалыванье“, „возліяніе“ и т. д. (смотря по роду жертвы), или же къ другимъ, уже употреблявшимся въ значеніи богопочитанія, и при томъ именно словеснаго, такъ какъ лишь этотъ видъ богослуженія былъ до тѣхъ поръ извѣстенъ. Однимъ изъ убѣдительныхъ примѣровъ можетъ служить сскр *yağna*, обыкновенное впоследствии слово для выраженія жертвоприношенія. Въ этомъ же значеніи употребляется *yağna* и въ Ведахъ, но, кромѣ того, оно значить тамъ также „славословіе, гимнъ“. Нельзя думать, конечно, что значеніе „славословіе“ произошло изъ значенія „жертвоприношеніе“, ибо въ такомъ случаѣ было бы непонятно, почему позднѣйшій языкъ удержалъ лишь послѣднее изъ этихъ значеній и совершенно утратилъ первое. Корень, лежащій въ *yağna*, есть *yağ* „читать“, откуда сскр. глаголь *yağ* и греческ. *ἄζομαι, ἀγίζω*. Можно предположить поэтому, что *yağna* сохраняетъ въ Ведахъ общее значеніе: „богопочитаніе“, точно такъ же какъ и глаголь *yağ*, позднѣе „приносить жертву“, здѣсь значить еще вообще „читать боговъ“ какъ гимнами, такъ и жертвою. Совершенно то же находимъ мы и въ языкѣ Авесты, гдѣ *yağ* (=сскр. *yağ*) выражаетъ „читать боговъ“ славословіемъ или жертвою, а *yaşna* (откуда и названіе одной изъ частей Авесты), подобно *yağna* въ Ведахъ, удерживаетъ оба значенія: „славословіе“ и „жертвоприношеніе“. Итакъ, несомнѣнно, что жертвоприношеніе было извѣстно уже въ ту эпоху, когда племена индійскія составляли одно цѣлое съ племенами эранскими, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, ясно видно, что какъ въ этомъ періодѣ, такъ и позднѣе, по раздѣленіи индо-эранскаго народа, въ значеніи „приносить жертву“, „жертва“ употреблялись слова, примѣнявшіяся также къ гимнамъ, или славословіямъ. Очевидно, что этотъ фактъ, добытый изъ языка, никакъ не можетъ служить осно-

¹⁴⁾ По крайней мѣрѣ, не сохранилось никакихъ свидѣтельствъ объ этомъ. Срав. Фика Die ehemalige Spracheinheit der Indogeramanen Europas, стр. 276.

ваніемъ для теоріи Гауга. Гораздо скорѣе можемъ мы согласовать его съ нашимъ взглядомъ, по которому жертва явилась позже молитвословія. Коль скоро извѣстное слово употребляется въ двухъ значеніяхъ, изъ которыхъ одно все больше и больше уступаетъ другому и, наконецъ, исчезаетъ совсѣмъ, мы, руководясь общимъ правиломъ, судимъ такъ, что это исчезнувшее значеніе было болѣе древнимъ, сравнительно съ тѣмъ, которое его вытѣснило. Такимъ образомъ надо полагать, что и слова *yaú*, *yaú'na* (др. багтрийск. *уаз*, *уаспа*) выражали сначала богопочитаніе, проявлявшееся въ произнесеніи гимновъ, а затѣмъ, удерживая этотъ смыслъ, онѣ стали примѣняться и къ тому религіозному дѣйствію, которое соединилось съ славословіемъ и молитвой; наконецъ, съ теченіемъ времени, это религіозное дѣйствіе, т. е. жертвоприношеніе, приобрѣло такую важность, что гимны и молитвы представлялись лишь сопровождавшими его и, слѣдовательно, второстепенными въ томъ, для обозначенія чего существовали слова *yaú* и *yaú'na*.

Другой примѣръ, показывающій развитіе жертвы изъ гимна, или славословія, я беру изъ языковъ литовско-славянскихъ. Въ настоящее время вопросъ о степеняхъ родства между отдѣльными индоевропейскими языками представляется особенно запутаннымъ, но вполне вѣрнымъ можно считать такое же близкое отношеніе другъ къ другу языковъ литовско-славянскихъ, какъ и арійскихъ (т. е. индо-эранскихъ). Я не сомнѣваюсь въ томъ, что старославянск. *жръти* (или *жърти*, *жртти*), т. т. общеславянск. *жрти* (и выражаетъ звукъ долгій), получило свое значеніе уже по отдѣленіи славянскихъ языковъ отъ литовскихъ, ибо литовск. *girtì* (прусск. *girtwei*) значитъ „славить“, „хвалить“; корень этихъ словъ есть *gar* „звучать“ ¹⁵⁾ (срав. греч. *γῆρος*, ст. слав. *глаголь* и т. д.), и сюда же принадлежатъ сскр. и др. багтр. *gar* „славить“ (по санскритски *gar*, *gr̥nāti*, значитъ также „звать“). Такимъ образомъ, этимологія слова *жръти*, давно уже выставленная, ¹⁶⁾ служить новымъ подтвержденіемъ нашей теоріи объ отношеніи жертвы къ славословію и молитвѣ.

Подобно Яджурведѣ, Самаведа имѣетъ также исключительно литургическое назначеніе, и въ этомъ отношеніи Яджурведа и Самаведа должны быть противопоставлены Ригведѣ.

¹⁵⁾ Переходъ *a* въ *i*, черезъ посредство *e*, произошелъ въ *gig*— въ литовско-славянскую эпоху.

¹⁶⁾ Срав. Миклошича *Lexicon*, подъ словомъ *жртти*.

Ригведа, ¹⁷⁾ самая обширная изъ всѣхъ Ведъ (1028 гимновъ, болѣе десяти съ половиною тысячъ стиховъ) и наиболѣе интересная для насъ, можетъ быть названа Ведой по преимуществу. Сборникъ Ригведы самъ въ себѣ заключалъ свою цѣль: составители его руководились желаніемъ предохранить гимны отъ порчи или забвенія и вовсе не имѣли въ виду цѣлей литургическихъ; на это указываетъ какъ объемъ сборника, такъ и разнообразный характеръ его гимновъ, изъ которыхъ иные не имѣютъ отношенія къ богочитаію. Въ позднѣйшей практикѣ произнесеніе священныхъ гимновъ Ригведы было также соединено съ отправленіемъ обрядовъ жертвоприношенія (какъ и произнесеніе *yağus* и *sāman*) и лежало на обязанности жреца хотара ¹⁸⁾ но не въ этомъ состояло первоначальное назначеніе сборника.

Ригведа (*ṛgveda*), получившая свое названіе отъ *ṛs* „стихъ“, преимущественно „хвалебный“, (собственно „восхваленіе, прославленіе“), дѣлится на десять книгъ, называемыхъ *maṇḍala* (собств. „кругъ“, „циклъ“). ¹⁹⁾ Гимны, входящіе сюда, принадлежатъ по времени составленія разнымъ эпохамъ и представляютъ поэтому различія какъ въ характерѣ, такъ и въ языкѣ. Понятно, что составители сборника Ригведы не могли руководиться при расположеніи гимновъ болѣею или меньшею ихъ древностію, ибо такого рода критерій былъ невозможенъ въ эпоху, отдаленную вѣками отъ времени появленія этихъ гимновъ. Мы видимъ, что, за исключеніемъ первой, девятой, десятой и частію восьмой книгъ, гимны Ригведы расположены такимъ образомъ, что каждая мандала содержитъ въ себѣ исключительно или преимущественно стихи, приписываемые либо одному автору, т. е. извѣстному вдохновенному мудрецу—*ṛshi*, либо членамъ одного и того же рода. Такъ, вторая мандала имѣетъ почти исключительно гимны Гритсамады (*Gṛtsamada*), третья—гимны Вишвамित्रы (*Viśvāmitra*) и его потомковъ,

¹⁷⁾ Впервые былъ изданъ отрывокъ изъ Ригведы Розеномъ въ 1830 году (*Rig-Vedae Specimen*), а восемь лѣтъ спустя явилась въ его же изданіи вся первая аштака Ригведы съ латинск. переводомъ и примѣчаніями (*Rigveda-Sanhita, liber primus, sanskrita et latine*. London. 1838). Съ 1849 года начато Максимъ Мюллеромъ роскошное изданіе Ригведы и комментарія къ ней Саяны (Лондонъ), но, кромѣ того, мы имѣемъ текстъ всей Ригведы въ транскрипціи въ изданіи Ауфрехта (*Indische Studien*, томы VI и VII).

¹⁸⁾ Жертвенныя формулы *yağus* произноситъ жрецъ *adhvaṇu*; это слово часто встрѣчается еще въ Ригведѣ.

¹⁹⁾ По другому, чисто внѣшнему дѣленію Ригведа имѣетъ восемь аштакъ (*aṣṭaka*), т. е. восемь восьмыхъ частей.

четвертая—гимны Вамадевы (Vāmadeva), пятая—гимны Атри (Atri) и его потомковъ, шестая—гимны Бһарадваджи (Bharadvāja) и потомковъ, седьмая—гимны Васишты (Vasishtha) и потомковъ. Восьмая мандала заключаетъ въ себѣ много гимновъ, принадлежащихъ потомкамъ Канвы (Kāva), но рядомъ съ ними стоятъ также гимны и другихъ лицъ. Само собою разумѣется, что подъ этими именами мы не обязаны разумѣть дѣйствительныхъ авторовъ гимновъ; позднѣйшая традиція могла связать извѣстные стихи, для приданія имъ большаго авторитета, съ именемъ того или другаго изъ древнихъ ṛshi, а иногда авторами стиховъ называются даже прямо боги (особенно часто въ десятой мандалѣ)²⁰⁾. Нельзя упускать изъ виду и того, что списокъ авторовъ не переданъ въ самомъ сборникѣ гимновъ, но извѣстенъ намъ изъ оглавленія (Anukramikā), составленнаго позднѣе и примыкающаго къ литературѣ Ригведы. Въ большинствѣ случаевъ указаніе на того или другаго ṛshi или его родичей должно быть понимаемо, конечно, такъ, что извѣстные гимны сохранялись въ памяти такого-то рода;²¹⁾ можетъ быть даже, первоначально каждый изъ этихъ родовъ имѣлъ свое собраніе гимновъ, которое и вошло потомъ, какъ составная часть, въ сборникъ Ригведы. Что касается книгъ первой, девятой, десятой и частію восьмой, то онѣ содержатъ въ себѣ гимны, приписываемые разнымъ авторамъ (членамъ разныхъ родовъ). Относительно десятой книги мы не можемъ сомнѣваться въ томъ, что она прибавлена позднѣе, ибо на это указываетъ характеръ значительной части гимновъ, входящихъ сюда²²⁾; многіе изъ нихъ, какъ замѣчено выше, являются также и въ Аथарваведѣ. Первая книга Ригведы, хотя и разнится отъ слѣдующихъ шести въ томъ, что соединяетъ въ себѣ стихи, приписываемые лицамъ различныхъ родовъ, имѣетъ, однако, тотъ же планъ расположенія гимновъ (за исключеніемъ послѣднихъ, припи-

²⁰⁾ По позднѣйшему богословскому воззрѣнію, ведійскіе гимны воспринимались вдохновенными риши какъ откровеніе. Это воспріятіе божественнаго откровенія выражалось технически глаголомъ «видѣть» (darṣ). А между тѣмъ въ самыхъ гимнахъ авторъ говоритъ иногда, что онъ сдѣлалъ или смастерилъ (takṣh) такой-то стихъ, какъ плотникъ дѣлаетъ колесницу (RV. 1, 130, 6; 5, 2, 11), или какъ дѣлаютъ прекрасную одежду (5, 29, 15) и т. д.

²¹⁾ Любопытно, что въ числѣ авторовъ гимновъ называется нѣсколько женщинъ, откуда можно заключать о болѣе высокомъ положеніи женщины въ эту эпоху сравнительно съ тѣмъ, какое выпало на ея долю съ установленіемъ брахманскаго строя жизни.

²²⁾ Сюда принадлежатъ, напр., гимны спекулятивнаго содержанія: о происхожденіи міра, о божествѣ, представляемомъ абстрактно, и т. д.

сываемыхъ Агастѣхъ, Agastya), по которому въ каждой группѣ, принадлежащей извѣстному ṛshi или роду, начальные гимны обращены къ Агни, слѣдующіе къ Индрѣ, а затѣмъ уже идутъ стихи, посвященные другимъ божествамъ. Это обстоятельство позволяетъ намъ видѣть въ семи первыхъ книгахъ Ригведы одну и ту же редакцію, но трудно сказать, принадлежали ли къ первоначальному собранію также и двѣ слѣдующія книги. Вопросъ не въ томъ, конечно, когда были созданы гимны, помѣщенные въ этихъ двухъ книгахъ, но лишь въ томъ, были ли они включены въ первоначальную редакцію Ригведы. Что касается девятой мандалы, то она содержитъ въ себѣ исключительно гимны, посвященные Сомѣ свѣтло текущему (Pavamāna Soma), почему и носить названіе Pāvamānuyas (т. е. ṛsas). Понятно, что здѣсь не могъ быть принятъ тотъ порядокъ расположенія гимновъ, который мы видимъ въ семи первыхъ книгахъ, но это-то обстоятельство и позволяетъ намъ сомнѣваться въ первоначальной принадлежности девятой книги къ сборнику Ригведы. Стихи, посвященные Сомѣ свѣтло текущему (или процѣживающемуся), по самому существу своему принадлежатъ къ стихамъ жертвеннымъ, и это соединеніе въ одной книгѣ гимновъ, однородныхъ по сюжету, и при томъ жертвенныхъ, противорѣчитъ общему плану Ригведы, принятому во всѣхъ остальныхъ книгахъ, включая сюда и десятую. Почти половина стиховъ, составляющихъ девятую мандалу, является также и въ томъ литургическомъ сборникѣ, который носитъ названіе Самаведы, но здѣсь эти стихи стоятъ въ другомъ порядкѣ и связаны не единствомъ содержанія, но отношеніемъ къ ритуалу. Изъ числа остальныхъ стиховъ Самаведы, встрѣчающихся въ сборникѣ Ригведы, почти двѣ трети мы находимъ въ восьмой книгѣ этого послѣдняго. Такимъ образомъ девятая и восьмая мандалы Ригведы имѣютъ для насъ особенное значеніе по связи съ Самаведою и представляются вмѣстѣ съ тѣмъ почти одинаково неясными по отношенію къ первымъ семи мандаламъ. Гимны восьмой мандалы не имѣютъ, правда, того единства сюжета, какъ гимны девятой, и посвящены различнымъ божествамъ, но мы не видимъ здѣсь того плана расположенія стиховъ, какой извѣстенъ намъ изъ семи первыхъ мандаль. При этомъ должно замѣтить, что какъ девятая книга имѣетъ свое специальное названіе, Pāvamānuyas, такъ и восьмая носить имя: Pragāthās (мн. ч.) ²³⁾,

²³⁾ Pragātha (ед. ч.) есть названіе извѣстнаго рода строфъ; по корню это слово указываетъ, конечно, на gā «пѣть».

между тѣмъ какъ для остальныхъ книгъ не существуетъ особыхъ названій. Итакъ, очень возможно, что восьмая и девятая мандалы не одновременны по редакціи съ первыми семью, хотя при настоящемъ положеніи вопроса нельзя еще утверждать этого положительно. Что касается отношенія этихъ мандалъ къ Самаведѣ, то когда бы ни послѣдовало ихъ присоединеніе къ семи первымъ книгамъ Ригведы, самые гимны, заключающіеся здѣсь, были извѣстны задолго до составленія сборника Самаведы.

Я сказалъ выше, что назначеніе Самаведы исключительно литургическое: она содержитъ въ себѣ стихи, которые пѣлись при жертвоприношеніи Сомы. Что касается культа Сомы, то начала его восходятъ къ эпохѣ индо-эранской, какъ это видно изъ сравненія сскр. soma съ др. бактр. haoma, но болѣе полное развитіе этотъ культъ получилъ по раздѣленіи арійскаго (т. е. индо-эранскаго) племени, и при томъ преимущественно въ Индіи. Слово soma, собственно „экстрактъ“ (отъ su „выжимать сокъ“), обозначаетъ сокъ изъ растенія *Asclepias acida* (или изъ другаго, близкаго къ нему), который при броженіи получаетъ нѣсколько наркотическія свойства; др. бактр. haoma было перенесено на самое растеніе, изъ котораго добывался такой сокъ. Происхожденіе культа Сомы объясняется такимъ образомъ, что человѣкъ, замѣтивъ опьяняющее дѣйствіе этого сока, приписалъ ему божественную силу, вслѣдствіе чего Сомы обратился въ бога, а добываніе его стало священнымъ дѣйствіемъ. Сомы служитъ пріятною жертвою для боговъ, преимущественно для Индры, который, вдохновившись этимъ напиткомъ, совершаетъ свои подвиги: убиваетъ змѣя и освобождаетъ небесныя воды. Кромѣ девятой мандалы, исключительно посвященной Сомѣ, другія книги Ригведы также содержатъ въ себѣ гимны въ честь Сомы, а указанія на этотъ культъ встрѣчаются очень часто во всѣхъ мандалахъ. Такимъ образомъ несомнѣнно, что жертвоприношеніе Сомы было извѣстно уже въ эпоху составленія старыхъ гимновъ, и древностью этого обряда должно объяснять то обстоятельство, что цѣлая книга Ригведы посвящена исключительно Сомѣ. Но эти гимны вовсе не предполагаютъ сильнаго развитія обрядности, между тѣмъ какъ сборникъ Самаведы обязанъ своимъ происхожденіемъ той эпохѣ, когда ритуаль жертвоприношенія Сомы былъ регулированъ, и когда стихи, употреблявшіеся при этомъ священнодѣйствіи, получили новый, символическій характеръ, по связи съ тою или другою частью обряда.

Понятно, что Самаведа, состоящая почти исключительно изъ

стиховъ Ригведы, расположенныхъ только въ иномъ порядкѣ, очень часто безъ внутренней связи, не можетъ представлять для насъ самостоятельнаго интереса и важна именно по отношенію къ Ригведѣ. Число всѣхъ стиховъ Самаведы, извѣстныхъ намъ въ настоящее время, простирается въ нашей редакціи до 1874 ²⁴⁾. Если мы исключимъ изъ этого числа тѣ стихи, которые повторяются въ Самаведѣ, то получимъ 1602 стиха, и изъ нихъ только 92 не встрѣчаются въ Ригведѣ. Я говорилъ уже о томъ, что преимущественно девятая и восьмая мандалы Ригведы содержатъ въ себѣ стихи, находимые нами въ Самаведѣ, но, кромѣ того, мы имѣемъ здѣсь также извлеченія и изъ другихъ книгъ Ригведы. Что касается стиховъ, принадлежащихъ исключительно Самаведѣ, то они по большей части ничѣмъ не отличаются отъ остальныхъ; отсутствіе ихъ въ Ригведѣ можетъ быть объясняемо или неполнотою этой послѣдней, какъ сборника всѣхъ гимновъ, или же неполнотою той редакціи ея, которая намъ извѣстна ²⁵⁾.

Изъ сравненія текстовъ обѣихъ Ведъ оказывается, что стихи Ригведы являются въ Самаведѣ по большей части съ вариантами, которые нерѣдко представляютъ здѣсь чтеніе болѣе древнее, чѣмъ въ Ригведѣ; въ этомъ заключается чрезвычайно важное значеніе Самаведы для критики ведійскихъ текстовъ, и потому весьма желательно было бы имѣть тщательный разборъ всѣхъ этихъ вариантовъ. Но что должны мы думать, на основаніи этого обстоятельства, о взаимномъ отношеніи редакцій Ригведы и Самаведы? Бенфей въ Введеніи къ своему изданію Самаведы высказалъ по этому поводу слѣдующее предположеніе: ²⁶⁾ *Es scheint mir ganz im Geiste solcher heiligen Schriften und der Art ihrer Entstehung zu liegen, dass, wenn einmal der SV. aus einer älteren Recension des RV. in der uns vorliegenden Gestalt fixirt war, nichts weiter daran geändert wurde, während es sehr gut geschehen konnte, dass an die Stelle der ältern RV.—Rec. durch Hinzutritt neuer Hülfsmittel eine neue Rec. trat, deren Charakter im Einzelnen alsdann völlig ohne Einfluss auf den SV. blieb.* Нужно замѣтить при этомъ, что текстъ Ригведы былъ фиксированъ ²⁷⁾ очень давно, и что въ самыхъ древнихъ произве-

²⁴⁾ Я считаю здѣсь какъ отдѣлъ *Āraṇyaka*, такъ и стихи *Mahānāmnyas*.

²⁵⁾ Мы имѣемъ Ригведу въ редакціи школы *Śakalakās*, но встрѣчаемъ нѣкоторыя указанія и на школу *Bāshkalās*, съ текстомъ которой мы не знакомы.

²⁶⁾ *Die Hymnen des Sāma-Veda, Einleitung, XXVIII.*

²⁷⁾ Я не касаюсь здѣсь труднаго вопроса, какимъ образомъ была установлена редакція Ведъ, при помощи ли письма, или посредствомъ устной передачи. Максъ Мюл-

деніяхъ, гдѣ только приводятся изъ нея цитаты, онѣ являются всегда въ той формѣ, какую имѣютъ и теперь въ Ригведѣ; такимъ образомъ установленіе текста Самаведы должно было произойти во времена еще болѣе отдаленныя. Очевидно, однако, что взаимное отношеніе редакцій Ригведы и Самаведы можетъ быть понимаемо иначе: сборникъ Самаведы могъ быть составленъ тогда, когда еще не было предпринято собраніе гимновъ „*ṛgveda-saṃhitā*“, и въ доказательство этого можно было бы сослаться на болѣшую древность чтеній, представляемыхъ Самаведою. Нѣтъ сомнѣнія, что на основаніи имѣющихся данныхъ вопросъ о взаимномъ отношеніи по времени происхожденія редакцій Ригведы и Самаведы не можетъ быть окончательно выясненъ; но во всякомъ случаѣ было бы произвольно предполагать вмѣстѣ съ Бенфеемъ, что въ основу Самаведы легла извѣстная редакція Ригведы, хотя бы и болѣе древняя, чѣмъ та, какую мы знаемъ. Я думаю, что когда бы ни произошло составленіе сборника Самаведы, раньше или позже Ригведы, оно не имѣло отношенія къ редакціи этой послѣдней. Стихъ *sāman* по звуковой своей сторонѣ (не музыкальной) былъ тождественъ первоначально съ стихомъ *ṛc*, но задолго до составленія сборниковъ Ведъ были извѣстны уже эти два вида словеснаго богопочитанія: стихъ и пѣснопѣніе; срав. RV. 8, 27, 5 (*ṛc....gir*)²⁸, 8, 81, 19 (*gir.... arka*), 1, 7, 1 (*gāthinas.... arkinas*), 1, 10, 1 (*gāyanti.... arcanti*), 6, 45, 4 (*arcata gra sa gāyata*) и т. д. Что касается пѣснопѣній *sāman*, которыя отличались отъ *gāyatra* (RV. 8, 16, 9) и издревле сопровождали жертвоприношеніе Сомы, то онѣ не рѣдко упоминаются въ Ригведѣ (напр.: 1, 62, 2; 1, 173, 1; 1, 107, 2; 2, 43, 1 и 2; 5, 44, 14; 8, 16, 9 и т. д.), гдѣ приводятся даже спеціальныя названія нѣкоторыхъ изъ *sāman*: *ratham̐tara* (1, 164, 25,²⁹) а также въ позднѣе прибавленной десятой книгѣ 181, 1) и, можетъ быть, *bṛhat* (8, 55, 1; 8, 78, 1) = *sāma bṛhat* (8, 87, 1). Потребность въ сборникѣ Самаведы явилась тогда, когда ритуаль уже значительно

леръ (History of ancient Sanskrit Literature) думаетъ, что даже брахманы составлены безъ пособія письма, но срав. возраженія Whitney'a (Oriental and Linguistic Studies: Müller's History of Vedic Literature) и его гипотезу, которая кажется мнѣ очень правдоподобною.

²⁸) *Gir* значитъ собственно «прославленіе» (отъ *gar* «славить»), но обыкновенно это слово можетъ быть переводимо «хвалебная пѣснь». Тамъ, гдѣ *gir* отличается отъ *ṛc* или *arka*, такой переводъ мнѣ кажется несомнѣннымъ. Первоначально *ṛc* и *gir* выражали, конечно, одно и то же.

²⁹) Этотъ гимнъ, безъ сомнѣнія, принадлежитъ къ числу позднихъ.

усложнился, и когда число *sāmap* на столько возросло, что явилась надобность регулировать ихъ употребленіе. Но понятно, не было никакой необходимости обращаться при этомъ къ санхитѣ Ригведы, еслибъ даже она и существовала; стихи *sāmap* вошли въ Самаведу въ той звуковой формѣ, какую имѣли они, а не соответствующіе имъ стихи *ṛc*. Первоначально, какъ я уже сказалъ, тѣ и другіе были тождественны въ этомъ отношеніи, но издревле существовавшее употребленіе извѣстныхъ стиховъ въ качествѣ *sāmap* (при жертвоприношеніи Сомы) должно было вызвать то явленіе, что одинъ и тотъ стихъ могъ являться съ теченіемъ времени въ разныхъ видахъ (я говорю только о звуковой сторонѣ), смотря по тому, былъ ли онъ *sāmap*, или же нѣтъ. Легко предположить также, что стихи *sāmap* вслѣдствіе своего литургическаго назначенія, подчинявшіеся всегда извѣстному контролю, были болѣе предохранены отъ звуковыхъ измѣненій, чѣмъ тѣ же самые стихи въ формѣ *ṛc*, какъ составныя части извѣстнаго гимна, бывшаго въ живомъ употребленіи. Такимъ образомъ я думаю, что на основаніи текстовъ Ригведы и Самаведы нельзя ничего сказать о томъ, который изъ этихъ сборниковъ былъ составленъ прежде, такъ какъ оба они произошли независимо другъ отъ друга ³⁰⁾; еслибъ было даже доказано, что редакція Ригведы, въ той самой формѣ, какъ мы ее знаемъ, предшествовала редакціи Самаведы, то и тогда архаизмы послѣдней не показались бы намъ удивительными, въ виду только что сказаннаго мною о различной судьбѣ одного и того же стиха. Во избѣжаніе недоразумѣній, считаю нужнымъ повторить, что здѣсь рѣчь идетъ о редакціи этихъ сборниковъ, а не о времени происхожденія мантръ Ригведы и Самаведы. Въ послѣднемъ отношеніи Самаведа, безъ всякаго сомнѣнія, восходитъ къ Ригведѣ, ибо стихи *sāmap* произошли, какъ мы видѣли, вслѣдствіе литургическаго примѣненія извѣстныхъ *ṛc* къ жертвоприношенію Сомы. Я долженъ замѣтить также, что, говоря объ отношеніи Самаведы къ Ригведѣ, я разумѣю тотъ текстъ первой изъ нихъ, въ которомъ *sāmap* освобождены отъ измѣненій, какимъ они подвергаются при пѣніи (см. ниже), или, другими словами, я разумѣю *libretto* пѣснопѣній *sāmap*.

Мантры Самаведы переданы въ формѣ стиховъ и изреченій и въ музыкальной формѣ пѣснопѣній. Собственно говоря, подъ Самаведою должно разумѣть лишь этотъ послѣдній видъ мантръ, такъ какъ словомъ *sāmap* обозначается стихъ или изреченіе въ той

³⁰⁾ На возможность такого объясненія указываетъ и Бенфей, *ibid*.

формѣ, какъ ихъ должно пѣть: „gītīrūpāḥ mantrāḥ sāmāni“. ³¹⁾ Жрецъ, на обязанности котораго лежитъ пѣніе мантръ Самаведы при жертвоприношеніяхъ, называется udgātar „пѣвецъ“, и уже въ Ригведѣ (2, 43, 2) мы читаемъ: udgāteva.... sâma gâyasi, „будто udgātar, ты поешь стихъ sâman“; другое названіе для пѣвца стиховъ sâman, sâmagâ, употреблено въ томъ же гимнѣ, въ первомъ стихѣ. Но если значеніе слова sâman совершенно ясно, то этимология его была загадочна уже для индійскихъ ведистовъ, и на ихъ попытки объяснить происхожденіе этого слова ³²⁾ мы не можемъ смотрѣть серьезно. Я думаю, что корень sâman лежитъ въ sap, и sâman образовано отсюда точно такъ же, какъ, напр., vâma „милый, прекрасный“, изъ * vanpa, отъ корня van (см. Словарь Бётлингга и Рота подъ словомъ vâma) или vâma „лѣвый“, изъ * vanpa, съ котор. срав. др. саксонск. и др. верхненѣмецк. win-istar „лѣвый“. При глаголѣ sap существовала болѣе краткая форма sâ (какъ tâ изъ tan и т. п.), отъ которой мы и могли бы выводить слово sâman; но необходимости въ этомъ нѣтъ, и я предпочитаю объясненіе sâman изъ полной формы sap. Первоначальное значеніе sap было „чититъ“ (срав. др. бактр. hap „быть достойнымъ“, ст. слав. *санѣ*), ³³⁾ затѣмъ „дарить“ (это же значеніе имѣетъ и др. бактр. hap) и, наконецъ, „получать въ даръ“ (собственно въ медіумѣ, но также и въ дѣйствительн. залогѣ). Такимъ образомъ sâman можетъ значить или „почитаніе“, или „приношеніе“; первое могло бы казаться болѣе вѣроятнымъ, но аналогіи съ yaśna, но Петербургскій Словарь не даетъ значенія „чититъ“ ведійск. глаголу sap, и я думаю поэтому, что sâman значило собственно „приношеніе“, откуда развилось дальнѣйшее употребленіе этого слова въ смыслѣ литургической пѣсни, какъ приношенія богамъ. Срав. RV. 1, 27, 4, гдѣ gâyatra, пѣснь, называется приношеніемъ, sani.

Текстъ Самаведы, въ которомъ мантры сохраняютъ первоначальную форму стиха (безъ музыкальных измѣненій) называется Ārcika, отъ ṛc „стихъ“. Этотъ текстъ былъ уже дважды изданъ, Стевенсономъ (Stevenson) и Бенфеемъ ³⁴⁾, а въ настоящее время онъ

³¹⁾ См. цитату, приведенную Саяной (Śāyana) въ Введеніи къ комментарию Самаведы, стр. 9 по Калькуттск. изданію.

³²⁾ См. Бенфея Die Hymnen des Sâma-Veda, Glossar, подъ словомъ sâman.

³³⁾ Отсюда же, вѣроятно, происходитъ сскр. sana «старый» (собств. «почтенный»), литовск. senas, латинск. senex и т. д.

³⁴⁾ Особеннаго вниманія заслуживаетъ изданіе Бенфея (Die Hymnen des Sâma-Veda, herausgegeben, übersetzt und mit Glossar versehen von Theodor Benfey. Leipzig. 1848),

вновь издается въ Индіи, вмѣстѣ съ комментариемъ Саяны (Sāyana) и съ текстомъ Gāṇa (отъ gā „пѣть“), въ которомъ sāmān имѣютъ музыкальную форму ³⁵⁾. Та часть Самаведы, которую я сообщаю ниже, принадлежитъ также къ Ārcika, но она не вошла въ изданія Стевенсона и Бенфея, а Калькуттское изданіе пока еще не доведено до Āraṇyaka.

Ārcika Самаведы дѣлится или на двѣ, или на три части: Chandas и Uttarā ³⁶⁾, или же Chandas, Āraṇyaka (= Āraṇi) и Uttarā. Саяна держится перваго дѣленія: sāmāgānām ṛkprāṭhāya dvāu granthāu vidyete, „chandaḥ“ „uttarā“ ceti („у самаведистовъ для чтенія sāmān какъ стиховъ существуютъ два текста: „Chandas“ и „Uttarā“, стр. 22) и присоединяетъ отдѣлъ Āraṇyaka (какъ дополнение) къ Chandas: kāṇḍatrayāmakā 'yam chandaṇāmakaḥ saṃhitāgranthaḥ ³⁷⁾ so 'yam āraṇyakenādhyāyena śaṭṣaṅkhyāpūrakeṇa saha śaḍbhir adhyāyāḥ upetaḥ („этотъ текстъ санхиты, называемый „Chandas“, состоитъ изъ трехъ отдѣловъ—kāṇḍa; онъ, вмѣстѣ съ чтеніемъ Āraṇyaka, имѣющимъ шесть частей, заключаетъ въ себѣ шесть чтеній“ стр. 91). Подобнымъ же образомъ оглавление къ Ārcika по редакціи школы Nāigeyaś ³⁸⁾ помѣщаетъ отдѣлъ Āraṇyaka какъ седьмую (последнюю) „прапатхаку“ первой части и, повидимому, даже не даетъ этой прапатхаки особаго названія. Но обыкновенно Āraṇyaka отдѣляется отъ Chandas и приводится какъ совершенно особая часть текста Ārcika; поэтому въ рукописяхъ мы встрѣчаемъ Āraṇyaka или от-

оказавшее большую пользу изученію Ведъ въ Европѣ. Изданіе Стевенсона съ переводомъ, сдѣланнымъ на основаніи комментарія Саяны, вышло въ свѣтъ въ 1842 г.

³⁵⁾ Bibliotheca Indica, New Series, №№ 218, 224, 235 и др. (Calcutta. 1871 и слѣд.): Sāma-Veda-Saṃhitā with the Commentary of Sāyana Ācārya, edited by Satyavrata Sāmaśramī.

³⁶⁾ У Бенфея: Pūrvarcika и Uttararcika.

³⁷⁾ Саяна, какъ кажется, нигдѣ не употребляетъ слова Ārcika и имѣетъ вмѣсто того saṃhitā. Но ārcika слово древнее, и уже Панини (Pāṇini) учитъ объ образованіи его (IV, 3, 72); по формѣ это прилагат., при которомъ должно подразумѣвать, конечно, сущ. grantha (текстъ), ибо ārcika употребляется обыкновенно въ мужеск. родѣ, а не въ среднемъ, какъ у Бенфея. Я не знаю, на чемъ основывался Веберъ (Indische Studien, I, стр. 29), называя первую часть Самаведы (т. е. Chandas) Ārcika, а вторую (т. е. Uttarā) Stāubhika. Это ошибочное дѣленіе вошло также и въ сочиненія Макса Мюллера (History of ancient Sanskrit Literature), Whitney'a (Oriental and Linguistic Studies) и др., равно какъ и въ Петербургскій Словарь, гдѣ оно позднѣе, впрочемъ, было исправлено. Подъ Stāubhika должно разумѣть, конечно, Stobha, о котор. см. ниже.

³⁸⁾ См. объ этой рукописи у Бенфея Die Hymn. d. SV., Einleitung, VII, а также Nachträge und Verbesserungen.

дѣльно отъ Chandas, или, если рукопись заключаетъ въ себѣ полный текстъ Ārcika, то отдѣлъ Ār., ³⁹⁾ слѣдую за Ch., получаетъ все таки особое названіе. Satyavrata Sāmaśramī, издающій въ настоящее время Самаведу, вмѣстѣ съ комментариемъ Саяны, на стр. 22, въ примѣчаніи къ мѣсту, приведенному мною выше, говоритъ, что тотъ Мадхава (Mādhava), который еще прежде написалъ комментарий („vivaraṇa“) къ Самаведѣ, дѣлитъ Ārcika на три части (Ch., Ār. и Utt.), и что такимъ же образомъ поступаютъ ведисты ⁴⁰⁾. Личность Мадхавы очень загадочна по отношенію къ Саянѣ, и Burnell въ Введеніи къ своему изданію Ваншабрахманы (Vaiṣaṇabrahmaṇa) ⁴¹⁾ старался доказать, что оба эти имени принадлежатъ одному и тому же лицу, и что Sāyana есть „the bhogaṇātha or mortal body of Mādhava, the soul identified with Viṣṇu“. Къ сожалѣнію, я не имѣю этого изслѣдованія и знакомъ съ нимъ лишь по краткимъ рецензіямъ Вебера (Literarisches Centralblatt 1873 г., 8-го ноября) и Макса Мюллера (The Academy 1874 г., 31-го января). Оба рецензента находятъ, что вопросъ все таки не выясненъ, и указываютъ на обстоятельства, которыя не позволяютъ пока отождествлять Саяну съ Мадхавой. Сюда же должно отнести, конечно, существованіе двухъ комментариевъ къ Самаведѣ, одного съ именемъ Мадхавы (Sāmavedasya Vivaraṇa), другаго съ именемъ Саяны (Sāmavedārthaprakāśa); оба они разнятся не только въ объясненіяхъ, — какъ это можно видѣть изъ Калькуттскаго изданія Самаведы, гдѣ приводятся въ выноскахъ цитаты изъ Vivaraṇa, — но и въ дѣленіи текста Ārcika. Я не знаю, простирается ли комментарий Мадхавы также и на Uttarā, но изъ словъ Бенфея ⁴²⁾ я вижу, что онъ пользовался для Chandas комментариемъ Мадхавы, а для Utt. комментариемъ Саяны, хотя оба они соединены въ одной рукописи, сообщающей, впрочемъ, имена авторовъ. Разница между обоими комментаріями въ способѣ объясненія показалась Бенфею настолько существенною, что вызвала его замѣчаніе: „Die beiden Theile des Commentars haben einen so ganz verschiedenartigen Charakter, dass man sie kaum für Werke eines und desselben Verfassers halten

³⁹⁾ Сокращенія: Ār., Ch. и Utt. обозначаютъ Āraṇyaka, Chandas и Uttarā.

⁴⁰⁾ Yo hi mādhaveḥ sāmavedasya vivaraṇakāraḥ pūrvataṇaḥ, tasya naye vāidikaṇvavahāre ca āraṇyikas (sic) tṛtīyaḥ; eṣhāṇi trayāṇām eva sādharmaṇam abhidhānam ārcika iti.

⁴¹⁾ The Vaiṣaṇabrahmaṇa (being the eihgt Brāhmaṇa) of the Sāmaveda, edited together with the Commentary of Sāyana, a preface and index of words. Mangalore. 1873.

⁴²⁾ Die Hymn. d. SV. стр. X и XI.

капп.“ Я считаю это замѣчаніе совершенно вѣрнымъ, такъ какъ объ части того комментарія, которымъ пользовался Бенфей, принадлежать, дѣйствительно, разнымъ составителямъ; съ комментариемъ Саяны къ Chandas (извѣстнымъ намъ изъ Калькуттскаго изданія) Бенфей, слѣдовательно, не былъ знакомъ. Что касается комментарія Мадхавы, *Sāmavedasya Vivaraṇa* (или *Sāmavedavivaraṇa*?), то онъ долженъ стоять въ самомъ близкомъ отношеніи къ комментарий Bharatasvāmīna (*Bhāratasvāmin*), подъ названіемъ: *Sāmavedavivaraṇa*. Этотъ комментарий находится въ коллекціи рукописей Burnell'a въ лондонской библіотекѣ при India Office ⁴³⁾, но, не будучи знакомъ съ самымъ текстомъ его, я не могу, конечно, точнѣе опредѣлить связь его съ тѣмъ комментариемъ, который приписывается Мадхавѣ. Не скрою, однако, что мнѣ представляется почти несомнѣннымъ полное тождество обоихъ комментариевъ; а въ такомъ случаѣ надо будетъ признать, что подъ именемъ Мадхавы можетъ скрываться не только Саяна, но и Bharatasvāmīnъ, о которомъ мы знаемъ, что онъ жилъ раньше Саяны, такъ какъ послѣдній дѣлаетъ на него ссылки ⁴⁴⁾ Въ лондонской рукописи комментарий Bharatasvāmīna простирается только на Chandas и на *Āg.*, вмѣстѣ съ стихами *Mahānāmnyas* ⁴⁵⁾; *Āg.* отдѣляется здѣсь какъ отъ предшествующихъ стиховъ, такъ и отъ послѣдующихъ (т. е. *Mahānāmnyas*), и комментарий къ этой части обозначенъ въ концѣ такъ: *iti āgamaṇyakasāmavivaraṇam* (л. 76).

Мы видимъ такимъ образомъ, что *Āg.* считается особымъ отдѣломъ текста *Āgśika*, хотя по своему объему этотъ отдѣлъ весьма незначителенъ сравнительно съ *Ch.* и *Utt.* Но есть, дѣйствительно, основаніе присоединять *Āg.* къ *Ch.* и отдѣлять объ эти части отъ *Utt.*; это основаніе дается расположеніемъ стиховъ въ *Ch.* и *Āg.*, съ одной стороны, и въ *Utt.*, съ другой. Въ двухъ первыхъ отдѣлахъ стихи, не имѣя часто внутренней связи между собою, расположены по декадамъ, *daśatī* ⁴⁶⁾ (имѣющимъ иногда болѣе, иногда менѣе десяти

⁴³⁾ См. Catalogue of a Collection of Sanskrit Manuscripts. By Burnell. Part I: Vedic Manuscripts (London. 1869. Trübner), № 127.

⁴⁴⁾ См. Вебера Akadem. Vorlesungen über indische Literaturgeschichte, стр. 42.

⁴⁵⁾ Должно ли объяснять это неполнотою рукописи, или тѣмъ, что комментарий Bharatasvāmīna, дѣйствительно, оканчивается здѣсь? Въ рукописи, которою пользовался Бенфей, комментарий Мадхавы также не простирается на *Uttarā*.

⁴⁶⁾ См. о формѣ этого слова у Бенфея, Глоссарій къ Самаведѣ; иначе объясняетъ *daśatī* Веберъ (Indische Studien I, 29), который видитъ здѣсь истинный падежъ отъ *daśat*. Комментарій Мадхавы имѣетъ, вѣсто *daśatī*, *daśatyā*, а Саяна въ томъ же значеніи употребляетъ *khaṇḍa*, «отдѣлъ»; см. Калькуттск. изданіе Самаведы, стр. 110.

стиховъ), между тѣмъ какъ Utt. состоитъ изъ краткихъ гимновъ (sūkta), преимущественно въ три стиха, т. е. въ соединеніи *ṛsa*, или же въ два, а иногда въ одинъ стихъ (очень рѣдко), или въ четыре, пять и т. д., но не болѣе какъ въ двѣнадцать. Стихи, помѣщенные въ Ch., нерѣдко повторяются въ Utt., и при томъ по большей части въ качествѣ начальныхъ стиховъ гимна. Саяна обобщаетъ это явленіе и потому даетъ слѣдующее опредѣленіе текстамъ Ch. и Utt.: *chandonāmake granthe nānāvidhānām sāmnam yonibhūta eva ṛsaḥ paṭhitāḥ; uttarāgranthe ṛcātmakāni sūktāni paṭhitāni, ekasmīnstṛce chandogatā yonyṛk prathamā, itare dve uttare* ⁴⁷⁾ т. е. „въ текстѣ, называемомъ Chandas, читаются стихи *ṛc*, составляющіе основу (yoni) разнообразныхъ *sāman*; въ текстѣ Uttarā читаются гимны въ строфахъ *ṛsa*: въ *ṛsa* первый стихъ есть основа, находящаяся въ Chandas, а два другихъ стоятъ сверхъ того“ (стр. 22). Такимъ образомъ здѣсь предполагается, во первыхъ, что всѣ стихи въ Utt. состоятъ изъ строфъ *ṛsa*, между тѣмъ какъ въ самомъ текстѣ мы находимъ гимны изъ одного, двухъ, четырехъ стиховъ и т. д., которые не могутъ быть приведены къ формѣ *ṛsa*. (Что касается гимновъ изъ шести, девяти и двѣнадцати стиховъ, то понятно, ихъ можно разсматривать какъ соединеніе двухъ, трехъ или четырехъ строфъ *ṛsa*). Во вторыхъ, первымъ стихомъ въ строфѣ *ṛsa* Саяна называетъ одинъ изъ стиховъ, находящихся въ Ch., между тѣмъ какъ въ дѣйствительности это явленіе наблюдается хотя и часто, но далеко не всегда. Даже самое названіе Uttarā Саяна объясняетъ изъ того, что въ строфахъ *ṛsa* за стихомъ—основой (т. е. основой для *sāman*) слѣдуютъ *сверхъ того два* стиха: *ṛcātmakeshu sūkteshu yā prathamā yonibhūta tannāmnā chandogranthasya „yonigranthaḥ“* ⁴⁸⁾ *iti adhyāpakānām samākhyā, itarasya tu ṛcasaṅgharūpasya granthasyoparitanayor ṛcor nāmadheyena „uttarā“ iti samākhyā* (стр. 23—24). Съ этимъ толкованіемъ можно, кажется, не соглашаться, и названіе Uttarā проще объяснять въ значеніи Uttarā *samhitā*, санхита слѣдующая, или дальнѣйшая (вторая), т. е. по отношенію къ Chandas; вмѣстѣ съ тѣмъ это же названіе (Uttarā, а не Uttamā) показываетъ, что отдѣлъ *Ār.* или вообще не считался при этомъ, или же присоединялся къ Ch. Что ка-

⁴⁷⁾ Саяна цитируетъ здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, произведеніе: Nyāyavistara, но, по словамъ Satyavrata-Sāmaçramī (стр. 4, примѣч. 3), авторомъ его былъ тотъ же Саяна.

⁴⁸⁾ Такимъ образомъ мы узнаемъ отсюда, что отдѣлъ Ch. носитъ также названіе: yonigrantha, т. е. «текстъ основъ».

сается отношенія *Āg* къ *Utt.*, то и эти два отдѣла имѣютъ нѣкоторые общіе стихи; число ихъ, правда, незначительно, но во всякомъ случаѣ это взаимное отношеніе *Āg* и *Utt.* аналогично съ тѣмъ, какое существуетъ между *Ch.* и *Utt.* Наконецъ, однородность *Āg.* съ *Ch.* (въ отличіе отъ *Utt.*) доказывается тѣми Ганами (т. е. сборниками пѣснопѣній *sāman*), которые основываются на этихъ двухъ отдѣлахъ, и о которыхъ я скажу ниже.

Теперь я долженъ обратить вниманіе на существенную разницу, касающуюся расположенія матеріала въ *Ch.*, съ одной стороны, и въ *Āg.*, съ другой. *Chandas*, точно такъ же какъ и *Uttarā*, дѣлится на „чтенія“, *prapāṭhaka*, которыхъ насчитывается въ *Ch.* 6, а въ *Utt.* 9; эти чтенія въ свою очередь подраздѣляются на половины (въ *Ch.* и въ пяти первыхъ *prapāṭhakaхъ* въ *Utt.*) или на трети (въ остальныхъ *prapāṭhakaхъ* въ *Utt.*), которыя въ *Utt.* дѣлятся далѣе на отдѣлы *khaṇḍa*, состоящіе изъ нѣсколькихъ гимновъ. Все это дѣленіе есть чисто внѣшнее (какъ дѣленіе Ригведы на аштваки), не имѣющее какого либо внутренняго основанія и составленное, вѣроятно, съ цѣлью помогать при изученіи Самаведы. Такого же рода и другое дѣленіе *Ch.* и *Utt.* на *adhyāya*, „чтенія“, или „штуди“, извѣстное намъ изъ комментарія Саяны; этихъ *adhyāya* насчитывается въ *Ch.* пять ⁴⁹⁾, а въ *Utt.* 21 ⁵⁰⁾. Саяна, присоединяющій, какъ мы видѣли, отдѣлъ *Āg.* къ первой части *Ārcika*, называетъ его поэтому шестымъ *adhyāya* въ *Ch.* (см. приведенную выше цитату), а оглавленіе къ *Ārcika*, принадлежащее школѣ *Nāṭigeṇyās*, помѣщаетъ *Āg.* какъ седьмую *prapāṭhaka* въ *Ch.*; противъ этого послѣдняго обозначенія можно, однако, замѣтить, что оно вовсе не согласуется съ объемомъ *prapāṭhakaхъ* въ первой части *Ārcika* и уже поэтому не могло быть общепринятымъ. Но, кромѣ указаннаго мною дѣленія, *Chandas* представляетъ еще другое, на отдѣлы *kāṇḍa* или *paṇṇan*, которыхъ считается три: *Āgneya* (1, 1, 1—2, 1, 2) ⁵¹⁾, *Āindra* (2, 1, 3—5, 2, 3) и *Pāvamāna*, или *Sāumya* (5, 2, 4 до конца); срав. у Саяны: *āgneyam āindram pāvamānam iti kāṇḍatrayātmako yo 'yam chandonāmakaḥ granthaḥ* (стр. 91) и см. также Бенфея *Die Hymnen des SV., Einleitung*, стр. XVIII. Это дѣленіе основано на содержаніи, ибо, хотя отдѣльные стихи въ *Ch.* по большей части не имѣютъ внутренней связи между собою, тѣмъ

⁴⁹⁾ См. Калькуттск. изд. Самаведы, стр. 91.

⁵⁰⁾ См. Бенфея *Die Hymn. d. SV.*, стр. XVIII.

⁵¹⁾ Цифры указываютъ на *prapāṭhaka*, половины (*ardha*) и декады.

не менѣе они сгруппированы здѣсь по тремъ божествамъ: Агни, Индрѣ и Сомѣ, откуда произошли и самыя названія трехъ отдѣловъ, упоминаемыя уже, напр., въ Atharvavedѣ (11, 7, 6) и въ *Sāmavidhāna-Brāhmaṇa* (I, 4)⁵²). Относительно третьяго отдѣла, *Pāvamāna* (или *Sāmya*), должно замѣтить, что всѣ стихи, входящіе сюда, извѣстны намъ изъ девятой мандалы Ригведы (*Pāvamānyas*), между тѣмъ какъ въ двухъ первыхъ отдѣлахъ мы находимъ стихи изъ разныхъ книгъ этого сборника, преимущественно изъ восьмой, а наименѣе всего изъ девятой. Отдѣлъ *Āindra*, второй по порядку, не имѣетъ того единства, какъ два другихъ отдѣла, и, кромѣ стиховъ къ Индрѣ, составляющихъ его главное содержаніе, онъ заключаетъ въ себѣ также обращенія къ Агни и другимъ божествамъ. Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ *Chandas* дѣлится поэтому не на три части, но на восемь, при чемъ *Āgneya* и *Pāvamāna* остаются въ томъ же объемѣ, какъ и выше, а отдѣлъ *Āindra* сокращается, образуя передъ собою еще пять подраздѣленій; см. Бенфея *ibid*, стр. XVII. Это послѣднее дѣленіе не имѣетъ, однако, того единства принципа, какъ изложенное выше на три части, и рядомъ съ названіями *Āgneya*, *Āindra*, *Pāvamāna* оно употребляетъ такія, какъ *Brhatī*, *Trishṭubh*, *Anuṣṭubh*, т. е. названія метровъ. *Uttarā* не представляетъ ничего подобнаго дѣленію *Ch.* на три части, хотя отдѣльные стихи и соединяются здѣсь въ небольшія группы, или гимны. Точно такъ же и *Āraṇyaka*, по крайней мѣрѣ въ первыхъ четырехъ декадахъ, содержитъ въ себѣ обращенія къ различнымъ богамъ, безъ всякой видимой системы въ порядкѣ ихъ расположенія и, слѣдовательно, существеннымъ образомъ отличается въ этомъ отношеніи отъ *Ch.*; пятая же декада, за исключеніемъ перваго стиха, посвящена Солнцу (*Sūrya*).

Названіе *Āraṇyaka* указываетъ на пустыню, лѣсъ (*araṇya*) и объясняется тѣмъ, что этотъ отдѣлъ Самаведы былъ предназначенъ для пустынниковъ. По своему объему *Ār.* соотвѣтствуетъ половинѣ прапатхаки въ *Ch.* и состоитъ изъ пяти декадъ, къ которымъ, въ

⁵²) «*Āgneyam āindram pāvamānam ity etena kalpena catvāri varshāṇi prayuṇ'gānaḥ śatasamvatsaram avāpnoti.*» Я пользовался для *Sāmavidhāna-Brāhmaṇa* рукописью Парижской національной бібліотеки, № 177 Dev. Въ недавнее время Burnell издалъ эту брахману вмѣстѣ съ комментариемъ Саяны (London. 1873.), но я знакомъ съ этимъ изданіемъ лишь по рецензіи Вебера въ *Literarisches Centralblatt* (1874 года, 23-го марта). Изъ числа поправокъ въ текстъ, предлагаемыхъ Веберомъ, слѣдующія совершенно согласны съ чтеніемъ парижской рукописи: *prāktūleshūdaktūleshu vā; parusham uktvā nyagrodhaṣṭigāṇ (śaramūlaṃ ca).*

видѣ дополненія, присоединяются стихи *Mahānāmnyas*, или, иначе, отдѣлъ *Mahānāmni*. Саяна присоединяетъ *Mahānāmni*, какъ шестую декаду, къ *Āraṇyaka* (см. въ приведенной выше цитатѣ: *āraṇyake-nādhyaena shaṭṣaṅkhyāpūrakṣa*), а *Nāigeyānam ārsha* (часть оглавленія къ *Ārcika*, по редакціи школы *Nāigeyās*) ставитъ цифру 5 послѣ стиховъ *Mahānāmnyas*, т. е. соединяетъ ихъ въ одно цѣлое съ пятою декадою. И то, и другое, однако, не точно: стихи *Mahānāmnyas* представляютъ собою appendix къ *Āraṇyaka*, и потому въ рукописяхъ названіе *Ār.* простирается обыкновенно только на пять декадъ, за которыми слѣдуетъ далѣе отдѣлъ *Mahānāmni* (не называемый декадою) подъ особымъ обозначеніемъ; правда, въ рук. А (см. ниже), принятой мною въ основу при изданіи текста, слова: „iti āraṇṇipadaḥ samāptaḥ“ поставлены послѣ стиховъ *Mahānāmnyas*, но эти стихи помѣщены здѣсь все таки какъ прибавка, а не въ качествѣ шестой декады, и потому послѣ нихъ нѣтъ цифры. Совершенно въ такомъ же отношеніи находятся стихи *Mahānāmnyas*, переложенные въ музыкальную форму, и къ тексту *Āraṇyaka*; здѣсь они также представляютъ собою appendix и не включаются въ шесть прапатхакъ, изъ которыхъ состоитъ этотъ сборникъ пѣснопѣній. Доказательство въ пользу самостоятельности стиховъ *Mahānāmnyas* дается какъ ихъ характеромъ, такъ и тѣмъ, что этотъ отдѣлъ носить особое названіе, извѣстное даже изъ санхитъ Бѣлой Яджурведы (23, 35) и Аथарваведы (11, 7, 6), равно какъ изъ многихъ брахманъ и сутръ ⁵³). *Mahānāmni* состоитъ изъ девяти стиховъ и уже самымъ метромъ отличается отъ предшествующихъ декадъ. Всѣ девять стиховъ этого отдѣла посвящены Индрѣ и представляютъ такимъ образомъ извѣстное единство въ содержаніи. Въ ритуалѣ эти стихи (въ ихъ музыкальной формѣ) предназначались для какого-то обряда (см. вартіку, *vārtika*, къ Панини V, 1, 94) ⁵⁴), который вслѣдствіе этого назывался *mahānāmni* ⁵⁵) (именит. *mahānāmniś*) или *mahānāmniṅvata*. Стихи *Mahānāmnyas* носятъ также названіе *śakvayās* (т. е. *ṛcas*), „могучіе“

⁵³) По мнѣнію Петербургскаго словаря, нужно подразумѣвать при *mahānāmni* существит. *ṛc*, но нѣтъ кажется страннымъ употребленіе единствен. числа. Срав. *Uttarā* и *Āraṇi*.

⁵⁴) См. Словарь Бѣтлингга и Рота подъ словомъ *mahānāman*. Къ числу ссылокъ на брахманы должно прибавить также указаніе на *Sāmaavidhāna-Brāhmaṇa*.

⁵⁵) По изданію Бѣтлингга II, стр. 205.

⁵⁶) У Вебера, въ цитатѣ изъ *Mahābhāṣya* (Ind. Stud. XIII, 449), стоитъ *māhānāmni*, и это, повидимому, правильнѣе.

(такъ какъ они даютъ мощь Индрѣ; срав. Nig. 1, 8), и съ этимъ именемъ мы встрѣчаемся уже въ Ригведѣ (7, 33, 4; 10, 71, 11). То обстоятельство, что Mahānāmī соединяется съ Āg., указываетъ, конечно, на литургическую связь этихъ стиховъ, но тѣмъ не менѣе мы должны считать Mahānāmī не составною частью Āg., а лишь дополненіемъ, подобно тому какъ и Бхаратасваминъ, предшественникъ Саяны, комментируетъ стихи Mahānāmīyas отдѣльно отъ стиховъ Āg.

Въ пяти декадахъ, составляющихъ Āgaṇuaka, заключается по нашей редакціи 55 стиховъ (по другой 56): въ первой декадѣ 9 (по другой 10), во второй 7, въ третьей 13, въ четвертой 12 и въ пятой 14. Очень многіе изъ этихъ стиховъ извѣстны изъ Ригведы (нѣкоторые изъ Atharvavedы), но въ Āg. они представляютъ обыкновенно варианты, которые, какъ и вообще въ Самаведѣ, имѣютъ нерѣдко чтеніе болѣе древнее, сравнительно съ чтеніемъ Ригведы. Вопросъ о томъ, когда составленъ былъ отдѣлъ Āg., въ одно ли время съ Ch. и Utt., или нѣтъ, не можетъ быть рѣшенъ пока, какъ мнѣ кажется. Правда, нѣкоторое указаніе на болѣе позднее происхожденіе Āg. можно было бы видѣть въ томъ, что сюда входятъ стихи изъ гимна Ригведы 10, 90, заведомо поздняго, между тѣмъ какъ Ch. и Utt. не имѣютъ подобнаго рода стиховъ⁵⁷⁾. Къ такому же выводу можно придти, если судить объ Āgaṇuakāṅśika по аналогіи съ тѣми араньяками, которыя составляютъ дополненіе къ brāhmaṇa и своимъ содержаніемъ указываютъ на болѣе новое происхожденіе, сравнительно съ брахманъ. Очевидно, однако, что это заключеніе было бы произвольно, и самое большее, что мы можемъ допустить, это то, что окончательная редакція, въ которой дошелъ до насъ Āgaṇuaka, дѣйствительно уступаетъ по времени двумъ другимъ отдѣламъ. Я замѣтилъ уже выше, что Āg. по отсутствію гимновъ и по дѣленію на декады сходится съ Ch., въ отличіе отъ Utt. Признаки, общіе отдѣламъ Ch. и Āg., очень важны (сравн. также далѣе Grāmaṇya-Gāna и Āgaṇya-Gāna), и не трудно предположить поэтому, что первоначально обѣ эти части составляли одно цѣлое, и что лишь впослѣдствіи, съ развитіемъ брахманскаго канона, произошло выдѣленіе Āg. изъ Ch.. Но вопросъ о времени выдѣленія Āg. не тождествененъ, конечно, съ вопросомъ о томъ, къ какому времени относится редакція тѣхъ стиховъ, которые составляютъ этотъ от-

⁵⁷⁾ Срав. Вебера Akademische Vorlesung. über indische Literaturgeschichte, стр. 63.

дѣль. Какъ бы то ни было, на основаніи самыхъ памятниковъ едва ли можно будетъ придти къ удовлетворительному рѣшенію этихъ вопросовъ. Всѣ стихи, составляющіе *Āgaṇyakāṁsika*, входятъ также, въ музыкальной формѣ, въ сборникъ пѣснопѣній *Āgaṇya-Gāna*, а цитаты изъ этого послѣдняго мы встрѣчаемъ уже въ брахманахъ (по крайней мѣрѣ, въ *Sāmaavidhāna-Brāhmaṇa*, не отличающейся большой древностью), точно такъ же какъ и оглавленіе къ нему (вмѣстѣ съ оглавленіемъ къ *Grāmageya-Gāna*) составлено было очень давно, вслѣдствіе чего оно само носить названіе брахманы (именно *Arshaya-Brāhmaṇa* или *rshi-Brāhmaṇa*).

Я говорилъ выше о томъ, что отдѣлъ *Āg.* не былъ напечатанъ въ изданіяхъ Стевенсона и Бенфея. Причины, по которымъ онъ не вошелъ сюда, совершенно случайныя и объясняются, конечно, тѣмъ, что *Āg.*, уступая по своему значенію въ литургіи двумъ другимъ отдѣламъ (т. е. *Ch.* и *Utt.*), рѣже встрѣчается въ рукописяхъ, чѣмъ эти послѣдніе. Бенфей зналъ, однако, о существованіи стиховъ, составляющихъ *Āgaṇyaka* (хотя это названіе ему и не было извѣстно), но, на основаніи имѣвшихся у него данныхъ, онъ считалъ эти стихи принадлежностью школы *Nāigeyās*, а не той, которую мы знаемъ по изданному имъ тексту Самаведы. Заключение Бенфея основывалось на томъ, что единственное указаніе на наши стихи онъ встрѣтилъ въ рукописи, заключающей въ себѣ оглавленіе къ *Ārcika* по редакціи школы *Nāigeyās* (*Nāigeyānām ārsha* ⁵⁸) и *dāivata*); здѣсь приводятся начальныя слова стиховъ и сообщаются имена тѣхъ боговъ, которымъ стихи посвящены (по традиціи), равно какъ и имена „риши“, ихъ авторовъ. Въ этой-то рукописи помѣщено оглавленіе и къ стихамъ *Āg.*, которые, какъ замѣчено выше, не составляютъ здѣсь особаго отдѣла, но отнесены въ качествѣ седьмой прапатаки къ отдѣлу *Ch.* Извлеченіе изъ этой рукописи, касающееся нашихъ стиховъ, Бенфей напечаталъ въ своемъ изданіи Самаведы, въ *Nachträge und Verbesserungen*, стр. 268 и слѣд., и по начальному слову каждаго стиха онъ старался возстановить его вполнѣ, если находилъ соотвѣтствующее мѣсто въ Ригведѣ, при чемъ, конечно, должно было оставаться не переданнымъ то, что имѣетъ для насъ особенную цѣну, т. е. варианты, представляемые этими стихами, сравнительно съ Ригведой. Само собою разумѣется, что нѣкоторые стихи не могли быть вовсе возстановлены; сюда принадлежатъ какъ тѣ, которые не встрѣ-

⁵⁸) Бенфей читаетъ *ārsha*, но см. у него же стр. IX.

чаются въ Ригведѣ, ⁵⁹⁾ такъ и другіе, по началу которыхъ нельзя еще судить, какой именно стихъ Ригведы долженъ быть сравниваемъ въ данномъ случаѣ, ибо однимъ и тѣмъ же словомъ начинается иногда нѣсколько стиховъ. Итакъ, Бенфей, на основаніи тѣхъ данныхъ, которыми располагалъ, долженъ былъ считать пять декадъ отдѣла *Āg.* вмѣстѣ съ стихами *Mahānāmnyas* принадлежностью школы *Nāigeyās*, и этотъ взглядъ перешелъ потомъ въ сочиненія другихъ европейскихъ ведистовъ ⁶⁰⁾. Въ настоящее время нѣтъ, конечно, никакой необходимости останавливаться на опроверженіи этого взгляда, ибо безспорно, что отдѣлъ *Āg.* не составляетъ принадлежности одной какой нибудь школы. Если бы Бенфею извѣстно было, что эти стихи называются *Āgaṇyaka* (по крайней мѣрѣ, въ нашей редакціи), въ такомъ случаѣ онъ не замедлилъ бы, конечно, сопоставить ихъ съ *Āgaṇya-Gāna*, а присутствіе всѣхъ ихъ въ этомъ сборникѣ пѣснопѣный не позволило бы ему видѣть въ нашихъ стихахъ особенность школы *Nāigeyās*, ибо какъ *Āgaṇya-Gāna* не принадлежитъ исключительно одной школѣ, такъ и та часть текста *Ārcika*, которая, между прочимъ, даетъ основу этому сборнику, не можетъ быть достояніемъ одной школы *Nāigeyās*. И дѣйствительно, рукописи, заключающія въ себѣ *Āgaṇyakārcika*, нигдѣ не называютъ этой школы, и если содержатъ въ себѣ также отдѣлы *Ch.* или *Utt.*, то приводятъ ихъ въ той самой редакціи, какая извѣстна намъ изъ изданія Бенфея. Наконецъ, комментаріи *Bhāratasvāmīna* и *Sāyana* окончательно убѣждаютъ насъ въ томъ, какъ должно смотрѣть на стихи, составляющіе отдѣлъ *Āgaṇyaka*.

Коснувшись вопроса о школахъ *Самаведы*, я считаю не лишнимъ остановиться на немъ. Наши свѣдѣнія о школахъ *Ведъ* вообще очень ничтожны, такъ какъ, за исключеніемъ *Яджурведы*, каждая изъ остальныхъ трехъ *Ведъ* извѣстна намъ въ текстѣ лишь по одной редакціи. Изъ индійскихъ сочиненій мы знаемъ, что число школъ было очень значительно; каждая школа (*śākhā*, собствен. „вѣтвь“), состоя изъ подраздѣленій, имѣла свой *textus receptus*, который назывался по ея имени, но съ теченіемъ времени большая часть школъ погибла, а отъ иныхъ до насъ дошли только одни имена. Что касается извѣстныхъ намъ *śākhā* *Яджурведы*, то онѣ представляютъ отличія какъ въ чтеніи, такъ и въ расположеніи

⁵⁹⁾ Текстъ *Атхарваведы* былъ въ то время мало извѣстенъ.

⁶⁰⁾ Поэтому въ *Петербургск. Словарѣ* (въ послѣднихъ выпускахъ) цитаты изъ *Āg.* приводятся подъ обозначеніемъ: *SV. Naig.*

материала, но отсюда мы не должны заключать еще, чтобы разница между отдѣльными школами была всегда существенна, ибо противъ этого говорить огромное количество ихъ, приписываемое нѣкоторымъ Ведамъ. Такъ, грамматическое произведение *Mahābhāṣya* ⁶¹⁾ насчитываетъ 101 школу для Яджурведы, 1000 „путей“ (*vartman*) для Самаведы, 21 подраздѣленіе для Ригведы и 9 для Аथарваведы ⁶²⁾. Въ другомъ, довольно новомъ сочиненіи, посвященномъ специально школамъ Ведъ и называющемся *Śaṅkayānūka* ⁶³⁾, Яджурведа получаетъ 86 школъ, Ригведа 5, а для Самаведы и Аथарваведы приводятся тѣ же числа, что и въ *Mahābhāṣya*, при чемъ, однако, замѣчается, что изъ 1000 подраздѣленій Самаведы почти всѣ погибли, и сохранились лишь остатки, которые далѣе перечисляются. Максъ Мюллеръ ⁶⁴⁾ предполагаетъ, что нѣкоторыя изъ ведійскихъ школъ, наиболѣе древнія, дѣйствительно разнились въ текстѣ санхитъ, но что другія представляли отличія лишь въ текстѣ брахманъ или даже въ текстѣ сутръ и имѣли санхиту совершенно такую же. Наконецъ, можно думать, что разница между нѣкоторыми школами опредѣлялась лишь традиціоннымъ толкованіемъ мантръ, различіемъ въ именахъ авторовъ, которымъ эти мантры приписывались, или въ именахъ тѣхъ боговъ, которымъ онѣ считались посвященными, и т. д. Что касается школъ Самаведы, то цифра 1000 слишкомъ громадна даже по сравненію съ другими цифрами, приведенными выше. Мы не обязаны, конечно, понимать здѣсь тысячу въ буквальномъ значеніи, точно такъ же какъ и въ словахъ Шаварасвамины (*Śavarasvāmīn*), цитуемыхъ Саяною (стр. 11): „*sāmavede sahasraṁ gītyurāyāḥ*“ (т. е. „въ Самаведѣ существуетъ тысяча средствъ для пѣнія“), слово „тысяча“ употреблено, безъ сомнѣнія, для выраженія неопредѣленно большаго количества; позднѣе тысяча *vartman* Самаведы могли быть приняты въ буквальномъ смыслѣ, какъ это и сдѣлано было въ *Śaṅkayānūka* и, можетъ быть, даже въ *Mahābhāṣya*. Во всякомъ случаѣ, однако, число школъ Самаведы должно было значительно превышать количество ихъ въ каждой изъ остальныхъ Ведъ, и это объясняется тѣмъ,

⁶¹⁾ Это произведение (авторъ котораго *Patañjali*), составленное во второмъ или въ первомъ вѣкѣ до Р. Х. (или же въ первомъ вѣкѣ по Р. Х.?), было издано въ Бенаресѣ въ 1872 г. Я знакомъ съ нимъ по подробному анализу, сдѣланному Веберомъ въ *Indische Studien*, XIII, стр. 293—496.

⁶²⁾ *Ind. Stud.* XIII, 430.

⁶³⁾ См. *Ind. Stud.* III, 247—288.

⁶⁴⁾ *History of ancient Sanskrit Literature.*

что ко всѣмъ другимъ различіямъ, какія могли существовать между школами, въ Самаведѣ присоединяются еще новыя, вносимыя разнообразіемъ способовъ пѣнія. Мы увидимъ ниже, что въ сборникахъ пѣснопѣній, Ганахъ, одинъ и тотъ же стихъ можетъ являться въ формѣ многихъ *sāman*, отличающихся другъ отъ друга не словами, но музыкальнымъ видомъ; понятно, что между отдѣльными школами эта разница могла еще болѣе увеличиваться, и опредѣлить для нея границы, дѣйствительно, трудно. Авторъ произведенія *Saṃanavūha*, хотя и говоритъ о тысячахъ школахъ въ Самаведѣ, можетъ назвать изъ нихъ только нѣкоторые остатки, сохранившіеся въ его время, и перечисляетъ далѣе семь подраздѣленій школы *Rāṇḍānyāś* и семь подраздѣленій школы *Kāuthumās*, а въ числѣ этихъ послѣднихъ онъ называетъ и тѣхъ *Nāigeyās*, отъ которыхъ до насъ упомянутое выше оглавленіе къ *Āgśika*. Большая часть именъ, переданныхъ здѣсь, встрѣчается также и въ *Mahābhāṣhya* ⁶⁵⁾, но всѣ эти имена, взятые сами по себѣ, мало интересны, такъ какъ объ отношеніи другъ къ другу отдѣльныхъ школъ мы все таки не узнаемъ ничего. Что касается современнаго положенія школъ Самаведы, то вотъ что сообщаетъ Burnell ⁶⁶⁾, который могъ изучить этотъ вопросъ на самомъ мѣстѣ: „Only three *śākhās* (т. е. Самаведы) are now known in India, viz. the *Rāṇḍānyāś*, *Kāuthuma* and *śāimīnyā* (cfr. *Bābu Rāṅendralāla, Chāndogya—Upan.*, p. 4). The two first are common; they only differ a little in the way of chanting; in every other respect they are letter for letter the same. The *śāimīnyā*—text appears to agree with the others, except in a few details; the notation is totally different, and, I am informed, is very little like the others as far as the tune goes. I have heard the chants of the first two schools, but not the last“.

Это свидѣтельство любопытно, во первыхъ, тѣмъ, что подтверждаетъ сказанное выше касательно того огромнаго значенія, какое долженъ былъ имѣть способъ пѣнія для школъ Самаведы. Во вторыхъ, Burnell удостоверяетъ насъ, что школы *Rāṇḍānyāś* и *Kāuthumās*, за небольшимъ различіемъ въ способъ пѣнія, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ тождественны. О *Nāigeyās* Burnell не упоминаетъ, и надо думать, что эта школа или дѣйствительно исчезла, или осталась ему не извѣстною ⁶⁷⁾. Я говорилъ выше, что *Saṃ-*

⁶⁵⁾ См. *Ind. Stud.* XIII, 447—448.

⁶⁶⁾ *Catalogue of a Collection of Sanskrit Manuscripts*, Part. I, стр. 45.

⁶⁷⁾ Burnell не упоминаетъ также о *Talavakārās*, хотя срав. Кольбрука *Miscellaneous*

ṇavūha называет *Nāigeyās* подраздѣленіемъ школы *Kāuthumās*, но Burnell не могъ включить ихъ сюда, ибо иначе онъ не назвалъ бы текстъ *Kāuthumās* тождественнымъ „letter for letter“ съ текстомъ школы *Rāṇāyanīyās* ⁶⁸⁾. Съ редакціей школы *Nāigeyās* мы знакомы лишь по тому оглавленію, о которомъ я говорилъ выше, и на основаніи котораго мы не можемъ, слѣдовательно, судить, на сколько отличался ея текстъ отъ извѣстнаго намъ, т. е. отъ текста *Rāṇāyanīyās* (?). Есть, однако, одно мѣсто, разница въ которомъ между *Rān.* и *Nāig.* на столько существенна, что явствуется даже изъ оглавленія; я разумѣю то обстоятельство, что отдѣлъ *Āraṇyaka* въ извѣстной намъ редакціи имѣетъ въ первой декадѣ 9 стиховъ, между тѣмъ какъ *Nāig.* *Ārsha* указываетъ на 10 и даже, можетъ быть, на 11 стиховъ. Школа *Nāig.* сохраняетъ въ данномъ случаѣ то, что утрачено другою школою, ибо этотъ недостающій стихъ является въ *Āraṇya-Gāna* нашей редакціи. Отсутствіе его въ *Āraṇyakārcika* тѣмъ болѣе странно, что, за исключеніемъ этого стиха, равно какъ и слѣдующаго за нимъ непосредственно, всѣ остальные *sāman*, помѣщенные въ *Ār.-Gāna*, извѣстны намъ въ ихъ первоначальной формѣ или изъ *Chandas*, или изъ *Āraṇyaka*, или, наконецъ, изъ *Stobha* (о котор. см. ниже), между тѣмъ какъ данные стихи не стоятъ ни въ одномъ изъ этихъ трехъ текстовъ нашей редакціи. Излагая содержаніе того сборника пѣснопѣній, который называется *Āraṇya-Gāna*, я сообщаю далѣе оба эти стиха, недостающіе въ *Āraṇyakārcika*; первый изъ нихъ начинается словами: „*ākrandaya kuru ghosham mahāntam*“, а второй: „*pra yas sakram*“ (*Ār.-Gāna* II, I, 23—27). Начало десятого стиха, сообщенное Бенфеємъ изъ *Nāig.* *Ārsha*: „*ākrandayat sarvo*“ *Rudro vāgnir vā* ⁶⁹⁾ не согласуется, повидимому, съ нашимъ, но нѣтъ сомнѣнія, что это одинъ и тотъ же стихъ, и кажущаяся разница происходитъ вслѣдствіе того, что Бенфей ошибочно включилъ въ начало стиха слово „*sarvo*“, которое принадлежитъ объясненію, а не самому стиху. Все это мѣсто въ *Nāig.* *Ārsha* должно быть читаемо такъ: „*ākrandaya* ⁷⁰⁾ *ṣarvo rudro vāgnir vā*“, т. е.

Essays I, 18 и 88. Вмѣсто *Talavakāga*, въ рукописяхъ комментарія Саяны къ *Samavedā* читается также *Tavalkāga* (стр. 12—13 по калевуттск. изданію).

⁶⁸⁾ Должно замѣтить, впрочемъ, что *Ṣaṅgaṇavūha* называетъ двѣ школы *Kāuthumās*: одну какъ подраздѣленіе школы *Rāṇāyanīyās*, другую—самостоятельную. Здѣсь должна быть, однако, ошибка.

⁶⁹⁾ Die Hymn. d. SV., Nachträge und Verbesserungen, стр. 268.

⁷⁰⁾ Поправка *ākrandayatsa*—въ *ākrandayaṣa*—не нуждается въ поясненіяхъ, такъ

„авторъ стиха „âkrandaya“ или Шарва, или Рудра, или Агни“. Справ. изъ *Ârshaya-Brâhmaṇa* оглавление къ тѣмъ пяти *sâman*, которые основываются на нашихъ двухъ стихахъ: *rañśa pavimanti mahāsāmāni: śarvasya prathamottame, rudrasya trīṇi*. Такимъ образомъ здѣсь называются тѣ же имена Шарвы и Рудры, которые мы находимъ и въ *Nâig. Ârsha*. Въ *Nâig. Dâivata* соответствующее мѣсто должно читаться такъ: *âkrandayâindryâu*, т. е., „âkrandaya“ *âindryâu*, между тѣмъ какъ Бенфей прочелъ: „âkranday“ *âindryâu* (прибавивъ впрочемъ: „schwerlich richtig“) ⁷¹⁾, и смыслъ этого мѣста слѣдующій: „âkrandaya“ и т. д. два стиха посвященные Индрѣ“. Теперь вопросъ въ томъ, какъ должно понимать здѣсь двойствен. число. Первый стихъ второй декады также посвященъ Индрѣ, и такъ какъ *Nâig. Dâivata* не объясняетъ его отдѣльно, то подъ *âindryâu* можно было бы разумѣть стихи I, 10 и II, 1. Но слово *âindryâu* останавливаетъ насъ уже потому, что въ началѣ седьмой прапатаки *Nâig Dâivata* замѣчаетъ слѣдующее: *rahasyasvṛkshu devatâ anuktâs tâ âindryah*, т. е. „тѣ стихи *rahasya*, въ которыхъ божества не указаны, посвящены Индрѣ“. Дѣйствительно, стихи, посвященные Индрѣ, остаются здѣсь не обозначенными, и наше мѣсто составляетъ исключение. Это исключение объясняется, можетъ быть, тѣмъ, что два данныхъ стиха не причислялись къ *rahasyâs*, и очевидно, что вторымъ изъ этихъ стиховъ мы не обязаны считать II, 1. Можетъ быть, этотъ второй стихъ есть „ра уас сакрам“, который въ *Âg. Gâna* слѣдуетъ непосредственно за „âkrandaya“ и отсутствуетъ въ текстѣ *Ârcika* нашей редакціи; въ такомъ случаѣ школа *Nâigeyâs* имѣла бы въ первой декадѣ 11 стиховъ, и, сообразно съ этимъ, мы должны были бы предположить, что въ *Nâig. Ârsha* пропущено слово „dve“ (т. е. „два стиха“) послѣ „âkrandaya“. Итакъ, редакція школы *Nâig* представляетъ въ первой декадѣ *Âg.* существенное отличие отъ редакціи *Rân.*, которая имѣетъ здѣсь девять стиховъ; это число я нахожу не только въ тѣхъ трехъ рукописяхъ, которыми пользовался при изданіи текста, но и въ рук. № 126 (по печатному каталогу) коллекціи Burnell'a ⁷²⁾.

какъ начертанія *tśa* и *śa* иногда очень похожи въ рукописяхъ.

⁷¹⁾ Въ связи съ предшествующимъ это мѣсто читается въ рукописи, конечно, такъ <aham> âtmadevatyâkrandayâindryâu, откуда видно, что мое дѣленіе вѣрно.

⁷²⁾ Это же число является, конечно, и въ рук. №№ 123 и 124 той же коллекціи, ибо иначе Burnell указалъ бы на особенность этихъ рукописей.

Другая особенность редакціи Nāig., касающаяся текста *Āraṇyaka*, состоитъ въ томъ, что начало 8-го стиха третьей декады читается здѣсь (по крайней мѣрѣ, въ оглавленіи): *ṛkshasya*, между тѣмъ какъ *Rām.* и въ *Ārsika* и въ *Gāna* представляетъ чтеніе: *prakshasya*. Въ этомъ случаѣ наша редакція имѣетъ преимущество передъ Nāig. и сохраняетъ чтеніе болѣе древнее; что же касается измѣненія *prakshasya* въ *ṛkshasya*, то оно произошло, вѣроятно, подъ вліяніемъ Ригведы, которая въ соответствующемъ стихѣ имѣетъ, дѣйствительно, въ этомъ словѣ *ṛ* вмѣсто *ga* ⁷³⁾. Наконецъ, третью особенность редакціи Nāig. мы должны видѣть въ томъ, что она не употребляетъ названія *Āraṇyaka* (или *Āraṇi*) и считаетъ эти стихи седьмою пранатакою въ *Chandas*.

Вопросъ о томъ, имѣемъ ли мы теперь полный текстъ *Ārsika*, или нѣтъ, можетъ быть разрѣшенъ только при болѣе удовлетворительномъ знакомствѣ съ школами Самаведы; относительно напр. *śāminīyās* Burnell говорить, какъ мы видѣли, что текстъ ея разнится отъ текста двухъ другихъ школъ „in a few details“, но мы не знаемъ, что должно разумѣть подъ этими частностями. Съ другой стороны, примѣръ первой декады въ *Ār.*, утратившей два стиха, остающіеся до сихъ поръ въ *Āraṇyaka-Gāna*, позволяетъ предположить, что и въ другихъ Ганахъ сохранились, быть можетъ, стихи, не извѣстные изъ текста *Ārsika*. Во всякомъ случаѣ, мы не можемъ ожидать цѣлаго отдѣла, такъ какъ иначе комментаторы Самаведы упомянули бы объ немъ. Бенфей ⁷⁴⁾ сообщаетъ, что одна рукопись въ коллекціи Mackenzie (Wilson, Catal. I, p. 9, № XL) дѣлитъ *Chandas* на 11 частей и за восемью первыми ⁷⁵⁾ приводитъ три слѣдующихъ: *Arana*, *Sukriya* и *Mahānāmni*. Само собою разумѣется, что *Arana* есть *Āraṇyaka* (а не *Āraṇyaka-Gāna*, какъ думалъ Бенфей), присоединенный здѣсь къ *Ch.*, но любопытно то, что между этимъ отдѣломъ и стихами *Mahānāmnyas* включенъ отдѣлъ *Sukriya* (т. е. *Sukriyā*?). Есть ли это неизвѣстный намъ комплексъ стиховъ? Или, можетъ быть, отдѣлъ *Āraṇyaka* раздѣляется въ этой рукописи на двѣ части, изъ которыхъ вторая носитъ названіе

⁷³⁾ Девятый стихъ первой декады начинается словами: *aham asmi*, но у Бенфея въ Nāig *Ārsha* стоитъ ошибочно: *aham ātmā*, между тѣмъ какъ *ātmā* должно принадлежать не стиху, а объясненію (*ātmā viśokaḥ*); срав. въ Nāig. *Dāivata*: «*aham*» *ātma-davatā*. Начало третьего стиха первой декады читается въ рукоп. ошибочно: *yasodam*, вмѣсто: *yasuedam*.

⁷⁴⁾ Die Hymn. d. SV., стр. XVIII.

⁷⁵⁾ Я говорилъ выше о дѣленіи *Chandas* на восемь частей.

Sukriya? Въ послѣднемъ случаѣ было бы понятно, почему стихи Mahānāmnyas, соединяющіеся всегда съ Āg., слѣдуютъ здѣсь послѣ Sukriya. Подъ названіями vālakhilyaka, suparṇya (suparṇa) и rahasya, упоминаемыми въ Saṃavayūha ⁷⁶⁾, разумѣются, вѣроятно, стихи извѣстные намъ, хотя и трудно сказать, какіе именно. Въ Nāig. Dāivata названіе rahasya употребляется о стихахъ въ Āṅguyaka и въ Uttarā.

Мы знаемъ уже, что подъ Самаведою въ собственномъ смыслѣ должно разумѣть тотъ текстъ ея, въ которомъ мантры имѣютъ музыкальную форму, предназначенную для пѣнія, и являются дѣйствительными sāman. Этотъ текстъ состоитъ изъ четырехъ сборниковъ, которые носятъ слѣдующія названія: Geṇa-Gāna (ошибочно называемъ Vēya-Gāna), Āṅguyā-Gāna (или Āṅguyā-Gāna, а также Āṅguyāka-Gāna), ūha-gāna и ūhūya-gāna. Сборники Geṇa-Gāna и ūha-gāna считаются главными: основу перваго изъ нихъ составляютъ стихи, являющіеся въ формѣ ṛc въ Chandas, а основу втораго строфы изъ Uttarā. Для Geṇa-Gāna существуетъ также названіе Vedasāma-Gāna ⁷⁷⁾ или же Yoni-Gāna ⁷⁸⁾, подобно тому какъ и Ch. называется иначе Yoni-Grantha (см. выше). Названіе Geṇa-Gāna, очевидно, есть сокращенное, и, дѣйствительно, въ полномъ видѣ мы находимъ его или въ Grāma-Geṇagāna, или же въ Sāma-Geṇagāna (ошибочно называемъ. Sāma-Veyagāna). Первое изъ этихъ названій противопоставляетъ нашъ сборникъ тому, который называется Āṅguyā-Gāna; стихи sāman, заключающіеся въ Grāma-Geṇagāna, поются въ сеженіяхъ (grāma), между тѣмъ какъ Āṅguyā-Gāna предназначена для пустыни (āṅguyā). Что касается сборника Grāma-Geṇagāna, то мы знакомимся съ нимъ изъ Калькуттскаго изданія Самаведы, гдѣ будутъ, вѣроятно, помѣщены и остальные Ганы. Бенфей ⁷⁹⁾ сообщаетъ, что Geṇa-Gāna состоитъ изъ 17 книгъ (pragatya), которыя дѣлятся въ свою очередь на половины (ardha); отдѣлъ Chandas входитъ сюда цѣликомъ, и при томъ стихи слѣдуютъ въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ они стоятъ въ текстѣ Āgika, хотя одинъ и тотъ же стихъ (какъ и въ другихъ Ганахъ) повторяется иногда нѣсколько разъ, но въ различной музыкальной транскрипціи. Составъ сборника Āṅguyā-Gāna изложенъ мною ниже, а здѣсь

⁷⁶⁾ См. также извлеченіе изъ Devīpurāṇa, помѣщенное Веберомъ рядомъ съ текстомъ Saṃavayūha (Ind. Stud. III).

⁷⁷⁾ См. Комментарій Саяны, стр. 18.

⁷⁸⁾ Ibid. стр. 14.

⁷⁹⁾ Die Hymn. d. SV. стр. VI.

я замѣчу только, что *Āg-Gāna* дѣлится на шесть *ṅgarāthaka* (каждая *ṅgarāthaka*—на половины), къ которымъ, въ видѣ дополненія, присоединяются стихи *Mahānāmnyas*, въ музыкальной формѣ. Тѣ *sāman* этого сборника, основа которыхъ заключается въ *Āgśika*, взяты не только изъ *Āraṇyaka* (этотъ отдѣлъ входитъ сюда весь), но также и изъ *Chandas*; отсюда видно близкое отношеніе *Āg-Gāna* къ *Geṇa-Gāna*, въ отличіе отъ остальныхъ двухъ сборниковъ. Что касается *ūha-gāna*, то этотъ сборникъ, состоящій изъ 23 книгъ, примыкаетъ къ *Uttarā*, но располагаетъ матеріалъ очень часто не въ томъ порядкѣ, какой извѣстенъ намъ изъ текста *Āgśika* ⁸⁰). Въ связи съ *Uttarā* стоитъ и четвертый изъ сборниковъ, *ūhya-gāna*, заключающій въ себѣ 6 книгъ ⁸¹); онъ долженъ быть разсматриваемъ, вѣроятно, какъ дополненіе предшествующаго, но, впрочемъ, взаимное отношеніе *ūha-gāna* и *ūhya-gāna* для меня не ясно, такъ какъ тексты этихъ сборниковъ пока еще не изданы.

Въ *Śatapatha-Bṛāhmaṇa* (принадлежащей къ Бѣлой Яджурведѣ) число *sāman* опредѣляется въ 4000 ⁸²), а *Caranavyūha* ⁸³) и *Vāyu-Purāṇa* ⁸⁴) насчитываютъ ихъ до 8014. Должно замѣтить, что эти числа, взятые сами по себѣ, не кажутся большими, въ виду того, что многіе *sāman* тождественны по звуковой сторонѣ и отличаются лишь музыкальною формою, при чемъ каждый *sāman* получаетъ специальное названіе, напр. *āngirasa*, *bārhaspatya*, *saṅprasāman* и т. д. Эти названія даются часто по имени автора, которому *sāman* приписывается, или бога, которому онъ посвященъ, или по тому слову, которое вставляется при пѣніи (см. ниже), и т. д., но въ нѣкоторыхъ случаяхъ также происхожденіе этихъ названій остается для насъ загадочнымъ. Я не могу входить здѣсь въ разсмотрѣніе того, на сколько согласуются приведенныя выше цифры съ числомъ стиховъ *sāman*, оказывающимся въ настоящее время въ Ганахъ, такъ какъ это послѣднее число не извѣстно мнѣ, но на основаніи имѣющихся данныхъ ⁸⁵) я думаю, что оно гораздо ближе къ 4000, чѣмъ къ 8014. Трудно рѣшить, какъ должно объяснять разницу

⁸⁰) См. Бенфея *ibid.* стр. VII.

⁸¹) *Ibid.* стр. VIII.

⁸²) См. Вебера въ *Indische Studien I: Ueber die Literatur des Sāmaveda.*

⁸³) *Indische Studien III: Caranavyūha*, § 34.

⁸⁴) *Die Hymn. d. SV.* стр. XX.

⁸⁵) Справ. *Indische Studien III: Index zu den Harmonieen und Discrepanzen in Th. Benfey's Ausgabe des Sāmaveda.*

между этими двумя цифрами. Если в течение того времени, которое лежит между Шатапатхабрахманой и Ваюпураной, число *sāman* возросло вдвое, то это можно было бы, конечно, понимать так, что новые вариации в способе пения того или другого *sāman* увеличили, наконец, общее число стихов до 8014. Но против этого говорить уже то, что в текстах Гань, существующих в настоящее время, число *sāman*, как я замѣтилъ, должно быть ближе къ 4000, т. е. къ цифрѣ, приводимой въ Шатапатхабрахманѣ, а не къ 8014. Наконецъ, для двухъ Гань, именно для *Geṇa-Gāna* и для *Āgaṇya-Gāna*, у насъ есть средство опредѣлить составъ этихъ сборниковъ въ эпоху болѣе древнюю, чѣмъ та, къ которой относится составленіе *Vāyu-Purāṇa* или *Śaṅkayūha*. Я разумѣю оглавленіе къ *Geṇa-Gāna* и *Āg-Gāna*, помѣщенное въ *Ārṣheya-Brāhmaṇa* (иначе: *ṛshi-Brāhmaṇa*) Все произведеніе состоитъ лишь изъ этого оглавленія, откуда видно, что въ собственномъ смыслѣ это не есть брахмана; однако то, что это оглавленіе причисляется къ брахманамъ⁸⁶⁾, указываетъ на древность его составленія. Такимъ образомъ, допуская, что *Ārṣheya-Brāhmaṇa* уступаетъ по времени происхожденія Шатапатхабрахманѣ, мы все таки должны отнести ее къ древнѣйшему періоду индійской литературы, между тѣмъ какъ *Vāyu-Purāṇa* и *Śaṅkayūha* отдѣляются отъ насъ лишь нѣсколькими вѣками. Изъ оглавленія, помѣщеннаго въ *Ārsh-Brāhm.*, мы видимъ, что число *sāman*, извѣстное намъ изъ текстовъ *Geṇa-Gāna* и *Āgaṇya-Gāna*, почти то же, какое было и въ періодъ составленія этой брахманы. Я говорю „почти“, такъ какъ изъ сравненія *Āg-Gāna* съ этимъ оглавленіемъ (см. ниже) оказывается, что *Ārṣheya-Brāhmaṇa* знала въ нашемъ сборникѣ нѣсколько такихъ *sāman*, которыхъ мы теперь не находимъ въ немъ⁸⁷⁾; напр. въ оглавленіи мы читаемъ: *vṛṣhake dve*, т. е. два стиха „*vṛṣhaka*“, между тѣмъ какъ въ соответствующемъ мѣстѣ текста (III, 1, 20) стоитъ лишь одинъ стихъ, называющійся *vṛṣhaka*⁸⁸⁾. Такимъ образомъ сравненіе *Ārṣheya-Brāhmaṇa* съ текстами Гань доказываетъ не увеличеніе числа *sāman*, но нѣкоторое уменьшеніе. Чтобы объяснить себѣ

⁸⁶⁾ Между тѣмъ какъ, напр., оглавленіе къ Ригведѣ не называется брахманой.

⁸⁷⁾ Я говорю лишь объ отношеніи текста *Āg-Gāna* къ *Ārṣheya-Brāhmaṇa*, такъ какъ не прослѣдилъ въ подробностяхъ отношенія, существующаго между этимъ оглавленіемъ и текстомъ *Geṇa-Gāna*; но и здѣсь разница, если только она есть, можетъ касаться лишь нѣсколькихъ стиховъ.

⁸⁸⁾ Оба стиха «*vṛṣhaka*» были тождественны, конечно, по звуковой формѣ и отличались лишь со стороны музыкальной.

происхождение цифры 8014, не слѣдуетъ ли предположить, что въ это число входили варианты *одного и того же sâman*, существовавшие въ различныхъ школахъ Самаведы?

Посмотримъ теперь, при помощи какихъ средствъ стихъ—*ṛc* получаетъ форму стиха—*sâman*. Саяна, коснувшись этого вопроса, указываетъ прежде всего на семь музыкальных тоновъ, *svaṇa*, которые называются въ слѣдующемъ порядкѣ: „*krushṭa*“ (собств. „вскрикнутый“), „первый“, „второй“ и т. д. до шестаго включительно ⁸⁹⁾. Эти тоны допускаютъ въ свою очередь множество промежуточныхъ подраздѣлений ⁹⁰⁾ и, само собою разумѣется, вносятъ въ *sâman* то, что составляетъ его существенный характеръ, т. е. музыкальность. Поэтому въ *Chândogya-Upanishad* (1, 8) на вопросъ: „откуда происходитъ *sâman*?“ слѣдуетъ отвѣтъ: „изъ музыкальнаго тона“ (*kā sâmo gatiṛ iti, svaṇa iti hovāsa*) ⁹¹⁾. Обращаясь затѣмъ къ измѣненію звуковой стороны, сопровождающему переходъ *ṛc* въ *sâman*, Саяна начинаетъ цитатою изъ Шаварасрамина (*Śavarasvāmīn*): *sāmavede sahasraṇaṁ gityupāyāḥ*, т. е. „въ Самаведѣ существуетъ тысяча средствъ для пѣнія“. Изъ числа этихъ средствъ Шаварасраминъ называетъ слѣдующія: перемѣну звуковъ, *akṣhara-vikāra*, раззятіе, *viçlesha*, растяженіе, *vikarṣhaṇa*, повтореніе, *abhyāsa*, наузу, *virāma*, и „стобху“, *stobha* (о котор. см. далѣе) ⁹²⁾. Сюда же Саяна присоединяетъ отпаденіе звука (или буквы), *varṇa-lora*, какъ напр. слово *gīṛā* обращается иногда въ *īṛā*, откуда (съ усиленіемъ *i* въ *āi* и съ раззятіемъ *āi* въ *ā-i=āyi*) *āyīṛā* (стр. 14).

Чтобы сдѣлать болѣе нагляднымъ переходъ *ṛc* въ *sâman*, я привожу здѣсь изъ *Geyā-Gāna* три стиха—*sâman*, соответствующіе одному первому стиху—*ṛc* въ *Chandas*; замѣчу при этомъ, что ударенія, которыя разнятся въ Ганахъ отъ удареній въ *Ārcika*, не переданы мною здѣсь ради типографскихъ удобствъ.

Ch. 1, 1, 1 (въ текстѣ „*samhitā*“): *agna ā yāhi vitaye gr̥māno havyadātaye, ni hotā satsi barhishi.*

⁸⁹⁾ *Sāmaçabdavācyasya gānasya svarūpam ṛgakṣharaṣhu krushṭādibhiḥ saptaabhiḥ svarāiḥ akṣharavikāradibhiḥ nishpādyate, krushṭaḥ prathamō dvitīyas tṛtīyaḥ caturthaḥ pañcamaḥ ṣaṣṭhaḥcety ete saptaṣvarāḥ* (стр. 10—11).

⁹⁰⁾ Ibid. стр. 11: *te cāvāntarabhedāir bahudhā bhinnāḥ*.

⁹¹⁾ Далѣе: «Откуда происходитъ музыкальный тонъ?»—Изъ дыханія.—«Откуда происходитъ дыханіе?»—Отъ пищи и т. д.

⁹²⁾ *Tat—(т. е. giti-) sampādanārtho 'yam ṛgakṣharavikāro viçlesho vikarṣhaṇam abhyāso virāmaḥ stobha ity evamādayaḥ sarve sāmavede samāmnāyante* (стр. 12).

Geya-Gāna:

I: ognā-i, āyāhi 3 voitoyā 2i ⁹³⁾, toyā 2i, grānoha, vyadātoya 2i, toyā 2i, nā-ihotāsā 23, tsā 2i, vā ⁹⁴⁾ 234 āuhovā, hi 234 shī.

II: agna āyāhivi, tayā-i, grānohavyadātā, 23 yā-i, nihotāsatsi-varhā 23 ishi, varhā 2 ishā 234 āuhovā, varhi 3 shī 2345.

III: agna āyāhi, vā 5 itayā-i, grāno havyadā 1 tā 3 ye, nihotā 234 sā, tsā 234 ivā 3, hā 234 ⁹⁵⁾ isho 6 hā-i ⁹⁶⁾.

Въ числѣ средствъ, употребляемыхъ для пѣнія стиховъ, Шавара-расваиниъ называетъ, какъ мы видѣли, „стобху“, stobha. Саяна даетъ слѣдующее опредѣленіе стобхъ: adhikatte sati ṛgvilakṣhaṇa-varṇaḥ stobhaḥ (стр. 13), т. е. „стобха состоитъ изъ буквъ (звуковъ), не входящихъ въ ṛс и составляющихъ излишекъ.“ Слова „adhikatte sati“ (собств. „при существованіи излишка“) необходимы для точнаго опредѣленія стобхы, такъ какъ напр. въ ognā-i (см. I sāman изъ Geya-Gāna), вмѣсто agne, звукъ o также не входитъ въ ṛс, но онъ не составляетъ излишка, а замѣняетъ a, и эта замѣна служить, слѣдовательно, однимъ изъ примѣровъ для akṣha-gavikāra, о котор. упомянуто выше. Въ стихахъ sāman, приведенныхъ мною изъ Geya-Gāna, стобхою мы должны назвать поэтому агрегатъ звуковъ: āuhovā, а также hā-i (=hāyi), подобно тому какъ Саяна приводитъ ниже (стр. 40) подъ именемъ стобхы другой агрегатъ: āuhovāyi. Назначеніе стобхы онъ видитъ въ наполненіи мѣры времени, необходимаго для пѣнія (gṛtikālaparichedakatva, стр. 41), въ связи съ чѣмъ стоитъ также позднѣйшее употребленіе этого слова „въ свѣтѣ“, или въ свѣтской рѣчи (въ противоположность Ведамъ), въ значеніи агрегата словъ, не имѣющаго опредѣленнаго значенія и произносимаго въ собраніи (т. е. театрѣ) обманщикомъ (т. е. фокусникомъ), единственно съ цѣлью занять чѣмънибудь время („loke 'pi sabhāyāṃ vipralambhakenocyamānaṃ prakṛtārthānanvitaṃ kṛlakṣhepamātrahetuṃ śabdardāḥ stobha ity ācakṣhate“, стр. 14). Не слѣдуетъ, однако, думать, чтобы стобха въ Самаведѣ состояла всегда изъ звуковъ—восклицаній; подъ этимъ именемъ

⁹³⁾ Въ Калькуттск. изданіи опечатка: viitoṃ 2i.

⁹⁴⁾ Т. е. bā, такъ какъ b и v часто смѣшиваются въ рукописяхъ. Согласно г передъ другою согласною не рѣдко пропадаетъ въ Ганахъ, какъ напр. здѣсь bārhiṣṭh обратилось въ bā—(или vā-) hiṣṭi.

⁹⁵⁾ Въ Калькуттск. изданіи стоитъ здѣсь 2334, но это, конечно, опечатка.

⁹⁶⁾ Āsheya - Brāhmaṇa называетъ эти три стиха sāman такъ: gotamasya parkāḥ abhitaḥ, kaṣṭapasya bārhiṣṭyaṃ, т. е. «съ обѣихъ сторонъ по стиху «parka» Готамы, въ срединѣ стихъ «bārhiṣṭya» Камьяши.»

мы встречаемъ также слова и цѣлыя изреченія, вставляемыя въ тотъ или другой стихъ, а иногда даже образующія сами по себѣ отдѣльный *sāman*. Можетъ казаться страннымъ то, что Саяна не останавливается на *stobha*хъ этого рода, но во всякомъ случаѣ опредѣленіе, даваемое имъ: *adhikātve saty ṛgvilakṣaṇavagṛāḥ stobhaḥ* простирается, по моему мнѣнію, на всѣ виды *stobha*. Ученый издатель Самаведы, *Satyavrata Sāmaśramī*, замѣчаетъ по поводу приведеннаго мѣста, что это опредѣленіе подходитъ лишь къ *stobhā* звуковой или буквеной (*varṇastobha*) и не простирается на 9 *stobhā*—изреченій (*vākyastobha*) и на 15 *stobhā*—словъ (*padastobha*)⁹⁷⁾; но подъ звуками отличающимися отъ *ṛс*, т. е. не входящими въ *ṛс*, можно разумѣть, мнѣ кажется, всѣ виды *stobha*, тѣмъ болѣе что сложное слово *ṛgvilakṣaṇavagṛā* не должно быть понимаемо здѣсь въ смыслѣ существительнаго, такъ какъ иначе Саяна не назвалъ бы *stobha*ю, въ единств. числѣ, агрегатъ звуковъ: *śuhoḥāyī* (стр. 40). Мы увидимъ, однако, далѣе, что дѣйствительно есть основаніе думать, что Саяна имѣлъ въ виду лишь нѣкоторыя *stobha*, но для меня непонятно, что выражаетъ у *Satyavrata Sāmaśramī* терминъ *varṇastobha* (такъ какъ, напр., *hā* есть не *varṇastobha*, но *padastobha*), и во всякомъ случаѣ я не могу съ нимъ согласиться, когда онъ на основаніи приведеннаго выше опредѣленія видитъ *stobha* въ *tsāyī=tsā-i* (см. выше I стихъ въ *Geya-Gāna*), изъ *tsi*⁹⁸⁾ (въ соответствующемъ мѣстѣ въ *Chandas*); изъ словъ Саяны на стр. 39 слѣдуетъ, что подобные случаи должны объясняться не *stobha*ю, но усиленіемъ (*vṛddhi*) гласной *i* въ дифтонгъ *āi*, изъ котораго черезъ „разъясненіе“ (*viçlesha*) получается *ā-i* (ибо въ дифт. *āi* „звукъ *ā* первая часть, звукъ *i* вторая часть, *ākāraḥ pūrvo bhāgaḥ, ikāraḥ uttarabhāgaḥ*)⁹⁹⁾ или, прибавимъ, *ā-i* (что вѣрнѣе и со стороны теоретической), такъ какъ въ Ганахъ гласная *i* часто бываетъ здѣсь краткою.

Изъ примѣчанія, дѣлаемаго издателемъ Самаведы, *Satyavrata Sāmaśramī*, (стр. 13) мы узнаемъ, что *stobhā*—словъ считается 15,

⁹⁷⁾ *Tad etallakṣhaṇam, rohoritv Satyavr. Sāmaśr., varṇastobhamāstrasyābhipretam, ena āçastyādinavavidhavākyaastobhe hā-akārādipañcadaçapadastobheshu ca nāvṛāptiḥ* (стр. 13, примѣч.).

⁹⁸⁾ *«tsi»—iti mūlakaḥ «tsā 2 yi» ityaṃçaḥ stobhaḥ* (стр. 12, примѣч.).

⁹⁹⁾ Саяна: *ikāraḥ sāmāprasiddhayaḥ prakriyayā* (въ изданіи опечатка: *praktiyayā*) *vṛddhaḥ sann āikāro bhavati, tasya sandhyakṣharatvāt «ākāraḥ pūrvo bhāgaḥ, ikāraḥ uttarabhāgaḥ», tāv ubhāu viçlesheṇa giyamānāu ā-ibhāvam pratipadyete* (стр. 39).

а стобхъ-изречений 9. Эти послѣднія носятъ слѣдующія названія: *âcâsti*, *stuti*, *saṃkhyāna*, *pralaya*, *paridevana*, *prâisha*, *anveshaṇa*, *srshṭi*, *âkhyāna*. Въ этомъ же порядкѣ *Satyavr. Sâmaçr.* приводитъ ихъ далѣе по ихъ начальнымъ словамъ или же цѣликомъ и замѣчаетъ, что эти 9 стобхъ-изречений и 15 стобхъ-словъ встрѣчаются въ Ганахъ въ стихахъ *sâman*. Но что касается, по крайней мѣрѣ, *Âraṇya-Gâna*, то къ этому сборнику не можетъ быть примѣняемо дѣленіе стобхъ-изречений, изложенное у *Satyavr. Sâmaçr.* Мы встрѣчаемъ здѣсь очень много слоговъ (безъ опредѣленнаго значенія), словъ и изречений, не принадлежащихъ къ стихамъ *ṛc*, а составляющимъ часть того произведенія, которое называется *Stobha* (въ ед. ч.) Съ этимъ произведеніемъ я знакомъ по двумъ рукописямъ лондонской библіотеки при *India Office* (№№ 280 и 665)¹⁰⁰⁾, гдѣ *Stobha* приводится въ текстѣ „pada“, и при томъ въ № 280 съ обозначеніемъ удареній. *Stobha* состоитъ изъ двухъ книгъ—*prapaṭhaka*, которыя подраздѣляются на половины и главы, или параграфы; первая *prapaṭhaka* имѣетъ 14 главъ (половина послѣ восьмой главы), а вторая—11 (половина послѣ пятой главы). Изъ сравненія этого произведенія съ *Âr.-Gâna* оказывается, что начинающая съ 4-й главы первой книги и оканчивая 10-ю главою второй, *Stobha* входитъ въ нашъ сборникъ пѣснопѣный, при чемъ отдѣльныя изреченія, а также слова, приводятся въ *Âr.-Gâna* въ томъ же порядкѣ, въ какомъ они стоятъ въ *Stobhâ*. Этотъ порядокъ вовсе не согласуется съ тѣмъ, въ которомъ называется *Satyavr. Sâmaçr.* девять *vâkystobha*, точно такъ же какъ нѣтъ здѣсь ни этого дѣленія на 9 частей, ни названій для каждой части. Что касается стобхъ-слововыхъ и стобхъ-словъ, то, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, повторяющихся въ *Âr.-Gâna* очень часто, почти въ каждомъ *sâman* (напр. *âhuvâ*, *idâ* и т. п.), общій порядокъ остается и здѣсь тотъ же, что въ самомъ текстѣ *Stobha*. Такого же рода отношеніе должно существовать между этимъ текстомъ и сборникомъ *Geyā-Gâna*; главная разница лишь въ томъ, что *Stobha* входитъ¹⁰¹⁾ въ этотъ сборникъ въ гораздо меньшемъ объемѣ, чѣмъ въ *Âr.-Gâna*, такъ какъ на долю *Geyā-Gâna* приходятся, повидимому, только три главы первой *prapaṭhaki* въ *Stobhâ*. На сколько я могу су-

¹⁰⁰⁾ Срав. также въ Каталогѣ *Burnell's* № 153.

¹⁰¹⁾ Употребляя это выраженіе, я вовсе не хочу сказать, что Ганы предполагаютъ существованіе *Stobha*; напротивъ, я думаю, что текстъ *Stobha* былъ извлеченъ изъ Ганъ и освобожденъ при этомъ отъ музыкальной формы.

дять о сборникѣ Geṇa-Gāṇa по той части его, которая напечатана въ первыхъ выпускахъ Калькуттскаго изданія Самаведы, порядокъ Стобһы и здѣсь сохраняется въ общемъ, опять таки за исключеніемъ нѣкоторыхъ слоговъ и словъ, повторяющихся особенно часто; впрочемъ, такихъ исключеній здѣсь, можетъ быть, больше ¹⁰²⁾, чѣмъ въ *Āṅ-Gāṇa*.

Всѣ эти слоги, слова и изреченія, составляющіе Стобһу, являются въ Ганахъ въ музыкальной формѣ и переплетаются обыкновенно съ словами стиха ṛc, но иногда они образуютъ и самостоятельные sāman. Отсюда мы видимъ, что опредѣленіе Саяны: „gṛtikālaparīchedakatva“ (см. выше) не можетъ быть распространено на Стобһу во всемъ ея объемѣ и касается собственно лишь тѣхъ словъ и слоговъ (подъ послѣдними я разумѣю агрегаты звуковъ безъ опредѣленнаго значенія), которые повторяются особенно часто въ sāman, не образуя самостоятельныхъ стиховъ. Подъ 15 padastobha мы должны, вѣроятно, разумѣть именно эти слова и слоги съ музыкальнымъ назначеніемъ; но въ текстѣ Stobha они составляютъ лишь самое незначительное меньшинство и при томъ ничѣмъ не отличаются отъ остальнаго его содержанія. По моему мнѣнію, Stobha соединяетъ въ себѣ всѣ тѣ слоги—восклицанія, а также слова и цѣлыя изреченія, которыя употреблялись въ качествѣ формулъ при жертвоприношеніи Сомы. Съ теченіемъ времени нѣкоторые изъ этихъ слоговъ и словъ стали употребляться особенно часто при пѣніи и такимъ образомъ получили новое назначеніе: поддерживать мелодію; но это второстепенное назначеніе вовсе не исключаетъ перваго или, по крайней мѣрѣ, не исключало первоначально и принадлежитъ къ тому же лишь самой незначительной части въ Стобһѣ. По этимологіи слово stobha указываетъ, я думаю, на корень stubh „славить“, „хвалить“ и означаетъ „славословіе“, а по характеру мы можемъ сравнивать Стобһу съ yaṅuṣ въ Яджурведѣ и съ nivid въ брахманахъ ¹⁰³⁾ и сутрахъ. Такимъ образомъ оказывается, что Самаведа точно такъ же состоитъ изъ сти-

¹⁰²⁾ Такъ, напр., въ стихѣ sāman II, 36 (стр. 200) я нахожу слово ṛtān, котораго нѣтъ въ соответствующемъ мѣстѣ текста Стобһы.

¹⁰³⁾ Срав., напр., тѣ формулы, изъ которыхъ *исключительно* состоитъ первая книга въ *Tāṇḍya-Brāhmaṇa*. Эта брахмана, принадлежащая къ Самаведѣ, издается въ Калькуттѣ въ Bibliotheca Indica (New Series, № 170 и друг.). На одной изъ первыхъ страницъ (первая книга, пятая глава) здѣсь встрѣчается опечатка, искажающая смыслъ; вмѣсто «pitā no 'si bhagavan» напечатано: «pitā no 'si māmatan». Чтеніе bhagavan явствуетъ изъ комментарія Саяны и изъ берлинск. рук.

ховъ и формулъ, какъ и Яджурведа; правда, оба эти элемента соединяются въ Самаведѣ иначе, чѣмъ въ Яджурведѣ, и въ первой изъ нихъ жертвенныя формулы не имѣютъ того значенія, какъ въ послѣдней, но общій составъ двухъ этихъ Ведъ остается все таки однороднымъ. Дальнѣйшее различіе между формулами Самаведы и Яджурведы состоитъ въ томъ, что первыя лишены нерѣдко всякаго опредѣленнаго смысла и состоятъ на половину изъ слоговъ (т. е. восклицаній) или же отдѣльныхъ, не связанныхъ между собою словъ, и даже самыя изреченія здѣсь часто неудобопонимаемы, или вслѣдствіе своей отрывочности, или вслѣдствіе порчи звуковой формы. Но въ формулѣ имѣетъ важность не буквальное значеніе ея, а то символическое, которое дается традиціоннымъ употребленіемъ извѣстныхъ словъ (или восклицаній) въ связи съ тѣмъ или другимъ дѣйствіемъ; въ этомъ отношеніи *stobha* представляетъ намъ, слѣдовательно, формулу болѣе развитую, сравнительно съ *yaśus*. Понятно вмѣстѣ съ тѣмъ, какимъ образомъ слово *stobha* получило впослѣдствіи въ „свѣтской“ рѣчи то значеніе, о которомъ упоминаетъ Саяна (см. выше).

Сказанное мною о Стобхѣ распространяется также и на вставки въ стихахъ *Mahānāmnyas*, т. е. на *purīsha* или *purīshapada* (см. ниже, въ Комментаріи). Эти вставки также принадлежатъ къ жертвеннымъ формуламъ и однородны по характеру съ Стобхою; замѣчательно то, что онѣ внесены въ текстъ *Āgśika*, рядомъ съ самыми стихами, между тѣмъ какъ мы ожидали бы встрѣтить ихъ въ текстѣ *Stobha*.

Тождественнымъ по значенію съ *stobha*, какъ жертвеннымъ изреченіемъ въ Самаведѣ, является *uktha*. Уже въ Ригведѣ можемъ мы понимать это слово въ смыслѣ изреченія, въ отличіе отъ стиха и пѣсни; срав. RV. 3, 5, 2 (*stoma*, *gir*, *uktha*); 6, 5, 5 (*uktha*, *arka*); 6, 34, 1 (*ukthārka*); 6, 24, 7 (*stoma*, *uktha*); 3, 15, 4 (*gir*, *uktha*); 6, 38, 4 (*id*); 7, 26, 2 (*uktha*, *nītha*) и т. д. Прилагательное *ukthin*, „сопровождаемый изреченіями“, въ соединеніи съ *soma* (RV. 8, 65, 8; срав. 3, 52, 1, гдѣ существуетъ. подразумевается), указываетъ на употребленіе изреченій при жертвоприношеніи Сомы, а въ *ukthaçushmā giras* (6, 36, 3) ¹⁰⁴⁾ можно видѣть такого же

¹⁰⁴⁾ Петерб. Словарь переводитъ *ukthaçushma*: «mit ranschenden oder brausenden Sprüchen versehen»; Словарь Грассмана: «durch Sprüchen Kraft verleihend». По моему мнѣнію: «сильный изреченіями»; при чемъ въ примѣненіи къ пѣсни остается не выраженный: имѣющая ли силу отъ изреченій, или дарующая силу изреченіями (которыя соединены съ пѣснью).

рода сочетаніе стиховъ и жертвенныхъ формулъ, какое является въ Ганахъ. Въ литературѣ брахманъ и сутръ слово *uktha* употребляется о жертвенныхъ формулахъ въ Самаведѣ (срав. напр. Çatap. Brâhm. 12, 8, 3, 27 ¹⁰⁵): *kvâitasya sâmnâ uktham, kâ prâ-tishṭhâ*) и составляетъ особый видъ изреченій, отличающійся отъ *yağus* въ Яджурведѣ и отъ *brahman* въ Atharvavedѣ (*Chândogya-Upan. 1, 7, 5: sâivark tatsâma taduktham tadyağus tadbrahma*) ¹⁰⁶). Въ *Mahâbhâshya* *uktha* толкуется черезъ *sâman* („*kâni punar ukthâni? sâmâni*“; см. *Ind. Stud. XIII, 447*), и это надо понимать такъ, что *ukthâni* принадлежатъ къ числу *sâmâni*, именно *sâman*, состоящій изъ жертвенной формулы, есть *uktha*. Изъ Бенфеевскаго Указателя къ стихамъ *sâman* (*Ind. Stud. III: Index zu den Harmonien und Discrepanzen*) можно видѣть, что названіе *uktha* не дается, какъ специальное, *sâman*; другими словами, это—названіе родовое, и потому его нельзя сопоставлять съ *gathamṭara, vâirûpa* и т. д., какъ это дѣлаетъ Бенфей въ Введеніи къ своему изданію Самаведы, стр. XIV. Отъ *uktha* происходитъ *âukthika*, „тотъ, кто изучаетъ или знаетъ уктхы“, и объ образованіи этого слова учить уже Панини (IV, 2, 60), которому извѣстно также и слово *âukthikya* (IV, 3, 129). Подъ этимъ послѣднимъ названіемъ, упоминаемымъ и въ *Mahâbhâshya*, разумѣется трактатъ объ уктхахъ, принадлежащій къ *Sâmalakshana* („Характеристика *sâman*“), какъ это сообщаетъ Кайята (*Kâiṇya*, комментаторъ къ *Mahâbhâshya*), по словамъ котораго *Sâmalakshana* есть *prâtiçâkhyâ çâstra*, или *pârshada* ¹⁰⁷) (о Пратишакхьяхъ, или Паршадахъ, другихъ Ведъ см. ниже). Веберъ замѣчаетъ по поводу этого названія: „ein dgl. war bisher nicht bekannt“, и дѣйствительно, о Пратишакхья Самаведы мы до сихъ поръ ничего не слыхали, но Веберъ, какъ кажется, не знаетъ, что съ частью этого произведенія (хотя названіе *prâtiçâkhyâ* не было извѣстно) онъ самъ давно уже знакомъ, именно съ *Sâmatantra* ¹⁰⁸).

¹⁰⁵) Эта цитата, равно какъ и слѣдующая, взята мною изъ Петерб. Словаря; см. подъ словомъ *uktha*, гдѣ, однако, *uktha* опредѣляется иначе, чѣмъ у меня.

¹⁰⁶) Въ *Ind. Stud. I, 29* Веберъ говоритъ по поводу *uktha*, что въ Çatap.-Brâhm. 10, 5, 4, 20 это слово употреблено въ значеніи *ṛc* (радомъ съ *yağus* и *sâman*). Я не имѣю подъ руками текста Шатанатхабрахманы, но сомнѣваюсь въ томъ, чтобы это толкованіе было вѣрно; *uktha* имѣетъ, вѣроятно, и здѣсь значеніе жертвенной формулы въ Самаведѣ.

¹⁰⁷) См. *Ind. Stud. XIII, 447*.

¹⁰⁸) См. *Akadem. Vorlesungen über indische Literaturgeschichte*, стр. 80. Срав. также Макса Мюллера *History of ancient Sanskrit Literature*.

На основаніи свидѣтельства, заключающагося въ *Samānavyūha*, § 33, можно видѣть, что *Sāmalakṣhaṇa* состоитъ изъ трехъ произведеній: *ṛktantra*, *Sāmatantra* и *Āukthikya*; это дѣленіе находится въ связи съ тройнымъ составомъ Самаведы (пѣснопѣніе *sāman*, стихъ *ṛc*, жертвенное изреченіе *uktha*=*stobha*) и важно для насъ въ томъ отношеніи, что подтверждаетъ сказанное мною выше о жертвенныхъ формулахъ какъ необходимомъ элементѣ этой Веды. Параграфъ изъ *Samānavyūha*, относящійся сюда, долженъ читаться такъ: *tatra kiṃcit punar āukthikyam* ¹⁰⁹⁾ *ṛktantram sāmatantram ca tatsamṅgīḍdhātulakṣhaṇam* ¹¹⁰⁾ *iti vidhiyante*. На основаніи этого мѣста нельзя бы было еще заключать о грамматическомъ содержаніи *Sāmalakṣhaṇa*, но срав. сказанное Веберомъ о *Sāmatantra*, равно какъ и то обстоятельство, что комментаторъ называетъ *Sāmatantra*: *vyākaraṇa* („грамматика“); это же названіе соединяется и съ *ṛktantra*, какъ можно видѣть изъ Каталога санскритск. рукоп. оксфордской библіотеки, гдѣ *ṛktantra vyākaraṇa* приводится въ числѣ *pariṣiṣṭa* Самаведы ¹¹¹⁾. Въ той же библіотекѣ существуетъ, повидимому, и третья часть *Sāmalakṣhaṇa*, т. е. *Āukthikya*, но только подъ названіемъ *Ukthaśāstra* ¹¹²⁾ (въ числѣ *pariṣiṣṭa*), „Ученіе объ укथाхъ“. Въ значеніи *āukthikya* употребляется также *ukthārtha* ¹¹³⁾ и даже просто *uktha*; срав. въ *Mahābhāṣya*: *ukthārtham uktham* и у Кайяты: *ukthaśabdena* ¹¹⁴⁾ *gāṇyā vṛttyā sāmalakṣhaṇam āukthikyam* *ucyate*, т. е. словомъ *uktha* въ переносномъ употребленіи обозначается

¹⁰⁹⁾ Веберъ пишетъ *auchidyam*, но замѣчаетъ при этомъ: «aus den Lesarten von C. D. conjicire ich *aukthikyam*».

¹¹⁰⁾ Веберъ совершенно не понялъ этого мѣста и читаетъ: *tatsamṅgīḍdhātulakṣhaṇam*. Здѣсь *lakṣhaṇa* употреблено въ смыслѣ *Sāmalakṣhaṇa* («*lakṣhaṇa*, состоящая изъ (трехъ) частей подъ этими названіями»).

¹¹¹⁾ См. *Catalogi Codicum Msc. Bibliothecae Bodleianae Pars Octava codices sanscritos complectens* (Confecit Th. Aufrecht), стр. 378.

¹¹²⁾ *Ibid.* стр. 383 b, № 466. Въ томъ же Каталогѣ называется и *Sāmatantra* (стр. 386).

¹¹³⁾ Кайята (*Ind. Stud.* XIII, 447): *ukthārtham iti sāmalakṣhaṇam prāticākhyam śāstram*, откуда не слѣдуетъ, однако, заключать, что названія *ukthārtha* и *sāmalakṣhaṇa* покрываютъ одно другое; *ukthārtha* только принадлежитъ къ *sāmalakṣhaṇa*.

¹¹⁴⁾ Веберъ напрасно прибавляетъ: «d. i. durch den Plural *ukthāni*»; Кайята вовсе не имѣетъ въ виду формы *ukthāni*, употребленной въ *Mahābhāṣya*, или иначе пришлось бы предположить, что онъ не понимаетъ того мѣста, которое комментируетъ, такъ какъ *Patāñjali* говоритъ въ данномъ случаѣ объ *ukthāni* въ смыслѣ *sāmāni* и противопоставляетъ имъ далѣе *āukthikya*, трактатъ объ укथाхъ.

sāmalakshaṇa āukthikya (т. е. часть *sāmalakshaṇa*, именно *āukthikya*). То же говорится и въ *Siddhāntakāumudī* (къ Панини IV, 2, 60) ¹¹⁵⁾: *ukthaṁ sāmaviṣeṣaḥ, tallakṣaṇaparo granthaviṣeṣho lakṣaṇayoktham*, т. е. „*uktha* есть видъ пѣснопѣннй *sāman*; извѣстный текстъ, занимающійся характеристикой *uṇh*, есть *uktha* въ переносномъ смыслѣ“.

Ни одинъ изъ сборниковъ Ганъ, повидимому, не содержитъ въ себѣ Стобху въ такомъ объемѣ, какъ *Āraṇya-Gāna*, и на основаніи этого обстоятельства, можно было бы относить редакцію *Āraṇya-Gāna* къ эпохѣ болѣе поздней, сравнительно съ *Geya-Gāna* и др.; но пока намъ не будетъ извѣстенъ въ точности составъ остальныхъ сборниковъ, мы должны остерегаться отъ подобныхъ выводовъ, по ихъ преждевременности. Во всякомъ случаѣ мы знаемъ, что стобха музыкальная входитъ во всѣ Ганы и составляетъ вообще одну изъ существенныхъ частей стиха *sāman*. Въ *Sāmavidhāna-Brāhmaṇa* (I, 1) отношеніе стобхы къ другимъ элементамъ въ *sāman* опредѣляется при помощи сравненія такимъ образомъ: *tasya ha vā etasya sāmna ṛg evāsthīni, svargo māṇsāni, stobhā lomāni*, т. е. „въ этомъ-то *sāman* стихъ *ṛc* есть кости, музыкальный тонъ—тѣло, стобхы—волосы“. Какъ бы то ни было, присутствіе въ Ганахъ стобхъ, т. е. жертвенныхъ формулъ, даетъ нѣкоторые указанія относительно времени редакціи этихъ сборниковъ пѣснопѣннй. Я говорю здѣсь о Ганахъ въ той формѣ, какъ они извѣстны намъ, а не о стихахъ *sāman* вообще. Мантры Самаведы издревле предназначались для пѣнія, и текстъ *Ārcika* съ самаго начала имѣлъ назначеніе *libretto*, но отсюда не слѣдуетъ, чтобы Ганы, которые мы знаемъ, были одновременны съ нимъ по редакціи. Для *Uttarā* эта неодновременность доказывается уже тѣмъ, что въ томъ сборникѣ пѣснопѣннй, который основывается на этомъ отдѣлѣ, т. е. въ *ūha-gāna*, очень многіе гимны (въ музыкальн. формѣ) являются, по свидѣтельству Бенфея, совершенно въ другомъ порядкѣ, чѣмъ въ текстѣ *Ārcika*. Подобнымъ же образомъ должно объяснять несоотвѣтствіе отдѣла *Āraṇyaka* съ *Āraṇya-Gāna*; порядокъ стиховъ остается здѣсь, правда, тотъ же (за однимъ исключеніемъ въ нашей редакціи), но за то стихи изъ *Āraṇyaka* составляютъ лишь незначительную часть сборника *Āraṇya-Gāna*, который, кромѣ того, содержитъ въ себѣ много стиховъ изъ *Chandas*, равно какъ и Стобху, въ очень значительномъ объемѣ. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что

¹¹⁵⁾ См. Pāṇini въ изданіи Бетлингга, т. II, стр. 179.

текстъ *Ārsika* могъ быть установленъ ранѣе текста Ганъ, ибо пѣніе вносило въ *sāman* элементъ подвижной, видоизмѣнявшійся съ теченіемъ времени и представлявшій трудности для фиксирования. Такимъ образомъ извѣстная намъ редакція Ганъ можетъ отдѣляться отъ редакціи текста *Ārsika* болѣе или менѣе длиннымъ промежуткомъ времени, въ продолженіе котораго ритуаль развивался, конечно, все болѣе и болѣе, а въ связи съ развитіемъ ритуала усиливалось и употребленіе жертвенныхъ формулъ. Что касается тѣхъ частей Стобны, которыя состоятъ изъ слоговъ—восклиданій или изъ отдѣльныхъ словъ, то понятно, нѣтъ никакой возможности опредѣлить, когда произошло присоединеніе ихъ къ *rs* въ стихахъ *sāman*. Существованіе формулъ предполагаетъ собою ритуаль, но ритуаль, какъ мы знаемъ, вызвалъ и появленіе Самаведы; слѣдовательно, нѣкоторыя части Стобны могли принадлежать уже древнѣйшимъ *sāman* ¹¹⁶). Но Стобна имѣетъ также пѣлыя изреченія, содержаніе которыхъ позволяетъ иногда дѣлать заключенія о времени ихъ происхожденія. Само собою разумѣется, что со стороны теоретической ничто не препятствуетъ намъ допустить существованіе подобныхъ изреченій уже въ древнѣйшихъ *sāman*, и, какъ мы видѣли, слово *uktha* даже въ Ригведѣ можетъ быть понимаемо въ смыслѣ жертвенной формулы. Не отвергая этого въ принципѣ, я долженъ, однако, признать, что тѣ изреченія, которыя извѣстны намъ изъ Ганъ и изъ текста Стобны, въ большинствѣ случаевъ обличаютъ своимъ характеромъ сравнительно позднее происхожденіе: это или обломки старыхъ стиховъ, или же новыя компіляціи. Что касается первыхъ, то ихъ можно узнать по безсвязности содержанія и остаткамъ ритма, а также и по звуковой порчѣ. Для примѣра указываю на слѣдующее мѣсто (Stobha II, 3): *agniḥ śiṣukvaḥ* (sic), *ṣukraḥ śiṣukvaḥ,—tegaḥ—ṣakrasya ṣakvam,—tegaḥ—saprāḥ samīcīḥ* (sic),—*tego—usho na śāraḥ*. Очевидно, что первоначальною основою для этой формулы послужилъ стихъ, соответствующъ

¹¹⁶) Однимъ изъ древнихъ жертвенныхъ восклицаній было *has*, которое часто является въ Ганахъ. Отъ этого *has* происходятъ слова *haskṛti* и *haskartar*, извѣстныя уже изъ Ригведы, при чемъ первое изъ нихъ мы можемъ переводить: жертвенное восклицаніе (собств. «произнесеніе восклицанія *has*»), а второе: жрецъ (собств. «произносящій *has*»). См. RV. 8, 78, 6 (=SV. Utt. 6, 2, 19, 1): *tat te yaśno aśayata tad arka uta haskṛtiḥ*, «тогда явилась (собств. произошла) для тебя (=Индры) жертва, тогда явились гимны и жертвенное восклицаніе»; *viśveshām adhvarāṇām haskartāram* (=agnim), «жреца всѣхъ жертвъ». Съ этими словами должно быть родственно и *haskāra* (не отъ *has* смѣяться) въ RV. 1, 23, 12, но объяснить его трудно.

щій въ Ригведѣ стиху 1, 69, 1: *ṣukraḥ ṣuṣukvān usho na ḡāraḥ* *paṇṇā samīci divo paḡyotiḥ*. Звуковая порча, очень значительная, какъ мы видимъ, показываетъ, что на буквальный смыслъ этихъ формулъ издавна не обращалось вниманія ¹¹⁷⁾. Что касается новыхъ компиляцій въ Стобхѣ, то онѣ могутъ быть съ увѣренностью признаны такими только по содержанію; слѣдовательно, во многихъ случаяхъ, гдѣ содержаніе безразлично въ этомъ отношеніи, мы не можемъ дѣлать никакихъ заключеній касательно болѣе или менѣе древности частей Стобхы. Примѣромъ несомнѣнно новой компиляціи можно привести слѣдующее изреченіе о четырехъ мостахъ, по имени котораго называется и тотъ стихъ *sāman*, куда оно входитъ, *setu-sāman* (или *setushāman*), т. е. *sāman* мостовъ (*Ār.-Gāna* II, 1, 34). Вотъ это мѣсто (Stobha I, 9): *setāns tara dustarān: dānenādānam, akrodhena krodham, ṣraddhayāṣraddhām, satyenānṛtam; eśhā gatiṛ, etad amṛtam; svar* ¹¹⁸⁾ *gaccha, ḡyotir gaccha, setān tīrtvā caturaḥ*, т. е.: „Перейди мосты, трудно проходимые: даяніемъ (милостынею)—не-даяніе, безгнѣвиемъ—гнѣвъ, вѣрою—невѣріе, правдою—неправду; вотъ путь, вотъ безсмертіе! Ступай на небо, ступай въ область свѣта (собств. „въ свѣтъ“), перейдя четыре моста“. Воззрѣнія, выраженные здѣсь, никакъ не могутъ быть названы ведійскими въ собствен. смыслѣ и относятся насъ къ кругу идей, извѣстному изъ литературы брахманъ и сутръ.

Въ заключеніе я позволю себѣ указать на одинъ новый индійскій терминъ, значеніе котораго можетъ быть понято изъ тройнаго состава Самаведы. Я разумѣю слово *tripāṭhin*, употребляемое въ рукописяхъ Самаведы какъ титулъ переписчиковъ ¹¹⁹⁾. Слово это новаго происхожденія, и потому неудивительно, что оно является обыкновенно въ испорченной формѣ *tripāṭhi* (собств. именит. пад., принятый здѣсь за основу) или же въ пракритизированной *tripā ḍin* ¹²⁰⁾,

¹¹⁷⁾ Въ числѣ формулъ, помѣщенныхъ въ *Tāṇḍya-Brāhmaṇa*, есть цѣльные стихи. Таково, напр., слѣдующее мѣсто (I, 2; VI, 6 и друг.): *pra ṣukrāitu devī manishā asmad rathaḥ sutashṭo na vāḡi; viduḥ pṛthivyā divo ḡanitrā chrṇvantv* (т. е. *ṣṛṇvantu*) *āro 'dhaḥ ksharantiḥ*. Въ промежуткѣ между этими двумя стихами вставляется воззваніе: *āyushe me pavasva, varcase me pavasva*. Срав. въ Ригведѣ 7, 34, 1 и 2, гдѣ, однако, оказываются варианты.

¹¹⁸⁾ Въ *Ār. Gāna* *svaḡ* обыкновенно измѣняется въ *suvaḡ*.

¹¹⁹⁾ См. Вебера *Verzeichniss der Sanskrit-Handschriften* (Berlin. 1853), стр. 67 (№ 279 и 283), 71 (№ 297), 81 (№ 330) и др.

¹²⁰⁾ Ibid. стр. 79 (№ 321).

trivāḍin ¹²¹⁾ (и даже travāḍin) ¹²²⁾. Веберъ ¹²³⁾ замѣчаетъ по поводу tripāḥin: „identisch wohl mit dem sonstigen Titel „trivedi“, „dvivedi“ etc.“ (т. е. trivedin, dvivedin), но что понимаетъ онъ подъ этимъ тождествомъ, я не знаю. Если по его мнѣнію tripāḥin, подобно trivedin (=triveda), означаетъ человѣка знакомаго съ тремя Ведами, то согласиться съ этимъ нельзя уже потому, что rāḥa „чтеніе“ никогда не употребляется въ значеніи цѣлой Веды. Словарь Бётлингга и Рота предполагаетъ, что подъ тремя rāḥa въ словѣ tripāḥin („mit den 3 Rāḥa vertraut“) разумѣются samhitā-rāḥa, pada-rāḥa и krama-rāḥa, т. е. три способа чтенія Ведъ, о которыхъ см. ниже. Тотъ же Словарь, въ Дополненіяхъ, приводитъ, однако, tripāḥin въ значеніи: „die drei Veda studierend,—kennend“ и указываетъ на обозначеніе одного схоластиа къ произведенію „Vāsavadattā“: tripāḥi-ṣivarāma. Последнее объясненіе опровергаетъ, конечно, первое, но, какъ я замѣтилъ уже выше, я не вижу никакихъ основаній, по которымъ можно было бы принимать tripāḥin въ смыслѣ „знающаго три Веды“ ¹²⁴⁾. Нельзя объяснять простой случайностью то, что словомъ tripāḥin обозначаются переписчики именно Самаведы, а не другой какой либо изъ Ведъ. Это обстоятельство на столько важно, что оно само по себѣ опровергаетъ оба толкованія нашего слова, упомянутыя выше. Еслибъ tripāḥin означало человѣка изучившаго три Веды, то оно употреблялось бы, конечно, и въ рукописяхъ другихъ Ведъ, а еслибъ мы должны были разумѣть подъ tripāḥin человѣка знакомаго съ тремя способами чтенія Ведъ, то именно въ рукописяхъ Самаведы трудно было бы ожидать встрѣтить это слово, ибо намъ ничего неизвѣстно о существованіи въ Самаведѣ третьяго способа чтенія, т. е. krama-rāḥa; во всякомъ случаѣ, ограниченіе одной Самаведой было бы и здѣсь непонятно. Итакъ, мнѣ кажется несомнѣннымъ, что tripāḥin должно быть понимаемо въ связи съ составомъ Самаведы, а не по отношенію ко всѣмъ (или тремъ) Ведамъ. Достаточно пересмотрѣть Каталогъ Вебера, чтобы убѣдиться въ этомъ, такъ какъ, напр., слѣдующая помѣтка на рукописи одной изъ сутръ Яджур-

¹²¹⁾ ibid. стр. 69 (№ 287).

¹²²⁾ ibid. стр. 69 (№ 286) и др.

¹²³⁾ ibid. стр. 69, примѣч.

¹²⁴⁾ Бенфей (Die Hymn. d. S. V. стр. VIII) также относитъ tripāḥin къ тремъ Ведамъ и при этомъ ошибочно толкуетъ слово svaritam въ выраженіи: tripāḥiṣivasāikareṇa svaritam; срав. Вебера Verzeichniss, стр. 67, № 283.

веды ничего не доказываетъ противъ нашего заключенія; мы читаемъ здѣсь ¹²⁵⁾: *somanâthena likhitam kâṣyām tripāṭīcṛganeṣara-
ṭhanârtham* и т. д. Слово *tripaṭī* (sic), т. е. *tripaṭhī*, *tripāṭhin*, употреблено здѣсь не для обозначенія самого писца, а какъ титулъ какого-то Ганеши, которому переписчикъ посвящалъ свой трудъ („писано въ Каши, для чтенія благословенному „трипатину“ Ганешѣ“); очевидно, что этотъ Ганеша могъ быть точно такъ же самаведистомъ, какъ и тотъ схолиастъ Шиварама, о которомъ упомянуто въ Словарѣ Бётлингга и Рота. Понятно вмѣстѣ съ тѣмъ, что названіе *tripāṭhin* можетъ встрѣчаться иногда и на рукописяхъ не ведійскихъ, какъ это мы дѣйствительно видимъ изъ Каталога Вебера, равно какъ и на такихъ, содержаніе которыхъ важно по отношенію ко всѣмъ Ведамъ; срав., напр., № 72 у Вебера, гдѣ *tripāṭhī* (sic) стоитъ на рукописи, заключающей *Nirukti*. Наконецъ, не было бы удивительнымъ встрѣтить это слово въ видѣ исключенія и на рукописяхъ другихъ Ведъ, такъ какъ человекъ, посвятившій себя специально Самаведѣ, могъ, однако, обращаться и къ другимъ Ведамъ, хотя въ такомъ случаѣ естественнѣе ожидать *dvivedin* (*dvi-veda*), *trivedin* (*triveda*), *saturvedin* (*saturveda*). Въ дополненіе къ тѣмъ свидѣтельствамъ касательно слова *tripāṭhin*, которыя можно извлечь изъ Каталога Вебера, привожу еще слѣдующее мѣсто изъ одной рукописи парижской Національной бібліотеки (№ 151 Dev.) Эта рукопись заключаетъ въ себѣ *Sarvatomukha-prayoga* ¹²⁶⁾, „Чинъ священнодѣйствія Сарватомукха“ и приводитъ стихи *sâman* сперва въ музыкальной формѣ, а потомъ, въ видѣ приложенія, въ текстѣ *Ārcika* (изъ *Uttarâ*) ¹²⁷⁾. Здѣсь, въ концѣ произведенія (но передъ текстомъ *Ārcika*), стоитъ слѣдующая пометка: *iti..... tripāṭhīsūragī-
tanāḡa-tripāṭhīdevaṣvarātmaḡa-tripāṭhīsadârāmena kṛtaḡ sarvatomu-
khaṣrayogaḡ samâptaḡ* (л. 27 б). Такимъ образомъ названіе *tripāṭhin* дается здѣсь не писцу, но самому составителю служебника и простирается также на его отца и на дѣда; другими словами, всѣ они были самаведистами и потому получали титулъ „трипатина“.—Что же можетъ быть понимаемо подъ тремя „чтеніями“ въ Самаведѣ? Я думаю, что здѣсь разумѣются тексты *Ārcika*, *Stobha*

¹²⁵⁾ См. Вебера *Verzeichniss der Sanskr. Handschr.* стр. 49, № 220.

¹²⁶⁾ Такъ называется этотъ служебникъ въ концѣ, передъ текстомъ *Ārcika*. Въ началѣ рукописи мы читаемъ: *atha trivṛtstomasya sarvatomukhasya udgâtṛtva-prayogaḡ; āpasadānantaram āpastambena sarvatomukha uktaḡ* и т. д.

¹²⁷⁾ Вотъ начало: *Utt. 1, 1, 1; 5, 2, 20; 1, 1, 3* и т. д.

(или *Stāubhika*) и *Gāna*, ибо изъ этихъ трехъ частей состоятъ, какъ мы видѣли, мантры Самаведы.

Текстъ *Āraṇyaka-Saṃhitā* изданъ мною по тремъ рукописямъ, изъ которыхъ одна принадлежитъ парижской *Bibliothèque Nationale*, № 176 Dev., а двѣ—лондонской библіотекѣ при *India Office*, №№ 665 и 280; въ этомъ же порядкѣ я обозначаю ихъ черезъ А, В, С. Въ основу положена мною рукоп. А, писанная очень исправно, между тѣмъ какъ обѣ другія полны ошибокъ. Для повѣрки текста служили мнѣ также рукописи, заключающія въ себѣ *Āraṇyaka-Gāna*, о которыхъ см. ниже. Названіе *Āraṇyaka-Saṃhitā* ¹²⁸⁾, употребленное мною для заглавія этой части Самаведы, стоитъ въ рукописяхъ коллекціи *Burnell's* (№№ 126, 123, 124), которыми я, къ сожалѣнію, не могъ воспользоваться, по незнакомству съ письменами *grantha*. Подобнымъ же образомъ и въ комментаріяхъ *Бхаратасвамина* и *Саяны* нашъ отдѣлъ называется *Āraṇyaka*; *Саяна* присоединяетъ къ этому еще существит. *adhyaṃya*, называя *Āraṇyaka* шестымъ чтеніемъ, или шестою штудіею въ *Chandas* (см. выше), и нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ же самомъ значеніи употреблено названіе *āraṇyako 'dhyāyaḥ* въ *Mahābhāṣhya* ¹²⁹⁾. Въ рук. А нашъ отдѣлъ называется *Āraṇi*, въ рук. С.—*Āraṇyā*, а въ В.—*Āraṇā*. Последнее чтеніе, конечно, ошибочно и произошло изъ *āraṇi*, которое представляетъ собою женск. родъ прилагат. *āraṇya*, т. е. *āraṇi* въ А=*āraṇyā* въ С. При *Āraṇi* и *Āraṇyā* должно подразумѣвать *saṃhitā*? Срав. названіе *Uttarā*.

Кромѣ тѣхъ трехъ рукописей, съ которыми я знакомъ непосредственно, во всѣхъ случаяхъ, казавшихся мнѣ сомнительными, я обращался также къ рукописи *тюбингенской библіотеки* (см. *Каталогъ Рота*, стр. 18, № 67) и считаю долгомъ выразить мою благодарность *В. Ө. Миллеру*, который принялъ на себя трудъ сличить съ этою рукописью мѣста, требовавшія на мой взглядъ подтвер-

¹²⁸⁾ О значеніи здѣсь слова *saṃhitā* см. въ началѣ этого Введенія.

¹²⁹⁾ *Ind. Stud.* XIII, 453. Такимъ образомъ заключеніе Вебера: «Der *āraṇyako 'dhyāyaḥ* (4, 2, 129) tritt in der That doch wohl für die Existenz von *āraṇyaka-Texten* ein» теряетъ свою силу, если только Веберъ разумѣетъ здѣсь подъ *араньяками* дополненія къ *brāhmaṇa*.

ждения. Въ тюбингенской рукописи нашъ отдѣлъ называется *āṇi* т. е. *āṇi*; здѣсь, какъ и въ парижской рукописи, стихи *mahānāṁpuas* не носятъ особаго названія, но послѣ нихъ не стоитъ также и цифры 6. Самостоятельность этихъ стиховъ доказывается тѣмъ, что послѣ пятой декады (т. е. передъ стихами *mahānāṁpuas*) рукопись имѣетъ обозначение: *ardharaparāṭhaka*; я говорилъ уже выше, что пять декадъ отдѣла *Āṇyaka* соотвѣтствуютъ по объему половинѣ прапатхаки въ *Chandas*. Текстъ, заключающійся въ тюбингенской рукописи, принадлежитъ къ нашей же редакціи, какъ это доказывается не только названіемъ *Āṇi*, но также и тѣмъ, что первая декада имѣетъ только девять стиховъ; слѣдовательно, Ротъ ошибается, видя здѣсь редакцію школы *Nāigeyās*¹³⁰). — Наконецъ, для нѣсколькихъ стиховъ я могъ пользоваться еще одною рукописью парижской Націон. бібліотеки (№ 45 Dev.), гдѣ помѣщены отрывки изъ всѣхъ санхитъ Ведъ (со множествомъ ошибокъ). Нашъ отдѣлъ стоитъ здѣсь особо отъ *Chandas* и отъ *Uttarā*, подъ названіемъ *anīsamhitā*, т. е. *āṇīsamhitā*; за началомъ четвертаго стиха первой декады непосредственно слѣдуетъ здѣсь второй стихъ изъ *Mahānāṁpi*, но этого названія нѣтъ, и въ концѣ стоитъ цифра 6 (срав. Саяну).

Въ рук. А и С отдѣлъ *Āṇyaka* приведенъ въ текстѣ „pada“, а въ В—въ текстѣ „samhitā“ (какъ и въ тюбингенск. рук.); я общаю здѣсь первый изъ этихъ текстовъ, не только потому, что его имѣетъ А, но и по другимъ причинамъ. Извѣстно, что санхиты Ведъ переданы въ двухъ текстахъ, или въ двухъ способахъ чтенія, изъ которыхъ одинъ называется *samhitāpāṭha*, чтеніемъ связаннымъ по законамъ *sandhi*, а другой—*padapāṭha*, гдѣ каждое слово (*pada*) приводится въ его первоначальной формѣ, свободнымъ отъ тѣхъ измѣненій, какимъ оно подвергается въ связной рѣчи въ своихъ начальныхъ и конечныхъ звукахъ вслѣдствіе законовъ *sandhi*¹³¹). Собственно говоря, правильное чтеніе Ведъ невозможно ни въ одномъ изъ этихъ двухъ текстовъ, такъ какъ *samhitā-pāṭha* вноситъ въ ведійскій языкъ позднѣйшіе законы фонетики и соединяетъ часто то, что должно быть здѣсь раздѣляемо, а *pada-pāṭha*, выставляя первоначальную форму словъ, не удовлетворяетъ связной

¹³⁰) См. Wörterbuch, Fünfter Theil, стр. 1669, подъ словомъ *mahānāman*.

¹³¹) Третій способъ чтенія Ведъ, *kratupāṭha*, представляетъ собою видоизмѣненіе *padapāṭha* и приводитъ слова не отдѣльно, но группами, или рядами (*krata*). Этотъ способъ чтенія не имѣетъ поэтому того самостоятельнаго значенія, какъ два первыхъ.

рѣчи и раздѣляетъ то, что должно быть соединяемо. Но если выбирать изъ двухъ текстовъ, то тексту „pada“ должно быть отдано преимущество, такъ какъ онъ ближе подходитъ къ правильному метрическому чтенію стиховъ и имѣетъ уже то достоинство, что не вноситъ въ Веды элементовъ позднѣйшаго языка. Оба текста, въ томъ видѣ, какъ мы ихъ знаемъ, были составлены, вѣроятно, въ одну и ту же эпоху ¹³²⁾, хотя текстъ „pada“ во всякомъ случаѣ предполагаетъ существованіе текста „samhitā“, какъ это можно видѣть, напр., изъ того, что стихи, встрѣчающіеся нѣсколько разъ въ текстѣ „samhitā“, приводятся въ „pada“ только одинъ разъ и далѣе уже не повторяются. Считаю не лишнимъ замѣтить, что этотъ взглядъ, по которому „samhitā“ имѣетъ первенство передъ „pada“, принадлежитъ не только европейской наукѣ, но былъ извѣстенъ и въ Индіи, хотя изъ словъ Рота ¹³³⁾, повторенныхъ недавно Веберомъ ¹³⁴⁾, можно было бы заключать, что индійская традиція выводила всегда текстъ „samhitā“ изъ „pada“. Древнѣйшее воззрѣніе на взаимное отношеніе двухъ этихъ текстовъ передано въ Prātīcākhya къ Ригведѣ ¹³⁵⁾, гдѣ мы читаемъ: samhitā padaprakṛtiḥ (II, 1) ¹³⁶⁾. Необыкновенная сжатость языка сутръ (къ области которыхъ можно относить Пратишахны) вызвана была практическими цѣлями и должна была способствовать удобству запоминанія, но въ связи съ этимъ стояли, конечно, и важныя неудобства для правильнаго пониманія этого сжатаго, темнаго языка. Такъ, напр., выраженіе: samhitā padaprakṛtiḥ, взятое само по себѣ, можетъ допускать два противоположныхъ толкованія: „текстъ „samhitā“ имѣетъ основаніемъ текстъ „pada“ или „текстъ „samhitā“ есть основаніе текста „pada“. Максъ Мюллеръ переводитъ: „Die sanhitā setzt die Padas voraus“ ¹³⁷⁾, и этотъ переводъ, безъ всякаго сомнѣнія, вѣренъ, такъ какъ Пратишахны исходятъ,

¹³²⁾ Ср. Макса Мюллера Rig-Veda-Sanhita translated and explained. Vol. I. Preface, стр. XXVI.

¹³³⁾ Zur Literatur und Geschichte des Weda, стр. 56; 82.

¹³⁴⁾ Ind. Stud. XIII, стр. 2.

¹³⁵⁾ Яджурведа и Аथарваведа имѣютъ также каждая свою Пратишахню. Грамматическія сочиненія, называемыя Пратишахнями (prātīcākhya значить «относящіяся ко всѣмъ шахамъ, или школамъ»), занимаются фонетикою и метрикою Ведъ. — Относительно Пратишахны къ Самаведѣ сраз. сказано выше.

¹³⁶⁾ Въ изданіи Макса Мюллера (Leipzig. 1856—1869) стр. XXXII.

¹³⁷⁾ Такимъ же образомъ объясняетъ это Regnier въ своемъ изданіи Пратишахны къ Ригведѣ, стр. 97.

дѣйствительно, изъ текста „pada“ и указываютъ на тѣ переменны (vikāṅga), которымъ подвергаются начальные и конечные звуки словъ въ текстѣ „saṃhitā“ (см. Пратишахью къ Ригведѣ II, 5). Мнѣ кажется, однако, что на основаніи приведеннаго мѣста нельзя еще заключать, что текстъ „pada“, по воззрѣнію Пратишахьи къ Ригведѣ, предшествовалъ тексту saṃhitā; здѣсь говорится объ отношеніи этихъ двухъ текстовъ въ грамматическомъ отношеніи (какъ понимаетъ и Максъ Мюллеръ), а не о первенствѣ происхожденія того или другаго изъ нихъ. Такимъ образомъ взглядъ Пратишахьи оказывается совершенно вѣрнымъ. Другое древнее свидѣтельство касательно текстовъ saṃhitā и pada мы находимъ у Яски (Yāska), который говоритъ объ этомъ такъ: paraḥ saṃnikarshaḥ saṃhitā¹³⁸), padaprakṛtiḥ saṃhitā, padaprakṛtīni sarvagāṇāṃ pāṛśhadāni (Nirukta 1, 17), т. е. „saṃhitā есть чрезвычайное стяженіе, saṃhitā есть „padaprakṛti“; грамматическія изслѣдованія, общія всѣмъ школамъ (т. е. извѣстной Веды)¹³⁹), имѣютъ основаніемъ текстъ „pada“. Здѣсь опять вопросъ въ томъ, какъ должно понимать выраженіе: padaprakṛtiḥ saṃhitā, ибо, какъ замѣчено выше, оно допускаетъ два противоположныхъ толкованія. Изъ словъ комментатора къ Нируктѣ, Дурги (Durga), мы видимъ, что это выраженіе понималось въ Индіи, дѣйствительно, двоякимъ образомъ. Ротъ въ своихъ Erläuterungen zum Nirukta, стр. 13, помѣстилъ только отрывокъ изъ комментарія Дурги къ этому мѣсту, именно его объясненіе слова pāṛśhadāni, но индійскій издатель Самаведы, Satyavrata Sāmaśramī, въ одномъ изъ своихъ примѣчаній (стр. 91—92) сообщаетъ теперь цѣликомъ толкованіе Дурги¹⁴⁰) къ приведеннымъ выше словамъ

¹³⁸) Это же повторяется и у Панини: I, 4, 109. Срав. въ Mahābhāṣya опредѣленіе текста «saṃhitā» черезъ paramasaṃnikarsha (Ind. Stud. XIII, 451).

¹³⁹) Т. е. Пратишахья.

¹⁴⁰) Satyavrata Sāmaśramī не называетъ комментатора по имени (онъ говоритъ только: atra bhāṣyaṃ, «здесь комментарий»), но изъ сличенія съ тѣмъ отрывкомъ, который напечатанъ у Рота, видно, что это комментарий Дурги; при томъ же, мы ничего не знаемъ о существованіи какого нибудь другаго комментарія къ Нируктѣ. Комментарій Дурги въ тѣхъ рукописяхъ, которыми пользовался Ротъ, называется: Niruktabhāṣya, Niruktavyākhyā, Niruktaśīkā (см. Rota Erläuterungen, стр. 235, примѣч.), а въ Парижской (рук. Национальной библиот. № 136 Dev.) онъ носитъ имя: Niruktavṛtti. Подъ этимъ послѣднимъ заглавіемъ упоминается тотъ же самый комментарий, конечно, и въ каталогѣ санскритск. рукописей, находящихся въ индійскихъ бібліотекахъ (Калькутта. 1838. См. Indische Studien I, 464), но любопытно, что авторомъ его называется здѣсь Ugrācārya. Это имя попало поэтому и въ Петербургскій

Яски. Комментаторъ говоритъ по поводу „*padaprakṛtiḥ saṃhitā*“, что одни объясняютъ это въ смыслѣ: *padānām yā prakṛtiḥ, seyam padaprakṛtiḥ saṃhitā* и принимаютъ, слѣдовательно, текстъ „*saṃhitā*“, за первоначальную форму, или основаніе (*saṃhitāiva prakṛtiḥ*), а текстъ „*pada*“ за измѣненіе (*vikāraḥ padāni*); другіе же, напротивъ, толкуютъ это выраженіе такъ: *padāni prakṛtir yasyā, seyam padaprakṛtiḥ* (т. е. *saṃhitā*) и считаютъ текстъ „*pada*“ первоначальною формою относительно текста *saṃhitā*“. Самъ комментаторъ по многимъ причинамъ отдаетъ рѣшительное предпочтеніе первому мнѣнію (*saṃhitāiva prakṛtir, na padānti rasūḍmaḥ*) и думаетъ, слѣдовательно, такъ же, какъ европейская наука.

Кромѣ того преимущества для насъ текста „*pada*“, на которое я указалъ выше, должны быть приняты во вниманіе еще два обстоятельства: во первыхъ, текстъ „*pada*“, удобнѣе для пониманія Ведъ, сравнительно съ „*saṃhitā*“ (гдѣ отдѣльные слова подвергаются измѣненіямъ вслѣдствіе законовъ *sandhi*), а во вторыхъ, онъ любопытенъ какъ ученый трудъ, представляющій собою первый опытъ критическаго и экзегетическаго изученія Ведъ. Въ текстѣ „*pada*“ каждое слово не только приводится въ его первоначальной формѣ, но и дѣлится на составныя части, если это слово сложное (или, по крайней мѣрѣ, считалось сложнымъ) или если составители этого текста желали выдѣлить нѣкоторые суффиксы. Очень естественно, что Веды отличаются одна отъ другой въ подробностяхъ того принципа, по которому выработанъ текстъ „*pada*“ для каждой изъ нихъ, и тщательное сопоставленіе этихъ различій можно видѣть въ статьѣ Вебера „*Ueber den padapāṭha der Tāittirīya-Sam-*

Словарь, хотя не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что *Ugrāśara* есть одно и то же лице съ *Дургой*, при чемъ *āśara* составляетъ не часть имени, но титулъ («учитель»). Чрезвычайно страннымъ показалось мнѣ встрѣтить ту же ошибку въ рукописномъ каталогѣ санскритск. манускриптовъ парижской Национальной библиот. (составилъ Мункъ въ 1844 году), гдѣ подъ *Niruktavyṭti* замѣчено слѣдующее: *Commentaire sur le Nirukta par Ugra-āśara* (?) (вопросительн. знакъ стоитъ въ каталогѣ). Между тѣмъ въ самой рукописи я не нашелъ этого имени, но вездѣ встрѣчалъ *Urga* (sic), съ эпитетами *āśara* и *bhagavant* («благословенный»); такъ, напр., на л. 746 мы читаемъ: *r̥gvarthāyām niruktavyṭtāu śambumārganivāsinaḥ āśarayabhagavadurgasya kṛtāu saptaṃ dhyāyaḥ samāptaḥ*. Начертанія *ddu* и *du*, вообще говоря, очень похожи въ рукописяхъ, но здѣсь ясно можно видѣть *du* (*bhagavadurgasya*); во всякомъ случаѣ, изъ сходства этихъ начертаній должно объяснять происхожденіе имени *Urga*, искаженнаго въ *Ugra*.

hitā" (Indische Studien, томъ XIII). Я не буду касаться здѣсь особенностей текста „pada“ въ Самаведѣ, такъ какъ мнѣ пришлось бы повторять то, что сказано Бенфеємъ въ его Введеніи (стр. LVII и слѣд.); замѣчу только, что, издавая *Āraṇyaka* въ этомъ текстѣ ¹⁴¹⁾, я находилъ по большей части излишнимъ указывать на тѣ пункты, гдѣ мы не можемъ согласиться съ „pada“ въ дѣленіи извѣстнаго слова на составныя части. Сюда принадлежатъ часто такіе случаи, въ которыхъ текстъ „pada“, не могъ представить вѣрнаго дѣленія, вслѣдствіе того, что этимологія извѣстнаго слова не могла быть добыта изъ одного древне-индійскаго языка. Такъ, напр., нарѣчіе *āvis*, „явно“, дѣлится здѣсь на *ā-vis*; *ā* есть префиксъ „къ“ и т. д., а *vis* сближается, можетъ быть, съ *vid* „знать“. По крайней мѣрѣ, Петербургскій Словарь объясняетъ *āvis* изъ *āvid* ¹⁴²⁾, хотя противъ такого производства достаточно говорить конечное *s* въ *āvis*. Это слово принадлежитъ именно къ числу тѣхъ, этимологія которыхъ можетъ быть понята лишь изъ сравненія съ родственными языками.

Я считаю совершенно вѣрнымъ сближеніе ¹⁴³⁾ *āvis* съ старославянск. *явь*, мѣстн. пад., (русск. *на яву*, *явь*, сербск. *на јави* и т. д.) и стариннымъ литовск. *ovijė* (мѣстн. пад.) ¹⁴⁴⁾ „на яву“; суффиксы здѣсь не тождественны, но, помимо одного и того же значенія, мы находимъ коренную гласную долгою во всѣхъ трехъ языкахъ. Сскр. *āvis* я принимаю за существительное средн. рода (именит. винит. пад.), образованное при помощи суф.—*is* ¹⁴⁵⁾, подобно напр. *arcis*, *ṣocis*, *havis* и др.; должно замѣтить, что и удареніе стоитъ въ *āvis*, согласно съ общимъ правиломъ касательно первообразныхъ словъ на *is* ¹⁴⁶⁾, на послѣднемъ слогѣ. Индо-европейскій корень *av* имѣлъ, вѣроятно, гласную краткую (сскр. *āvis*: *av*=*ṣocis*: *ṣuc*=*havis*: *hu* и т. д.), но во всякомъ случаѣ я отношу сюда же греческ. *ἄνω* (послѣ *α* дигамма), равно какъ и

¹⁴¹⁾ Текстъ «*saṃhitā*» легко возстановить на основаніи законовъ *sandhi*, а что касается тѣхъ случаевъ, гдѣ «*saṃhitā*» удлинняется гласною, то они указаны мною въ примѣчаніяхъ, на сколько это можно было видѣть по рук. В.

¹⁴²⁾ Такъ же и Веберъ; см. его *Indische Streifen* I, 19.

¹⁴³⁾ Срав. Миклошича *Lexicon* подъ словомъ *явь*. Иначе объясняетъ сскр. *āvis* Боппъ (Vgl. Gram., Zweite Ausgabe, III, 492), но съ нимъ я не могу согласиться.

¹⁴⁴⁾ Эту форму приводитъ г. Микучкій изъ книги XVI вѣка; см. Отчеты о филологическомъ путешествіи по западнымъ краямъ Россіи, I. Литовск. *ovitis* «показаться во снѣ» (см. Словарь Нессельмана), вѣроятно, заимствовано.

¹⁴⁵⁾ Боппъ возводитъ этотъ суф. къ суф.—*as*; см. Vgl. Gram., 2-te Ausg., III, 409.

¹⁴⁶⁾ См. Бенфея *Vollständige Grammatik der Sanskritsprache*, стр. 155.

латинск. audio, изъ *avidio (срав. основу avi— въ греческ. ἀΐω)¹⁴⁷); первоначальное значеніе корня было „замѣчать“, откуда могли специализироваться дальнѣйшія значенія, по отношенію ли къ органу зрѣнія, или по отношенію къ органу слуха. Къ тому же корню принадлежатъ: греч. οὖς, латинск. auris (изъ ausis), литовск. ausis, ст. славянск. уxo, готск. auso (основа ausan)¹⁴⁸). Эти слова, для которыхъ въ арійскихъ языкахъ нѣтъ соотвѣствующихъ, любопытны въ томъ отношеніи, что указываютъ, повидимому, на корень и, между тѣмъ какъ я съ увѣренностью отношу ихъ къ корню ав и принимаю, слѣдовательно, очень древнее выпаденіе гласной въ основѣ *avas, откуда aus—(греческ. οὖς=αὖς, латинск. aus— въ ausculto, ст. слав. ух— и т. д.); тождество конечныхъ суффиксовъ въ латинск. auris, изъ ausis, и въ литовск. ausis=ст.-сл. ушь— (въ дв. ч. уши, ушю, ушима), можетъ быть, случайно. Сильнымъ подтвержденіемъ въ пользу выставленной этимологіи этихъ основъ служить греч. основа oat, изъ oFat¹⁴⁹), откуда черезъ удлинненіе гласной подъ вліяніемъ дигаммы дорич. ōat, гомер. οὔατ¹⁵⁰), а черезъ стяженіе гласныхъ ōt. Эта основа предполагаетъ первоначальн. avat, при которой въ качествѣ параллельной формы существовала упомянутая выше: avas; смѣна суф. at и as извѣстна изъ многихъ примѣровъ и была даже объясняема первоначальнымъ тождествомъ ихъ¹⁵¹), но этого вопроса мы можемъ не касаться здѣсь, такъ какъ онъ завелъ бы насъ слишкомъ далеко.

¹⁴⁷) Курциусъ (Grundzüge der griechisch. Etymologie, Vierte Auflage, стр. 389) сравниваетъ греч. ἀΐω, лат. audio, съ сскр. ав «beachte, begünstige», но я считаю это сопоставленіе неутѣрнымъ, такъ какъ значеніе «beachte», принимаемое для ав въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Петербургскимъ Словаремъ, не есть первоначальное, и, напр., Грассманъ въ своемъ Словарѣ къ Ригведѣ вовсе обходится безъ этого значенія. Сскр. ав «способствовать, помогать; любить, желать; наслаждаться» и т. д. должно быть сравниваемо съ латинск. avere (см. Петерб. Словарь). Впрочемъ, Курциусъ хочетъ какимъ-то образомъ примирить это послѣднее сопоставленіе съ тѣмъ, которое сдѣлано имъ выше.

¹⁴⁸) Срав. Курциуса Grundzüge ibid. и Фика Vergleichendes Wörterbuch der indogermanisch. Sprachen, стр. 345—346.

¹⁴⁹) Срав. латинск. ἐξωβάρδια ἐνώτια (Гезикин).

¹⁵⁰) Обыкновенно объясняютъ οὔατ изъ *ousat-, ausat- (напр., Курциусъ ibid., стр. 405), но это объясненіе ошибочно, какъ видно уже изъ сравненія οὔατ- съ дорич. ōat-.

¹⁵¹) См. главнымъ образомъ статью Куна въ Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung, томъ I, стр. 368 и слѣд.

Возвращаясь къ нашему тексту, я долженъ сказать теперь какъ о тѣхъ правилахъ, которыми руководился при его изданіи, такъ и объ моемъ переводѣ. Моею обязанностью было, конечно, издать текстъ безъ тѣхъ случайныхъ ошибокъ, которыя вкрались въ рукописи, и на сколько удалось мнѣ это, должно показать будущее, когда отдѣлъ *Āgaṇyaka* появится въ Калькуттскомъ изданіи, на основаніи гораздо большаго числа рукописей, чѣмъ то, какимъ располагалъ я. Но отъ этихъ ошибокъ, или, вѣрнѣе, описокъ, должно отличать тѣ ошибки, которыя принадлежать самому тексту; ясно, что провести грань между этими двумя родами ошибокъ не всегда легко, хотя положительно необходимо. Ошибки въ текстѣ или принадлежать той эпохѣ, къ которой относится его редакція, или же онѣ проникали позднѣе, при передачѣ этого текста; послѣднее, впрочемъ, можетъ быть допущено въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ, въ виду того, что Самаведа точно такъ же не знаетъ настоящихъ вариантовъ чтенія, какъ и другія Веды, что объясняется священнымъ характеромъ этихъ произведеній. Варианты оказываются при сравненіи одного и того же стиха, переданнаго въ различныхъ Ведахъ, или, по крайней мѣрѣ, при сравненіи разныхъ редакцій одной и той же Веды; но, какъ замѣчено выше, съ вариантами послѣдняго рода мы почти не знакомы. Въ текстѣ, изданномъ мною здѣсь, есть, можетъ быть, двѣ или три ошибки, которыя я удержалъ, однако, такъ какъ онѣ засвидѣтельствованы всѣми рукописями, какими я могъ воспользоваться. Я не позволилъ себѣ въ этихъ случаяхъ вносить мои поправки въ текстъ и ограничивался тѣмъ, что или предлагалъ поправку въ примѣчаніи, или же указывалъ только на возможность ошибки въ текстѣ. Иначе я не могъ поступать, не только потому, что не считалъ себя компетентнымъ для этого, но и потому, что задача издателя ведійскихъ текстовъ состоитъ въ настоящее время въ передачѣ того текста, который дѣйствительно существуетъ и существовалъ въ древности, на сколько можемъ мы прослѣдить его. Эти же соображенія побуждали извѣстнаго знатока Ведъ, Макса Мюллера, сообщать свои поправки къ тексту Ригведы (въ томъ изданіи, которое снабжено переводомъ) ¹⁵²⁾ въ примѣчаніяхъ и отдѣлять ихъ такимъ образомъ отъ самого *textus receptus*.

¹⁵²⁾ До сихъ поръ вышелъ только одинъ томъ, въ которомъ переведено 12 гимновъ: *Rig-Veda-Sanhita. The sacred Hymns of the Brahmins translated and explained by Max Müller. London. 1869.* Гимны изданы здѣсь въ транскрипціи, въ текстѣ «pada».

Въ настоящее время несомнѣнно то, что мантры Ведъ переданы не вездѣ вѣрно, и задача будущаго состоитъ въ исправленіи существующаго текста и въ возстановленіи той формы, какую имѣлъ онъ не въ эпоху редакціи, а тогда, когда гимны Ведъ были въ живомъ употребленіи и не могли заключать въ себѣ ошибокъ. Ни одна Веда не изучалась въ Индіи такъ тщательно, какъ Ригведа, относительно текста которой мы можемъ быть даже увѣрены, что во всемъ существенномъ онъ тотъ же самый, какимъ пользовались составители Пратишахъи, въ V или въ VI вѣкѣ до Р. Х. ¹⁵³⁾. Однако, и въ эту отдаленную эпоху санхита Ригведы заключала въ себѣ ошибки, изъ которыхъ инны внесены были текстомъ „pada“, т. е. тѣмъ первымъ опытомъ критическаго изученія Ригведы, который относится ко времени ея редакціи. Общеизвѣстнымъ примѣромъ ¹⁵⁴⁾ служить стихъ 1, 70, 4 (въ изданіи Ауфрехта 1, 70, 7), въ которомъ „pada“ читаетъ: са gatham, хотя и смыслъ и параллельныя мѣста требуютъ чтенія: saratham; въ этой поправкѣ, предложенной Бенфеємъ ¹⁵⁵⁾, согласны, кажется, всѣ ведисты (Ротъ, Боллензенъ, Максъ Мюллеръ). Очевидно, что если въ одномъ мѣстѣ „pada“ обнаруживаетъ непониманіе текста, то это позволяетъ намъ предполагать существованіе и другихъ ошибокъ въ textus receptus. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что критика ведійскихъ текстовъ будетъ получать все больше и больше мѣста при интерпретаціи Ведъ ¹⁵⁶⁾, но въ настоящее время она существуетъ лишь въ зародышѣ, что совершенно понятно, такъ какъ лишь теперь оканчивается первое изданіе ведійскихъ санхитъ. Какъ на опытъ критическаго возстановленія текста въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Ригведы можно указать, кромѣ Петербургск. Словаря, на двѣ статьи Боллензена („Zur Herstellung des Veda“ въ Orient und Occident, томъ II, стр. 457—485; „Die Lieder des Parâçara“ въ Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, томъ XXII, стр. 569—653) и на упомянутое выше изданіе Ригведы Макса Мюллера, съ переводомъ и примѣчаніями, томъ I.

¹⁵³⁾ См. Макса Мюллера Rig-Veda-Sanhita transl. and explain. Preface, XXX.

¹⁵⁴⁾ См. ibid. стр. LXVIII.

¹⁵⁵⁾ См. Die Hymn. d. SV., Glossar, подъ словомъ saratha.

¹⁵⁶⁾ Большое значеніе для критики ведійскихъ текстовъ долженъ имѣть метръ, который вмѣстѣ съ тѣмъ открываетъ намъ много любопытнаго относительно фонетики древнеиндійскаго языка; срав. изслѣдованія Куна «Sprachliche Resultate aus der vedischen Metrik» въ Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung, томы III и IV.

Обращаясь теперь къ моему переводу изданнаго здѣсь отрывка изъ Самаведы, относительно мѣстъ особенно трудныхъ замѣчу, что въ настоящее время, при тѣхъ средствахъ, какія даетъ наука, я долженъ былъ переводить такъ, а не иначе; въ будущемъ, съ развитіемъ интерпретаціи Ведъ, я могу понять то или другое въ иномъ свѣтѣ, но смѣю думать, что въ томъ небольшомъ текстѣ, который печатается мною здѣсь, это можетъ касаться лишь немногихъ мѣстъ и нѣсколькихъ словъ, точное значеніе которыхъ въ Ведахъ такъ трудно иногда уловить ¹⁵⁷). Я старался переводить по возможности близко, и это имѣло, конечно, своего рода неудобства, но иначе мой переводъ могъ бы получить колоритъ чуждый языку Ведъ. Если вообще никакой переводъ не въ состояніи передать вполнѣ подлинника, то можно ли требовать отъ перевода Ведъ на нашъ современный языкъ особенной близости къ оригиналу? Міровоззрѣніе, отразившееся въ этихъ гимнахъ, такъ далеко отъ насъ, что иногда требуется цѣлый комментарий, который позволилъ бы понять истинный смыслъ краткаго ведійскаго выраженія. Такимъ образомъ очень естественно, что переводъ Ведъ можетъ производить на читателя впечатлѣніе совершенно противоположное тому, какое ожидалось бы отъ этихъ древнихъ памятникъ, и въ этомъ виноватъ не одинъ переводчикъ: самая передача ведійскаго міровоззрѣнія на современный намъ языкъ должна заключать въ себѣ много искусственнаго.

Трудности, являющіяся при пониманіи ведійскихъ текстовъ, все болѣе и болѣе сознаются европейскими учеными. Было время, когда Langlois, который вовсе не отличался глубокимъ знаніемъ Ведъ, представилъ, однако, на французскомъ языкѣ переводъ всей Ригведы ¹⁵⁸); а теперь извѣстный ведистъ, Максъ Мюллеръ,

---

¹⁵⁷) Примемъ, что и для языка Гомера интерпретація отдѣльныхъ словъ оставляетъ еще многого желать.

¹⁵⁸) Строгая, но справедливая оцѣнка этого перевода сдѣлана Бетлингемъ и Ротомъ въ предисловіи къ ихъ Словарю. Считаю не лишнимъ предостеречь читателя и отъ втораго изданія этого перевода, въ первомъ томѣ *Bibliothèque Orientale* (Paris. 1872 г.). Самъ переводчикъ давно уже умеръ и не рѣшился бы, конечно, издать свой переводъ вновь, безъ существенныхъ измѣненій, которыя стали положительно необходимыми, въ виду того, что сдѣлано для интерпретаціи Ведъ въ послѣднія 20 лѣтъ. На заглавіи этого втораго изданія мы читаемъ: *Deuxième édition, revue, corrigée et augmentée d'un index analytique par Foucaux*, но срав. также слова Foucaux: *Je n'ai en aucune manière revu le texte français de la traduction du Rigveda de Langlois* (см. *Literarisches Centralblatt* 1873 года, № 3, стр. 93).

послѣ продолжительныхъ занятій Ригведою, не рѣшается все таки предпринять полного ея перевода ¹⁵⁹⁾. Трудность этой задачи объясняется тѣмъ, что при пониманіи Ведъ мы предоставлены своимъ собственнымъ силамъ и лишены той помощи, какую должна была бы оказать истинная традиція ихъ; Индія дала европейской наукѣ тексты священныхъ гимновъ и изреченій въ самой тщательной редакціи, она дала вмѣстѣ съ тѣмъ и громадную литературу, порожденную этими текстами, но истиннаго значенія, смысла текстовъ она часто не могла передать намъ, такъ какъ для нея самой этотъ смыслъ давно уже былъ утраченъ. Прежде думали, что Веды могутъ быть поняты при руководствѣ туземныхъ комментаторовъ, и, исходя изъ этого взгляда, Wilson перевелъ Ригведу ¹⁶⁰⁾ на основаніи обширнаго комментарія къ ней, составленнаго Саяною въ XIV в. по Р. Х. Этотъ переводъ имѣетъ, конечно, своего рода значеніе, но онъ не даетъ намъ настоящей Ригведы, а знакомитъ лишь съ тѣмъ, какъ понималъ ее Саяна. Въ настоящее время мы знаемъ, однако, что не только у Саяны нельзя искать вѣрнаго пониманія Ведъ, но и трудъ Яски (Yaska), его Нирукта или Нируети, свидѣтельствуешь о томъ, что истинной традиціи въ объясненіи Ведъ не существовало уже задолго до Р. Х. Послѣдніе, слабые отголоски традиціи дошли до насъ въ томъ сборникѣ ведійскихъ синонимовъ и архаизмовъ, который называется Nighaṇṭu, Nighaṇṭavas (мн. ч.): Nāighaṇṭuka. Но и этотъ родъ произведеній, извѣстный намъ по одному такому сборнику, возникъ уже тогда, когда Веды стали непонятными, и когда брахманскія школы, въ которыхъ преподавались священные тексты, стали нуждаться въ подобномъ руководствѣ. Nāighaṇṭuka стоитъ такимъ образомъ во главѣ эксегетическихъ сочиненій, занимающихся толкованіемъ Ведъ, хотя это еще самый простой, самый несовершенный способъ эксегезиса. Сборникъ состоитъ изъ пяти книгъ, изъ которыхъ три первыя объясняютъ ведійскія слова при помощи дѣленія ихъ на группы синонимовъ, группы весьма обширныя, что свидѣтельствуешь уже о томъ, что истинный смыслъ многихъ словъ былъ утраченъ; четвертая книга приводитъ особенно обветшалыя слова и формы, безъ всякаго объясненія, и, наконецъ, пятая есть классификація бо-

¹⁵⁹⁾ Rig-Veda-Sanhita transl. and explain. Preface, XXV.

¹⁶⁰⁾ Часть перевода была издана еще при жизни Wilson'a, а продолженіе этого изданія взялъ на себя Cowell (Rig-Veda-Sanhita. A Collection of Ancient Hindu Hymns. Translated from the Original Sanskrit).

жествъ, являющихся въ Ведахъ. Къ этому-то сборнику примыкаетъ комментарий Яски, Нирукта. Яска имѣлъ передъ собою длинный рядъ ученыхъ эксегетовъ и грамматиковъ, имена которыхъ онъ приводитъ въ своемъ комментарий. Эти предшественники Яски такъ же объясняли Веды, какъ и онъ, не путемъ истинной традиціи, которой тогда уже не существовало, а путемъ грамматически-этимологическаго анализа, и этотъ-то способъ объясненія является затѣмъ источникомъ новой традиціи, принятіе которой, конечно, ни мало не обязательно для насъ. Научной этимологіи не было у Индійцевъ, да и не могло быть, а потому понятно, что труды этихъ эксегетовъ вовсе не приводили къ правильному пониманію Ведъ. Во всякомъ случаѣ, это стремленіе постигнуть истинный смыслъ Ведъ, стремленіе, которое не могло увѣнчаться успѣхомъ, при слишкомъ недостаточныхъ средствахъ, какими располагали индійскіе ученые, заслуживаетъ всякаго уваженія, тѣмъ болѣе что уже въ эту отдаленную эпоху были люди, которые иначе относились къ священнымъ текстамъ и ко всякимъ попыткамъ объяснить ихъ. Толкованіе Ведъ эти люди считали совершенно бесполезнымъ дѣломъ; объясненіе мантръ, говорилъ Каутса, не имѣетъ смысла, потому что сами мантры бессмысленны: онѣ говорятъ о вещахъ невозможныхъ, онѣ заключаютъ въ себѣ противорѣчія, наконецъ— онѣ непонятны (Nir. 1, 15). Эти и подобныя возраженія считаетъ своимъ долгомъ опровергнуть Яска; „не столбъ виновать въ томъ, что слѣпой не видитъ его“, говоритъ онъ, между прочимъ, „но самъ человѣкъ причина этого“ (1, 16). Наука стоитъ для Яски высоко; говоря о мнѣніяхъ своихъ предшественниковъ и соглашаясь иногда съ ихъ противниками въ томъ, что то или другое объясненіе было ложно, Яска прибавляетъ: „но порицаніе падаетъ на отдѣльнаго человѣка (т. е. на его мнѣніе), оно не касается науки“ (1, 14).

Nāighanṭuka и Nirukta, служившія главнымъ основаніемъ для позднѣйшихъ индійскихъ комментаторовъ Ведъ, были изданы и объяснены Ротомъ ¹⁶¹⁾, который по справедливости можетъ считаться въ настоящее время лучшимъ знатокомъ Ведъ. Небольшая книжка, изданная имъ еще въ 1846 году: *Zur Literatur und Geschichte des Weda*, до сихъ поръ сохраняетъ свое значеніе и является очень полезною для каждого, кто желаетъ ознакомиться съ древнѣйшимъ

¹⁶¹⁾ Jaska's Nirukta sammt den Nighanṭavas herausgegeben und erläutert von Rudolph Roth. Göttingen. 1852.

періодомъ индійской литературы ¹⁶²⁾. Но главнымъ трудомъ Рота съ начала пятидесятихъ годовъ была обработка Санскритскаго Словаря, издаваемого имъ въ сообществѣ съ петербургскимъ ученымъ Бётлингкомъ и при содѣйствіи другихъ санскритистовъ, на средства русской Академіи Наукъ. Въ этомъ громадномъ словарѣ Роту принадлежитъ главнымъ образомъ все то, что касается объясненія словъ, извлеченныхъ изъ произведеній ведійской литературы, и никто другой, конечно, не сдѣлалъ въ этомъ отношеніи больше, чѣмъ онъ. Ротъ установилъ впервые правильный взглядъ на неудовлетворительность индійской традиціи въ дѣлѣ толкованія Ведъ ¹⁶³⁾, и въ настоящее время всѣ ведисты согласны съ этимъ въ принципѣ ¹⁶⁴⁾, хотя въ частностяхъ они и расходятся другъ съ другомъ. Последнимъ защитникомъ той теоріи, въ силу которой мы должны учиться пониманію Ведъ у индійскихъ комментаторовъ, былъ Гольдштюкеръ (*On the Veda of the Hindus and the Veda of the „German School“*), но въ оправданіе ему можно сказать то, что самъ онъ, повидимому, никогда не занимался специально Ведами; иначе не могъ бы и онъ, наконецъ, не замѣтить, что индійскіе комментаторы вносятъ въ Веда новыя понятія, выработанныя брахманизмомъ, что въ толкованіи словъ они исходятъ или изъ позднѣйшаго употребленія ихъ, или изъ этимологіи, выставленной гадательно и вовсе не научной. Опроверженіе теоріи Вильсона и Гольдштюкера и блистательную защиту того взгляда на индійскую традицію, который господствуетъ теперь въ наукѣ, представилъ въ недавнее время американскій ученый Whitney ¹⁶⁵⁾, извѣстный не только какъ знатокъ Ведъ, но и какъ отличный лингвистъ ¹⁶⁶⁾. Но если мы и не можемъ принять индійскихъ экзегетовъ

¹⁶²⁾ Первымъ сочиненіемъ, которое познакомило европейскую науку съ Ведами, былъ трактатъ Кольбрука (Colebrooke) *On the Vedas*, напечатанный въ 1805 г. въ VIII томѣ *Asiatic Researches* и перепечатанный впоследствии въ его *Miscellaneous Essays*.

¹⁶³⁾ См., между прочимъ, его статью: «*Ueber gelehrte Tradition im Alterthum, besonders in Indien*» въ XXI томѣ *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*.

¹⁶⁴⁾ Такъ, напр., Максъ Мюллеръ, который самъ издалъ комментарий Саяны къ Ригведѣ, говоритъ, что при переводѣ мѣстъ дѣйствительно трудныхъ онъ рѣдко находилъ помощь у этого комментатора (*Rig-Veda transl. Preface*, стр. XV).

¹⁶⁵⁾ См. его *Oriental and Linguistic Studies* (New York. 1873.): «*The Translation of the Veda.*»

¹⁶⁶⁾ Популярныя лекціи его по языковѣдѣ: *Language and the Study of Language* (Third edition. London. 1870.) желательно было бы видѣть въ переводѣ на русскій языкъ.

нашими руководителями при объясненіи Ведъ, тѣмъ не менѣе мы не должны, конечно, игнорировать ихъ и обязаны пользоваться ихъ трудами какъ однимъ изъ пособій ¹⁶⁷⁾; за нами остается только право относиться такъ же критически къ этимъ трудамъ, какъ и къ объясненіямъ европейскихъ ученыхъ. Такимъ образомъ исходнымъ пунктомъ при современномъ толкованіи Ведъ служить не индійская традиція, но сопоставленіе всѣхъ параллельныхъ мѣстъ и научная этимологія словъ, возможная при тѣхъ средствахъ, какими обладаетъ теперь языковедъ.

Главнымъ пособіемъ для меня служилъ Петербургскій Словарь. Въ Комментаріи я останавливаюсь на всѣхъ мѣстахъ, въ пониманіи которыхъ я отступаю отъ Рота, и привожу при этомъ его толкованіе, несогласное съ моимъ. Другимъ важнымъ пособіемъ былъ для меня Словарь къ Ригведѣ Грассмана, еще не оконченный ¹⁶⁸⁾; по методу и по многимъ частностямъ въ опредѣленіи значенія словъ этотъ трудъ служить продолженіемъ Петербургскаго Словаря Бётлингга и Рота. Многіе изъ стиховъ, помѣщенныхъ мною здѣсь, (съ нѣкоторыми вариантами) были переведены Бенфеемъ въ Nachträge und Verbesserungen къ его изданію Самаведы. Мой переводъ часто значительно разнится отъ Бенфеевскаго, но я счелъ излишнимъ перепечатывать въ примѣчаніяхъ этотъ послѣдній, такъ какъ самъ Бенфей перевелъ бы теперь многое иначе, чѣмъ это было сдѣлано имъ 27 лѣтъ тому назадъ. Достаточно взять для сравненія переводъ Ригведы того же Бенфея, начатый имъ въ шестидесятыхъ годахъ, но, къ сожалѣнію, такъ скоро прерванный ¹⁶⁹⁾, чтобы убѣдиться въ необходимости многихъ поправокъ, которыя внесъ бы теперь Бенфей въ свой прежній переводъ Самаведы. Припомнимъ, что въ 1848 году, когда вышло въ свѣтъ Бенфеевское изданіе Самаведы, не только не существовало Петербургскаго Словаря, но и самыя Веда не были еще изданы (за исключеніемъ Самаведы въ изданіи Стевенсона и отрывковъ изъ Ригведы и Вѣлой Яджурведы); глоссарій Бенфея къ Самаведѣ долгое время служилъ необходимымъ пособіемъ для каждаго, кто желалъ ознакомиться съ языкомъ Ведъ.

¹⁶⁷⁾ Я упомянулъ выше, что въ коллекціи рукописей Burnell'a въ библиотекѣ India Office существуетъ комментарий къ Агазуака Вһаратасвамина. Этотъ комментарий могъ бы оказать мнѣ, конечно, пользу, но, къ сожалѣнію, мое кратковременное пребываніе въ Лондонѣ и незнакомство съ письменами grantha не позволили мнѣ воспользоваться имъ.

¹⁶⁸⁾ Wörterbuch zum Rig-Veda. Я имѣлъ три выпуска этого Словаря.

¹⁶⁹⁾ См. журналъ Orient und Occident, издававшийся подъ редакціей Бенфея.

Транскрипція, употребляемая мною, общезвѣстна, и я замѣчу здѣсь только, что черезъ *ñ* я передаю анунасику (anupâsika). Запятая указываетъ на метрическое дѣленіе стиха ¹⁷⁰⁾. Ударенія, имѣющія часто столь важное значеніе для пониманія извѣстнаго мѣста, разставлены по рук. А; С также имѣетъ ударенія, но ставить ихъ не вездѣ вѣрно, а В писана безъ удареній. Система удареній въ Самаведѣ очень сложна, но намъ достаточно, конечно, передавать удатту (udâtta) и самостоятельную свариту (svarita), при чемъ для первой я употребляю знакъ акута, а для второй знакъ грависа (чисто условное обозначеніе). Одну изъ особенностей текста „pada“ въ Самаведѣ составляетъ то, что односложныя слова, долженствующія имѣть удатту, часто являются здѣсь безъ ударенія (въ „samhitâ“ съ удареніемъ). Бенфей указывалъ уже на эту особенность ¹⁷¹⁾ и замѣтилъ при этомъ, что онъ не могъ открыть правила, по которому удареніе то ставится, то не ставится на извѣстномъ словѣ. Для меня это явленіе остается точно такъ же необъяснимымъ, но я не позволилъ себѣ отступать отъ рукописи, и тамъ, гдѣ А не имѣетъ ударенія, я не поставилъ его и въ моемъ изданіи текста. ¹⁷²⁾ Очень можетъ быть, конечно, что въ томъ или въ другомъ случаѣ отсутствіе ударенія объясняется небрежностью рукописи, но я не имѣлъ никакихъ данныхъ, которыя позволили бы мнѣ отличать здѣсь описку отъ того, что было слѣдствіемъ какого-то правила или обычая. Замѣчу, однако, что А вообще не ошибается въ удареніяхъ.

Что касается моихъ указаній на стихи, повторяющіеся въ санхитахъ другихъ Ведъ, то я принялъ за правило, если стихъ встрѣчается въ Ригведѣ, ограничиваться одною этою ссылкой ¹⁷³⁾; исключеніе сдѣлано только для стиховъ изъ r̥gushasûkta, гдѣ приведены и чтенія Аथарваведы, какъ особенно близкія къ нашимъ ¹⁷⁴⁾. При

---

¹⁷⁰⁾ Въ текстѣ «pada» это дѣленіе не обозначается въ рукописяхъ.

¹⁷¹⁾ Die Hymnen des SV. Einleitung, стр. LXIV.

¹⁷²⁾ Такимъ образомъ односложныя слова, долженствующія имѣть удатту, часто совпадаютъ въ моей транскрипціи съ атонами; но это представляетъ неудобство лишь для тѣхъ, кто не знакомъ съ языкомъ. Я не рѣшился ввести новый знакъ, такъ какъ это затруднило бы печатаніе.

¹⁷³⁾ Сопоставленіе съ другими Ведами легко сдѣлать по тѣмъ Указателямъ, которые помѣщены въ Indische Studien.

¹⁷⁴⁾ Я привожу цитаты въ текстѣ «samhitâ»; удареніе оставляю обыкновенно не обозначеннымъ.

ссылкахъ на *Araṇya-Gāṇa* (AG.) я ограничивался обыкновенно указаніемъ на тотъ *sāman*, въ которомъ извѣстный стихъ является въ первый разъ; перечислять же всѣ повторенія я находилъ тѣмъ болѣе излишнимъ, что составъ этого сборника пѣснопѣный изложенъ мною въ отдельной главѣ.

ÂRANYAKA-SAMHITÂ.

ĀRANYAKA-SAMHITĀ.

om, ṛiganeçāya namaḥ, ṛisāmavedāya namaḥ, om ¹⁾.

1. indra ḡyēshṭham naḥ ā bhara oḡishṭham pūpuri ṇrāvaḥ, yat didhṛkshema vaḡra-hasta rōdasi (iti) ā ubhé (iti) su-çipra paprāḥ ²⁾.

2. indraḥ rāḡā ḡagataḥ carshaṇīnām ādhi kshamā viçvā-rūpam yāt asya, tātaḥ dadāti dāçushe vāsūni codāt rādhaḥ ūpa-stutam cit arvāk ³⁾,

3. yāsya idām ā-rāḡaḥ yūḡaḥ tuḡé ḡāne vānam svār (iti), indrasya rāntyam bṛhāt ⁴⁾.

4. ūt uttamām varuṇa pāçam asmāt āva adhamām vi madhyamām çrathāya, ātha ā-ditya vraté vayām tāva an-āḡasaḥ ā-ditaye syāma ⁵⁾.

5. tvāyā vayām pāvamānena soma bhāre kṛtām vi cinuṇāma çāç-vat, tat naḥ mi-trāḥ vāruṇaḥ māmahantām ā-ditiḥ sīndhuḥ pṛthivi' utā dyāuḥ ⁶⁾.

6. imām vṛshaṇam kṛṇuta ékam it mām ⁷⁾.

7. sáḥ naḥ īndrāya yāḡyave vāruṇāya marūdbhyaḥ, varivah-vīt pári srava ⁸⁾.

¹⁾ A: ṛiganeçāya namaḥ, ṛibhavāniçamkarābhyām namaḥ.

²⁾ AG. 1, 1, 24. — RV. 6, 46, 5: indra ḡyēshṭham na ā bharaṇi (текстъ «pada»: bhara) oḡishṭham papuri ṇrāvaḥ, yeneme citra vaḡra-hasta rōdasi obhe suçipra prāḥ.

³⁾ AG. 1, 2, 9 и 10. — RV. 7, 27, 3: indro rāḡā ḡagataç carshaṇīnām adhi kshami vihurūpam yad asti, tato dadāti dāçushe vāsūni codāt rādha upastutaç cid arvāk.

⁴⁾ AG. 1, 2, 11. — Ath. V. 6, 33, 1: yasiedam ā raḡo yuḡas tuḡé ḡanā vanam svaḥ и т. д.

⁵⁾ AG. 1, 2, 13. — RV. 1, 24, 15, гдѣ вторая часть стиха читается такъ: athā vayam āditya vrata tavānagaso aditaye syāma.

Омъ! Поклоненіе благословенному Ганешъ! Поклоненіе
благословенной Самаведъ! Омъ!

~~~~~

Первая декада.

1. О Индра, принеси намъ наивеличайшую, наисильнѣйшую, обильнѣйшую славу, которую мы желали бы утвердить, о перунодержецъ, въ небѣ и землѣ, обоихъ мірахъ, о прекрасноланитный, щедрый!

2. Индра, царь живаго міра и людей на землѣ, изъ того обилія всякаго рода, какое есть у него, даеъ чтущему его блага, быстро принося въ милостивый даръ все, о чемъ его молятъ.

3. Которому (т. е. „этому“) Индрѣ, пособнику продолженія рода (собств. „потомства и рода“), принадлежитъ на небѣ это чудное, великое сіяніе, доходящее до облачнаго пространства.

4. Распусти у насъ, о Варуна, самыя верхнія пути, отвязи самыя нижнія, развяжи самыя среднія! Тогда, о Адитя, въ служеніи тебѣ да будемъ мы свободными отъ грѣха передъ (богиней) Адити!

5. Твоимъ пособіемъ (собств. „тобою“=„черезъ тебя“), о Соме, свѣтло текущій (или „процѣживающійся“), да будемъ мы всегда дѣлать добытое въ битвѣ! Это да даруютъ намъ Митра, Варуна, Адити, Рѣка (=Индъ), Земля и Небо!

6. Этимъ сильнымъ сдѣлайте меня одного!

7. Ты (собств. „этотъ“), о благотворный, теки (собств. „теки кругомъ“) къ нашему чтимому Индрѣ, къ Варунѣ, къ Марутамъ.

---

*) AG. 2, 1, 7 и 8. — RV. 9, 97, 58.

*) AG. 2, 1, 13.

*) AG. 2, 1, 19. — Utt. 1, 1, 8, 2 = RV. 9, 61, 12.

8. enā vícvaṇi aryāḥ ā dyumnāni mṛnushānām, śiśhāsantaḥ vanāmahe ⁹⁾.

9. ahām asmi prathama-śḍāḥ ṛtāsya pūrvam devébhyaḥ a-mṛtasya nṛma, yaḥ mā dādāti saḥ it evā mā avat ahām ānnam ānnam adāntam admi ¹⁰⁾.—daçati 1.—

1. tvām etāt adhārayaḥ kṛshṇāsu rōhiṇīṣhu ca, pārushṇīṣhu rūçat pāyaḥ ¹¹⁾.

2. ārūrucat ushāsaḥ pṛçṇiḥ agriyāḥ ukshā mimeti bhūvaneshu vā-ḡayūḥ, māyāvīnaḥ mamire asya māyāyā nṛ-cākshasaḥ pitārah gārbham ā dadhuḥ ¹²⁾.

3. īndraḥ it hāryoh sácā sám-miçlaḥ ā vacaḥ-yūḡā, īndraḥ vaḡrī' hiraṇyāyaḥ ¹³⁾.

4. īndra vḍḡeshu naḥ aya saḥāsra-pradhaneshu ca, ugrāḥ ugrābhīḥ. ūtibhīḥ ¹⁴⁾.

5. prāthaḥ ca yāsya sa-prāthaḥ ca nṛma ānu-stubhasya havīshaḥ havīḥ yat, dhātūḥ dyūtānāt savitūḥ ca víshṇoh ratham-tarām ā ḡa-bhāra vāsishṭhaḥ ¹⁵⁾

6. ni-yūtvaṇ vāyo ā gahi ayām çukrāḥ ayāmi te, gāntā asi sun-vatāḥ ḡrham ¹⁶⁾.

7. yāt ḡayathāḥ a-pūrvya mágghavan vṛtra-hátyāya, tat pṛthivīm aprathayaḥ tát astabhnāḥ utā u dívam ¹⁷⁾.—daçati 2.—

1. māyi vārcaḥ átha u yāçaḥ átha u yaḡnāsya yat pāyaḥ, para-me-sthī' praḡā-patīḥ divi dyam iva dṛṇhatu ¹⁸⁾.

⁹⁾ AG. 2, 1, 19. — Utt. 1, 1, 8, 3 = RV. 9, 61, 11.

¹⁰⁾ AG. 2, 1, 34. — Nirukta XIV, 2, ḡḁḁ въ одной изъ редакцій оказываются варианты.

¹¹⁾ AG. 2, 2, 20—22. — RV. 8, 82, 13.

¹²⁾ AG. 3, 1, 9 и 10. — Utt. 2, 2, 16, 3. — RV. 9, 83, 3, ḡḁḁ, вместо «mimeti bhuvaneshu», читается: bibharti bhuvanāni.

¹³⁾ AG. 3, 1, 11. — Utt. 2, 1, 8, 2. RV. 1, 7, 2.

¹⁴⁾ AG. 3, 1, 11. — Utt. 2, 1, 8, 3. RV. 1, 7, 4.

¹⁵⁾ AG. 3, 2, 5 и 6. — RV. 10, 181, 1.

¹⁶⁾ AG. 3, 2, 7. — RV. 2, 41, 2.

¹⁷⁾ AG. 3, 2, 9—13. — Utt. 6, 2, 19, 1. — RV. 8, 78, 5, ḡḁḁ, вместо «uto divam», читается: uta dyām.

¹⁸⁾ AG. 4, 1, 7. — Ath. V. 6, 69, 3, ḡḁḁ, вместо «parameshṭhi», читается: tan mayi.

8. Черезъ него мы благочестивые, желающіе пріобрѣсти всѣ человѣческія блага, вымаливаемъ (=получаемъ) ихъ.

9. Я—первороденный отъ священнодѣйствія (или „жертвоприношенія“), первое между богами проявленіе безсмертія; кто меня разводитъ, тотъ такимъ образомъ меня да насытитъ; я—ѣда (=пища) ѣду и ѣдящаго ѣмъ.

Вторая денада.

1. Ты держалъ въ небесныхъ коровахъ, черныхъ и красныхъ, это блестящее молоко.

2. Заблесталъ пеструнъ, предшествующій утренней зарѣ, мычитъ быкъ среди міровъ (или „созданій“) могучій; чудотворную силу имѣющіе (или „чудесные искусники“) творили его чудотворною силою, „отцы“ (т. е. предки), взирающіе на мужей (=людей), положили зародышъ (дополни: „его чудотворною силою“).

3. Индра имѣетъ пару свѣтложелтыхъ коней и колесницу (?), запрагаемую словами стиха (или „молитвы“), Индра, перунодержецъ, золотой.

4. Индра, помогай намъ въ состязаніяхъ и въ войнахъ съ тысячею битвами, ты, сильный (именит. пад.) сильными пособіями!

5. Отъ блистающаго Дхатара и отъ Савитара и Вишну принесть Васиштва гѣснопѣніе „gathantara“, которое есть какъ-бы „havis“ жертвы, расчлененной подобно ануштубху, и которому принадлежитъ распространенность и названіе „Пространное“.

6. Приди, о Ваю (=Вѣтеръ), со своимъ цугомъ! Этотъ чистый (т. е. Сома) предложенъ тебѣ. Ты ходишь въ домъ выжимающаго Сому.

7. Когда родился ты, о несравненный щедротодатель (т. е. Индра), на убіеніе Вритры, тогда распростеръ ты землю и тогда утвердилъ ты небо.

Третья денада.

1. Праджapati во главѣ стоящій да утвердить во мнѣ свѣжесть силъ (=„здоровье“), и величіе (или „достоинство“), и силу молитвы, подобно тому какъ утвердилъ онъ въ небѣ небо!

2. sám te páyānsi sam u yantu vā́gāḥ sam vīshṇyāni abhimāti= sḍhaḥ, ā-pyāyamānaḥ a-mṛtāya soma divi grāvānsi uttamāni dhi-shva ¹⁹⁾.

3. tvām imāḥ ōsha-dhīḥ soma vīcvaḥ tvam apāḥ āganayaḥ tvām gāḥ, tvam ā atanoḥ urú antáriksham tvam jyótishā vi támaḥ va-vartha ²⁰⁾.

4. agním iḍe purāḥ-hitam yaḡnāsya devām ṛtvīgām, hótāram ratna-dhātām ²¹⁾.

5. té amanvata prathamām nāma gónām triḥ saptá paramām ²²⁾ nāma gānan, tāḥ gānatīḥ abhī anūshata kshāḥ ā-vīḥ bhuvan aruṇīḥ yācasā gāvaḥ ²³⁾.

6. sám an-yāḥ yānti úpa yanti an-yāḥ sam-ānām ūrvām nadyāḥ prṇanti, tám u cúcim cúcayaḥ dīdivānsam apām nāpātām úpa yanti āpaḥ ²⁴⁾.

7. ā pra ā agāt bhadraḥ yuvatīḥ āhnaḥ ketūn sam īrtsati, ābhūt bhadraḥ ni-vēcanī vīcvasya gāgataḥ rátri ²⁵⁾.

8. pra-kshāsya vīshṇaḥ arushāsya nu máhaḥ pra nah vácaḥ vi-dáthā gātá-vedase ²⁶⁾, vācva-narāya ²⁷⁾ matīḥ nāvyaḥ cúciḥ sómaḥ iva pavate cāruḥ agnāye ²⁸⁾.

9. vīcve devāḥ máma cṛṇvantu yaḡnām ubhé (īti) ródasi (īti) apām nāpāt ca mánma, mā vaḥ vácānsi pari-cákshyāṇi vocam sum-néshu it vaḥ ántamāḥ madema ²⁹⁾.

10. yācaḥ mā dyāvā pṛthivī' (īti) yācaḥ mā indra-brhaspatī' (īti) yācaḥ bhágasya vindatu yācaḥ mā ³⁰⁾ prāti mucyatām, yačasvī' asyāḥ sam-sádaḥ ahám pra-vaditā syām ³¹⁾.

11. índrasya nu víryāni pra vocam yāni cakāra prathamāni vaḡrī', áhan áhim ánu apāḥ tatarda prá vakshāṇāḥ abhinat párvatānām ³²⁾.

¹⁹⁾ AG. 4, 1, 9. — RV. 1, 91, 18.

²⁰⁾ AG. 4, 1, 10. — RV. 1, 91, 22, гдѣ, вмѣсто «atanoḥ», читается: tatantha.

²¹⁾ AG. 4, 1, 13. — RV. 1, 1, 1.

²²⁾ Должно читать: paramā? (См., однако, Комментарий.)

²³⁾ AG. 4, 1, 17. — RV. 4, 1, 16: te manvata prathamam nama dhenos triḥ sapta mātuḥ paramāṇi vindan, taḥ gānatir abhy anūshata vrā āvir bhuvad aruṇir yačasā goḥ.

²⁴⁾ AG. 4, 2, 3 и 4. — RV. 2, 35, 3, гдѣ, вмѣсто «upa yantu āpaḥ», читается: pari tasthur āpaḥ.

²⁵⁾ AG. 4, 2, 6.

²⁶⁾ Должно читать: gātá-vedasaḥ.

2. Да соединятся съ тобою сила (собств. „соки“), быстрота, мощь побѣждающаго противниковъ! О Сома, выродившій для міра безсмертныхъ, теки на небо на самую высъ!

3. Ты, о Сома, всѣ эти растенія произвелъ, ты—воды, ты—коровы, ты протянулъ обширный воздухъ, ты отворилъ тьму свѣтомъ.

4. Я славлю Агни, пуронита (Предпоставленнаго), божественнаго жреца при жертвоприношеніи, хотара наищедрѣйшаго.

5. Они древле открыли мыслію небесныхъ коровъ, трижды семь высшихъ видовъ (коровъ) познали они. Эти (т. е. коровы) ревомъ привѣтствовали знающіа ихъ обиталища. Появились въ великолѣпні красныя небесныя коровы.

6. Одни потоки идутъ вмѣстѣ, другіе подлѣ (т. е. близко), общее вмѣстилище наполняютъ они. Свѣтлыя къ этому свѣтлому, блестящему сыну водъ (т. е. Агни) идутъ воды.

7. Выступила благодѣтельная юница, она желаетъ завладѣть сіяніемъ дня; стала благодѣтельная Ночь успокоительницею всего живаго міра.

8. Величіе сильнаго краснаго богатыря (т. е. Агни) нашъ стихъ (собств. „слово“) да прославить (?),—владычество Джатаведаса (т. е. Агни)! Къ гостю всѣхъ людей (т. е. Агни) чистая молитва снова, будто Сома, свѣтло течетъ, пріятная для Агни.

9. Всѣ боги да услышатъ мое славословіе, Небо и Земля, оба, и сынъ водъ (т. е. Агни)—мое моленіе! Да не скажу я вамъ словъ, которыя должны бы быть презрѣны! Вашею благосклонностью мы, ваши близкіе, да будемъ наслаждаться!

10. Величіе меня, о Небо и Земля, величіе меня, о Индра и Брихаспати, величіе достоинства меня да достигнетъ, величіе да облечется на меня! Полный величія да буду я глашатаемъ этого собранія!

11. Я стану воспѣвать (=провозглашать) подвиги Индры, тѣ, которые древле совершилъ перунодержецъ: онъ убилъ змѣя, открылъ ходъ водамъ, пробилъ утробы горъ (т. е. облаковъ).

27) Т. е. *vāiṣṭvānarāya*.

28) AG. 4, 2, 7. — RV. 6, 8, 1: *pṛkshasya vṛshṇo arushasya nū* (текстъ «*pada*»: *nu*) *sahaḥ pra nu vocam vidathā jātavedasaḥ*, *vāiṣṭvānarāya matir navyasi çuciḥ* и т. д.

29) AG. 4, 2, 8. — *ūha-gāna* 9, 3, 12 (см. Бенфея Die Hymn. d. SV., стр. VIII), гдѣ кажется страннымъ чтеніе: *sumneshvo antamāḥ*. — RV. 6, 52, 14, гдѣ, вмѣсто »*yaḡnam*«, читается: *yaḡniyāḥ*.

30) Должно читать: *me*?

31) AG. 4, 2, 12.

32) AG. 4, 2, 17. — RV. 1, 32, 1.

12. agnīḥ asmi gānmanā gātā-vedāḥ gḥtām me cākshuḥ a-mṛtām me āsān, tri-dhātuh arkāḥ rāgasah vi-mānah ā-ḡasram ḡyētiḥ havīḥ asmi sārvaṃ ³³⁾.

13. pāti agnīḥ vipāḥ āgram padām veḥ pāti yāhvāḥ cāraṇam su-ryasya, pāti nābhā saptā-ḡrshāṇam agnīḥ pāti devānām upa-mādam ṛshvāḥ ³⁴⁾.—daḡcati 3.—

1. bhrāḡanti ³⁵⁾ agne sam-idhāna dīdivaḥ ḡihvā carati antāḥ āsāni, saḥ tvam naḥ agne pāyasā vasu-vīt rayīm vārcaḥ dṛcē dāḥ ³⁶⁾.

2. vasantāḥ it nu rāntyaḥ grīshmāḥ it nu rāntyaḥ, varshāḡi ānu ḡarādaḥ hemantāḥ ḡḡiraḥ it nu rāntyaḥ ³⁷⁾.

3. saḥāsra-ḡrshāḥ pūrushaḥ saḥāsra-akshāḥ saḥāsra-pāt, saḥ bhāmim sarvātaḥ vṛtvā āti atishḡhat daḡa-aṅgulām ³⁸⁾.

4. tri-pāt ūrdhvāḥ ut āit pūrushaḥ pādaḥ asya ihā abhavat pū-nar (īti), tāthā vī-svaṇ ³⁹⁾ vī akrāmat aḡana-anaḡanē (īti) abhī ⁴⁰⁾.

5. pūrushaḥ evā idām sārvaṃ yat bhūtām yat ca bhāvyaṃ, pādaḥ asya sārvaḥ bhūtāni tri-pāt asya a-mṛtām divī ⁴¹⁾.

6. tāvān asya mahimā tātaḥ ḡyāyān ca pūrushaḥ, utā a-mṛtatvā-sya īḡānaḥ yat ānnena ati-rōhati ⁴²⁾.

7. tātaḥ vi-rāt aḡāyata vi-rāḡaḥ ādhi pūrushaḥ, saḥ ḡātāḥ āti ariḡyata paḡcāt bhāmim ātha u purāḥ ⁴³⁾.

8. mānye vām dyāvā-pṛthivī (īti) su-bhōḡasāu yē (īti) āprathethām ā-mitam abhī yōḡanam, dyāvā-pṛthivī (īti) bhāvatam syonē (īti) té (īti) naḥ muḡcatam ānhasaḥ ⁴⁴⁾.

³³⁾ AG. 5, 1, 2. — RV. 3, 26, 7, гдѣ вторая половина стиха читается такъ: arkas tridhātā (текстъ «pada»: tri-dhātuh) rāgaso vimāno ḡasro gharino havir asmi nāma.

³⁴⁾ AG. 5, 1, 3. — RV. 3, 5, 5, гдѣ начало стиха читается такъ: pāti priyam ripe agram и т. д.

³⁵⁾ А имѣеть ошибочно bhrāḡanti.

³⁶⁾ AG. 5, 1, 5.

³⁷⁾ AG. 5, 1, 9.

³⁸⁾ AG. 5, 1, 13. — RV. 10, 90, 1, гдѣ, вмѣсто «sarvataḥ», читается: viḡvataḥ. Последнее чтеніе является и въ Ath. V. 19, 6, 1, между тѣмъ какъ Vāḡ. Samh. 31, 1 имѣеть sarvataḥ.

³⁹⁾ Т. е. vīshvaṇ. Мы бы раздѣлили это слово на vīshu-aṇ, между тѣмъ какъ составители текста «pada» сближали его съ глаголомъ vāḡḡ.

⁴⁰⁾ AG. 5, 1, 14. — RV. 10, 90, 4, гдѣ, вмѣсто «aḡanaḡaḡane», читается: aḡānaḡaḡane. Ath. V. 19, 6, 2 имѣеть aḡanaḡaḡane anu.

⁴¹⁾ AG. 5, 1, 15. — RV. 10, 90, 2a + 36; вмѣсто «bhāvyaṃ» здѣсь читается: bhavyam, но въ Ath. V. 19, 6, 4: bhāvyaṃ.

12. Я Агни, по природѣ (или по „происхожденію“) Джатаведасъ. „Грита“—мой глазъ, „амрита“—мой ротъ, тройной гимнъ, проникающій облачное пространство,—мой непреодолимый свѣтъ: я—вся жертва.

13. Охраняетъ Агни верхушку вѣтки, мѣстопребываніе птицы, охраняетъ Великій путь солнца; охраняетъ у алтара Агни стихъ „семиголовый“, охраняетъ Высокій предметъ наслажденія (собств. „наслажденіе“) боговъ.

Четвертая декада.

1. Сверкающій твой языкъ, о Агни пламенный, свѣтлый, движется внутри рта. Ты (собств. „этотъ ты“), о Агни, своею силою, о благодѣтельный, дай намъ видѣть богатство и благоденствіе.

2. Весна прелестна, лѣто прелестно,—за дождевой порою осень, зима,—прохладное время года прелестно.

3. Тысячу головъ имѣетъ Пуруша, тысячу глазъ, тысячу ногъ. Онъ, обхвативъ (=окруживъ) со всѣхъ сторонъ землю, высился на десять пальцевъ.

4. Три шага дѣлающій (=тремя шагами) поднялся вверхъ Пуруша; одна нога его оставалась здѣсь. Таеъ раздѣлился онъ на двѣ стороны: Ѣденіе и НеѢденіе.

5. Пуруша, по истинѣ, есть все это, что произошло и что имѣетъ произойти. Нога его—всѣ существа. Въ три шага (собств. „въ три ноги“, т. е. мѣрою) его святое жилище на небѣ.

6. Такова его (Пуруши) громадность! Но и еще больше Пуруша. И надъ безсмертіемъ властвуетъ онъ, возрастая отъ пищи.

7. Отъ него родилась Вирадждъ, отъ Вираджди Человѣкъ. Этотъ, рожденный, одолѣлъ землю (=получилъ господство надъ землею) и сзади и спереди.

8. Чту васъ, Небо и Земля, прекрасно питающія, васъ, которыя распростерлись на неизмѣримое пространство. О Небо и Земля, будьте милостивы! Вы оба (собств. „эти оба“) освободите насъ отъ бѣдствія!

⁴²⁾ AG. 5, 1, 16. — RV. 10, 90, 3a + 26; вмѣсто «tāvān» здѣсь читается: etāvān (въ Ath. V. 19, 6, 3: tāvanto asya mahimānas), а вмѣсто «tatah» стоятъ atah (въ Ath. V. tatah).

⁴³⁾ AG. 5, 1, 17. — RV. 10, 90, 5, гдѣ, вмѣсто «tatah», читается: tasmāt.

⁴⁴⁾ AG. 5, 1, 19. — Ath. V. 4, 26, 1a + 26: manve vām dyāvāpṛthivī subhogaśau ye aprathethām amitā yoganāni, dyāvāpṛthivī bhavataṃ me syone и т. д.

9. hári te indra çmáçrāṇi utá u te haritāu hári (iti), tam tvá stuvanti kaváyaḥ parushásāḥ vanárgavaḥ ⁴⁵⁾.

10. yát várcaḥ hiraṇyasya yat vá várcaḥ gávām utá satyásya bráhmaṇaḥ várcaḥ téna má ⁴⁶⁾ sám srjámasi ⁴⁷⁾.

11. sáhaḥ tat naḥ indra daddhi ógaḥ i'çe hi asya mahatáḥ vi= rapçin, krátum na nṛmṇām sthá-viram ca váḡgam vṛtréshu çátrūn su-hánā ⁴⁸⁾ kṛdhi ⁴⁹⁾ naḥ ⁵⁰⁾.

12. sahá-ṛshabhāḥ sahá-vatsāḥ ut-éta víçvā rūpāṇi bíbhratiḥ dvi= ūdhnīḥ, urúḥ pṛthúḥ ayám vaḥ astu lokáḥ imáḥ āpaḥ su-prapāṇāḥ iha' sta ⁵¹⁾.—daçati 4.—

1. ágne dyūñshi pavase á suva úrgam ísham ca naḥ, áre bādhasva ducchúnām ⁵²⁾.

2. vi-bhrátḥ brhát pibatu somyám mádhū dyuḥ dádhat yaḡnā-patāu ávi-hrutam, váta-gútaḥ yáḥ abhi-rákshati tmánā pra-gáḥ piparti bahudhá vi ráḡati ⁵³⁾.

3. citráṁ devānām ut agát áṇikam cákshuḥ mi-trásya váruṇasya agnéḥ, á aprāḥ dyává pṛthiví' (iti) antáriksham sūryaḥ átmā ḡagataḥ tasthúshaḥ ca. ⁵⁴⁾.

4. á ayám gāuḥ pṛçniḥ akramít ásadat mātáram puráḥ, pitáram ca pra-yán svár (iti) ⁵⁵⁾.

5. antár (iti) carati rocand' asyá pra-ánát ⁵⁶⁾ apa-anatí', vi akhyat mahisháḥ dívam ⁵⁷⁾.

6. trinçát dhāma vi ráḡati vák patamḡdya dhīyate, práti vástoḥ áha dyúbhiḥ ⁵⁸⁾.

⁴⁵⁾ AG. 5, 1, 22.

⁴⁶⁾ Должно читать: imām?

⁴⁷⁾ AG. 5, 2, 3.

⁴⁸⁾ Должно читать: su-hanān.

⁴⁹⁾ Текст «saṃhitā»: kṛdhi.

⁵⁰⁾ AG. 5, 2, 17.

⁵¹⁾ AG. 5, 2, 19.

⁵²⁾ AG. 6, 1, 5. — Utt. 6, 3, 10, 3 = 7, 1, 12, 1 (приведено только начало стиха). RV. 9, 66, 19.

⁵³⁾ AG. 6, 1, 7. — Utt. 6, 3, 5, 1. — RV. 10, 170, 1, гдѣ, вместо «piparti bahudhá», читается: puruṣha purudhá.

⁵⁴⁾ AG. 6, 1, 19. — RV. 1, 115, 1.

⁵⁵⁾ AG. 6, 2, 7. — Utt. 6, 1, 11, 1. RV. 10, 189, 1.

⁵⁶⁾ Т. е. prāṇát.

9. Свѣтложелтая у тебя борода, Индра, и свѣтложелтые у тебя оба коня „hari“. Таковаго тебя славятъ мудрые мужи и грубые динари.

10. Тѣмъ блескомъ, какой есть въ золотѣ, или тѣмъ блескомъ, какой есть въ небесныхъ коровахъ, и (блестящею) силою дѣйствительной (т. е. оказывающей дѣйствіе) молитвы да снабдимъ мы меня! (См. Комментарій).

11. Силу эту дай намъ, Индра, мощь, ибо владѣешь ею великою, о преисполненный силы! Какъ способность, такъ и мужество, и обильную добычу дай намъ! Въ битвахъ сдѣлай намъ враговъ легко поражаемыми!

12. Съ быками и съ телятами выйдите (т. е. „покажитесь“) вы, носящіе (т. е. „имѣющіе“) всякіе образы, о двухъ-выменные! Широкой и пространной этотъ міръ да будетъ вашъ! Этими водами, прекрасное питье дарующими, будьте здѣсь!

Пятая декада.

1. О Агни, ты очищаешь жизненную силу: пошли намъ соки и крѣпость, прогони прочь несчастье!

2. Великій сладостный сокъ Сомы, дарующій устроителю жертвы долголѣтіе несокрушимое, да пьетъ онъ, блестящій! Онъ, который, погоняемый вѣтромъ (или „быстрый какъ вѣтеръ“?), даетъ собою охрану, питаетъ созданія, властвуетъ подъ многими образами.

3. Взошло свѣтлое лице боговъ, глазъ Митры, Варуны и Агни. Небо, землю и воздухъ наполнило Солнце, душа міра движущагося (т. е. „одушевленнаго“) и неподвижнаго.

4. Вотъ выступилъ пестрый быкъ; онъ помѣстился передъ Матерью (т. е. Землею) и близъ (собств. „приближаясь къ“) Отца (т. е. Неба) въ свѣтломъ эфирѣ.

5. Въ срединѣ движется Свѣтлая (т. е. Ушасъ, Утренняя Заря), испускающая послѣднее дыханіе отъ его дыханія. Освѣтилъ Могуцій небо.

6. Тридцать жилищъ (или „областей“) освѣщаетъ онъ,—стихъ (собств. „слово“) къ Крылатому (т. е. Солнцу) обращается,—при разсвѣтѣ своими лучами.

³⁷⁾ A. G. 6, 2, 8. — Utt. 6, 1, 11, 2. RV. 10, 189, 2.

³⁸⁾ AG. 6, 2, 9. — Utt. 6, 1, 11, 3. RV. 10, 189, 3.

7. āpa tye tātāvaḥ yathā nākshatrā yanti aktūbhiḥ, sūrya viçvā=cakshase. ⁵⁹⁾.

8. ādṛçran asya ketāvaḥ vi raçmāyaḥ gānān ānu, bhrāḡantaḥ agnāyaḥ yathā ⁶⁰⁾.

9. tarāniḥ viçvā-darçataḥ gyotiḥ-kṛt asi sūrya, viçvam ā bhāsi rocanām ⁶¹⁾.

10. prati-ān devānām viçāḥ prati-ān ut eshi mēnushān, prati-ān viçvam svāḥ dṛçé ⁶²⁾.

11. yēna pāvaka cakshasā bhuranyāntam gānān ānu, tvam varuṇa paçyasi ⁶³⁾.

12. ut dyām eshi rāḡaḥ pṛthū ā-hā mīmānaḥ aktūbhiḥ, paçyan gānmāni sūrya ⁶⁴⁾.

13. āyukta saptā çundhyúvaḥ sūrāḥ rāthasya naptryaḥ, tdbhiḥ yāti svā-yuktibhiḥ ⁶⁵⁾.

14. saptā tvā haritaḥ rāthe vāhanti deva sūrya, cocīḥ-keçam vi=cakshana ⁶⁶⁾.—daçati 5.—

~~~~~  
Ma h ā n ā m n i <sup>67)</sup>.

I <sup>68)</sup>. 1. vidāḥ maghavan vidāḥ <sup>69)</sup>; gātūm ānu çaṇsishaḥ dīçāḥ; çiksha <sup>70)</sup> çacinām pate, pūrvinām puru-vaso <sup>71)</sup>.

2. ābhīḥ tvam abhīshṭibhiḥ, svāḥ na aṇçūḥ; prā-cetana prā cetaya, indra dyumndya naḥ ishē.

3. evā <sup>72)</sup> hi çakrāḥ, rāyé vāḡāya vaḡrivaḥ, çāvishṭha vaḡrin rñḡāse, māñhishṭha vaḡrin rñḡāse; ā yahi pība mātstva.

II. 4. vidāḥ rāyé su-vā'ryam, bhūvaḥ vāḡānām pātiḥ vāçān ānu; māñhishṭha vaḡrin rñḡāse, yaḥ çāvishṭhaḥ çūrāṇām.

<sup>59)</sup> AG. 6, 2, 11. — RV. 1, 50, 2.

<sup>60)</sup> AG. 6, 2, 12. — RV. 1, 50, 3, гдѣ, вмѣсто «adṛçran», читается: adṛçram.

<sup>61)</sup> AG. 6, 2, 13. — RV. 1, 50, 4.

<sup>62)</sup> AG. 6, 2, 14. — RV. 1, 50, 5.

<sup>63)</sup> AG. 6, 2, 14. — RV. 1, 50, 6.

<sup>64)</sup> AG. 6, 2, 15. — RV. 1, 50, 7, гдѣ, вмѣсто «ut», читается: vi.

<sup>65)</sup> AG. 6, 2, 16. — RV. 1, 50, 9, гдѣ, вмѣсто «naptryaḥ», читается: nartyaḥ.

<sup>66)</sup> AG. 6, 2, 16. — RV. 1, 50, 8.

<sup>67)</sup> Всѣ стихи, составляющіе Mahānāmnī, являются также и въ AG., какъ приложение, но въ музыкальной транскрипціи.

<sup>68)</sup> Дѣленіе на строфы принадлежить мнѣ; въ рукописяхъ оно не обозначается.

<sup>69)</sup> Чтобы сдѣлать метрическій составъ этихъ стиховъ (см. Комментарій) болѣе яснымъ, я ставлю запятую послѣ каждой «пады» (pada), между тѣмъ какъ точка

7. Вотъ звѣзды уходятъ, будто вѣры, вмѣстѣ съ ночью отъ все-видящаго Солица.

8. Появились его сіяніе и лучи у (т. е. „средн“) людей, будто сверкающіе огни.

9. Ты, о Солнце, неустанно движешься (собств. „движущееся“), всѣми видимое, свѣтъ производящее. Все небо освѣщаешь ты.

10. Обращенное къ жилищамъ (или „къ родамъ“) боговъ, обращенное къ людямъ восходишь ты, обращенное ко всему небу, дабы оно видимо было (собств. „для видѣнія всего неба“).

11. Которымъ глазомъ (т. е. „этими глазами“), о свѣтлый, на копошавшійся людъ ты смотришь, о Варуна.

12. Ты восходишь на небо и на широкое облачное пространство, отмѣривая дни съ ночами и взирая на существа, о Солнце.

13. Запрягло себя Солнце семь свѣтлыхъ (или „прекрасныхъ“) дочерей колесницы; съ ними, которыя запрягаются сами собою, идетъ оно.

14. Семь свѣтложелтыхъ лошадей везутъ тебя въ колесницѣ, о божественный Сурья (=Солнце), тебя, пламенно-волосаго, о далеко-видящій.



I. 1. . . . . о Щедрый (т. е. Индра), по нашей пѣсни бла-  
слови страны свѣта, будь готовъ на помощь, о владѣтель пособій,  
обильныхъ, о обильныя сокровища имѣющій!

2. Этими пособіями ты,—Сома будто свѣтлое небо,—о свѣтлѣйшій,  
освѣщай насъ для нашего благоденствія!

3. Ей-ей могучъ онъ (т. е. Индра)! Для владѣнія крѣпостью  
силъ (?), о перунодержецъ, о наисильнѣйшій перунодержецъ, устре-  
мись къ намъ, о наищедрѣйшій перунодержецъ, устремись къ  
намъ! Приди, пей, наслаждайся (т. е. Сомою)!

II. 4. Получай во владѣніе богатырскую силу, будь владыкою  
битвъ (?), согласно съ желаніями! О наищедрѣйшій перунодержецъ,  
устремись къ намъ, ты (собств. „который“), наисильнѣйшій изъ  
сильныхъ (или „изъ богатырей“)!

съ запятой обозначаетъ здѣсь дѣленіе стиха на полустихія; выше въ томъ же зна-  
ченіи я употреблялъ запятую.

<sup>70)</sup> Текстъ «saṃhitā»: cikshā.

<sup>71)</sup> Т. е. purūvaso.

<sup>72)</sup> Текстъ «saṃhitā»: evā.

5. yáḥ máṇḥishṭhaḥ maghónām, aṇcúḥ na çocíḥ; ckitvaḥ abhí naḥ naya, índraḥ vidé tam u stuhi.

6. i'çe hi çakráḥ, tam útáye havâmahe, gétâram á-parâgítam, saḥ naḥ svarshat áti dvíshaḥ; krátuḥ chándāḥ ṛtām bṛhát.

III. 7. índram dhánasya sâtáye havâmahe, gétâram á-parâgítam; saḥ naḥ svarshat áti dvíshaḥ, saḥ naḥ svarshat áti dvíshaḥ.

8. púrvasya yat te a-drivaḥ, aṇcúḥ mádâya; sumné â dhehi naḥ vaso, pártíḥ çavishṭha çasyate.

9. vaçí' hi çakráḥ, nânám tam návyam sanyáse, pra-bhó gánasya vṛtra-han, sam-aryéshu bravâvahâi; çûraḥ yaḥ góshu gácchati, sá-khá su-çévaḥ á-dvayuh.

evá <sup>73)</sup> hi evá, evá hi agne, evá hi índra, evá hi púshan, evá hi devâḥ, om, evá hi devâḥ <sup>74)</sup>.



<sup>73)</sup> Текстъ «samhitâ» имѣетъ здѣсь и далѣе: evá.

<sup>74)</sup> Рук. А ставитъ послѣ этого воззванія цифру 10.



5. Того (=Индру), который есть наищедрѣйшій изъ щедрыхъ, —пламенный блескъ будто Сома,—о сіяющій, приведи къ намъ! Индра присутствуетъ (?). Его слава!

6. Властвуетъ бо Могучій (т. е. Индра). Его призываемъ мы на помощь, побѣдителя непобѣдимаго. Онъ да проведетъ насъ надъ врагами! Благоговѣніе, хвалебная пѣснь, великое священнодѣйствіе.

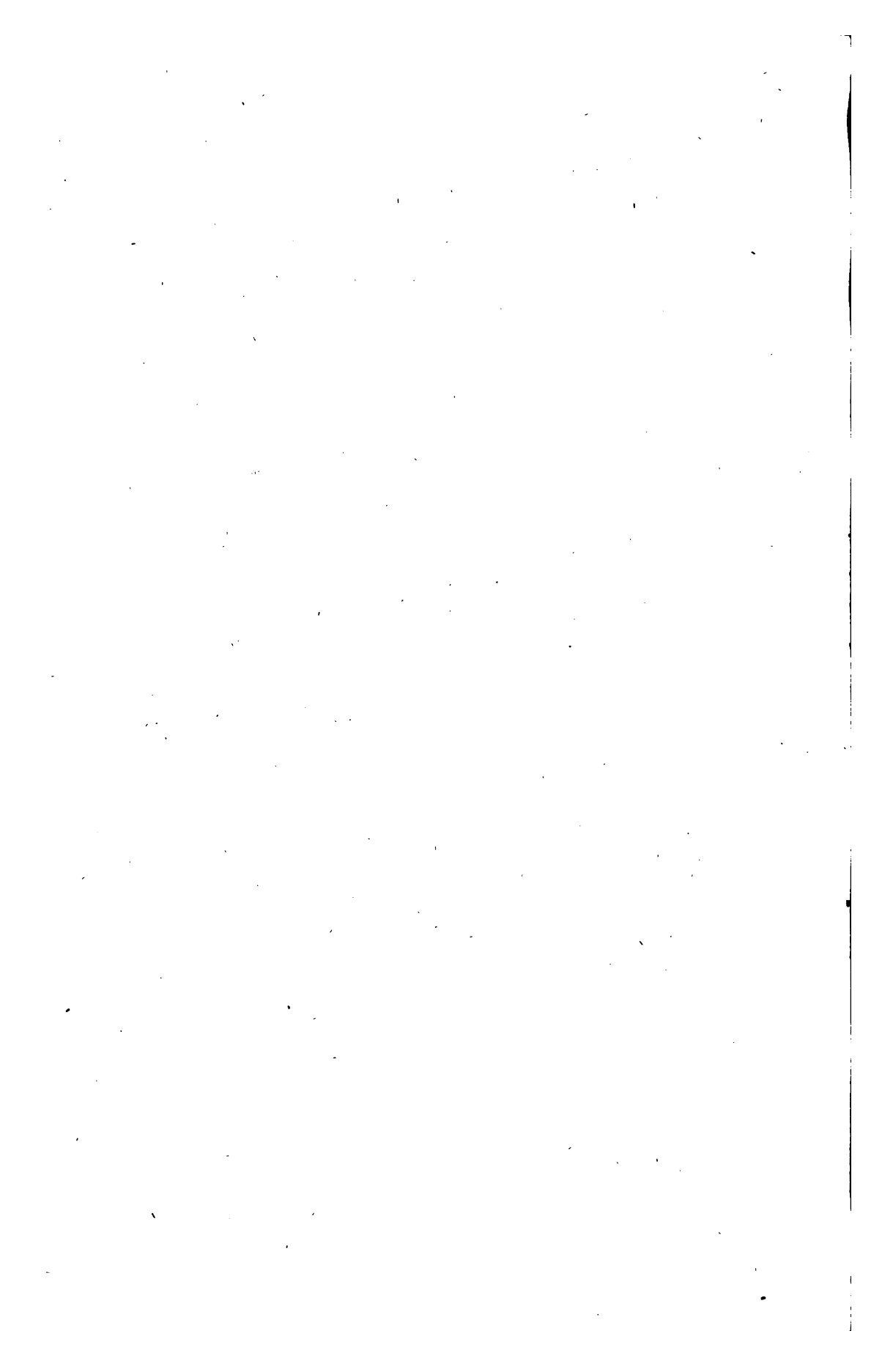
III. 7. Индру для дарованія намъ богатства (или „добычи“) призываемъ мы, побѣдителя непобѣдимаго. Онъ да проведетъ насъ надъ врагами! Онъ да проведетъ насъ надъ врагами!

8. То, что есть у тебя древняго, о камнедержецъ (т. е. Индра),—Сома для наслажденія предлагается,—даруй намъ милостиво, о благой! Вознагражденіе тебѣ общается, о пресильный!

9. Властитель бо Могучій (т. е. Индра). Теперь мы оба да обратимъ въ собраніяхъ нашу рѣчь къ тебѣ вѣчно юному, о владыко люда, о убійца Вритры! Онъ—богатырь, который ходитъ къ небеснымъ коровамъ, другъ премилый, прямодушный (собств. „не двойственный“).

Ей-ей! Ей-ей, Агни! Ей-ей, Индра! Ей-ей, Пушанъ! Ей-ей, боги! Омъ! Ей-ей, боги!

~~~~~


КОММЕНТАРІЙ.

«Омъ»—воскликаніе, употребляемое въ началѣ и въ концѣ священныхъ текстовъ.

Ганеша, предводитель свиты бога Шивы, удаляетъ всякія препятствія; въ Ведахъ не извѣстенъ.

Первая декада.

1 ст.—Слово *rirugī*, вариантъ при *rarugī*, встрѣчается здѣсь въ первый разъ; срав. *rig*=*rag* „наполнять“. Прилагат. *rarḡā* „щедрый“ также не помѣщено въ Петерб. Слов., но значеніе этого слова въ нашемъ стихѣ ясно; кор. *rgā*=*rag* „наполнять“. Срав. *rarḡī* „щедрый“, а равно —*rgā* „наполняющій“ въ концѣ сложныхъ словъ: *antariksharḡā* (наполняющій воздухъ), *carshazirḡā* (наполняющій людей, именно дарами), *kāmarḡā* (исполняющій желаніе) и т. д. Въ соответствующемъ мѣстѣ Ригведы *rgās* есть глагольная форма (съ удареніемъ, такъ какъ стоитъ въ придаточномъ предложеніи), и вся вторая половина стиха должна быть переведима такъ: „которою (т. е. славою), о свѣтлый перунодержецъ, ты наполнилъ бы небо и землю, оба міра, о прекрасноланитный.“ Последняя „пада“ (*ṛāda*, муж. р.) ¹⁾ въ стихѣ Ригведы начинается, конечно, съ префикса *ā* (относится къ глаголу *rgās*), и метръ (*bṛhatī*) требуетъ читать здѣсь *rgās* какъ *rgaas*, но въ *Ag.* мы должны дѣлить стихъ иначе, такъ какъ *ā* здѣсь не префиксъ, но предлогъ, который не можетъ быть отдѣляемъ отъ предшествующаго *rodasī* ²⁾. Отсюда слѣдуетъ, что *rodasī ā* должно быть чи-

¹⁾ *Ṛāda* есть составная часть стиха.

²⁾ Предлогъ *ā* въ ведійскихъ стихахъ имѣетъ винительн. падежъ всегда передъ собою.

таемо въ три слога, и подобнымъ же образомъ въ четвертой падѣ слово *pargrās* произносится какъ трехсложное, т. е. *pargrāas*. (срав. *grāas* въ Ригведѣ). Последнее не требуетъ особеннаго поясненія, такъ какъ *ā* очень часто произносится въ Ведахъ *aa* (иногда *āa* или *āā*). Что же касается чтенія *rodasī ā* въ три слога, то оно можетъ быть достигнуто двоякимъ образомъ: или черезъ обращеніе *i* въ *y*, или черезъ синицезу *i* (которое переходитъ въ *i*) и *ā*. Противъ перваго можно было бы замѣтить, что *i* въ окончаніи двойствен. числа есть „*pragṛhya*“, т. е. не подлежитъ законамъ „*sandhi*“; но исключенія изъ этого правила были извѣстны уже авторамъ древнеиндійскихъ трактатовъ о фонетикѣ Веды, и мы съ своей стороны имѣемъ, конечно, право распространять эти исключенія и на такіе случаи, которые не указаны въ Пратишахьяхъ, какъ скоро метръ настоятельно требуетъ того. Поэтому, напр., Кунъ ³⁾ въ ст. Ригведы 3, 6, 10 измѣняетъ *prācī* въ *prācy* (*prācī adhvareva*), и это же можетъ быть принято въ ст. *Āg.* 5, 9=RV. 6, 52, 14 для слова *rodasī: ubhe rodasī (=rodasy) arām* *parāt sa manna*. Но въ нашемъ мѣстѣ противъ обращенія *rodasī ā* въ *rodasy ā* можно замѣтить, что предпоследній слогъ пады (*a* передъ *sy*) получается въ такомъ случаѣ долгій, между тѣмъ какъ метръ требуетъ здѣсь краткаго слога. Правда, наше знакомство съ ведійскою метрикою пока еще такъ недостаточно, что нашлось бы оправданіе и для этой неправильности: Кунъ указываетъ на два примѣра, въ которыхъ группа *sy* не дѣлаетъ позиціи, и подобное же явленіе наблюдаетъ онъ для *cy* ⁴⁾. Я считаю, однако, болѣе вѣрнымъ не опираться на эти аналогіи и предпочитать для нашего стиха то объясненіе, къ которому часто прибѣгаетъ Максъ Мюллеръ ⁵⁾, т. е. синицезу. Можетъ быть, Максъ Мюллеръ даетъ уже слишкомъ большое значеніе синицезѣ въ Ведахъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ мнѣ кажется, дѣйствительно, трудно обойтись безъ нея.

Didhṛkshema есть желательное наклоненіе деизидератива отъ *darh*; въ Петерб. Слов. этой формы нѣтъ.

Rodasī obhe (т. е. *ā ubhe*) значить собственно: „до неба и земли, обоихъ міровъ“.

³⁾ Beiträge IV, 199.

⁴⁾ Beiträge III, 457.

⁵⁾ Rig-Veda-Sanhita transl. and explain. I, Preface.

2 ст. Форму *codát* я объясняю какъ причастіе настоящ. врем. или, точнѣе, какъ дѣепричастіе. Въ Ведахъ извѣстны и другіе примѣры подобнаго употребленія причастной формы на —at (срав. Бенфея *Vollständige Grammatik der Sanskrit-Sprache* стр. 310, примѣч. 5). Въ формѣ *codát* страннымъ кажется то, что удареніе стоитъ здѣсь на послѣднемъ слогѣ, а не на первомъ, какъ бы слѣдовало ожидать, но подобный же примѣръ представляетъ и ведійск. дѣепричастіе *dravát* (см. напр. RV. 1, 2, 5; 1, 44, 7 и др.), въ которомъ точно такъ же нельзя видѣть причастія аориста, какъ и въ *codát*, ибо „гуна“ была бы въ такомъ случаѣ не объяснима. Неправильность ударенія въ *codát*, при основѣ настоящ. времени *códa*, — была причиною того, что и въ сложеніи съ отрицаніемъ *a* — въ *acodát* (см. *acodáte* въ RV. 5, 44, 2) удареніе осталось на томъ же слогѣ и не было перенесено на *a privativ.*, какъ бы слѣдовало ожидать, согласно съ общимъ правиломъ.

Что касается формы *códat*, употребленной въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ Ригведы, то Грассманъ (*Wörterbuch zum Rig-Veda*) вилитъ здѣсь сослагательн. наклоненіе; можетъ быть, однако, это также причастіе, съ удареніемъ, измѣненнымъ по общему правилу т. е. по аналогіи.

Форма *kshamá* встрѣчалась до сихъ поръ безъ предлога („на землѣ“), между тѣмъ какъ въ нашемъ стихѣ она стоитъ съ *adhi*. Обыкновенно объясняютъ *kshamá* какъ творительн. падежъ отъ основы *ksham*, но значеніе „на землѣ“ позволяло бы видѣть здѣсь мѣстный падежъ, не отъ основы *ksham* (мѣстный падежъ отъ *ksham* есть *kshamí*; см. соотвѣтствующій стихъ Ригведы), но отъ *kshamá*; то обстоятельство, что сущ. *kshamá* „земля“ встрѣчается лишь въ новомъ языкѣ, не доказываетъ еще поздняго происхожденія этого слова, и ведійск. *kshamá* во всякомъ случаѣ предполагаетъ существованіе болѣе древняго *kshamá*. Бенфей ⁶⁾ указывалъ на то, что имена существит. на —*a* и на —*á* могутъ имѣть въ Ведахъ въ окончаніи мѣстн. пад. ед. ч.: *á*; Боллензенъ ⁷⁾ еще болѣе обобщилъ это явленіе и впалъ, конечно, въ ошибку; но Бетлингъ и Ротъ, а равно Грассманъ, повидимому, не признаютъ такого окончанія

⁶⁾ *Vollständige Grammatik der Sanskrit-Sprache*, стр. 301.

⁷⁾ *Zeitschrift der Deutschen Morgenländisch. Gesellschaft*, XXII: Die Lieder des Parāçara.

мѣстнаго пад. въ основахъ на —а и на —ā. Это окончаніе ā мы, дѣйствительно, встрѣчаемъ въ Ведахъ въ основахъ на —i, такъ что со стороны теоретической ничто не препятствуетъ допустить его существованіе и въ другихъ именахъ. Я долженъ замѣтить, однако, что для меня этотъ вопросъ не выясненъ, ибо нѣтъ ни одного примѣра, гдѣ было бы положительно необходимо признать въ формѣ на —ā, отъ существител. на —а или на —ā, мѣстный падежъ, и, напр., *guhā*, *madhyā* объясняются также какъ творительные падежи. Равнымъ образомъ и относительно формы *kshamā* нельзя утверждать, чтобы это былъ мѣстный пад.; по значенію, правда, мы легко могли бы признать его здѣсь, но срав. форму *kshmauā* „на землѣ“, „на землю“, въ которой во всякомъ случаѣ должно видѣть творительный (т. е. соціативный). Если и *kshamā* есть также творител. падежъ, въ такомъ случаѣ должно обратить вниманіе на соединеніе его съ предлогомъ *adhi*; до сихъ поръ намъ извѣстно было употребленіе *adhi* съ творит. пад. только въ *adhi shṛuṇā*, *adhi shṛubhis* (отъ *snu*=*sānu* „вершина“).

Нарѣчіе *arvāk* выражено въ моемъ переводѣ префиксомъ „при“—; *arvāk* есть собственно средній родъ отъ прилагат. *arvāñc* „обращенный къ, идущій къ, приближающийся“ (противоположно *parāñc*). Ясно, что вторая часть этого слова есть то же *añc* („склонять“), что въ *parāñc*, *pratyañc*, *udañc* и т. д.; первую же часть мы должны признать основу *arva*, являющуюся также въ существит. *arvāvat* „близость“. Я потому останавливаюсь здѣсь на * *arva*, что происхожденіе этого слова до сихъ поръ, какъ кажется, не объяснено, хотя оно вполне понятно. Прилагател. * *arva* образовано изъ нарѣчія—предлога *ar* „къ, при“⁸⁾, который не сохранился въ санскритѣ, но извѣстенъ изъ другихъ индоевропейскихъ языковъ; срав. латинск. *ar*, *ar*—⁹⁾, кельтск. *ar*, *ar*—, *air*, *air*— и т. д., осетинск. *ar*—, *er*— „при—“, армянск. *ar*, напр. въ *ar is*

⁸⁾ Относительно суф. —ва срав., напр., *atīva* „чрезвычайный“, изъ *atī* (+*iva*) или * *atī* (+*va*); по моему мнѣнію, частицы, оканчивающіяся на гласную, могли имѣть въ индоевропейскомъ языкѣ эту гласную краткою и долгою. См. объ этомъ ниже.

⁹⁾ Корсенъ (*Aussprache, Vocalismus und Betonung der lateinisch. Sprache*, второе изданіе, I, 238) объясняетъ лат. *ar* изъ *ad*, но мнѣ это кажется лишнимъ, въ виду другихъ индоевроп. языковъ. Срав. Потта *Etymologische Forschungen*, второе изданіе, I, 698 и слѣд.

„мнѣ“, латышск. *ar* „съ“, собств. „у, при“ (срав. *brēc*¹⁰) *ar galvu* „страдаетъ головою“, нѣмецк. *an Kopfschmerzen*), подобно тому какъ и галльск. *air* значить, между прочимъ, „съ“¹¹). Сюда же отношу я вмѣстѣ съ Поттомъ и латышск. *arī, ar* „также“ (*arī*, кельтск. *age*: *ar*=*ani*: *an* и т. д.), равно какъ и *ig*=лит. *ig* „также, и“, гдѣ замѣчается, однако, переходъ *a* въ *i*, можетъ быть очень древній (срав. *ли, али, или*). Въ литовскомъ языкѣ нашъ предлогъ сохранился лишь въ словѣ *alvaras* дрога, т. е. продолжный брусъ у повозокъ для связки передней оси съ заднею,=пруск. *arwarbs* (въ Словарѣ); на основаніи литовск. *per-varas id.*, а также чешск. *rozvoга*, на которое указываетъ Бурда¹²), легко признать присутствіе префикса и въ *alvaras*, прусск. *arwarbs*. Тотъ же предлогъ является, конечно, въ прусск. *arglobis* „темя“ (въ Словарѣ), собственно „наглавіе“; *globis* происходитъ, слѣдовательно, отъ *glawo* (у Грунау *galbo*) „голова“, и переходъ *v* въ *b* (можетъ быть, не существовавшій въ самомъ языкѣ) подтверждается словомъ *kalabian, kalbian* „мечъ“=литовск. *kalavijas*. Этотъ предлогъ *ar* я отношу къ мѣстоименному корню *ar*=*ra*, который сохранился въ суффиксахъ, а также въ частицахъ: греческ. *ἄρα, ἔρα (ῥά)*, литовск. *ar* (вопросительн.); сюда же принадлежит нарѣчіе *arti* (греческ. *ἄρτι*, литовск. *arti*) „близко“, которое относится къ *ar*, какъ *prati* къ *pra*, *anti* къ *an* и т. д. Далѣе, тотъ же корень мы находимъ въ предлогѣ *ra*=*rā*, имѣющемъ значеніе противоположное *ar*, т. е. „отъ“; срав. латинск. *re-d*¹³), *re*-, осетинск. *ra*- „отъ“, ст. слав. *ра-зъ*¹⁴) (срав. западнославинскій предлогъ *ra-z*, напр., въ: *raz drēvo pasti* „упасть съ дерева“) ¹⁵).

¹⁰) Черезъ *s* я передаю звукъ, соотвѣтствующій русск. *ц*; въ латышск. книгахъ употребляется для этого знакъ *z* (въ моей транскрипціи *z* есть русск. *з*).

¹¹) См. Потта *ibid.* стр. 702.

¹²) *Beiträge*, VI, Zu Nesselmann's Deutsch-Preussisch. Vocabular.

¹³) Это *d* ошибочно считаютъ окончаніемъ аблатива; достаточно обратить вниманіе на форму *redi-vivus*, чтобы убѣдиться въ неосновательности такого мнѣнія. Я сравниваю —*d* въ *re-d, se-d, pro-d, anti-d, posti-d* съ ст. слав. —*дъ*, напр., въ *ма-дъ, по-дъ* и т. д., прусск. —*dau*, напр. въ *rausdau* „послѣ, потомъ“, древнеиндійск. —*dha* въ *sa-dha* «съ» (позднѣйш. *saha*); въ *dha* я вижу частицу—энклитику.

¹⁴) Въ другомъ мѣстѣ я надѣюсь изложить мой взглядъ на —*зъ* въ славянскихъ предлогахъ.—Миклошичъ (Vgl. *Grammatik der slavischen Sprachen*, IV Band, 197) объясняетъ *з* смягченіемъ *изъ s*, но я не согласенъ съ этимъ.

¹⁵) См. Миклошича Vgl. *Gram. d. slavisch. Sprachen*, IV, 441.

3. ст. — Этотъ стихъ представляетъ значительныя трудности для пониманія, и въ поясненіе моего перевода я долженъ замѣтить слѣдующее. Слово *āgáḡas* я объясняю какъ прилагательн., сложенное по способу „*bahuvrīhi*“, и отношу его въ качествѣ опредѣленія къ *vana*; относительно ударенія въ *āgáḡas* срав., напр., ведійск. *saprāthas* „пространный“ (но, напр., *sāmanas*, какъ и *āmanas*, имѣетъ удареніе на префиксѣ). Чтеніе Аथарваведы *ā gaḡas* испорчено и произошло изъ *āgaḡas*, можетъ быть, подъ вліяніемъ текста „*raḡa*“; принять это чтеніе за первоначальное нельзя, такъ какъ, во первыхъ, не достаетъ слова, которое соотвѣтствовало бы русск. „доходящее“ или „достигающее“, а во вторыхъ, употребленіе предлога *ā* съ послѣдующимъ винительн. пад. не встрѣчается въ ведійскихъ стихахъ. Словарь Бетлингга и Рота (см. подъ словомъ *ā*) объясняетъ *ā* въ стихѣ Аथарваведы въ значеніи частицы, усиливающей предшествующее слово; такое употребленіе *ā* засвидѣтельствовано, правда, многими примѣрами, но для меня не ясно, какъ понимаетъ Словарь весь этотъ стихъ. Что касается формы *yúḡas*, то я принимаю ее за родительн. падежъ ед. ч., хотя и сознаю трудность, сопряженную съ такимъ объясненіемъ; естественно было бы ожидать *yūḡas*. Нельзя сопоставлять форму *yúḡas* съ *kshāmi*, *stṛbhis*, *drúḡas* ¹⁶⁾ и другими въ Ведахъ, такъ какъ *yūḡas*, съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ, нѣсколько разъ встрѣчается въ ведійскихъ текстахъ (напр. RV. 1, 10, 9; 9, 7, 3; Ath. V. 6, 54, 1 и 2 и т. д.). Съ другой стороны, нельзя принимать *yúḡas* въ нашемъ стихѣ за искаженіе формы *yūḡas*, такъ какъ чтеніе *yúḡas* поддерживается Аथарваведою. Я объясняю существованіе этой формы слѣдующимъ образомъ. Извѣстно, что именная основа *yūḡ*— можетъ принимать въ такъ называемыхъ сильныхъ падежахъ носовую согласную передъ *ḡ*, т. е. рядомъ съ *yūḡ*— здѣсь существуетъ также основа *yūñḡ*—. Вторая изъ этихъ основъ употребляется въ Ведахъ гораздо рѣже, чѣмъ первая, но то различіе, какое устанавливается въ грамматикахъ (Панини VII, 1, 71) относительно употребленія *yūḡ* и *yūñḡ*, во всякомъ случаѣ не примѣнимо къ Ведамъ. Носовая согласная внесена была въ именную основу *yūḡ*—, вѣроятно, подъ вліяніемъ глагольных

¹⁶⁾ По общему правилу удареніе должно бы было стоять здѣсь на послѣднемъ слогѣ.

формъ (основа настоящ. врем. $у\acute{n}a\acute{g}$ —, $у\grave{n}\acute{g}$ —) ¹⁷⁾, и отъ большей или меньшей древности этого явленія зависитъ рѣшеніе вопроса, распространялось ли прежде n въ именной основѣ $у\grave{n}\acute{g}$ — на всѣ падежи, или же ограничивалось съ самаго начала лишь основною сильныхъ падежей, по аналогіи съ $г\grave{a}ñs$ — $г\grave{a}s$ —, $а\grave{v}āñs$ — $а\grave{v}ās$ — и т. д. Извѣстно, что разница, существующая въ нѣкоторыхъ именахъ между основами сильныхъ и слабыхъ падежей, не есть первоначальная, и, напр., въ $г\grave{a}ñs$ —, $а\grave{v}āñs$ — и т. д. носовая согласная n распространялась прежде на всѣ падежи, такъ какъ она принадлежитъ самому корню ($ap\acute{k}$). Какого бы взгляда мы ни держались относительно n въ именной основѣ $у\grave{n}\acute{g}$ —, для насъ несомнѣнна полная аналогія, существующая въ склоненіи между $у\grave{n}\acute{g}$ — и, напр., $г\grave{a}ñs$ —: обѣ основы сохраняютъ n лишь въ такъ называемыхъ сильныхъ падежахъ. Но сходство не должно ограничиваться этимъ. Одна изъ особенностей основъ, теряющихъ n въ слабыхъ падежахъ, состоитъ въ томъ, что онѣ сохраняютъ даже и здѣсь удареніе на коренномъ слогѣ ¹⁸⁾, хотя бы основа была односложная; поэтому $г\grave{a}ñs$ — и въ позднѣйшемъ санскритѣ имѣетъ $г\grave{a}śa$ ¹⁹⁾, $г\grave{a}śas$ и т. д. (съ удареніемъ на корнѣ). Очевидно, что по аналогіи $г\grave{a}śas$ отъ $г\grave{a}ñs$ — мы должны ожидать $у\acute{g}as$ отъ $у\grave{n}\acute{g}$ —, и этотъ-то родительн. падежъ я вижу въ нашемъ стихѣ. Я сказалъ уже выше, что, кромѣ основы $у\grave{n}\acute{g}$ —, гораздо чаще употребляется въ Ведахъ $у\acute{g}$ —, а потому понятно, что и родит. или аблативъ $у\acute{g}as$ лучше засвидѣтельствованъ текстами, чѣмъ $у\acute{g}as$; вслѣдствіе этого обстоятельства родит.—аблат. $у\acute{g}as$ могъ даже съ теченіемъ времени совершенно исчезнуть, подъ давленіемъ тождественной и болѣе распространенной формы $у\acute{g}as$. Желательно было бы, конечно, встрѣтить $у\acute{g}as$ еще гдѣ-нибудь, кромѣ нашего мѣста, но въ настоящее время я могу прибавить только одинъ примѣръ, въ которомъ, впрочемъ, форма $у\acute{g}as$ могла бы быть объясняема грамматически и иначе. Въ RV.

¹⁷⁾ Срав. латинск. $jung$ —, гдѣ n первоначально принадлежало лишь основѣ настоящ. времени.

¹⁸⁾ Подъ вліяніемъ бывшей нѣкогда группы n +согласная. Относительно вліянія этой группы срав. односложную основу $к\grave{r}ñs$ («родъ кулика»), удерживающую удареніе на коренномъ слогѣ во всѣхъ падежахъ.

¹⁹⁾ Въ Ведахъ извѣстна и форма $г\grave{a}śā$, употребляемая въ качествѣ нарѣчія «впереді».

4, 32, 6 мы читаемъ: bhûyāmo shu tvāvataḥ sakhāya indra gomataḥ, uṁgo vāḡāya ghṛshvaye. Здѣсь вопросъ въ томъ, куда относить вторую часть стиха: къ tvāvato gomataḥ, или къ sakhāyaḥ; въ первомъ случаѣ это былъ бы родит. пад. ед. ч. (отъ основы uṁḡ—), во второмъ—именит. множ. (отъ основы uṁḡ—). Я отдаю предпочтеніе первому объясненію и перевожу этотъ стихъ такъ: „да будемъ мы во благо намъ, о Индра, друзьями тебѣ, имѣющему ²⁰⁾ столько коровъ, владѣющему богатствомъ ²¹⁾, приносящимъ радость.“ Что касается сочетанія uṁgo vāḡāya, собственно „соединеннаго съ богатствомъ“, то срав. sammiclo vīṇāya kam (RV. 8, 50, 18), „соединенный съ силою“, т. е. „владѣющій силою“ ²²⁾. Принимая uṁgaḥ за именит. пад. множ. ч., мы должны бы были перевести стихъ такъ: „да будемъ мы во благо намъ друзьями тебѣ, о Индра, имѣющему столько коровъ, снабженными (относится къ „друзьями“) богатствомъ, приносящимъ радость“. Такимъ образомъ разстановка словъ говорить въ пользу первого перевода. Желаніе получить самимъ это „богатство приносящее радость“ высказывается въ девятомъ стихѣ: abhi tvā gotamā girānushata pra dāvane, indra vāḡāya ghṛshvaye, „тебя, о Индра, привѣтствовали пѣсню потомки Готамы (=„мы“ въ шестомъ стихѣ), для дарованія имъ богатства, приносящаго радость“.

Слова tuḡé ḡāne въ нашемъ стихѣ я привожу въ зависимость отъ uṁgas. Что касается формы ḡāne, то ее естественно было бы принять за мѣстный падежъ отъ существ. ḡāna; срав. употребленіе мѣстнаго падежа параллельно съ дательнымъ, напр., въ RV. 1, 10, 6: tam it sakhitva (мѣстн. п.) imahe tam ḡāne (дат. п.) tam suvīṇe (мѣстн. п.), „его (=Индру) молимъ мы о дружбѣ, его—о богатствѣ, его—о богатирской силѣ“ ²³⁾; въ RV. 1, 31, 7: tvam

²⁰⁾ Въ оригиналѣ стоитъ здѣсь родительн. пад.

²¹⁾ Въ этомъ значеніи, конечно, должно понимать здѣсь слово vāḡā, о которомъ см. ниже. Срав. стихъ, слѣдующій за этимъ: tvam hy eka īcisha indra vāḡāya gomataḥ, <ты, вѣдь, одинъ, о Индра, распоряжаешься богатствомъ, состоящимъ изъ коровъ.>

²²⁾ Не должно забывать, что глаголъ <имѣть> (съ этимъ абстрактнымъ значеніемъ) не существовалъ не только въ Ведахъ, но и въ позднѣйшемъ санскритѣ.

²³⁾ Дельбрюкъ (Zeitschrift, XI, 222), мнѣ кажется, напрасно старается отличить въ переводѣ дательный падежъ отъ мѣстныхъ въ этомъ стихѣ. Извѣстный оттѣнокъ въ значеніи былъ, конечно, но онъ такъ ничтоженъ, что можетъ оставаться не переданнымъ въ переводѣ. Людвигъ (Der Infinitiv im Veda, § 13) слишкомъ обобщаетъ параллельное употребленіе мѣстнаго и дательн. падежей въ Ведахъ, и съ нимъ я не могу согласиться.

tam agne amṛtatva uttame (мѣстн. п.) *martam dadhāsi çravase divedive*, „tu, Agnis, ad summam immortalitatem hominem (aptum) reddis, gloriae cotidie“ ²⁴⁾. Эти примѣры, однако, не вполне аналогичны съ нашимъ мѣстомъ, и при томъ я думаю, что *tuḡe ḡane* не должно быть отдѣляемо отъ *tuḡe tāne* въ RV. 5, 41, 9 (*tuḡe nas tane parvatāḥ santu*, „Горы“ ²⁵⁾ да будутъ въ помощь распространенію нашего потомства!“), гдѣ *tāne* есть дательн. падежъ отъ существит. *tan* ²⁶⁾ = *tana*; срав. также *tucé* (= *tuḡe*) *tanāya* въ RV. 8, 18, 18. Слѣдовательно, *ḡane* можетъ быть дательн. падежомъ отъ сущ. *ḡan*, которое точно такъ же относится къ *ḡana*, какъ *tan* къ *tana*. Существит. *tan* извѣстно намъ въ двухъ падежахъ: *tānā* (творит. ед. ч.) и *tāne* (дат. ед. ч.) ²⁷⁾, но эти же самыя формы, взятая отдѣльно (не въ связной рѣчи), могли бы объясняться какъ творительн. (ведійскій) и мѣстн. падежи отъ существит. *tāna*. Понятно поэтому, что и *ḡan*, если оно сохранилось въ одномъ или въ двухъ падежахъ, не легко отличить отъ *ḡana* ²⁸⁾. Въ словаряхъ существит. *ḡan* не помѣщено, и можно думать, что оно, дѣйствительно, рано вышло изъ употребленія, подъ вліяніемъ тождественнаго по значенію *ḡana*.

Чтеніе *Атхарваеды ḡanā* (вмѣсто *ḡane*) представляетъ, вѣроятно, ошибку. Еслибы было доказано, что основы на — *a*, дѣйствительно, могутъ оканчиваться въ Ведахъ въ мѣстномъ пад. ед. ч. на — *a*, въ такомъ случаѣ форма *ḡanā* могла бы быть принята за вариантъ *ḡane*, и послѣдняя должна была бы объясняться какъ мѣстный пад., а не какъ дательн. Но я говорилъ уже, что существованіе мѣстныхъ падежей на — *a* отъ основъ на — *a* пока еще не доказано, и стихъ *Атхарваеды* едва ли можетъ имѣть какое нибудь значеніе въ рѣшеніи этого вопроса, такъ какъ чтеніе *a gaḡas* показало уже намъ, что онъ переданъ ошибочно.

²⁴⁾ См. Вильгельма De Infinitivi linguarum sanscritae, bactricae, persicae, graecae oesae, umbricae, latinae, goticae forma et usu, стр. 59.

²⁵⁾ Т. е. небесныя горы (= облака)?

²⁶⁾ См. Словарь Бетлингга и Рота.

²⁷⁾ Удареніе остается здѣсь на корнѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ односложныхъ словахъ въ языкѣ Ведъ.

²⁸⁾ Такъ, напр., въ выраженіи *ḡane na çevaḥ* (RV. 1, 69, 4), «будто дорогой для рода» или «въ родѣ» (объ Агни), т. е. «будто другъ дорогой для рода» или «въ родѣ», форма *ḡane* можетъ быть объясняема или какъ дат. пад. (отъ *ḡan*), или какъ мѣстный (отъ *ḡana*). Въ первомъ случаѣ срав. RV. 1, 58, 6: *mitram*

Для *vaṇa* въ нашемъ стихѣ я принялъ значеніе „сіяніе“, такъ какъ, по моему мнѣнію, оно требуется здѣсь смысломъ: рѣчь идетъ о томъ свѣтломъ небесномъ пространствѣ, которое лежитъ надъ *gaṇas*, т. е. надъ облачною сферою, и властителемъ котораго считается Индра ²⁹⁾. Обыкновенныя значенія *vaṇa* въ Ведахъ: „дерево, лѣсъ (также и въ позднѣйшемъ санскритѣ), чанъ для Сомы, собств. дерево, или деревянная посуда, облако (метафора)“ не удовлетворяютъ въ данномъ случаѣ; правда, небо представлялось въ мифахъ лѣсомъ, но небо облачное, а не то, которое лежитъ надъ облаками. *Vaṇa* „сіяніе“ не имѣетъ, конечно, ничего общаго по происхожденію съ *vaṇa* „дерево, лѣсъ“ и принадлежитъ тому корню *vaṇ*, на который указываютъ древнесаксонск. *wanum*, *wan* пош „блестящій“, *wanast* „блескъ“, между тѣмъ какъ *vaṇa* „дерево, лѣсъ“ = др. бктр. *vaṇa* „дерево“ происходитъ отъ корня *vaṇ* „рубить, бить“ (сскр. *vaṇ* причинять вредъ (*himsāyam*), др. бактр. *vaṇ* бить, литовск. *vanoti* хлестать, бить ³⁰⁾, *vanta* вѣникъ, которымъ парятъ, готск. *vinnaṇ* страдать), подобно тому какъ, напр., сскр. *dru*, *druma* „дерево“ (греч. *δρῦς*, *δρυμὶς* и т. д.) указываютъ на кор. *dar* „колоть“. Съ *vaṇ* „сіять“ долженъ находиться въ родствѣ и кор. *vaṇ* желать ³¹⁾ (сскр. *vaṇ*, ст. сл. *унити* и т. д.), первоначально, можетъ быть, возбуждать желаніе ³²⁾; связь этихъ корней легко видѣть на такихъ словахъ, какъ латин. *venus*, ведійск. *vanas* (по толкованію Петерб. Словаря: „etwa Verlangen, Anhänglichkeit oder Lieblichkeit“), сскр. *vāma* (изъ * *vanma*) прекрасный, собств. блестящій, = др. сакс. *wanum*, *wan* пош блестящій и прекрасный ³³⁾ и т. д. Значеніе „сіяніе“ при-

---

на *śvaṇaḥ divyāya śanpane*, «будто друга дорогаго для небеснаго рода», т. е. «для небожителей».

²⁹⁾ Этотъ Комментарій занимается исключительно явленіями языка, а что касается ведійской мифологіи, то см. Мюрра (Muir) *Original Sanskrit Texts*, томы IV (*Comparison of the Vedic with the later representation of the principal Indian Deities*) и V (*Contributions to a Knowledge of Vedic Mythology*). Срав. также Рота *Die höchsten Götter der arischen Völker*, въ *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*, томъ VI, стр. 67.

³⁰⁾ Это слово приводитъ г. Милуцкій.

³¹⁾ См. объ этомъ корнѣ у Потта, *Wurzel-Wörterbuch der Indogermanischen Sprachen*, II, 2, 124.

³²⁾ Срав. относительно значеній, напр., *ruk* «свѣтить» = сскр. *ruc* «свѣтить» и (въ позднѣйшемъ языкѣ) «правиться».

³³⁾ См. Фика *Vergleichendes Wörterbuch der Indogermanischen Sprachen*, стр. 180.

нято мною для *vana* согласно съ индійскою традиціею; въ *Nāighan-ṭuka* 1, 5 *vana* приводится въ числѣ „*gaṣmīnāmāni*“, т. е. въ числѣ ведійскихъ названій луча свѣта. вмѣсто „сіяніе“ мы могли бы поставить въ переводѣ „свѣтлое небо“, и я думаю, что найдутся въ Ведахъ еще мѣста, къ которымъ примѣнимо то же значеніе. Такъ, напр., сюда долженъ принадлежать слѣдующій стихъ изъ Ригведы (1, 24, 7): *abudhne rāgā varuṇo vanasyordhvaṃ stūpaṃ dadate pūtadakshaḥ*, „въ бездонномъ пространствѣ царь Варуна, чистыя мысли имѣющій ³⁴⁾, охраняетъ ³⁵⁾ высающуюся верхушку (маковку) свѣтлаго неба“. Словарь Бетлингга и Рота переводитъ это мѣсто иначе: „*hält oben den Zipfel der Wolke*“ (подъ словомъ *vana*) или „*fasst die Wolke am Schopfe*“ (подъ словомъ *stūpa*); Бенфей: „*hoch oben hält Varuna, der reinkräfte König, des Glanzes Mass' im Bodenlosen*“ (*Orient und Occident*, I, 33). Такимъ образомъ значеніе „сіяніе, блескъ“ принято здѣсь для *vana* и Бенфеемъ, который объясняетъ въ примѣчаніи „*Glanz*“ черезъ „*Sonne*“, съ чѣмъ я не согласенъ, такъ какъ *stūpa* не означаетъ массы, кучи. Можно думать, что это значеніе попало въ словари (не въ Петербургскій, однако) изъ Нирукты 10, 33, гдѣ Яска, дѣйствительно, толкуетъ *stūpa* въ смыслѣ *saṃghāta* (агрегатъ, масса), но это объясненіе, конечно, такъ же произвольно, какъ и этимологія слова *stūpa*, выставленная Яскою, отъ глагола *styā*. По крайней мѣрѣ, это значеніе не можетъ подходить къ эпитету Савитара *hiraṇyastūpa*, по поводу котораго Яска объясняетъ слово *stūpa*; *hiraṇyastūpa* значить, конечно, „съ золотою (т. е. золотого цвѣта) маковкою“, подобно тому какъ Агни называется *arushastūpa* (RV. 3, 29, 3), „съ огненно-красною маковкою“. То же значеніе слова *stūpa* ясно и въ слѣдующемъ мѣстѣ Ригведы (7, 2, 1): *ura spr̥ṣa divyaṃ sānu stūpāiḥ*, „коснись (о Агни) небесной вершины своими маковками“. ³⁶⁾ Первоначально, я думаю, *stūpa* значило „верхушка“ или „возвышеніе“, отсюда „маковка головы“, а также „бугоръ, холмъ“; это послѣднее значеніе приводится въ индійскихъ словаряхъ, и имъ же, можетъ быть, руководствовался Яска при своемъ объясне-

³⁴⁾ Варуна носитъ этотъ эпитетъ какъ верховный судья, наказывающій за грѣхи.

³⁵⁾ Глаголъ *dā* въ мѣдѣмъ значить: «имѣть у себя (собств. «давать себѣ»), сохранять» и т. д. Срав. Петерб. Словарь.

³⁶⁾ Агни представляется иногда съ нѣсколькими головами; срав. напр. его эпитетъ *trimūrdhan*, «трехголовый» (RV. 1, 146 1).

ни слова *stûpa*. Наконецъ, припомнимъ, что у буддистовъ *stûpa* означаетъ надгробный памятникъ надъ мощами. Тотъ же корень, но съ согласною *b* вмѣсто *p*, я вижу въ греч. *τύφος* (котор. не имѣетъ, конечно, ничего общаго съ *τύφω*) и въ лат. *tûber*. Петерб. Словарь объясняетъ *stûpa* такъ: *Schopf, sowohl der Haarbush, als der obere Theil des Kopfes*“, но я не знаю примѣровъ, въ которыхъ требовалось бы значеніе „Haarbush“, хотя, конечно, оно можетъ соединяться съ значеніемъ „маковка“. Доказательствомъ того, что *vaṇa* въ RV. 1, 24, 7 означаетъ не „облако“, но „сіяніе“ или „свѣтлое небо“ служить продолженіе стиха: *nīśānāḥ sthur upari budhna eshām asme antar nīhitāḥ ketavaḥ syuḥ*, „внизъ обращенные ³⁷⁾—вверху ихъ основаніе,—да будутъ лучи свѣта находящимися среди насъ!“.

4 ст. — Варуна принадлежитъ къ числу тѣхъ боговъ, которые называются *ādityās*, „сыновья Адити“. *Aditi* значитъ собственно: „неограниченный, безконечный; неограниченность, безконечность“, но дальнѣйшая специализація значеній дѣлаетъ это слово въ Ведахъ крайне неопредѣленнымъ, такъ что часто трудно бываетъ рѣшить, употреблено ли *aditi* въ значеніи нарицательномъ, или какъ собственное имя ³⁸⁾. Такъ, напр., въ концѣ нашего стиха (*anāgaso aditaye syāma*) Петерб. Словарь понимаетъ *aditi* въ смыслѣ: „Ungebundenheit, Freiheit, Sicherheit“, и подобнымъ же образомъ Грассманъ даетъ здѣсь этому слову значеніе: „*unvergänglichliches Wohlsein*“. Но Бенфей ³⁹⁾ и Максъ Мюллеръ ⁴⁰⁾ видятъ въ *aditi* богиню Адити, и послѣдній переводитъ окончаніе стиха такъ: „then, o Aditya, let us be in thy service free of guilt before Aditi“. Я отдаю предпочтеніе этому переводу, между прочимъ, въ виду параллельнаго мѣста, помѣщеннаго у Макса Мюллера: *anāgaso aditaye devasya savituḥ save, viçvā vāmāni dhīmahi* (RV. 5, 82, 6), „May we, guiltless before Aditi, and in the keeping of the god Savitar, obtain all goods!“ Отсутствіе глагола *as* въ этомъ стихѣ позволяетъ думать, что и въ нашемъ мѣстѣ дат. над. *adi-*

³⁷⁾ Собственно: «внизъ обращенные стоятъ» (буквально: стали).

³⁸⁾ См. объ *aditi* подробное изслѣдованіе Макса Мюллера въ *Rig-Veda-Sanhita transl. and explain.*, стр. 280 и слѣд.

³⁹⁾ *Orient und Occident* I, 34: «dann mögen wir in deiner Pflicht, Aditya! von Schuld befreit, der Aditi gehören.» Изъ параллельнаго мѣста, указаннаго мною въ текстѣ, видно, что окончаніе стиха переведено здѣсь не точно.

⁴⁰⁾ *Rig-Veda-Sanhita transl. and explain.*, стр. 246.

taуе не зависитъ отъ suāta, и, слѣдовательно, мы не могли бы переводить: „да будемъ пользоваться мы непреходящимъ благоденствіемъ“ или „спокойною жизнью“. Бетлингъ, Ротъ и Грассманъ удерживаютъ, однако, и въ стихѣ 5, 82, 6 то же значеніе для aditi, которое они принимаютъ въ ст. 1, 24, 15; но въ такомъ случаѣ переводъ получается крайне неудовлетворительный: „безгрѣшные для непреходящаго благоденствія“ или „для спокойной жизни“.

5 ст. — Сома раваṁdṇа есть Сома свѣтло льющійся тогда, когда его процѣживаютъ. Глаголь rū значить „быть свѣтлымъ“ и „дѣлать свѣтлымъ“; см. Словарь Грассмана къ Ригведѣ.

Слово sindhu („рѣка“, „потокъ“) понимаютъ иногда и въ Ведахъ ⁴¹⁾ въ значеніи „море“, но въ нашемъ стихѣ я не вижу никакихъ основаній принять это значеніе, хотя Петерб. Словарь переводитъ здѣсь sindhu „Meer“.

6 ст. — Изъ Nāigeya-Dāivata видно, что этотъ стихъ считается посвященнымъ Индрѣ; слѣдовательно, и самыя слова влагаются въ его уста, а извѣстно, что по индійскому воззрѣнію молитвы и жертвоприношенія даютъ богамъ силу.

7 ст. — Стихъ обращается къ Сомѣ.

8 ст. — „Черезъ него“, т. е. черезъ Сому.

9 ст. — Эти слова влагаются въ уста Агни, Огня.

Въ Nāig.-Dāivata божество, которому этотъ стихъ посвященъ, называется ātman („Душа“ или „Самъ“); слѣдовательно, подѣ ātman мы должны понимать одну изъ формъ проявленія бога Агни. Стихъ принадлежитъ, безъ всякаго сомнѣнія, къ числу очень позднихъ. Въ концѣ должно обратить вниманіе на аллитерацію, которая вообще часто встрѣчается въ Ведахъ. Уже Nève въ Études sur les Hymnes du Rig-Veda (1842 г.), стр. 43, указывалъ на такіе случаи, какъ: devo devebhiḥ, marto amartye, ṣrudhi ṣrutkarṇa, vaṅrena vaṅrin и т. д. Срав. изъ нашего текста: ugro ugrābhīr ūtibhiḥ, ṣucim ṣucaṣaṇ, pracetana pracetaya и т. д.

Первое anna (ѣда, пища) употреблено здѣсь въ смыслѣ жертвы, съ которою отождествляется Агни; срав. въ Аг. 3, 12: havir asmi saṅgam „я (Агни)—вся жертва“=RV. 3, 26, 7: havir asmi nāma „я—жертва по имени“ (т. е. „мое имя—жертва“). Въ одной изъ формулъ Стобны (срав. Аг.-Gāna V, 2, 1) мы читаемъ: aham an

⁴¹⁾ Въ позднѣйшемъ языкѣ sindhu имѣетъ, между прочимъ, значеніе «море», но обыкновенно «рѣка», «потокъ» или «Индъ».

nam aham annādaḥ „я—ѣда, я—ѣдящій ѣду“. Что же касается выражения: annam adantam admi, то здѣсь подъ анна должно разумѣть, вѣроятно, жертвенное масло ⁴²⁾, а „ѣдящій“ составляетъ обозначеніе животного, приносимаго въ жертву.

Вторая декада.

1 ст. — Стихъ посвященъ Индрѣ; срав. Nāig.-Dāivata. Бенфей переводилъ такъ: „Du hast getragen diese Milch in den schwarzen, den leuchtenden, den Parushni's, die strahlende“ ⁴³⁾. Слово parushṇīshu, дѣйствительно, можетъ затруднять въ этомъ стихѣ, хотя я полагаю, мой переводъ вѣренъ. Parushṇī есть собственно женск. родъ отъ прилагательн. parusha „узловатый; пестрый“ и т. д., и это же значеніе удержано для него Ротомъ и Грассманомъ въ нашемъ стихѣ. Послѣдній предполагаетъ, что существуетъ. goshu подразумевается здѣсь (такъ же думаетъ и Ротъ?) и потому переводить это мѣсто, вѣроятно, такъ: „ты держалъ въ черныхъ и красныхъ коровахъ и въ пестрыхъ это блестящее молоко“. Я не могу, однако, принять этого перевода, такъ какъ, во-первыхъ, мнѣ кажется непонятнымъ переносъ эпитета parushṇīshu во вторую часть стиха, и при томъ безъ соединительнаго союза, хотя выше употреблено *sa*, а во-вторыхъ, истинное значеніе здѣсь слова parushṇīshu вполне опредѣляется изъ одного параллельнаго мѣста. Въ стихѣ RV. 1, 62, 9 мы читаемъ: āmāsu cid dadhishe pakvam antaḥ payaḥ kṛshṇāsu ruṣad rohiṇīshu, „и“ ⁴⁴⁾ въ коровъ вложилъ ты готовое молоко, въ черныхъ и красныхъ—блестящее.“ Такимъ образомъ по смыслу этотъ стихъ вполне совпадаетъ съ нашимъ мѣстомъ, и слову parushṇīshu здѣсь соответствуетъ āmāsu, которое въ этомъ случаѣ не можетъ быть переводимо иначе, какъ „въ коровъ“ или собственно „въ коровахъ“ (глаголь dhā имѣетъ при себѣ мѣстный падежъ); срав. Бетлингга и Рота, а также Грассмана. Прилагательн. pakva, которое я передаю словомъ „готовое“, значить соб-

⁴²⁾ Срав. напр. RV. 2, 35, 11: ghṛtam annam aśva (т. е. бога Агни); 2, 35, 14: āro nartre (т. е. богу Агни) ghṛtam annam vahantiḥ, и друг.

⁴³⁾ Die Hymn. d. SV, Nachträge und Verbesserungen, стр. 269.

⁴⁴⁾ Частица cid, которую я передаю здѣсь черезъ «и», усиливаетъ предшествующее слово, т. е. āmāsu.

ственно „вареный“, въ противоположность âma „сырой, crudus“ ⁴⁵⁾ (срав. греч. ὠμός), и черезъ âmâ же (женск. р. отъ âma) обозначается здѣсь „корова“, такъ что въ моемъ переводѣ остался не переданнымъ тотъ образъ, какой существуетъ въ самомъ текстѣ. Бетлингъ и Ротъ говорятъ по поводу âma слѣдующее: „Im Veda besonders von der Kuh, welche im Gegensatz zu der gleichsam gekochten Milch, die sie erzeugt, selbst als roh bezeichnet wird.“ Дѣйствительно, во всѣхъ тѣхъ стихахъ, гдѣ „корова“ получаетъ обозначеніе âmâ, мы находимъ и эпитетъ раква при рауас; слѣдовательно, названіе „cruda“ давалось коровѣ по противоположности съ молокомъ, которое она содержитъ въ себѣ вполне готовымъ въ пищу. Должно замѣтить, что обыкновенно âmâ, о коровѣ, употребляется въ значеніи прилагательнаго, при которомъ стоитъ gâus или usriyâ (напр. RV. 3, 30, 14; 1, 180, 3 и др.); отсюда уже произошло употребленіе этого слова какъ существительнаго въ стихахъ 1, 62, 9 и 8, 78, 7 ⁴⁶⁾ Что касается значенія „корова“ для слова ragushñî въ нашемъ стихѣ, то оно образовалось вслѣдствіе частаго употребленія ragushñî „пестрая“ какъ эпитета коровы, при чемъ съ теченіемъ времени ragushñî, какъ существительное, утратило то значеніе цвѣта, которое ему принадлежало. Полную аналогію съ этимъ представляетъ употребленіе r̥ṣñî „пестрый“ (срав. греч. περηνός), не только какъ эпитета коровы („eine besonders beliebte Farbe bei der Kuh und als liebkosende Bezeichnung derselben gebraucht“ BR.), но и въ нарицательномъ ея обозначеніи; см. RV. 8, 6, 19; 8, 7, 10 и др. Въ двухъ мѣстахъ въ Ригведѣ (5, 52, 9; 4, 22, 2) Петерб. Словарь предполагаетъ для ragushñî значеніе „облако“ (срав. также Грассмана), которое, онъ думаетъ, могло развиться изъ первоначальнаго значенія этого слова: „die Knotige, Geballte oder die Bunte“. Я полагаю, что и въ этихъ двухъ мѣстахъ ragushñî можетъ быть переводимо сло-

⁴⁵⁾ Срав. âma въ соединеніи съ kravis (RV. 1, 162, 10) и mâñsa (AV. 4, 17, 4), «мясо».

⁴⁶⁾ Для меня не ясно, какое значеніе имѣетъ âmâsu въ стихѣ RV. 2, 35, 6. Грассманъ переводитъ здѣсь âmâ словомъ «облако», но это вѣрно лишь въ томъ смыслѣ, что рѣчь идетъ, дѣйствительно, объ облакахъ, которыя представляются (какъ и часто въ Ведахъ) въ видѣ крѣпостей (pur). Всего естественнѣе было бы предполагать, что âmâsu въ сочетаніи âmâsu r̥ṣhu составляетъ опредѣленіе къ r̥ṣhu («въ крѣпостяхъ» = «въ облакахъ»), но только трудно сказать, какое именно значеніе принадлежитъ здѣсь слову âma.

вомъ „корова“ (=облако), подобно тому какъ и *go* и *pr̥ṣṇi* употребляются очень часто о небесныхъ коровахъ, т. е. облакахъ. Въ нашемъ стихѣ черныя и красныя коровы служатъ также метафорою облаковъ; а что касается ихъ „блестящаго молока“, то подъ нимъ можно разумѣть какъ дождь, такъ и небесный огонь. Срав. о связи мнѣическихъ представлений небеснаго огня и дождя Куна *Die Herabkunft des Feuers und des Göttertranks*.

2 ст. — Подъ образомъ быка здѣсь представляется Сомѣ⁴⁷⁾; срав. *Nāig.-Dāivata*. Эпитетъ „предшествоующій утренней зарѣ“ указываетъ на совершение жертвоприношенія Сомы передъ разсвѣтомъ. Выраженіе „мычить“ (*mimeti*=*mimāti*) могло быть употреблено по сравненію съ тѣмъ звукомъ, который издають капли Сомы, падающія въ тазъ. *Vāḡayu* я перевожу „могучій“, сообразно съ значеніемъ слова *vāḡa*, о которомъ см. ниже; Петерб. Словарь объясняетъ *vāḡayu*: „wettlaufend, kampflustig, eilig“ (а равно: „eifrig, kräftig“, но не въ этомъ стихѣ), что этимологически также возможно, хотя въ данномъ случаѣ кажется мнѣ менѣе примѣнимымъ. Слово *māyāvinas* Бенфей (*Die Hymn. d. SV., Uebersetzung*, стр. 250) переводитъ: „die Geistbegabten“ (что, однако, не точно) и видитъ здѣсь боговъ; въ стихѣ RV. 10, 24, 4 эпитетъ *māyāvin* дается обоимъ Ашвинамъ. „Отцы“, или *manes*, (срав. русск. „родители“)⁴⁸⁾ называются въ нашемъ стихѣ „взирающими на мужей“ (у Бенфея: *männerwaltend*), т. е. смотрящими изъ заоблачнаго міра на людей живущихъ.

3 ст. — Въ этомъ стихѣ главную трудность представляетъ форма *vasouyāḡā*. Мой переводъ основывается на томъ предположеніи, что *vasouyāḡ* составляетъ здѣсь эпитетъ колесницы, и при *vasouyāḡā* я подразумѣваю *rathena*, хотя и не могу привести параллельныхъ мѣстъ въ пользу этого предположенія. Въ оправданіе моего перевода замѣчу слѣдующее. Прилагательн. *vasouyāḡ* можетъ быть

⁴⁷⁾ См. о мнѣическомъ значеніи Сомы у Куна, *Die Herabkunft des Feuers und des Göttertranks*.

⁴⁸⁾ По поводу сскр. *pitagas*, «отцы»=*manes*, считаю не лишнимъ замѣтить, что это слово является обыкновенно въ русскихъ сочиненіяхъ, касающихся сравнительной мѣологии (см. напр. труды Аванасьева), въ крайне странной формѣ: *pitʹis*, т. е., по нашей транскрипціи, *pitʹs*. Эта форма не можетъ имѣть у насъ никакихъ правъ на существованіе, и появленіе ея должно объяснять тѣмъ, что она ошибочно перенесена къ намъ изъ новыхъ европейскихъ языковъ, гдѣ къ сскр. краткой отгловѣ *pitʹi*— (по другой транскрипціи: *pitʹi*—) приставляется окончаніе множ. числа *s*, принадлежащее этимъ языкамъ.

относимо по своему значенію какъ къ конямъ, такъ и колесницѣ. Петерб. Словарь толкуетъ это слово только какъ эпитетъ коней Индры и приводитъ для него три примѣра, изъ которыхъ одинъ нашъ стихъ; въ двухъ другихъ (RV. 1, 20, 2; 6, 20, 9) *vasouyáá* (именит. винит. пад. двойств. ч.) употреблено, несомнѣнно, какъ эпитетъ *harí*, коней Индры, точно такъ же какъ, напр., и въ ст. 8, 45, 39; 8, 87, 9; но въ нашемъ мѣстѣ нельзя, мнѣ кажется, объяснять его такимъ образомъ; ибо *sammiçla* („соединенный съ“) можетъ имѣть при себѣ или творительн., или мѣстный пад., и я не понимаю поэтому, какъ переводить этотъ стихъ Петерб. Словарь, видящій здѣсь въ *vasouyáá* эпитетъ къ *harí*. Саяна нисколько ни разрѣшаетъ этого затрудненія, объясняя *vasouyáá* черезъ *indrasya vasaṇamátrena rathe yuḡyamápayoh* („запрягающихся въ колесницу по одному слову Индры“) ⁴⁹⁾, такъ какъ *vasouyáá* по своей формѣ не можетъ быть родит.—мѣстн. пад. Замѣчу, что уже Розенъ въ объясненіи нашего стиха ⁵⁰⁾ спрашивалъ: „*Possitne vasouyáá pro instrum. sing. thematis vasouyá haberi, subintellecto rathena?*“, а Nève внесъ эту гипотезу въ свой переводъ ⁵¹⁾ (*sur son char attelé à sa parole*). Я думаю, что употребленіе *vasouyá* въ качествѣ эпитета колесницы Индры находитъ аналогію въ *maṇouyá*; это послѣднее прилагательное относится обыкновенно къ конямъ, но въ стихѣ RV. 8, 5, 2 оно составляетъ эпитетъ колесницы (*maṇouyáá rathena*). Буквальный переводъ нашего стиха представляется мнѣ такъ: „Индра съ парюю свѣтложелтыхъ (коней) есть и соединенный съ запрягаемою словомъ, Индра, перунодержецъ, золотой.“ Слово *á* я принимаю здѣсь въ значеніи союза „и“ и слѣдую въ этомъ случаѣ толкованіямъ Рота и Грассмана. Бенфей переводитъ нашъ стихъ такъ: „*Indra mit seinem Falbenpaar—er treibt die wortgeschirrten her—, der goldne der Blitzschleuderer*“ ⁵²⁾ Здѣсь для меня ясно только то, что *vasouyáá* Бенфей относитъ къ *harí*, а частицу *á* принимаетъ въ значеніи „сюда“; но я не могу опредѣлительно сказать, какъ поступаетъ онъ съ *sammiçla*, и чему должны соответство-

⁴⁹⁾ Объясненіе моего перевода слова *vasouyá* см. ниже.

⁵⁰⁾ Слѣдуя Саянѣ, онъ переводитъ стихъ такъ: *Indras ille fulvis cum equis omnia contingens, dicto jugatis, Indras teliger, auro fulgens.*

⁵¹⁾ *Études sur les Hymnes du Rig-Veda*, стр. 54.

⁵²⁾ *Orient und Occident*, I, 15. Справ. *Die Hymnen d. SV. Uebersetzung*, 247: *Indra mit dem Falbengespann treibet die sanggeschirrten her, Indra, der Donnerer, goldene.*

вать въ оригиналѣ слова: „er treibt“. Частицу *ā*, дѣйствительно, можно было бы принять за нарѣчіе „сюда“⁵³⁾, при которомъ глаголѣ „приходить“ въ повелительн. наклоненіи подразумѣвается („сюда“=„сюда приди“, „сюда да придетъ!“)⁵⁴⁾, и, сообразно съ этимъ, я допускаю, что нашъ стихъ можетъ быть переводимъ такъ: „Индра съ парюю свѣтложелтыхъ да придетъ сюда, имѣющій колесницу, запрягаемую словомъ“ и т. д. Что касается *sammiçla*, то его во всякомъ случаѣ трудно относить къ *haryoḥ sacā*, такъ какъ съ *sammiçla* начинается новая пада. Объясненіе Саяною словъ *sammiçla ā* черезъ *sarvataḥ samyagmiçrayitā* („omnia contingens“ у Розена) совершенно произвольно и не могло бы помочь, такъ какъ главная трудность, заключающаяся въ *vasoуūḡ ā*, осталась бы. Правда, нашъ стихъ представляется вариантомъ слѣдующаго стиха въ Самаведѣ (Ch. 3, 2, 5, 7): *yaḥ sammiçlo haryoḥ yo hiraṇyaya indro vaḡrī hiraṇyayaḥ* (=RV. 8, 33, 4; *yaḥ sammiçlo haryoḥ yaḥ sute sacā vaḡrī ratho hiraṇyayaḥ*), гдѣ *sammiçlo haryoḥ* значить „соединенный съ парюю свѣтложелтыхъ коней“, т. е. „имѣющій пару свѣтложелтыхъ коней“, но это не даетъ намъ никакого права относить *sammiçla* въ нашемъ стихѣ къ *haryoḥ sacā*. Теперь мнѣ остается объяснить, почему я перевожу слово *vasoуūḡ* (куда бы оно ни относилось, къ конямъ, или къ колесницѣ) „запрягаемый словами стиха“ или „молитвы“. Петерб. Словарь объясняетъ *vasoуūḡ* буквально: „auf's Wort sich schirrend“, и я не знаю, какъ именно понимаетъ онъ этотъ эпитетъ. Мы видѣли, что Саяна толкуетъ *vasoуūḡ* въ смыслѣ: „запрягающійся по одному слову Индры“ (т. е. безъ самаго акта запряганія), и это объясненіе показалось на столько убѣдительнымъ Бенфею, что онъ замѣнилъ свой прежній переводъ: „sanggeschirrt“ новымъ: „wortgeschirrt“, т. е., какъ прибавляетъ онъ, „die sich auf blosses Geheiss von selbst anschirren“. Я думаю, однако, что Бенфей сдѣлалъ это напрасно. Понятно, что на основаніи одного *vasoуūḡ* нельзя было бы еще рѣшить, какъ именно должно понимать это слово, такъ какъ всякій согласится, что здѣсь возможны два перевода⁵⁵⁾. Въ подтвержденіе перевода Саяны можно было бы сослаться на при-

⁵³⁾ Это—господствующее значеніе частицы *ā* (предлогъ «къ», «до» и т. д.).

⁵⁴⁾ См. примѣры въ Словарѣ Гриссмана.

⁵⁵⁾ Васавъ, собств. «слово», обозначаетъ также и слово стиха или молитвы. Срав. подобное же употребленіе *v ā s*.

лагат. *manoуṣ* (эпитетъ коней и колесницы), еслибъ оно несомнѣнно имѣло то значеніе, которое приводится въ Петерб. Словарѣ: „durch oder nach dem blossen Willen (ohne Handanlegung) sich anspannend oder schirrend“. Но въ дѣйствительности и *manoуṣ* нисколько не помогаетъ, такъ какъ *manas*, собств., „совокупность духовныхъ состояній“ („душа“), обозначаетъ также и молитву, вѣроятно не въ смыслѣ „придуманнаго“ (какъ толкуетъ Петерб. Словарь), но въ значеніи „благоговѣйнаго настроенія“, выражаемаго словами ⁵⁶⁾. Вопросъ о томъ, какъ должны быть понимаемы слова *vasoуṣ* и *manoуṣ* вполне рѣшается, мнѣ кажется, совершенно аналогичнымъ словомъ: *brahmaуṣ* (эпитетъ коней Индры), которое допускаетъ только одинъ переводъ: „запрягаемый молитвою“ или „благоговѣніемъ“. На основаніи этого-то слова я перевожу *vasoуṣ*: „запрягаемый словами стиха“ или „молитвы“, точно такъ же какъ и *manoуṣ* я принимаю тождественнымъ съ *brahmaуṣ* и даю ему значеніе: „запрягаемый благоговѣнною молитвою“. Всѣ эти эпитеты вполне понятны, конечно: молитвы, приводя на землю боговъ, этимъ самымъ запрягаютъ ихъ коней или колесницы.

Прилагательн. *hari* значить: „свѣтложелтый“ или „огненнаго цвѣта“; *hari* (двойств. ч.) обратилось потомъ какъ-бы въ собственное имя коней Индры.

Слово *hiraṇyaуа* „золотой“, эпитетъ Индры, должно понимать въ значеніи цвѣта.

4 ст.—Бенфей переводить этотъ стихъ такъ: „O Indra! Hilf in Kämpfen uns, auch tausend Schätze gewährenden, mit schrecklichen Hülfen, schrecklicher!“ ⁵⁷⁾ Относительно *sa* я не могу согласиться съ Бенфеемъ, такъ какъ не знаю въ Ведахъ другихъ примѣровъ подобнаго употребленія этого союза; при томъ же, и смыслъ получается мало удовлетворительный. Я понимаю здѣсь *sa* въ его обыкновенномъ употребленіи ⁵⁸⁾ и предполагаю поэтому, что при прилагательн. *sahasrapradhaneshu* подразумѣвается опять существит. *vâṣeshu*, употребленное выше. *Vâṣa* означаетъ какъ мирное состязаніе, такъ и битву, войну, и отсюда должна объясняться разница между *vâṣeshu* и *sahasrapradhaneshu*, т. е. *vâṣeshu*.

⁵⁶⁾ Срав. *brahmaṇ* «благоговѣніе» и потому «молитва».

⁵⁷⁾ *Or. und Oss.* I, 15.

⁵⁸⁾ Иногда *sa* употребляется въ значеніи «если».

Что касается прилагат. *sahasrapradhana* ⁵⁹⁾, то Бенфей переводит его согласно съ объясненіемъ Саяны, и этотъ переводъ, конечно, возможенъ, такъ какъ *pradhana* означаетъ не только битву, сраженіе, ⁶⁰⁾ но и добычу. Одно изъ этихъ значеній есть переносное, но которое именно, рѣшить не легко. Петерб. Словарь принимаетъ значеніе „добыча“ первоначальнымъ для слова *pradhana*, которое онъ сравниваетъ, слѣдовательно, съ *dhana* (собств. „ставка“, поэтому „добыча“, но затѣмъ вообще „имущество, богатство“). Въ такомъ случаѣ *pradhana* „битва“: *pradhana* „добыча“ = *dhana* „битва“: *dhana* „добыча“. Срав. также *mahādhana* „добыча“ и „битва“. Но уже Розенъ въ объясненіи нашего стиха указывалъ на то, что *pradhana* можетъ быть родственно съ *nidhana* *caedes* и принадлежать корню *dhan* (греч. *θην-* въ *θείνω*) ⁶¹⁾. Впрочемъ, этимологія слова *nidhana* также не ясна, и Петерб. Словарь предпочитаетъ объяснять его изъ *dhā* („власть“), предполагая, что значеніе „*Tod, Vernichtung*“ образовалось изъ „*Schluss, Ende*“. Я нахожу это весьма вѣроятнымъ, такъ какъ *nidhana*, дѣйствительно, очень часто означаетъ „конецъ“ вообще, вслѣдствіе чего это же имя дается и музыкальнымъ финаламъ въ стихахъ *sāman*. Въ виду трудности рѣшить, какое именно значеніе лежитъ въ *sahasrapradhana*, какъ эпитетъ войны, я могъ бы остаться при объясненіи Саяны, еслибъ не руководствовался эпитетомъ *sahasramīḍha* (= *sahasramīḍha*) „тысячу битвъ имѣющій“, который употребленъ при существ. *ājī* „состязаніе, война“ въ стихѣ RV. 1, 112, 10.

Слова *ugro ugrābhīr ūtibhiḥ* составляютъ отдѣльное цѣлое; и мы не должны относить ихъ къ *ava*, какъ это дѣлаетъ Бенфей. Срав. *mahān mahābhīr ūtibhiḥ* (RV. 4, 32, 1), „великій великими пособіями“, *mahān mahābhīr śastibhiḥ* (RV. 8, 16, 7) id. Поэтому *ugra* стоитъ въ именит. пад. (*ugrah*), а не въ звательномъ. Значеніе „сильный“ есть первоначальное для этого слова ⁶²⁾, отсюда „страшный“.

⁵⁹⁾ Это слово встрѣчается только разъ, именно въ нашемъ стихѣ.

⁶⁰⁾ Срав. *Nāighaṭṭuka* 2, 17, въ одной изъ редакцій.

⁶¹⁾ Розенъ (какъ и нѣкоторые другіе) относилъ сюда греч. *θάνατος*, но см. теперь Курціуса *Grundzüge*, четверт. изд., стр. 534. Въ санскритѣ кор. *dhan* «бить, убивать» не сохранился въ качествѣ глагола.

⁶²⁾ См. Петерб. Словарь.

5 ст.—Дхатаръ есть богъ „творецъ“ или „устроитель“; Савитаръ и Вишну суть солнечныя божества. Отсутствие союза са послѣ *vishṇos* должно объяснять тѣмъ, что *Savitar* и *Vishṇu* употреблялись въ соединеніи „*dvandva*“, хотя въ текстахъ я не встрѣчалъ его. Аналогія *Dhātur dyutānāt* позволяла бы видѣть въ одномъ изъ словъ: *savitar* или *vishṇu* опредѣленіе къ другому, но этотъ стихъ принадлежитъ, конечно, къ числу позднихъ, и потому сомнительно, чтобы *savitar* или *vishṇu* могли сохранять здѣсь нарицательное значеніе. Срав. *Nāig.-Dāivata*: „*prathas sa*“ *ṛṭiye* (т. е. въ третьей падѣ) *dhātā savitā vishṇuḥ*.

Слово *havis*, внесенное мною и въ переводъ, означаетъ масло, которое льютъ на огонь при жертвоприношеніи; но *havis* также и „жертва“. Бенфей: „*welch Opfer ist des liedgefolgten Opfers*“⁶³). Эпитетъ *anushṭubha* по отношенію къ жертвоприношенію показываетъ, что оно состоитъ изъ четырехъ частей, подобно тому какъ метръ *anushṭubh* имѣетъ четыре „пады“; см. Петерб. Словарь. Грассманъ, какъ я вижу изъ его Словаря къ Ригведѣ, подъ словомъ *pāman*, относитъ придаточн. предлож. *prathas sa yasya saprathas sa pāma* не къ *ratham̐taram*, но къ *havishas*. Грамматически это, конечно, возможно, но и мой переводъ не можетъ встрѣтить возраженія со стороны грамматики.⁶⁴). Смыслъ, какъ кажется, не рѣшаетъ въ этомъ случаѣ, которому изъ двухъ переводовъ должно отдать преимущество; но въ пользу моего перевода я могу привести параллельныя мѣста, гдѣ молитва или стихъ получаютъ названіе *saprathas* (см. ниже), между тѣмъ какъ я не знаю другихъ примѣровъ, гдѣ это слово относилось бы къ жертвѣ. Подъ распространенностью стиха *ratham̐tara* можно понимать какъ его музыкальную полноту, такъ и способность оказывать дѣйствіе на далекое пространство; срав. *bṛhat sāma* или просто *bṛhat*. Слова: *saprathas sa pāma* могли бы быть переведены: „и распространенное (т. е. далеко) имя“⁶⁵); срав. RV. 8, 20, 13: *yeshām aṃyo na sapratho pāma*, „которыхъ (Марутовъ) существо

⁶³) Die Hymn. d. SV., Nachträge und Verbesserungen, стр. 269.

⁶⁴) Бенфей переводитъ не совсѣмъ ясно: «Dess Namen Prathas ist, wie auch Saprathas, welch Opfer ist des liedgefolgten Opfers—Rathantara hat hergebracht Vasiṣṭha» и т. д.

⁶⁵) Грассманъ объясняетъ въ нашемъ стихѣ *pāman* въ значеніи *Wesen, Eigenthümlichkeit*, но съ этимъ едва ли можно согласиться, такъ какъ *saprathas sa pāma* было бы въ такомъ случаѣ излишнимъ повтореніемъ словъ: *prathas sa yasya*.

далеко распространено, будто море“, т. е. которые объемяют обширное пространство, подобно морю⁶⁶). Переводя же *saprathas* са пдма: „и названіе „Пространное“ (т. е. пѣснопѣніе), мы можемъ указать для аналогіи на слѣдующее мѣсто въ Ригведѣ (1, 129, 3): *mitrāya vocam varuṇāya saprathāḥ sumṛlikāya saprathāḥ*, „для Митры и для Варуны да произнесу я „Пространное“, для очень милостиваго да произнесу я „Пространное“. Такимъ образомъ *saprathas* является здѣсь какъ бы собственнымъ именемъ какого то стиха или пѣснопѣнія. Срав. *saprathas* какъ эпитетъ молитвы въ *sapratho manṁa* (RV. 6, 68, 9), *saprathastamam vacas* (1, 75, 1).

Rathamtara есть специальное названіе нѣкоторыхъ изъ *sāman*⁶⁷). Текстъ „pada“ совершенно вѣрно дѣлитъ *rathamtara* на *ratham* и *tara*, такъ какъ по этимологіи это слово (образованное жрецами) значить, конечно: „побѣждающій чувственную склонность“, т. е. побѣждающій привязанность къ чувственному міру; срав. *ratha* (отъ корня *gam*) въ *manoratha* „желаніе“ (собств. „склонность души“ или „сердца“) и въ *rathagīt* „Zuneigung gewinnend, lieb-reizend“ (BR.), эпитетъ Апсарасъ.

7 ст. — *Maghavan* (и *maghavant*) есть постоянный эпитетъ Индры; происходитъ, по толкованію Петерб. Словаря, отъ *magha* „даръ“. По поводу *ṛthivīm aprathayas* должно припомнить, что *ṛthivī* „земля“ значить собственно „широкая“, „пространная“, и корень этого слова тотъ же, что и въ *prathay* „простирать“.

Vṛtra, котораго поражаетъ Индра, есть олицетвореніе темнаго облака (срав. *Nāighant*. 1, 10), задерживающаго небесныя воды и закрывающаго свѣтъ. Впрочемъ, слово *vṛtra* въ Ведахъ и частію въ позднѣйшей литературѣ употребляется также въ нарицательномъ значеніи „врагъ“. Несомнѣнно, что собств. имя *Vṛtra* произошло изъ этого нарицательнаго значенія, и часто трудно бываетъ сдѣлать между ними выборъ, когда рѣчь идетъ о врагѣ Индры, имѣющемъ различныя имена; точно такъ же и сложные слова: *vṛtrahan*, *vṛtratur*, эпитеты Индры, могутъ быть переводимы не только: „убивающій Вритру“, „побѣждающій Вритру“, но и: „убивающій врага“ (или „враговъ“), „побѣждающій врага“ (или „вра-

⁶⁶) Срав. *saprathas* какъ эпитетъ Агни, Митры, Вишну.

⁶⁷) *Indische Studien*, III: Index zu den Harmonieen und Discrepanzen in Th Benfey's Ausgabe des *Sāmaveda*.—Срав. цитату, приводимую Саяномъ: *gānaviṣeṣha eva rathamtaraçabdarthaḥ* (стр. 10 въ Калькуттскомъ изданіи Самаведы).

говъ") ⁶⁸⁾. Итакъ, если собственное имя *Vṛtra* образуется на нашихъ глазахъ въ гимнахъ Ведъ, то понятно, нельзя видѣть въ демонѣ Вритрѣ общее индоевропейское достояніе, какъ справедливо замѣтилъ Шпигель ⁶⁹⁾; самый мнѣ могъ уже существовать въ эту пору, но противникъ свѣтлаго бога не носилъ еще имени * *Vartṛa* (откуда сскр. *vṛtra*) ⁷⁰⁾. Это собственное имя не существовало даже въ индо-эранскую эпоху, хотя несомнѣнно тождество др. бактр. *verethraḡan*, *verethraghn*—(напр. въ родит. *verethragno*) „побѣдоносный“ (собств. „убивающій врага“) — съ сскр. *vṛtrahan*, а равно *verethrataurvant* „побѣждающій враговъ“ или „врага“ (по толкованію Юсти: „*siegreich überwindend*“) съ ведійск. *vṛtratur*. Но что касается *verethra* въ отдѣльномъ употребленіи, то оно встрѣчается въ Авестѣ въ значеніи: „побѣда, побѣдоносность“, а также „оружіе для защиты“, въ сложномъ *ayoverethra* („*wit eisernen Trutzwaffen versehen*“ Юсти), и потому не можетъ быть сравниваемо съ сскр. *vṛtra*, съ которымъ, я полагаю, оно не родственно и по корню. Это *verethra* (срав. *verethraḡan* „побѣдоносный“, собств. „имѣющій *verethra*“) происходитъ, по моему мнѣнію, отъ корня *var* „отвращать“ (сскр. *var*, др. бактр. *var*, *vere* и т. д.), и, какъ показываетъ суф. *thra* = первонач. *tra*, оно означало первоначально орудіе для защиты (срав. армянск. *vahan* „щитъ“ = др. бактр. *verethra* въ *ayoverethra*), защиту, откуда естественнымъ образомъ вытекало далѣе значеніе „побѣда“, хотя часто трудно рѣшить, которому изъ этихъ значеній должно отдать преимущество. Такимъ образомъ это *verethra* совпадаетъ по своему первоначальному значенію съ ведійск. *vartra* „*Deich, Schutzdamm*“ (BR., т. е. „средство для защиты, для отвращенія“) и должно быть отдѣляемо отъ того индо-эранскаго *vartra* „врагъ“, которое въ древнебактр. языкѣ сохранилось въ сложныхъ словахъ: *verethrataurvant*, *verethraḡan*, *verethraghn*—, а равно и въ *verethraghna* „побѣда“, „божество по-

⁶⁸⁾ См. Петерб. Словарь.

⁶⁹⁾ *Beiträge* VI, 391.

⁷⁰⁾ Попытки видѣть Вритру, даже въ его нарицательн. значеніи, въ греческ. Βέλλερος въ Βελλεροφών (Поттъ, *Zeitschrift* IV, 436 и слѣд.) или въ Ὀρθρος (Максъ Мюллеръ, *Zeitschrift* V, 150) я считаю равно неудачными. Противъ перваго объясненія достаточно говорить фонетика, а что касается сопоставленія *vṛtra* съ Ὀρθρος, то см. возраженія Потта въ *Etymolog. Forschungen*, второе изд., II, 747 и *Wurzel-Wörterbuch* II, 1, 561.

бѣды“ 71). Въ послѣднемъ значеніи слово *verethraghna* тождественно, можетъ быть, съ *verethraghn*— и отличается отъ него лишь суф. — *a*: переходъ основъ, оканчивающихся на согласную, въ основы на гласную *a* засвидѣтельствованъ въ языкѣ Авесты множествомъ примѣровъ (срав., напр., причастія настоящ. вр. дѣйствит. зал.). Само собою разумѣется, что эпитетъ „убивающій врага“, могъ соединяться уже въ индо-эранскую эпоху съ именемъ того свѣтлаго бога, который поражаетъ во время грозы какое-то враждебное существо (обыкновенно змѣя), и потому индѣйск. *vṛtrahan* можетъ находить аналогію и въ миѣическихъ представленіяхъ эранскихъ народовъ 72).

71) Можетъ быть, слово *verethra* и въ отдѣльномъ употребленіи означаетъ иногда врага, хотя для традиціи это значеніе было скрыто господствующимъ употребленіемъ *verethra* «защита», «побѣда».

72) Не будучи знакомъ съ армянскимъ языкомъ, я не могу входить въ подробный разборъ брошюры г. Эмина: «Вахагн-Вишапакахъ» армянской мифологіи есть Индра-*Vṛtrahan* Ригведы» (Спб. 1873). Замѣчу, однако, что мнѣ кажется весьма правдоподобнымъ оспариваемое г. Эминимъ сопоставленіе *Vahagn*'а съ др. бактр. *verethraghna* (Виндишманъ, г. Паткановъ), *verethraghn*. Согласно съ изложеннымъ мною выше, я объяснялъ бы только происхожденіе этого слова нѣсколько иначе, чѣмъ объясняетъ его г. Паткановъ; со стороны же фонетики достаточную аналогію представляетъ приводимое имъ *vahan* щить — др. бактр. *verethra*. Впрочемъ, я не беру на себя окончательнаго рѣшенія объ армянск. *Vahagn*, тѣмъ болѣе что для этого слова была представлена еще одна этимологія, о которой почему-то не упоминаетъ г. Эминъ. Юсти въ своемъ Словарѣ къ Авестѣ приводитъ арм. *Vahagn* при др. бактр. *vadhaghna*, *vadhaghana*, «N. propr. eines bösen Herrschers; nach der Tradition Dahāka» и указываетъ также на персѣйск. *vaughan* и парс. *vadagān*; при армянск. *Vahagn* онъ ссылается на Виндишмана *Anāhita*, стр. 109 и на *Œome De Ariana linguae gentisque Armeniacae indole prolegomena*, стр. 48. Противъ этого сопоставленія говорить, правда, то, что *Vadhaghna* означаетъ въ Авестѣ злое существо; но этотъ переходъ могъ совершиться уже на почвѣ др. бактр. языка въ связи съ позднѣйшею перемѣною религіозныхъ вѣрованій. По этимологіи первая часть въ *vadhaghna* родственна, конечно, съ *vadare* оружіе для убіенія, *vādha* убіеніе. Со стороны фонетики сопоставленіе арм. *Vahagn* съ др. бактр. *vadhaghna* можетъ встрѣтять, однако, нѣкоторые возраженія. Что же касается объясненія слова *vahan*, предложеннаго г. Эминимъ, то оно далеко не убѣдительно. Г. Эминъ говоритъ: «Слово *Vah-Agn*, какъ слово сложное, означаетъ «богъ Агн или Агни, т. е. Индра—богъ свѣта» (стр. 23). Здѣсь прежде всего останавливаетъ ошибочное отождествленіе Агни съ Индромъ, которое несправедливо и по отношенію къ Ведамъ (хотя оба бога стоятъ, конечно, близко другъ къ другу, по связи понятій: «свѣтлое небо» и «огонь», не только земной, но и небесный), а тѣмъ менѣе можетъ быть допущено для эранскихъ языковъ. Но армянскій языкъ есть прежде всего эранскій, и потому индѣйск. *indra* и *agni* не могутъ доказывать того, что эти боги (съ тѣми же именами) были

Корнемъ слова *vṛtra* Бетлингъ и Ротъ (срав. также Потта *Wurzel-Wörterbuch*) считаютъ *var* (сскр. *var*) „отвращать“, но мнѣ эта этимологія кажется сомнительною, въ виду того, что суф. —*tra* не имѣлъ бы здѣсь того значенія, какое обыкновенно соединяется съ нимъ. При томъ же, мы встрѣтили уже индо-эранск. *vartra*, отъ *var* „отвращать“, но въ другомъ значеніи, вполне согласномъ съ характеромъ суф. —*tra*. Итакъ, я думаю, что сскр. *vṛtra*, др. бактр. *verethra*— въ *verethrajan* и т. д., должно объясняться иначе и принимаю здѣсь корнемъ *vart* (суф. —*ra*), хотя, понятно, это *vart* не можетъ имѣть ничего общаго съ *vart* „вертѣть“. Корень *vart*, принимаемый мною для *vṛtra*, повидимому, плохо со-

извѣстны и въ общеэранскую эпоху. Слово, соответствующее сскр. *indra*, существовало и въ общеэранск. языкѣ, но мы не знаемъ того значенія, какое оно имѣло тамъ (срав. у г. Эмина стр. 11); что же касается *agni*, то можно думать, что это индоевропейское слово было утрачено еще въ ту эпоху, когда эранскіе языки составляли одно цѣлое. Правда, г. Эминъ видитъ *agni* и въ арм. словахъ: *agévagn*, *agégagn* «солнце», но и эти этимологіи сомнительны; чтобы согласиться съ ними, надо было бы признать, что армянск. языкъ утратилъ прѣстѣя слова для обозначенія солнца (это, однако, противорѣчитъ фактамъ) и долженъ былъ прибѣгнуть къ сложеніямъ, крайне страннымъ при этомъ. Я думаю, что *agévagn*, *agégagn* могутъ быть объяснены болѣе удовлетворительно, безъ помощи «*agni*». Что касается *agév*-, то г. Эминъ смѣшиваетъ при объясненіи его корни *ag* и *svag* (стр. 24—25); одно изъ двухъ: или *agév* родственно съ др. бактр. *hvaḡe*, т. е. сскр. *svag*, или же оно должно быть сопоставляемо съ сскр. *aguṣha*, а слѣдовательно и *aguṣa* (свѣтло-красный, свѣтложелтый), котор. указываютъ на основу *agu* (срав. русск. алы). И то, и другое, однако, ошибочно: сопоставленіе *agév* съ др. бактр. *hvaḡe*, сскр. *svag*, не выдерживаетъ никакой критики со стороны фонетики, а противъ сравненія арм. *agév* съ сскр. *agu* (значеніе «солнце» для этого слова засвидѣтельствовано слишкомъ недостаточно) можно указать на несоответствіе арм. *év* сскр. *u*. Правдоподобная этимологія слова *agév* (откуда *agévagn*) давно уже представлена, и *agév* сближается съ сскр. *gavi* «солнце» (см. напр. Патканова Исслѣдованіе о составѣ армянскаго языка, стр. 25); появленіе *a* передъ начальнымъ *g* засвидѣтельствовано въ армянск. языкѣ многими примѣрами и находитъ аналогіи въ другихъ языкахъ. Срав., напр., *agavot* утро, *agosiak* (агосіакъ) утренняя заря; первое изъ нихъ того же происхожденія, какъ и *agév*, и не можетъ быть сближаемо съ сскр. *agvat*, какъ это дѣлаетъ г. Эминъ (ибо второе *a* въ *agavot* было бы непонятно), а второе принадлежитъ корню *guk*, сскр. и др. бактр. *guc* «свѣтить», и не имѣетъ ничего общаго съ сскр. *aguṣha*, такъ какъ арм. *s* никогда не можетъ соответствовать сскр. *sh*, т. е. первонач. *s*. Что касается окончанія —*agn* въ *agévagn*, то я разлагаю его на два суффикса: —*ak* (=новоперс. —*eh*, осетинск. —*ag*) и —*n* (=новоперс. —*ân*; срав., напр., арм. *dûr-n* дверь).—Соответствующимъ же образомъ должно объясняться и *agégagn*, указывающее, повидимому, на кор. *ga g* или *gak* (=arg, arg).

хранился въ индоевропейскихъ языкахъ, но за то мы имѣемъ его параллельную форму *vardh* въ готск. *fra-wardjan* „причинять вредъ“, див. *far-vartan*, ст. слав. *врѣдѣ*, *врѣдити*. *Vart*— въ *vrt̥ra* можетъ имѣть приблизительно то же значеніе, хотя надо думать, что первоначально *vart*, *vardh* имѣли болѣе наглядный смыслъ и выражали: „рубить, рѣзать, убивать“ и т. д. Дѣйствительно, въ санскритѣ мы находимъ глаголѣ *vardh* „рѣзать, рубить“ (срав. *vardhaka*, *vardhaki*, „плотникъ“), который былъ уже сближенъ Фикомъ ⁷³⁾ съ готск. *fravardjan* и ст. сл. *врѣдѣ*; далѣе, сюда же я отношу и латинск. *verber*, гдѣ *b* точно такъ же соответствуетъ первоначальн. *dh*, какъ, напр., въ *verbum* (готск. *vaurds*, лит. *vardas* „имя“) ⁷⁴⁾. Существованіе параллельныхъ корней *vart* и *vardh* находятъ достаточно аналогій въ индоевропейск. языкахъ, такъ какъ вообще въ корняхъ, оканчивающихся на двѣ согласныхъ, изъ которыхъ первая есть плавная или носовая, конечная согласная является часто то звучною (иногда придыхательною), то глухою. Срав. *vank* и *vang* ⁷⁵⁾ „колебать, искривлять“, *skant* и *skand* „прыгать“, ⁷⁶⁾ *skar̥p* и *skarbh* „звучать“, ⁷⁷⁾ *vart* и *vardh* ⁷⁸⁾ „говорить, бормотать“ и т. д.

Корень *vart*, принимаемый мною для *vrt̥ra*, можетъ быть, будетъ открытъ со временемъ и въ другихъ индоевроп. языкахъ, но пока я не имѣю для него вѣрныхъ данныхъ, за исключеніемъ тѣхъ,

⁷³⁾ *Vergleichendes Wörterbuch*, стр. 543.

⁷⁴⁾ Курциусъ (*Grundzüge*, 4-е изд., стр. 353) ошибочно сопоставляетъ *verber* съ ст. слав. *врѣба*, лит. *virbas*; съ этими словами я сравниваю лат. *verbena* и, слѣдовательно, отвергаю ту этимологию, которая была предложена для *verbena* Корсеномъ (*Aussprache*, 2-е изд., I, 170), отъ *vardh* «рости».

⁷⁵⁾ См. Словарь Фика.

⁷⁶⁾ Лит. *skantu skasti* «прыгать», лат. *scaturire*; сскр. *skand* «прыгать», лат. *scando* и т. д.

⁷⁷⁾ См. Словарь Фика.

⁷⁸⁾ Кор. *vardh* «говорить» извѣстенъ изъ готск. *vaurds* «слово», лат. *verbum*, лит. *vardas* «имя», но сюда же я отношу и лит. *vardyti* «ворожить» (изъ значенія «бормотать»), русск. *ворожить*, ст. сл. (?) *вражити* (не смотря на ж, вмѣсто жс). Параллельн. форма этого корня, *vart*, сохранилась въ чешск. *vrtrati* ворчатъ, а также въ прусск. *wertemai* «мы ворожимъ» (въ III катих.; значеніе слова открывается изъ связи его съ другими). Относительно перехода значенія отъ «бормотать» къ «ворожить» срав. лит. *burti* «ворожить, предсказывать», котор. по своему корню должно было значить: «бормотать» (срав. лит. *burna* ротъ, русск. *буркать* и т. д.). Бурда (*Beiträge* VI, 244), увлекшись созвучіемъ, сближалъ чешск. *vrtrati*, *vrtrák* съ сскр. *vrt̥ra*.

которые представляют санскритъ, гдѣ къ тому же корню принадлежитъ *vartana* въ значеніи „растираніе“ (= *peshana*) и, можетъ быть, *vartaka* „копыто лошади“. Готск. *fra-vairthan* „гибнуть“ (въ выражении: *fravaurthans ahin* κατεφάρμενος τὸν νοῦν), не смотря на кажущуюся близость къ *fra-wardjan*, не можетъ быть, однако, отдѣляемо отъ *vairthan*, нѣм. *werden* (кор. *vart* вертѣть); срав. ср.в.нѣм. *ver-wirde* „vergehe, verkomme“, сущ. *ent-werden* „das Vergehen, zu Nichte Werden“, *er-wirde* „vergehe“ (но также „fange an zu werden“) и др. ⁷⁹⁾ Относительно перехода значеній срав. нвн. *verwesen*.

Третья декада.

1 ст.—*Praśāpati*, собств. „владыка созданий“, есть имя одного изъ боговъ, охраняющаго все живое; позднѣе, какъ напр. здѣсь, Праджapati обращался въ бога, стоящаго въ главѣ другихъ. *Rāgamaśhṭhin*, здѣсь эпитетъ Праджapati, является иногда особымъ богомъ.

Varcas въ Ведахъ принадлежитъ къ числу трудно переводимыхъ словъ. Петерб. Словарь опредѣляетъ значеніе его такимъ образомъ: „Lebenskraft, Lebhaftigkeit; Energie, vigor; Wirksamkeit, Regsamkeit, Nachdruck; die leuchtende Kraft im Feuer und in der Sonne, daher in der späteren Sprache Licht, Glanz, Farbe“. Но Словарь въ этомъ случаѣ положительно ошибается; эмпирическ. понятіе „блескъ, свѣтъ“ не могло развиваться изъ абстрактнаго „сила“, и нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что первоначальное значеніе слова *varcas* было именно „блескъ, свѣтъ“. Фактическое доказательство этого представляетъ древнебактр. языкъ, гдѣ прилагат. *as-varcasāh* (as очень + *varcasāh* = сскр. *varcas*) значитъ „очень блестящій“, точно такъ же какъ и *varcasāhvant* (= сскр. *varcasvant*) есть „блестящій“ и употребляется, между прочимъ, какъ эпитетъ мѣсяца

⁷⁹⁾ См. Потта *Wurzel-Wörterbuch* IV, 211. Поттъ справедливо отдѣляетъ отсюда готск. *fra-wardjan*, но помѣщаетъ, однако, этотъ глаголъ не на мѣстѣ, въ связи съ *wardja* — стражъ и т. д. (WWB. II, 1, 592).—Лео Мейеръ (*Die Gothische Sprache*, стр. 322) ставитъ *fravairthan* рядомъ съ *fravardjan*, но съ этимъ трудно согласиться, такъ какъ *fravardjan* не можетъ быть отдѣляемо отъ ст. сл. в р ѣ д ѣ.

и звѣзды Сириуса (др. бактр. *tistrya*). Такимъ образомъ несомнѣнно, что уже въ индо-эранск. эпоху сущ. *varcas* имѣло значеніе „блескъ, свѣтъ“; сскр. глаголѣ *varc* „блистать“, приводимый въ *Dhātupāṭha* (6,1), можетъ быть, никогда не существовалъ и извлеченъ грамматистами изъ *varcas*, но въ такомъ случаѣ онъ извлеченъ совершенно правильно. Корень слова *varcas* есть, конечно, *varc*, съ котор. срав. корень *valk* „блистать“, получаемый изъ лат. *Vulcanus* и сскр. *ulka* (изъ *valka*) „метеоръ, огненное явленіе; головня“. Въ позднѣйшемъ санскритскомъ языкѣ *varcas* употребляется исключительно въ значеніи „блескъ, свѣтъ“ или иногда „цвѣтъ“; въ Ведахъ также мы должны переводить *varcas* словомъ „блескъ“ тамъ, гдѣ говорится объ *varcas* Огня (напр. RV. 3, 22, 2), Солнца (напр. RV. 10, 112, 3), золота (напр. *Āg.* 4, 10), подобно тому какъ и прилагат. *varcasvant* (=др. бактр. *varasoñhvant*) удерживаетъ значеніе „блестящій“ тамъ, гдѣ оно стоитъ, напр., при существ. „золото“ (*Vâḡ, Samh.* 34, 50). Но гораздо чаще *varcas* въ Ведахъ не можетъ быть переводимо словами „блескъ, свѣтъ“, и вотъ тутъ-то оказывается трудною точная передача ведійскаго выраженія. Значенія слова *varcas*, выписанныя мною изъ Петерб. Словаря, довольно вѣрно схватываютъ его общій смыслъ въ Ведахъ (хотя, какъ я замѣтилъ, порядокъ, въ которомъ они выведены, не вѣренъ); я прибавилъ бы также и значеніе „здоровье“ (=„свѣжесть силъ“), такъ какъ, по моему мнѣнію, *varcas* въ Ведахъ часто можетъ быть передаваемо этимъ словомъ. Но иногда оказываются недостаточными всѣ эти значенія, и напр. въ *Āg.* 4, 1 я предпочитаю переводить *varcas* словомъ „благоденствіе“, такъ какъ на это указываетъ употребленіе его при инфинитивѣ *dṛṣe* „видѣть“ и рядомъ съ *gauṁ* „богатство“. — Веберъ высказалъ недавно по поводу ведійск. *varcas* слѣдующее предположеніе: *varcas* scheint mir mit *varḡ* (*vr̥ḡana*, *ūrḡ*) und *vareḡ*, wirken, *εργ* in Verbindung zu bringen; wir haben zahlreiche Fälle, wo im Auslaut tenuis und sonans in derselben Wurzel variiren, so z. B. *arḡ*, *arc*; *paḡ*, *paṣ*; *pad*, *pat*; *marḡ*, *marṣ*; *ṣad*, *ṣat* etc.⁸⁰⁾ Надо замѣтить, что въ самомъ стихѣ *Atharvaveda*, по поводу котораго сдѣлано это предположеніе, Веберъ переводитъ *varcas* словомъ „Thatkraft“, хотя я бы предпочелъ здѣсь значеніе „здоровье“, такъ какъ оно болѣе подходитъ къ смыслу мѣста: *pari dhatta dhatta no varcasemaṁ ḡarāmṛtyum kṛṇuta dīrgham*

⁸⁰⁾ Indische Studien XIII, 173.

ayuh (AV. 2, 13, 2), т. е. „облеките намъ его (юношу), облеките здоровьемъ, создайте (т. е. даруйте) ему смерть отъ старости, долготѣіе“ (Веберъ: Umhüllet ihn, hüllt ihn uns ein mit Thatkraft, Lang Leben schafft ihm, Tod durch Greisenalter). Во всякомъ случаѣ, для нѣкоторыхъ мѣстъ значеніе „Thatkraft“ (вытекающее изъ значенія „свѣжесть силъ, здоровье“) можетъ быть допущено, но слѣдуетъ ли предполагать, что varcas не имѣетъ здѣсь ничего общаго по происхожденію съ varcas блескъ? Веберъ не говоритъ, правда, какъ понимаетъ онъ отношеніе varcas „Thatkraft“ къ varcas „блескъ“, но я не думаю, чтобы онъ былъ согласенъ съ толкованіемъ Петерб. Словаря; я, по крайней мѣрѣ, могъ бы признать Веберовскую этимологию только при томъ предположеніи, что varcas Thatkraft вовсе не родственно съ varcas „блескъ“. Тѣмъ не менѣе, однако, я считаю излишнею этимологию, выставленную Веберомъ, и думаю, что для авторовъ ведійскихъ стиховъ слово varcas, какъ бы мы ни переводили его теперь, всюду удерживало основное значеніе „блескъ, свѣтъ“, подобно, напр., dyumna и ŷyotis. Dyumna, собств. „свѣтъ“ (кр. div=dyu), имѣетъ въ Ведахъ значеніе физическаго свѣта сравнительно рѣдко и должно быть обыкновенно переводимо словами: „веселость, бодрость, свѣжесть силъ“, а также: „богатство“, „благоденствіе“; ŷyotis „свѣтъ“, удерживающее въ позднѣйшемъ языкѣ почти исключительно это значеніе, часто употребляется въ Ведахъ въ значеніи свѣтлой, т. е. радостной жизни или же въ смыслѣ внутренняго свѣта, т. е. способности понимать, чувствовать. Ошибочно было бы, однако, считать здѣсь переносъ понятія законченнымъ; еслибъ, напр., наши слова: „здоровье“, „сила“ и т. д. точно передавали значеніе varcas въ извѣстныхъ стихахъ, въ такомъ случаѣ было бы непонятно, почему позднѣйшій языкъ утратилъ эти болѣе абстрактныя значенія, удержавши, однако, первоначальное и чисто эмпирическое значеніе слова varcas: „блескъ“. По поводу varcas, dyumna, ŷyotis и т. д. можно припомнить, напр., употребленіе слова gávas („коровы“) въ Ведахъ. При переводѣ gávas я долженъ былъ прибавлять эпитетъ „небесныя“, такъ какъ иначе ведійск. выраженіе могло бы быть ложно понято нами, но мы должны имѣть въ виду, что gávas „коровы“ вовсе не составляютъ мифа, по крайней мѣрѣ—въ стихахъ древнѣйшихъ; ведійскій способъ выраженія заключалъ въ себѣ задатки къ тому, чтобы со временемъ эти gávas обратились, дѣйствительно, въ мифъ, но для авторовъ ведійскихъ гимновъ образъ не закрывалъ

еще собою того предмета или явления, къ которому онъ примѣнялся. Такъ, напр., въ Лг. 4, 12 мы читаемъ о двухъ-выменныхъ, т. е. коровахъ, которыя выходятъ съ быками и съ телятами и подъ которыми должно разумѣть небесныя воды, или облака; мы могли бы принять это за мнѣ, но окончаніе стиха разубѣждаетъ насъ въ этомъ: „этими водами, прекрасное питье дарующими, будьте здѣсь!“ Наконецъ, какъ при переводѣ *varcas*, *dyumna* часто трудно бываетъ сдѣлать выборъ между нѣсколькими значеніями, такъ и ведійск. *gāvas* въ образномъ употребленіи не всегда означаетъ „облака“, но также и „лучи свѣта“ или „утреннія зори“. Когда я говорилъ въ Введеніи о трудности переводить Веды, то разумѣлъ, между прочимъ, именно эту картинность выражений, которою изобилуетъ языкъ Ведъ. Нашъ переводъ можетъ быть довольно близокъ лишь тогда, когда извѣстный образъ, встрѣчаемый нами въ языкѣ Ведъ, совпадаетъ съ подобнымъ же образомъ въ нашемъ собственномъ языкѣ; но даже и въ этомъ случаѣ передача ведійскаго выраженія остается блѣдною, вслѣдствіе нашей привычки отвлекаться при переносномъ употребленіи словъ отъ ихъ первоначальнаго значенія.

Слово *yaśas* въ позднѣйшемъ языкѣ значить „слава“. Въ Ведахъ *yaśas* употребляется обыкновенно для обозначенія того, что можетъ возбуждать славу, почетъ, удивленіе, и понятно, что при переводѣ этого слова часто трудно бываетъ угадать его точное значеніе въ извѣстномъ случаѣ. По своему происхожденію *yaśas* принадлежитъ, конечно, корню *yak* чтить=*yaḡ* (сскр. *yaḡ*, др. бактр. *yaz*) и тождественно съ др. бактр. *yaśaiḥ* „почитаніе“ или „молитва“, которое я вывожу изъ сложнаго слова *yaśobereta*⁸¹⁾ „принесенный съ почитаніемъ (жертвоприношеніемъ)“ или „съ молитвою“. Отсюда же объясняется и употребленіе *yaśas* въ Ведахъ въ значеніи: „благосклонность, милость, дружеское расположеніе“, т. е. также „почитаніе“, въ извѣстной формѣ. *Yaśas*: предполаг. * *yaḡ*=*yaḡas*

⁸¹⁾ Точно такъ же и г. Коссовичъ (Четыре статьи изъ Зендавесты, стр. 125) принимаетъ основу *yaśaiḥ* (=сскр. *yaśas*), хотя даетъ ей нѣсколько другое значеніе: «блескъ, сила; жертвоприношеніе»; но доказательствъ въ пользу «блескъ, сила» никакихъ нѣтъ, а «жертвоприношеніе»=«богопочитаніе». Юсти извлекаетъ изъ первой части въ *yaśobereta* основу *yaśa*, которая на столько же возможна, какъ и *yaśaiḥ*; въ пользу послѣдней, однако, говоритъ санскритъ. Объясненіе *yaḡo*— изъ *yaz* не вѣрно, такъ какъ з не могло бы обратиться здѣсь въ ś.

„почитаніе“ (RV. 8, 40, 4; срав. греч. ἄγος), уа́гus: уа́г. Корень уак можно видѣть и въ греческ. ἀέομαι и т. д., при чемъ переходъ значеній представляется мнѣ въ слѣдующемъ порядкѣ: „почитать, имѣть попеченіе, холить“ (=поправлять, исцѣлять, утѣлять)⁸²⁾. Если это сопоставленіе вѣрно, въ такомъ случаѣ въ глаголѣ ἀέομαι мы находимъ и древнюю основу * уакas; срав. ἀχειόμενος (изъ * ахесіоменос) у Гомера, а также будущ. αἰέσομαι, аористъ ἤχεσάμην (съ краткою гласною), ἀχεστός и т. д. Та же основа является и въ словахъ: ἄхесμα, ἀхесφόρος и т. д. Древне-ирландск. íc, ícc (изъ јасса) „исцѣленіе“ и другія кельтскія формы указаны у Эбеля и у Фика⁸³⁾.

Выраженіе уа́гнаsуа рауас я перевожу „сила молитвы (=богопочитанія)“⁸⁴⁾. Здѣсь высказывается желаніе, чтобы молитва человека оказывала дѣйствіе, т. е. чтобы она доставляла ему то, о чемъ онъ молить; срав. въ *Ār.* 4, 10 satyasya brahmaṇo varcas.— Слово рауас значить собственно „влага, сокъ“ и можетъ обозначать поэтому воду, молоко и мужское сѣмя. Въ переносномъ значеніи рауас употребляется о сокѣ или сокахъ (мн. ч. раудāsi) въ смыслѣ крѣпости или силы; см. Бетлингга и Рота. Я не могу согласиться съ Грассманомъ, который думаетъ, что основное значеніе рауас есть „молоко“, и что это же значеніе сохраняется всюду, хотя по большей части въ смыслѣ образа или метафоры. Многія выраженія могли бы быть объяснены при такомъ толкованіи лишь съ большими натяжками, а уа́гнаsуа рауас, встрѣчающееся только въ нашемъ стихѣ (=AV. 6, 69, 3), осталось бы, какъ мнѣ кажется, вовсе не разъясненнымъ. Правда, въ языкѣ Авесты рауайh означаетъ „молоко“, но отсюда не слѣдуетъ еще, чтобы это было первоначальное значеніе слова; мы должны думать только, что уже въ индо-эранскую эпоху рауас могло примѣняться къ молоку, какъ влагѣ, хотя въ то же время это слово не теряло своего общаго значенія.

2 ст.—Слово сгаvas значить здѣсь „теченіе, быстрое движеніе“ (ведійск. сгу=др. бактр. сгу „приходить въ движеніе“) и не должно быть смѣшиваемо съ сгаvas „слава“ (отъ сскр. сгу, первонач. кгу „слышать“).

⁸²⁾ Срав. значенія, соединяющіяся въ латинск. colere.

⁸³⁾ См. Фика Die ehemalige Spracheinheit der Indogermanen Europas, стр. 357.

⁸⁴⁾ О значеніи уа́гна см. Введеніе.

4 ст. *Purohita*, собств. „предпоставленный“, есть названіе домашняго жреца (здѣсь объ Агни); *hotar* обратилось впоследствии въ названіе того жреца, который долженъ произносить гимны Ригведы при общественномъ жертвоприношеніи, но первоначально это слово значило или „жрецъ“ (вообще), или „глашатай“. Еще во времена Яски (*Nir.* 7, 15) были выставлены двѣ этимологіи для *hotar*: отъ *hvd* „звать“ и отъ *hu* „приносить жертву“.—*Deva*, какъ извѣстно, значило первоначально „свѣтлый“, и *Саяна* не безъ основанія поэтому принимаетъ его здѣсь въ смыслѣ *dyutamāna*, „сіяющій, свѣтащій“. Понятія: „божественный, богъ“ лишь постепенно развивались изъ основнаго значенія слова *deva*, и само собою разумѣется, намъ очень часто невозможно опредѣлить, какое изъ этихъ понятій преобладаетъ въ томъ или другомъ случаѣ. Переводя *deva* „божественный“, мы не должны забывать, что наши слова: „богъ, божественный“ никоимъ образомъ не могутъ вполне соответствовать ведійск. *deva*, въ которомъ всегда болѣе или менѣе сохранялось его первоначальное, эмпирическое значеніе.

5 ст.—Выраженіе *pāma gopām* (здѣсь *pāma* множ. ч.) въ первой падѣ значить собственно или „виды коровъ“ (какъ далѣе), или же „существа коровъ“. Слово *pāma* „имя“ употребляется въ Ведахъ очень часто для обозначенія того, что носить извѣстное имя или названіе; поэтому: „видъ, образъ, существо“⁸⁵⁾. Виды небесныхъ коровъ указываютъ на различныя формы, подъ которыми онѣ представляются; срав. въ *Āg.* 4, 12 эпитетъ облаковъ—коровъ: *viśva gāṇāni bibhratis*, „носящія (т. е. имѣющія) всякіе образы“.—Число „трижды семь“ часто встрѣчается въ Ригведѣ (напр. 1, 72, 6; 1, 19, 12 и 14; 7, 87, 4 и т. д.), точно такъ же какъ и числа „три“ и „семь“.—Относительно первой пады нашего стиха должно замѣтить, что слова: *te prathamam manvata* могли бы быть переведены такъ: „они впервые помянули (т. е. въ пѣсняхъ)“ или „почтили“; но глаголь *man* значить также и „открывать мысль“, „узнавать“, и это значеніе болѣе согласуется какъ съ *gāna* во второй падѣ, такъ и съ слѣдующимъ параллельнымъ мѣстомъ, изъ котораго мы видимъ, между прочимъ, что подъ „они“ разумѣются „наши предки“. Вотъ это мѣсто (*RV.* 1, 62, 2): *pravo mahe mahi namo bharaḍhvam āṅgāshyam çavasānāya*

⁸⁵⁾ См. Словари Ветлингга—Рота и Грассмана.

sâma, yenaḥ naḥ pūrve pitaraḥ padaśṇā arcanto aṅgirasas gā avindan, „вашему великому (т. е. Индрѣ) принесите великое поклонение, могучему принесите хвалебное пѣснопѣніе sâman, которыми прославляя его (Индру), наши древніе предки Ангирасы, знакомые съ мѣстопробываніемъ (или „съ путями“) ⁸⁶⁾, открыли (=нашли) небесныхъ коровъ“. Слово padaśṇā допускаетъ двойкій переводъ: „знакомый съ мѣстопробываніемъ“ (Петерб. Словарь: „ortskundig, die Heimath kennend“) и „знакомый съ путями“, собственно „съ слѣдами“ (Грассманъ: „die Fusspur kennend, des Weges kundig“). Бенфей переводитъ padaśṇâs: „gute Spürer“ и дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „die Spuren der Kühe (=Regenwolken) wohl kennend, d. h. wissend, dass der Regen nur durch Loblieder auf Indra, der die Wolken zum Regnen bringt, zu erlangen ist“. ⁸⁷⁾ Но коровы, которыхъ освобождаетъ изъ заключенія Индра (побуждаемый къ этому гимнами), могутъ означать не только небесныя воды, но также и лучи свѣта, ⁸⁸⁾ хотя оба представленія обыкновенно смѣшивались въ этомъ поэтическомъ сказаніи. Въ нашемъ стихѣ „великолѣпныя красныя небесныя коровы“ указываетъ, повидимому, на лучи свѣта, между тѣмъ какъ выраженіе „привѣтствовали ревомъ“ (если это не мифъ) удобнѣе понимается по отношенію къ облакамъ.—Prathamam я перевожу „древле“, по аналогіи съ pūrve „древніе“, эпитетомъ предковъ въ приведенномъ мною мѣстѣ изъ Ригведы. Но prathamam можетъ значить также и „впервые“.

Относительно triḥ sapta ragamat nâma, гдѣ nâma есть множ. число (тождественное по формѣ съ ед. ч.), можно предположить, что ragamat представляетъ собою искаженіе формы ragamâ (множ. ч.). Правда, Боллензентъ ⁸⁹⁾ приводитъ изъ Ригведы нѣсколько примѣровъ подобнаго несогласованія въ средн. родѣ, но изъ нихъ лишь два оказываются аналогичными съ нашимъ мѣстомъ, именно viçvam vana (7, 7, 2) и ūdhar divuāni (1, 64, 5), между тѣмъ какъ остальные или могутъ быть объясняемы иначе (напр. въ 7, 61, 2 dīrghaṣrut принадлежитъ не къ manmāni, но къ vipraḥ; въ 7, 62, 1 br̥hat есть нарѣчіе), или же являются правильными, какъ скоро мы припомнимъ, что конечная гласная въ такихъ фор-

⁸⁵⁾ Т. е. коровъ.

⁸⁶⁾ Or. und Occ. I, 586.

⁸⁷⁾ См., напр., Куна Ueber Entwicklungsstufen der Mythenbildung, стр. 132.

⁸⁸⁾ Zeitschr. d. Deutsch. Morgenländ. Gesellschaft, XXII: Die Lieder des Parâçara.

махъ, какъ *pāma*—*pāmā* (передъ бывшей нѣкогда носовою), *pāmāni*, часто бываетъ краткою въ Ведахъ. Какъ бы то ни было, я долженъ оставить не рѣшеннымъ вопросъ о томъ, на сколько можно предполагать ошибку въ случаяхъ, подобныхъ нашему, и на сколько это явленіе, дѣйствительно, допускалось языкомъ. Срав. у Боллензена о несогласованіи подлежащаго съ сказуемымъ въ средн. родѣ.

6 ст.—Здѣсь разумѣются небесныя воды, изъ которыхъ родился Агни.

7 ст.—Подобнымъ же образомъ въ RV. 1, 35, 1 Ночь называется успокоительницею живаго міра (*hvaṇāmi rātrīm āgato niveṣaṇīm*, „призываю Ночь, успокоительницу живаго міра“), а въ одномъ изъ стиховъ, составляющихъ прибавку (*khila*) къ гимну RV. 10, 127, ей дается названіе *sarvabhūtaniveṣaṇī*, „успокоительница всѣхъ существъ“.

Sam irtsati есть дезидеративъ отъ *sam ardh*.

8 ст. Представляю здѣсь переводъ соотвѣтствующаго стиха Риг-веды: „Мощь сильнаго краснаго богатыря (т. е. Агни) стану прославлять я теперь,—владычество Джатаведаса. Къ гостю всѣхъ людей новая чистая молитва, будто Сома, свѣтло течетъ, пріятная для Агни“.

Vṛshan (корень *vars*, сскр. *varsh* *spargere*) обозначаетъ собственно обладающаго мужскою силою, самца, мужчину; отсюда явились значенія: „сильный, могучій, богатырь“. См. объ этомъ словѣ у Макса Мюллера, *Rig-Veda-Sanhita translated and explained*, стр. 121 и слѣд.

Что касается *praksha*—*ṛksha*, то при переводѣ его можно колебаться между двумя значеніями: „сильный, крѣпкій“, и „быстрый“. Петерб. Словарь замѣчаетъ по поводу *ṛksha* ⁹⁰⁾ слѣдующее: „lobendes Beiwort des Rosses, ⁹¹⁾ etwa hurtig, behend... Die Comm. suchen in dem Worte ganz andere Bedeutungen, gewöhnlich mit Speise versehen.“ Я думаю, что индійскіе комментаторы были правы въ томъ отношеніи, что слово *praksha*, *ṛksha* стоитъ, дѣйствительно, въ связи съ *ṛksh*, часто втрѣчающимся въ Риг-

⁹⁰⁾ Форма *praksha* не была извѣстна.

⁹¹⁾ Слово *vṛshan* Ветлингкъ и Ротъ переводятъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ «Hengst», собств. самецъ. Этотъ переводъ вѣренъ тамъ, гдѣ *vṛshan* составляетъ опредѣленіе при *aśva*, *aśu* и т. д., т. е. при словахъ, означающихъ коня; но мы не имѣемъ никакихъ данныхъ принимать *vṛshan* въ томъ же значеніи и въ нашемъ стихѣ, такъ какъ слова «конь» здѣсь нѣтъ.

ведѣ въ значеніи: „Labung, Sättigung, Nahrung, Speise“ (BR). Извѣстна связь между понятіями „питаніе, пища“ и „сила, крѣпость“; такъ, напр., *ûrg* соединяетъ въ себѣ оба эти значенія, глаголѣ *ûrgāu* значить какъ „питать“, такъ и „дѣлать крѣпимъ, сильнымъ“, а литовск. *valgyti*, несомнѣнно родственное по корню, означаетъ лишь „ѣсть“ (въ отличіе отъ *ėsti* жрать).—Чтеніе Самаведы: *prakshasya* указываетъ на форму *praksha*, болѣе древнюю сравнительно съ *ṛksha*, но нельзя согласиться съ текстомъ „*raḍa*“ въ дѣленіи этого слова на *ṛa* и *ksha*. Что касается этимологіи существ. *ṛksh*, съ которымъ я привожу въ связь *praksha*=*ṛksha*, то Словарь Бетлингга и Рота предполагаетъ возможнымъ родство съ *ṛac* (*ṛc*) „наполнять, питать“. Я думаю, что это сопоставленіе вѣрно, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, я считаю еще болѣе родственными съ нашими словами др. бактр. *frakhshan* „Vielheit, Uebermass“, *frakhsti* „Vielheit, Wachsthum“ (Юсти). Первоначальный видъ корня есть *ṛa*=*ṛa* „наполнять“, откуда съ распространеніемъ (такъ называем. *Wurzeldeterminativ*) *ṛak*=*ṛak* и *ṛaks* ⁹²⁾. Грассманъ, признавая родство *ṛksha* съ *ṛksh*, даетъ первому изъ этихъ словъ слѣдующія значенія: „*labend, Labung bringend, Nahrung zuführend; das Ross, Lastthier; Labeross* (=Agni, Soma и т. д.)“. Я не убѣжденъ, однако, въ справедливости этого толкованія и нахожу его искусственнымъ.

Слово *ḡātavedas*, постоянный эпитетъ Агни (позднѣе также собствен. имя одной изъ формъ проявленія этого божества), можетъ быть объясняемо или въ значеніи „знающій существа“, или же въ значеніи „владѣющій существами“. Первая изъ этихъ этимологій заслуживаетъ предпочтенія; срав. Словарь Бетлингга и Рота, а также Грассмана. Въ Ригведѣ 6, 15, 13 мы читаемъ: *viçvā veda ḡānimā ḡātavedāh*, „знаетъ всѣ существа Джатаведасъ“.—*Vāiçvā-ṇaḡa*, постоянный эпитетъ Агни, значить собственно „принадлежащій всѣмъ людямъ“ или „имѣющій отношеніе ко всѣмъ людямъ“. Я перевожу: „гость всѣхъ людей“, слѣдуя Бетлинггу и Роту и основываясь на томъ, что Агни, напр. въ RV. 4, 1, 20, дѣйствительно называется *viçveshām atithir mānushāṇām*, „гость всѣхъ людей“.

Относительно вариантовъ, представляемыхъ въ этомъ стихѣ Самаведой, я долженъ замѣтить, что вполне непонятнымъ кажется

⁹²⁾ См. въ Словарѣ Грассмана глаголѣ *ṛaksh*, *ṛksh* «füllen, sättigen».

лишь чтение *śātavedase* (дат. п.), вмѣсто *śātavedasas* (родит. п.); ошибка вызвана, можетъ быть, существованіемъ дательныхъ падежей: *vāciṣvānagāya*, *agnaye* во второй половинѣ стиха. Что касается *prakshasya*, то мы видѣли, что эта форма имѣетъ большую древность сравнительно съ *prkshasya*. Существованіе вариантовъ *mahas* „величіе“ и *sahas* „сила“ объясняется, можетъ быть, сходствомъ начертаній *ma* и *sa*. *Navyase* употреблено здѣсь въ качествѣ нарѣчія „снова“ (срав. RV. 2, 31, 7); можно было бы думать, конечно, что *navyas* (собств. сравнителн. степень) составляетъ здѣсь эпитетъ Агни, „юный“ (срав. *navya* объ Агни въ RV. 10, 4, 5), но въ пользу перваго объясненія говоритъ вариантъ Ригведы: *navyasī*, „новая“, т. е. молитва.—*Vācas* есть существительное (поэтому съ удареніемъ), и, слѣдовательно, глаголѣ долженъ подразумѣваться при префиксѣ *pra*. Въ Ведахъ извѣстны и другіе случаи, гдѣ префиксѣ *pra* стоитъ безъ глагола ⁹³⁾, который по большей части можетъ быть дополненъ изъ предшествующаго предложенія; но въ нашемъ стихѣ глаголѣ дополняется изъ подлежащаго *vacas*. Относительно этой формы возможно еще одно предположеніе, которое, однако, мало вѣроятно: *vacas* могло быть первоначально сослагат. наклон. отъ основы настоящ. времени (срав. желательн. *vasuāt*), т. е. *pra vacas* значило „прославь“, а такъ какъ позднѣе эта форма была вытѣснена сослагательнымъ отъ аориста (*vocas*), то и въ нашемъ стихѣ *vacas* было принято за существит. имя и потому получило удареніе. Во всякомъ случаѣ, нельзя, мнѣ кажется, считать *vācas* искаженіемъ изъ *vocas* (безъ ударенія).

9 ст.—Начало этого стиха въ Ригведѣ должно быть переведено такъ: „всѣ боги достойные, Небо и Земля, оба, и сынъ водъ (т. е. Агни) да услышатъ мое моленіе!“ При чтеніи Самаведы: *yaśnam* въ стихѣ восстанавливается метръ триштубъ. Должно замѣтить только, что во второй падѣ *i* въ *rodasī* обращается въ *y* (см. выше), а въ третьей падѣ *pari* произносится съ синицею; см. объ этомъ у Макса Мюллера, *Rig-Veda-Sanhita transl. and explain.*, Preface, CL. Четвертая пада начинается, конечно, съ *sumneshu*, а не съ *vocam*, какъ предлагалъ дѣлать Кунъ (*Beiträge IV*, 197).—О словѣ *sumna*, которое иногда ошибочно

⁹³⁾ См. Петерб. Словарь.

сближали съ ὕμνος, см. Ауфрехта въ Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung IV, 274 и слѣд.

10 ст.—Bṛhaspati есть богъ молитвы. Слово bhaga я понимаю здѣсь въ значеніи достоинства (собств. „удѣль, счастливый удѣль“); срав. у Бетлингга и Рота: „treffliche Begabung, Herrlichkeit, Würde“. Индійскіе комментаторы и лексикографы объясняютъ bhaga въ этомъ значеніи чрезъ âiṣvaṇya, „могущество властителя“, или же видятъ здѣсь соединеніе шести качествъ: могущества властителя, силы, славы, красоты, знанія и безстрастія.—Срав. съ нашимъ мѣстомъ Ath. V. 7, 12, 3: asyâḥ sarvasyâḥ saṃsado mām indra bhaginam kuru.—Что касается чтенія mâ передъ paṇi мусуатâm, то оно, вѣроятно, ошибочно, такъ какъ paṇi здѣсь не предлогъ, но префиксъ: глаголъ mus („развязывать, распускать, освобождать“ и т. д.) лишь въ соединеніи съ paṇi имѣетъ значеніе „облекать, одѣвать“. Происхожденіе ошибки (mâ вмѣсто me) легко объяснить тѣмъ, что форма mâ была уже употреблена два раза.

12 ст.—Ghṛta есть топленое масло, употребляемое при жертвоприношеніи (срав. бухарск. zard „коровье масло“). Amṛta, въ средн. родѣ, собственно „безсмертное; безсмертный напитокъ“, обозначаетъ какъ сому, такъ и havis, масло, которое льютъ на огонь ⁹³).

13 ст.—Для слова yahva я удерживаю традиціонное объясненіе (=mahant въ Nāighaṇṭi. 3, 3) и понимаю „великій“ въ смыслѣ „сильный, могучій“; срав. вед. yahu (=mahant у Саяны)—др. бастр. yazu, а также литовск. jėgti имѣть силу, быть сильнымъ. Словарь Бетлингга и Рота предполагаетъ для yahva значеніе: „in fortwährender Bewegung oder Thätigkeit befindlich, rastlos; continuus, beständig“.

Сущ. vip въ Ведахъ, по толкованію Петерб. Словаря, значить „пруть, лоза“ и т. д., и я не сомнѣваюсь въ томъ, что это объясненіе вѣрно, хотя оно и не согласно съ традиціею. Корнемъ сущ. vip Словарь считаетъ vip „дрожать“ и предполагаетъ поэтому, что vip „пруть“ значило собственно „schwank“. Ниже я укажу на возможность другой этимологіи для этого слова, но какъ бы мы ни объясняли его происхожденіе, значеніе „пруть“ и даже „вѣтка“ вполне подтверждается прусск. wipis „вѣтка“ (въ Эльбингскомъ

⁹⁴) См. Словарь Грассмана, подъ словомъ amṛta.

Словарѣ), а также ср.в.нѣм. *wipfel* „розги, прутья“⁹⁵).—Выраженіе *vīro agra* („верхушка вѣтки“) въ нашемъ стихѣ важно тѣмъ, что оно объясняетъ намъ, какъ я думаю, и *gīro agra* въ соответствующемъ мѣстѣ Ригведы. Традиція видитъ въ *gīr* землю (*Nāigh.* 1, 1: *gīraḥ*, т. е. род. пад. отъ *gīr*), но отсюда не слѣдуетъ еще, чтобы *gīr*, дѣйствительно, имѣло это значеніе, подобно тому какъ, напр., *ilā* (*iḍā*) вовсе не означаетъ землю, хотя и приводится въ *Nāighaṇṭ.* въ числѣ *pr̥thivīnāmādheyāni*. Точно такъ же и слово *vīr* „вѣтка“ не было понято традиціею и объяснялось въ значеніи „палецъ“. Изъ Словаря Бетлингга и Рота я вижу, что сущ. *gīr* встрѣчается еще въ стихѣ *R.V.* 10, 79, 3 (*sasam* на *pakvam avidac chucantam ririhvāṇsam gīra upasthe antaḥ*), но и тамъ значеніе „вѣтка, стебель“ вполне подходитъ, между тѣмъ какъ въ ст. 3, 5, 5 оно положительно подтверждается и смысломъ, и сопоставленіемъ *gīr* съ *vīr*, употребленнымъ въ *Āg.* [Срав. эпитетъ птицы въ Ригведѣ: *drushad* „сидящая на деревѣ“ (9, 72, 5), *drushadvan id.* (6, 3, 5)]. При томъ же, слово *agra* означаетъ верхушку, верхній конецъ (въ противоположность нижнему), и потому нельзя было бы ожидать его въ примѣненіи къ землѣ⁹⁶). Сказанное мною о сущ. *gīr* должно быть распространено и на другое загадочное слово, именно *gūr*, которое вполне соответствуетъ словамъ *vīr* и *gīr*, какъ это можно видѣть изъ слѣдующаго мѣста Ригведы (4, 5, 8): *pāti (agniḥ) priyam gūro agram padam veh.* Комментарь, основываясь на аналогіи *gīr*, объясняетъ и *gūr* въ значеніи „земля“, но это толкованіе еще менѣе авторитетно, чѣмъ то, которое дано было для *gīr*, такъ какъ слово *gūr* вовсе не упоминается въ *Nāigh.* Кромѣ указаннаго мѣста, мы находимъ сущ. *gūr* еще два раза въ Ригведѣ, именно въ ст. 4, 5, 7 и 10, 13, 3. Въ первомъ изъ этихъ стиховъ (*sasasya carmanṇ adhi cātu pr̥ṇer agre gūra ārupitam śabāru*) *gūras* (род. пад.) соединено опять таки съ *agra*, но общій смыслъ этого мѣста для меня не ясенъ, вслѣдствіе загадочности словъ *ārupitam* (текстъ „рада“: *arupitam*) *śabāru*, которыя слѣдуютъ непосредственно за *agre gūra*⁹⁷). Что же касается ст. 10, 13, 3 (*paṇsa padāni gūro anv aroham catushpadim*

⁹⁵) Что же касается латинск. *verges*, о которомъ напоминаетъ Петерб. Словарь, то оно не идетъ сюда ни по своей гласной (первонач. *a*), ни по значенію.

⁹⁶) Срав. Грассмана, который сознаетъ трудность объяснить *agra* въ соединеніи съ *gīr* «земля».

⁹⁷) Должно обратить вниманіе на созвучіе между *gūra* (т. е. *gūras*) и *ārupitam*.

anv emi vratena), то здѣсь трудно опредѣлить значеніе gur, хотя во всякомъ случаѣ я не могу переводить его словомъ „земля“. Корнемъ сущ. gur (по крайней мѣрѣ, въ RV. 4, 5, 8 и 4, 5, 7) я считаю gur „подниматься, расти“. Этотъ корень сохранился въ индоевропейскихъ языкахъ лишь въ немногихъ образованіяхъ, и потому не удивительно, что до сихъ поръ онъ не былъ открытъ. Въ санскритѣ глаголь * gur былъ вытѣсненъ тождественнымъ по значенію ruh (отъ корня rudh) „подниматься, расти“, и только въ винословной формѣ встрѣчаемъ мы рядомъ съ goṇau также и горау. Правда, въ санскритскихъ грамматикахъ горау объясняется изъ ruh, но лишь потому, что глаголь gur не сохранился въ санскритѣ. Винословныя образованія съ суф.—rau (или первонач. —ārau?) ⁹⁸⁾ во многихъ отношеніяхъ представляются еще не ясными, но во всякомъ случаѣ нельзя не видѣть, что этотъ суф. появляется,—за однимъ исключеніемъ (см. ниже),—лишь въ тѣхъ глаголахъ которые оканчиваются на гласную; понятно, что формы glārau = glārau, kshmarāu и knārau образованы отъ glā, kshma и knū, а не отъ glāi (т. е. glāu), kshmau и knūu, которыя приводятся въ санскритскихъ грамматикахъ въ качествѣ корней, хотя конечный іотъ принадлежитъ здѣсь собственно глагольному образованію. Известно далѣе, что суф.—rau (или —ārau, —ārau) является по общему правилу въ винословной формѣ тѣхъ глаголовъ, которые оканчиваются на—ā, и такіе рѣдкіе случаи, какъ hrerau, gerau, verau (отъ hrī, rī, vī), а также knārau (отъ knū=knūu) могли бы быть объяснены вліяніемъ аналогіи, если первоначальною формою суф. было —ārau или —ārau. Но главную трудность представляютъ здѣсь такіе глаголы на —i, какъ śī, smī и т. под., которые въ винословномъ образованіи являются въ формахъ: śārau, smārau и т. д. Какъ бы то ни было, несомнѣннымъ фактомъ остается то, что суф.—rau мы находимъ лишь въ глаголахъ, оканчивающихся на гласную, и единственное исключеніе представляетъ ārau „метать; вставлять“ и т. д., отъ глагола ag. Это исключеніе, однако, легко объясняется тѣмъ, что ag часто обращается въ гласную r, такъ что глаголы съ гласнымъ окончаніемъ естественнымъ образомъ могли оказать вліяніе и на ag. На взглядъ индійскихъ грамматистовъ ārau не было бы даже исключеніемъ изъ изложеннаго мною правила, такъ какъ основою глагола ag они считаютъ r (съ чѣмъ мы,

⁹⁸⁾ См. объ этомъ суффиксѣ Бенфея Kurze Sanskrit—Grammatik, § 123.

конечно, не можемъ согласиться). Итакъ, форма аграу не объясняетъ еще существованія горау изъ *guh*, ибо аналогія глаголовъ, оканчивающихся на гласную, не могла простираться на *guh*. Два обстоятельства препятствуютъ мнѣ признать то объясненіе, которое дается обыкновенно для горау, т. е. происхожденіе этой формы изъ *guh*: во первыхъ, единичность этого примѣра, показывающаго винословный суф.—*рау* въ глаголѣ, оканчивающемся на согласную (аналогія аграу недостаточна, какъ мы видѣли); во вторыхъ, невозможность въ санскритѣ сочетанія *hr*, долженствовавшая представить сильное препятствіе тому, чтобы именно глаголѣ *guh*, а не какой нибудь другой, подчинился аналогіи тѣхъ глаголовъ, которые имѣютъ въ винословной формѣ суф.—*рау*. При томъ же, мы имѣемъ отъ *guh* правильное винословное образованіе: *gorau*. А между тѣмъ, какъ просто объясняется горау, если мы предположимъ утрату глагола *gur* „подниматься, расти“; это предположеніе тѣмъ легче сдѣлать, что корень *gur* съ указаннымъ значеніемъ во всякомъ случаѣ долженъ быть признанъ, на основаніи тѣхъ словъ, которыя я привожу далѣе. То обстоятельство, что форма горау не встрѣчается въ Ведахъ, не можетъ служить еще доказательствомъ въ пользу поздняго ея происхожденія; есть и другія слова, извѣстныя изъ позднѣйшаго санскрита и не засвидѣтельствованныя языкомъ ведійскимъ, относительно глубокой древности которыхъ мы не можемъ, однако, сомнѣваться. Нельзя также ссылаться и на то, что рядомъ съ винословною формою горау долженъ бы быть извѣстенъ и простой глаголѣ *gur*. Я, дѣйствительно, предполагаю существованіе этого глагола въ древности,⁹⁹⁾ но думаю, что онъ могъ быть потомъ утраченъ (т. е. вытѣсненъ глаголомъ *guh*), не смотря на то, что винословная форма горау сохранялась до позднѣйшаго времени. У насъ есть на это даже вѣрная аналогія, представляемая глаголомъ *bhishau*. Санскритскія грамматики называютъ *bhishau* винословною формою отъ *bhi* „бояться“ и приводятъ ее рядомъ съ *bhāuau* (въ *parasm. pad.*) и съ *bhārau* (въ *ātm. pad.*). Никто, однако, не станетъ сомнѣваться въ томъ, что *bhishau* указываетъ на глаголѣ *bhish*, такъ какъ *sh* не можетъ принадлежать суффиксу винословн. образованія. Простой глаголѣ *bhish* точно такъ же утраченъ въ санскритѣ, какъ и предпо-

⁹⁹⁾ Къ этому глаголу восходитъ, вѣроятно, причастіе *â-rupita* (въ текстѣ «pada» ошибка: *arupita*?) въ RV. 4, 5, 7.

лагаемый мною *gup*, но срав.: *bhīśhā* „изъ страха“ (нарѣчіе, собств. творит. пад.), *bhīśhmā* „страшный“, откуда легко извлечь кор. *bhīś*, стоящій въ родствѣ, конечно, съ *bhī* ¹⁰⁰⁾ Что касается корня *gup* „подниматься, расти“, то я нахожу его въ санскритѣ, кромѣ гора, „горага“ сажаніе растений и т. д., также и въ *gāra* „образъ, форма“, при чемъ относительно перехода значеній я могу указать на готск. *laudja* „образъ, форма“, котор. точно такъ же отнесется къ *liudan* расти (кор. *rudh*, сскр. *ruh*), какъ *gāra* къ *gup*; срав. далѣе др. бактр. *gaodha*, собств. „ростъ“ (кор. *rudh*), но также „видъ, образъ“. Наконецъ, къ тому же корню *gup* я отношу и сскр. *gomān*, откуда *lōmān*, „волосъ на тѣлѣ“, и объясняю исчезновеніе *p* ассимиляціей этой согласной съ *m*; срав. *goma* „дыра, нора“ отъ корня *gup* „ломать, рвать“. Обращаясь къ другимъ индоевропейск. языкамъ, мы находимъ кор. *gup* „подниматься, расти“ въ литовск. *guras* бугристый, ухабистый, *pėg-gūpininkas* горбачъ, *gaupsas* прыщъ, сыпь, и т. д.; затѣмъ; сюда же должно быть отнесено и латинск. *gupes* скала. Такимъ образомъ существованіе корня *gup* съ указаннымъ мною значеніемъ можно считать несомнѣннымъ, и, слѣдовательно, ведійск. сущ. *gup* должно значить собственно „ростокъ, отпрыскъ“ и затѣмъ уже „вѣтка, пруть“ ¹⁰¹⁾; срав. сущ. *ruh* (отъ корня *rudh*, сскр. *ruh*): „произрастаніе, ростокъ, отпрыскъ“.

Теперь я долженъ сказать объ этимологіи словъ *vīp* и *gīp*; которыя мы встрѣтили выше въ значеніи вѣтки. Петерб. Словарь; какъ я уже замѣтилъ, объясняетъ *vīp* „прутъ“ изъ *vīp* „дрожать, колебаться“. Такое объясненіе было бы правдоподобно, еслибъ мы должны были признать, что сущ. *vīp* образовано на почвѣ санскрита, такъ какъ другаго глагола *vīp* въ этомъ языкѣ не имѣется. Но приведенныя мною выше сравненія заставляютъ насъ относить происхожденіе сущ. *vīp* къ эпохѣ болѣе древней, а слѣдовательно, мы можемъ предполагать, что здѣсь скрывается какой нибудь другой корень. Противъ объясненія *vīp* „прутъ, вѣтка“ изъ *vīp* „дрожать, колебаться“ говорить, по моему мнѣнію, отсутствіе вѣрныхъ аналогій, которыя позволяли бы предполагать, что въ ту древнюю эпоху, къ какой относится происхожденіе сущ. *vīp*, вѣт-

¹⁰⁰⁾ Сюда же принадлежатъ: литовск. *baĩsa* страхъ (у Ширвиды), *baĩsus* возбуждающій страхъ, страшный, ст. сл. бѣсъ.

¹⁰¹⁾ Возможно, конечно, и значеніе «кустъ; дерево».

ка или пруть получали свое названіе отъ колебанія или качанія. Правда, Курпиусъ ¹⁰²⁾ объясняетъ греч. ῥαπίς „пруть“ въ связи съ ῥέπω „наклоняюсь“ (о чашкѣ вѣсовъ) и т. д., но еслибъ мы даже согласились съ этою этимологіей, то и она не представила бы достаточно вѣрной аналогіи для vīr, такъ какъ слово ῥαπίς могло быть образовано въ болѣе позднюю эпоху. Я думаю, однако, что ῥαπίς находится въ родствѣ съ ῥάβδος, лат. verbera, лит. virbas, ст. сл. врьба (см. ниже), и не имѣетъ ничего общаго съ ῥέπω. Разсматривая индоевропейскія слова, означающія вѣтку, пруть, мы видимъ, что они указываютъ обыкновенно на корни: „вить, плести, вязать“; вѣтка получала свое названіе вслѣдствіе того, что она употреблялась для плетенія, свиванія, вязанія, и это вполне понятно, такъ какъ надо думать, что первоначально для этого служили именно вѣтки, прутья. То же коренное значеніе мы находимъ и въ названіяхъ нѣкоторыхъ растений, которыя преимущественно употреблялись для плетенія или вязанія. Срав.: греч. ἰτέα (изъ ἱτῆα) ветла, лит. žil-vytis ¹⁰³⁾ (основа—vytia-, vuszia-), дѣн. wîdî (основа widja-) ¹⁰⁴⁾; греч. οἰσύα (изъ οἰσῦα) родъ ветлы, прусск. witwan ветла, аре-witwo прибрежная ветла, собств. „рѣчная ветла“, польск. witwa; латш. vitols и русск. ветла (изъ вѣтла) ¹⁰⁵⁾. Корень этихъ словъ есть vī, vî „вить“ (можетъ быть vit? или же t всюду принадлежитъ суффиксамъ?), и его же находимъ мы, напр., въ сскр. vîga, vetra тростникъ, камышъ, vetasa камышъ, лоза, veṇu тростникъ, особенно бамбукъ, и т. д. Однимъ изъ общихъ индоевропейскихъ словъ для обозначенія вѣтки было vîti-, отъ корня vî „вить“. Значеніе вѣтки, и при томъ именно вѣтки ветлы, сохранилось въ литовск. vytis и въ др. бактр. vaêti- (гдѣ дифтонгъ ae изъ долгаго i?), между тѣмъ какъ въ лат. vîtis оно было перенесено на виноградную лозу; далѣе, дѣн. wîd (основа wîdi-) обозначаетъ уже то, что свито или сплетено изъ прутьевъ, а русск. (и ст. слав.?) вить можетъ значить вообще веревку. Укажу еще на нѣсколько примѣровъ, изъ которыхъ видно родство словъ, означающихъ вѣтку, съ корнями „вить, плести“. Вѣдйск. vaуā (изъ vai-â) „вѣтка“ тождественно съ ст. слав. вѣя

¹⁰²⁾ Grundzüge, 4-е изд., стр. 352.

¹⁰³⁾ Лит. žilas значитъ «сѣрый, сѣдой».

¹⁰⁴⁾ См. фика Vergleich. Wörterbuch, стр. 399 и 400.

¹⁰⁵⁾ Тотъ же корень является и въ лат. vitex.

и имѣть корнемъ *vī* „вить, плести“, который смѣшивается въ санскритѣ съ *vā* „плести, ткать“. Ст. слав. русск. вѣтвь родственно съ прус. *witwan* ветла, греч. *οἰσθα* и первоначально обозначало, можетъ быть, вѣтлеу ветлы; къ тому же корню (но въ другой основѣ) принадлежитъ и русск. вѣтка. Ст. сл. русск. розга, откуда рождіе (изъ * розждіе, какъ ижденъ изъ изжденъ, раждизати изъ разждизати ¹⁰⁶) и т. д.), я объясняю изъ корня *rasg* „плести, вязать“, сохраняющагося въ лит. *resgiu* „плету, вяжу“, *resgis*=латш. *reschgis* „плетенка“ и т. д., а также въ сскр. *raḡḡu* „веревка“ (*raḡḡ-*: *rasg*=*maḡḡ-* въ *maḡḡan* мозгъ: *masg-* въ др. бактр. *mazga*, ст. сл. мозгъ, и т. под.) ¹⁰⁷). Ст. сл. прѣтъ, польск. *prat*, *pratek*, русск. пруть, латш. *sprāta*, *sprāte*, пруть для связыванья, указываютъ на кор. *sprant*, который является въ ст. сл. прѣтати, съ-прѣтати „сжимать, стягивать“ и т. д., первоначально, можетъ быть, „крѣпко связывать“. Латинск. *virga* я отношу къ одному корню съ лит. *veržti* крѣпко связывать, сжимать, *veržys* веревка, ст. сл. — врьза, — врьсти (съ префиксами: „вязать“), русск. наверзывать и т. д. Подобнымъ же образомъ объясняю я лат. *verbera*, греч. *ῥάβδος*, лит. *virbas*, ст. сл. врьба изъ корня *varb* „плести, крутить“=*varp id.*, откуда греч. *ῥαπίς*. Срав. кор. *varb* въ англосакс. *veagr*, днв. *warf* утокъ, русск. воробы (снарядъ для разматыванья пряжи), лит. *virbinis* петля, силокъ, греч. *ῥέμβω* крутить, а кор. *varp* въ лит. *verpti* прясть, греч. *ῥάπτω* шить, вышивать ¹⁰⁸), основа *ῥαφ*, гдѣ *φ* представляетъ замѣну первоначальн. *p* ¹⁰⁹).

Основываясь на этихъ и подобныхъ имъ примѣрахъ, мы въ правѣ и въ словахъ *vir* (прус. *wipis*) и *rip* искать корней съ значеніемъ „вить, плести и т. д.“. Корень *vir* съ такого рода значеніемъ можно предположить на основаніи готск. *veiran* „увѣнчивать“, съ которымъ срав. *vaibjan* въ *bi-vaibjan* „обвивать“. Согласная *p*,

¹⁰⁶) Сочетаніе *жд* (вмѣсто *дж*) изъ смягченнаго *z* стоитъ на болѣе древней ступени сравнительно съ *ж*.

¹⁰⁷) Къ тому же корню, въ видѣ *rag* (*rasg*: *rag*=*bhrasg* «блистать»: *bhrag*, и т. под.), я отношу ст. сл. рогозъ, русск. рогожа и т. д., а равно греческ. *ῥῆγος* (τὸ) коверъ; Курціусъ (*Grundzüge*, 4-е изд., 185) относитъ это послѣднее слово къ корню *rag* «дѣлать краснымъ, красить», но переходъ значеній не кажется убѣдительнымъ.

¹⁰⁸) Срав. относительно значеній греч. *ῥέω*, лат. *neo* и днв. *nāan* «шить».

¹⁰⁹) См. примѣры у Курціуса, *Grundzüge*, 4-е изд., стр. 500 и слѣд.

какъ извѣстно, часто остается въ готскомъ языкѣ свободною отъ Lautverschiebung ¹¹⁰⁾, и потому *veiran* точно такъ же можетъ относиться къ *vir*, какъ, напр., *gaurjan* „вырывать“ къ *gur* (лат. *gumro*, сскр. *gur*, *lur*, ст. сл. лупити). Далѣе, какъ при *veiran* мы находимъ въ готск. языкѣ *b* въ *vaibjan*, такъ и при *gaurjan* здѣсь существуетъ параллельная форма съ *b*, именно — *gaubon*, въ *bi-raubon* „be-rauben“. Что же касается корня *gip* „вить, плести, крутить“, то я вижу его въ греческ. ῥίψ „плетенка, циновка“ (а также: ἱμαντῶδες φυτόν) ¹¹¹⁾ и въ др. сканд. *rifa* „шить“. Предполагая, что согласная *r* могла остаться и здѣсь свободною отъ Lautverschiebung, я отнесу сюда же и готск. — *gaip* „ремень“, въ *skauda-gaip* (ремень сандалии, башмака), днв. *geif* „ремень, веревка, обручъ“; въ пользу этого объясненія говорятъ латш. *gīra*, *gīre* „обручъ, ободъ“ ¹¹²⁾, *gipisks* „крутообразный“, которыя трудно считать заимствованными изъ нѣмецкихъ языковъ.

Форма *nābhā* въ нашемъ стихѣ есть мѣстный падежъ ед. ч. отъ *nābhi*; см. Бенфея *Vollständige Grammatik der Sanskrit-Sprache*, стр. 302, примѣч. 3. Сущ. *nābhi* означаетъ, между прочимъ, пупъ (нѣм. *Nabel*), ступицу въ колесѣ (нѣм. *Nabe*) ¹¹³⁾ и вообще средину, или средоточіе (въ образномъ представленіи); послѣднее значеніе ясно въ соединеніи съ словами, означающими землю, небо, міръ и т. д. ¹¹⁴⁾. Въ нашемъ стихѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ (напр. RV. 1, 43, 9; 1, 139, 1 и т. д.), *nābhi* упо-

¹¹⁰⁾ Срав. Лео Мейера *Die Gothische Sprache*, стр. 55 и слѣд.

¹¹¹⁾ Курціусъ (*Grundzüge*, 4-е изд., 354), слѣдуя Потту, сравниваетъ ῥίψ съ лат. *scirpus* и съ днв. *sciluf* (*Schilf*), что, конечно, возможно, но не необходимо, такъ какъ гортанная согласная должна бы удержаться передъ ῥ, согласно съ общимъ правиломъ. Поттъ, дѣйствительно, относитъ сюда же греч. ῥῥίπος, ῥῥίφος (переходъ *χ* въ *γ* подъ ассимилирующимъ вліяніемъ *ρ* понятенъ); я думаю, что это послѣднее сопоставленіе совершенно вѣрно, и нахожу тѣмъ болѣе основаній отдѣлять греч. ῥίψ отъ лат. *scirpus*.

¹¹²⁾ Относительно значенія срав. греч. ἴτις (эол. βίτις) «ободъ», отъ корня *vi* вить. Ioh. Schmidt находитъ это же слово и въ лат. *vitus* (*Zeitschrift* XXII, 312).

¹¹³⁾ Прус. *nāvis* (въ Эльбингск. Словарѣ), подобно сскр. *nābhi*, совмѣщаетъ въ себѣ оба значенія: «пупъ» и «ступица»; латш. *nāva* означаетъ только «пупъ». Объ отношеніи *nābh* - къ *ambh* - въ греч. ὀμφαλός, лат. *umbilicus* см. въ статьѣ Виндиша въ *Zeitschrift*, XXI, 406 и слѣд., гдѣ приведены любопытныя параллели.

¹¹⁴⁾ Срав. употребленіе греч. ὀμφαλός, откуда и у насъ сказаніе о пупѣ земли.

треблено въ смыслѣ святилища, или алтаря, и *nābhā* стоитъ здѣсь поэтому вмѣсто *nābhā yaśn'asya* (которое мы, дѣйствительно, находимъ, напр., въ RV. 8, 12, 32; 8, 13, 29) или *nābhā ṛtasya* (срав. *ṛtasya nābhāu* въ RV. 10, 13, 3). Грассманъ объясняетъ это употребленіе слова *nābhi* черезъ метафору („das Heiligthum als Mittelpunkt des Opfers“), но такое объясненіе мнѣ кажется сомнительнымъ, и метафора — слишкомъ смѣлою. Я думаю, что аналогія сущ. *yonī* должна пролить свѣтъ и на *nābhi*, въ смыслѣ святилища. Въ Ведахъ мы находимъ *yonī* въ слѣдующихъ значеніяхъ: „matrix, vulva; родина, жилище (между прочимъ, „гнѣздо, хлѣвъ“); мѣсто; святилище, или мѣсто, гдѣ разводится священный огонь“ (см. Петерб. Словарь). Въ послѣднемъ значеніи *yonī* употребляется какъ въ соединеніи съ *ṛtasya*, такъ и отдѣльно, съ чѣмъ срав. употребленіе *nābhi*. Но аналогія между *yonī* и *nābhi* не ограничивается этимъ и приобретаетъ для насъ особенную важность тѣмъ, что оба эти слова сходятся и въ значеніи „родина“. Такимъ образомъ, на основаніи совпаденія *yonī* и *nābhi* въ двухъ значеніяхъ, мы имѣемъ право предположить, что *nābhi ṛtasya* или *nābhi yaśn'asya*, подобно *yonī ṛtasya*, означало собственно мѣсто рожденія жертвы, т. е. самое святилище; впоследствии *yonī* и *nābhi* стали употребляться въ этомъ значеніи и безъ прибавки опредѣленія: *yaśn'asya* или *ṛtasya*. Замѣчу, что и Петерб. Словарь цитируетъ нашъ стихъ среди тѣхъ примѣровъ, гдѣ *nābhi* значитъ „Verwandtschaft, Heimath“ и т. д., что, однако, не достаточно точно, ибо нѣтъ возможности удержать эти значенія въ переводѣ. Касательно отношенія *nābhi* родина, родство, родственникъ, къ *nābhi* пупъ и т. д. я долженъ сказать, что, хотя въ словаряхъ всѣ эти значенія сводятся къ одному слову *nābhi*, я считаю болѣе вѣроятнымъ признавать здѣсь два гононима, такъ какъ иначе трудно было бы прослѣдить связь этихъ значеній ¹¹⁵⁾. Относительно *nābhi* „пупъ“ можно колебаться между двумя этимологіями ¹¹⁶⁾; что же касается *nābhi* родина, род-

¹¹⁵⁾ Въ иномъ положеніи находимся мы относительно *yonī*, гдѣ легко примирить различные значенія, хотя порядокъ, въ какомъ они развивались, можетъ быть не вездѣ ясенъ.

¹¹⁶⁾ Курциусъ (Grundzüge. 4-е изд., 295—296) и Грассманъ (Wörterb. zum Rig-Veda, подъ словомъ *nābhi*) сравниваютъ *nābhi* съ сскр. *na bh* «ломаться, разрываться» и принимаютъ основнымъ значеніемъ этого слова: «щель, отверстіе, углубленіе»; Виндишъ (Zeitschrift XXI, 422) объясняетъ *nābhi* изъ корня *a m bh* «пух-

ство, родственникъ, то корень этого слова *naḥh* я считаю вариан- томъ корня *par*, откуда сскр. *parât*, *partar* сынъ (вед.), пото- мокъ, внукъ, др. бактр. *parât*, *partar id.*, *partya* семья, лат. *peros*, др. лит. *perotis* ¹¹⁷⁾, ст. сл. нетій племянникъ, готск. *nithjis* двоюродный братъ, родственникъ, греч. ἀνεψιός. Въ парал- лель съ ведійск. *nābhi* родина, родство, родственникъ, мы имѣемъ и др. бактр. *nāfañh* родъ, *nāfya* родство, между тѣмъ какъ *nā- fañh* „пупъ“ не сохранилось въ текстахъ и засвидѣтельствовано лишь однимъ бактрийско-пеглевійскимъ словаремъ ¹¹⁸⁾.

Что касается слова *saptaçîrshan*, то и смыслъ и параллель- ния мѣста показываютъ, что *saptaçîrshan* составляетъ здѣсь опредѣленіе какого-то стиха или пѣснопѣнія. Мы читаемъ о владычествѣ Агни у алтара, т. е. при жертвоприношеніи, которое состояло изъ стиховъ, или молитвъ, и жертвы вещественной; по- слѣдняя, т. е. Сома, разумѣется подъ словами *devānām upamāda* „наслажденіе боговъ“ (= „предметъ наслажденія боговъ“), и въ *saptaçîrshan* мы должны видѣть, слѣдовательно, другую состав- ную часть жертвоприношенія, т. е. стихъ, или молитву, какъ это подтверждается и параллельными мѣстами. Прилагат. *saptaçîrshan* встрѣчается еще два раза въ Ригведѣ: одинъ разъ въ соединеніи съ *arka*, „гимнъ“ (*Vāḷakh.* 3, 4), другой—въ соединеніи съ *dhî*, „молитва“ (10, 67, 1). Этимологическій составъ *saptaçîrshan* вполне ясенъ, но вопросъ въ томъ, что должно обозначать назва- ніе стиха: „семиголовый“. Петерб. Словарь ничего не говоритъ объ этомъ, но я думаю, мы не ошибемся, понимая „семиголовый“ въ смыслѣ „семичленный“, т. е. „состоящій изъ семи частей“. Въ подтвержденіе этого привожу слѣдующее мѣсто изъ Ригведы (4, 5, 6): *idam me agne kiyate pāvakāminate gurum bhāram na māma, bṛhad dadhātha dhṛshatā gabhīram yahvam*

нута». Нельзя не замѣтить, что въ пользу этого послѣдняго объясненія говоритъ аналогія ст. сл. *п ж пъ*, отъ *ра м р* «пхнута» (срав. лит. *ра m t i* пхнута) и лит. *ба m ба* пупъ, отъ *ба m б* = *ра m р* (Курциусъ ошибочно относитъ *ба m ба* къ сскр. *nābhi*); срав. также употребленіе греч. ὀμφαλός о выпуклости, равно какъ и прилаг. ὀμφαλбеῖς. Веберъ, а также Ветлингъ и Ротъ относятъ *nābhi* къ сскр. *na h* «связывать, прикрѣплять», но эта этимологія невозможна: *na h* восхо- дить или къ *na g h*, или къ *na d h*.

¹¹⁷⁾ См. объ этомъ словѣ мою замѣтку въ *Beiträge*, VIII, 111 и слѣд.

¹¹⁸⁾ An old Zand-Pahlavi Glossary edited by Destur Hoshengji Jamaspji, revised with notes by Hang.—Stuttgart. 1867.

ṛṣhṭham prayasā saptadhātu, „мнѣ, о Агни, ничтожному, ¹¹⁹⁾ о свѣтлый, не преступающему твоей воли, бремени тяжелаго (собств. „будто бремени тяжелаго), ты мощно ¹²⁰⁾ устроилъ вмѣстѣ съ вещественною жертвою это обширное, глубокое, ¹²¹⁾ великое моленіе, состоящее изъ семи частей“. Смыслъ стиха будетъ ясенъ, если мы припомнимъ, что Агни есть верховный жрецъ, распоряжающійся жертвоприношеніемъ; къ нему же обращается человѣкъ съ просьбою: *agnir mahyam pred u vocan manishām* (4, 5, 2), „Агни да скажетъ мнѣ молитву“, т. е. да научить меня молитвѣ. Слово *prayas*, которое я перевелъ „вещественная жертва“, значить собственно „наслажденіе“ или „предметъ наслажденія“ (кор. *grī*) и соотвѣтствуетъ поэтому вполне слову *upamāda* въ стихѣ *Ar*. Что же касается *ṛṣhṭha saptadhātu*, то не трудно замѣтить тождество этого выраженія съ *saptaçrshan*, эпитетомъ стиха или молитвы. Мнѣ кажется страннымъ только то, что ни Ротъ, ни Грассманъ не поняли слова *ṛṣhṭha* въ приведенномъ выше стихѣ. Оба они даютъ здѣсь этому слову значеніе „спина“, что, однако, представляется на мой взглядъ положительно невозможнымъ. Ошибка, въ которую впали эти ученые, объясняется тѣмъ, что какъ въ Ведахъ, такъ и въ позднѣйшемъ санскритѣ, *ṛṣhṭha* обыкновенно имѣетъ значеніе: „спина, верхняя часть, верхъ“ и т. д., но рядомъ съ этимъ *ṛṣhṭha* существуетъ его гомонимъ *ṛṣhṭha*, „моленіе“, съ которымъ мы встрѣчаемся въ литературѣ брахманъ и сутръ. Бетлингъ и Ротъ приводятъ, конечно, и это *ṛṣhṭha*, но при этомъ они дѣлаютъ, во первыхъ, ту ошибку, что не отдѣляютъ его отъ *ṛṣhṭha* „спина“, а во вторыхъ, недостаточно опредѣляютъ его словами: „*ṛṣhṭha* oder vollständiger *ṛṣhṭhastotra* eine best. *Sāman*-Form, welche bei der Mittagsspende Anwendung findet und aus den *Sāman*: *ratham̐tara*, *bṛhat*, *vāirūpa*, *vāirāga*,

¹¹⁹⁾ Петерб. Словарь принимаетъ это значеніе *kiyant* только для позднѣйшаго языка, но, по моему мнѣнію, оно необходимо и въ данномъ случаѣ. Собственно *kiyant* есть вопросительное мѣстоименіе «сколь великій?», «сколь великія (=какія) качества имѣющій?» и т. д.

¹²⁰⁾ Слово *dhṛṣhatā* обыкновенно употребляется въ Ригведѣ какъ нарѣчіе; собственно это—творит. пад. ед. ч. отъ причастія настоящ. времени (глаголъ *dharsh* «быть смѣлымъ и т. д.»); первоначально при *dhṛṣhatā* подразумѣвалось, конечно, *manasā* (духомъ) или другое подобное слово.

¹²¹⁾ *Gābhira* «глубокій» является эпитетомъ молитвы (*brahman*) также и въ ст. RV. 5, 85, 1.

çákvara, ráivata gebildet wird . . . . . Vgl. *prshṭha* als N. verschiedener *Sāman*. Что касается позднѣйшаго употребленія *prshṭha* въ литургикѣ, то совершенно вѣрно, что это слово обратилось въ специальное названіе извѣстныхъ *sāman* или ихъ сочетаній; но не менѣе ясно и то, что *prshṭha* значить собственно „прошеніе, молитва“, откуда и образовалась дальнѣйшая специализація его значенія. Примѣры подобной специализаціи существуютъ во множествѣ, такъ какъ наибольшая часть терминовъ, употребительныхъ въ литургикѣ, произошла такимъ же образомъ; срав. *sāman*, *yaḡus*, *uktha* и т. д. Наконецъ, совершенно полную аналогію съ *prshṭha* представляетъ слово *stoma*, собств. „восхваленіе“, которое въ литургикѣ Самаведы примѣнялось потомъ къ извѣстнаго рода *sāman*; срав. параллельное употребленіе *stoma* и *prshṭha*, напр., въ слѣдующемъ мѣстѣ въ *Āitareya-Brāhmaṇa* (4,19): *tān sarvāi stomāir avastāt paryārshan sarvāiḥ prshṭhāiḥ parastāt* ¹²²⁾. Существительное *prshṭha* образовано изъ *prach* „просить“ съ суффикс. -*tha* (какъ напримѣръ *uk-tha*), и эта несомнѣнная этимологія давно уже была извѣстна Веберу ¹²³⁾. Очевидно поэтому, что *prshṭha*, употребляемое въ литургикѣ, должно быть отдѣляемо отъ *prshṭha* „спина“, которое объясняютъ иногда изъ *pra-stha* (срав. Петерб. Словарь, гдѣ прибавлено, впрочемъ: „vielleicht“), что, однако, не должно быть вѣрно, судя по др. бактр. *parsti*, персидск. *pusht*.

Въ стихѣ RV. 4, 5, 6 *prshṭha* употреблено въ нарицательномъ значеніи „моленіе“ (прошеніе“), хотя и трудно сказать, какое именно сочетаніе стиховъ разумѣется подъ *prshṭha*, состоящимъ изъ семи частей. Въ всякомъ случаѣ, вполне аналогичнымъ съ *prshṭha* *saptadhātu* представляется эпитетъ *saptaçirshan* въ RV. 3, 5, 5 (= *Ar.* 3, 13); 10, 67, 1; *Vālah.* 3, 4. Буквально *saptaçirshan* значить „семиголовый“, но какъ опредѣленіе извѣстнаго рода сочетанія стиховъ (въ формѣ ли *ṛc*, или въ формѣ *sāman*) мы можемъ понимать его въ смыслѣ „имѣющій семь началъ“, т. е. состоящій изъ семи стиховъ.

Четвертая декада.

1 ст.—Для *varcas* я предполагаю здѣсь значеніе „благоденствіе“, на основаніи его употребленія при *dṛṣe* „видѣть“ и рядомъ съ *rau*

¹²²⁾ Эта цитата приведена въ Словарѣ Бетлингга и Рота.

¹²³⁾ См. *Akademische Vorlesungen über indische Literaturgeschichte*, стр. 64.

„богатство“. Подъ благоденствіемъ можно понимать какъ здоровье, такъ и спокойную, счастливую жизнь; срав. *śyotis* въ Ведахъ.

2 ст.—Частицы *id* и *ni*, усиливающія предшествующее слово, я оставляю не переведенными; „по истинѣ“ или „право“ было бы, можетъ быть, слишкомъ сильно.

Форма *ṣaradas* можетъ быть объясняема или какъ множ. ч. въ смыслѣ единств. („осень“) отъ основы *ṣarad*, или же какъ ед. ч. отъ основы *ṣarada*, которая, однако, нигдѣ не встрѣчается болѣе. Нельзя, я думаю, принимать въ нашемъ стихѣ *ṣaradas* за родит. пад. ед. ч. ¹²⁴⁾ (отъ *ṣarad*), такъ какъ, во первыхъ, метръ требуетъ цезуры послѣ *anu* и отдѣляетъ, слѣдовательно, этотъ предлогъ отъ *ṣaradas*, присоединяя его къ винит. *varschâni*, а во вторыхъ, употребленіе *anu* съ послѣдующимъ родит. пад. не извѣстно изъ языка Ведъ; объ измѣненіи *anu* *rûrvyas* (RV. 9, 109, 7) въ *anurûrvyas* см. Словарь Бетлингга и Рота, подъ словомъ *anu*.

„Прохладное время года“, *ṣiṣira*, есть ранняя весна (съ половины января до половины марта). Время года въ ведійскихъ стихахъ считается обыкновенно шесть или пять.

3 ст.—Пуруша здѣсь олицетворяетъ мировую душу, изъ которой образовался макрокосмъ. Гимнъ RV. 10, 90 (являющійся и въ другихъ Ведахъ) принадлежитъ къ числу позднихъ и по характеру приближается къ *brâhmana*.

4 ст.—Словарь Бетлингга и Рота, равно какъ Бенфей ¹²⁵⁾ и Грассманъ даютъ здѣсь прилагат. *tripad* обыкновенное значеніе: „dreifüssig“, но мнѣ кажется, что это составляетъ противорѣчіе съ предшествующимъ стихомъ, гдѣ Пуруша называется тысяченогимъ. Веберъ ¹²⁶⁾ переводитъ: „mit drei Füßen“, но и это не устраняетъ противорѣчія, такъ какъ далѣе говорится, что здѣсь, на землѣ, оставалась лишь одна нога Пуруши. Я понимаю поэтому *tripad* въ значеніи „дѣлающій три шага“, подобно *trivikrama*, позднѣйшему (не ведійскому) эпитету бога Вишну, о трехъ шагахъ котораго говорятъ уже гимны Ведъ; замѣчу при этомъ, что Вишну назывался иногда *tripad* (см. Петерб. Словарь), гдѣ это слово не можетъ быть переводимо „треногій“, а должно быть понимаемо въ смыслѣ „дѣлающій три шага“. Стихъ изъ *Naṅivamṣa*, цитуемый мною ниже, показы-

¹²⁴⁾ Т. е. «дождевая пора, за осенью зима».

¹²⁵⁾ Die Hymn. d. SV. Nachträge und Verbesserungen, стр. 271.

¹²⁶⁾ Indische Studien IX, 6.

ваетъ, что Вишну (называемый иногда purusha, „мировая душа“) могъ совпадать въ послѣдствіи съ тѣмъ самымъ Пурушей, о которомъ говоритъ нѣкъ гимнъ, и я думаю, что сказаніе о Пурушѣ, какъ мировой душѣ или прасуществѣ, развилось подѣ вліяніемъ того древняго представленія, которое видѣло въ солнцѣ душу всего міра (срав. *Ār.* 5, 3: „солнце, душа міра движущагося и неподвижнаго“). Три шага Пуруши могутъ быть относимы къ землѣ, воздуху и небу, подобно тому какъ въ этомъ же значеніи объяснялись и три шага бога Вишну, хотя первоначально, въ ту эпоху, когда возникло сказаніе о трехъ шагахъ солнечнаго бога, подѣ ними понимались три шага по небу, т. е. восхожденіе солнца, пребываніе его въ зенитѣ и заходженіе. Въ пользу моего перевода слова tripad я сошлюсь на литературу ведійскихъ сутръ, гдѣ tripad встрѣчается въ значеніи „считающій три шага“ (см. Петерб. Словарь). Можно было бы замѣтить, правда, что pad въ Ведахъ, судя по Петерб. Словарю, означаетъ всегда ногу (срав. также dvipad, catuspad и др.); значеніе „шагъ“ приводится здѣсь только изъ Рамаяны. Но это возраженіе едва ли было бы сильно, въ виду близости понятій: „нога“ и „шагъ“; срав. pada „шагъ“, позднѣе также „нога“. Принимая tripad въ нашемъ стихѣ въ значеніи „дѣлающій три шага“, мы должны переводить сущ. pad въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ Аथарваведы (19, 6, 2) словомъ „шагъ“; tribhiḥ padbhir dyām arohat, „тремя шагами онъ взошелъ на небо“.

Глаголь bhū въ соединеніи съ punar („опять, назадъ“) можно понимать въ значеніи „оставаться“. — *Vy akrāmat* значитъ собственно „разошелся“, т. е. распался, раздѣлился; см. Петерб. Словарь, подѣ словомъ kram¹²⁷⁾.—Термины: „ѣденіе и не-ѣденіе“ выражаютъ, конечно, міры одушевленный и неодушевленный.

5 ст.—Бетлингъ-Ротъ, Бенфей и Грассманъ (послѣдній ставитъ, однако, вопросительный знакъ) переводятъ и здѣсь tripad нѣмецкимъ словомъ „dreifüssig“; это вѣрно въ томъ случаѣ, если въ Fuss мы будемъ видѣть мѣру. Слово amṛta, которое оставлено Бенфеемъ не переведеннымъ („dreifüssig im Himmel sein Amṛta“), Грассманъ правильно, я думаю, понимаетъ здѣсь въ значеніи: „das Unsterbliche als Götterwelt oder Götterreich gedacht“¹²⁸⁾; ср. Бетлингъ и Ротъ, подѣ словомъ amṛta, 4 с. Если мы примемъ, что Пуруша,

¹²⁷⁾ Иначе Бенфей и Веберъ («schritt zu»).

¹²⁸⁾ Иначе Веберъ: «das Ewige—das nicht zur irdischen Entfaltung gelangende».

о которомъ говорятъ наши стихи, въ основѣ своей есть солнце, въ такомъ случаѣ и три шага его небеснаго жилища объяснятся для насъ подобно тремъ шагамъ Вишну по небу.

6 ст.— Слово *tāvāp* читается здѣсь какъ трехсложное. Слогъ *rū* - въ *rūgusha* (срав. и слѣдующій стихъ) представляетъ такъ называемое метрическое удлинненіе (подъ вліяніемъ плавной *r*): см. Пратишахью къ Ригведѣ 577, по изданію Макса Мюллера стр. ССІ. Текстъ „рада“ Ригведы“ имѣетъ поэтому *purusha*, съ краткимъ *pu*-.

7 ст.—Бенфей: „Aus ihm entsprossste Virāḡ, über Virāḡ der Purusha“. Несомнѣнно, однако, что, *Virāḡo adhi* значить „отъ Вираджи“ (или Вираджа) ¹²⁹⁾, и въ этомъ убѣждаютъ слѣдующія далѣе слова: *sa ḡātaḥ*, „этотъ рожденный“. Такъ понимаютъ *virāḡo adhi* и Веберъ и Грассманъ, но послѣдній видитъ въ *rūgusha* опять того же Пурушу, о которомъ говорится выше. Въ такомъ случаѣ для меня не ясно, какъ переводить Грассманъ начало этого стиха; какъ бы то ни было, однако, Пуруша, какъ міровая душа или прасущество, не могъ имѣть матери (или отца), и названіе *ḡāta*, „рожденный“, не идетъ къ нему. Переводя здѣсь *rūgusha* словомъ „Человѣкъ“, я руководствуюсь позднѣйшимъ возрѣніемъ, по которому Вирадждъ считался отцомъ ¹³⁰⁾ Ману, какъ это видно, напр., изъ слѣдующаго стиха въ *Harivamṣa*, приведеннаго Бетлингмомъ и Ротомъ подъ словомъ *purusha*: *virāḡam asṛḡad vishnuḥ so 'srḡat purusham virāḡ, purusham tam manum viddhi*, т. е. „Вишну (заступающій здѣсь мѣсто древняго Пуруши) произвелъ Вираджда, а этотъ Вирадждъ произвелъ „Пурушу“ (человѣка); знай, что „Пуруша“ (человѣкъ) есть Ману“. Въ нашемъ мѣстѣ мы не имѣемъ права отождествлять *purusha* съ Ману, но во всякомъ случаѣ *purusha* (*rūgusha*) не есть здѣсь міровая душа, и перевода его словомъ „Человѣкъ“, мы не сдѣлаемъ, конечно, ошибки ¹³¹⁾.

8 ст.—*Aṇhas* значить собственно „узость, стѣсненіе“, поэтому то, что причиняетъ стѣсненіе, давить: „бѣдствіе“.

¹²⁹⁾ См. параллельные примѣры въ Словарѣ Грассмана, подъ словомъ *adhi*.

¹³⁰⁾ Въ болѣе древнихъ произведеніяхъ *Virāḡ* является въ женск. родѣ, позже— въ мужескомъ (см. Петерб. Словарь). Нашъ гимнъ ничего не рѣшаетъ относительно рода.—

¹³¹⁾ Въ *Indische Studien* IX, 6 *purusha* объясняется такъ: «die Einzelseele sowohl, als deren Gesamtheit».

9 ст.—Прилагательн. *harit* имѣеть то же значеніе, что и *hari*; см. выше.

10 ст.—Образное употребленіе слова *varcas* не вездѣ выражено въ моемъ переводѣ, и *brahmaṇo varcas* я долженъ былъ передать словами: „сила молитвы“. Если мы сравнимъ этотъ стихъ съ *Ār.* 3, 1, то увидимъ, что первое *varcas* („блескъ, какой есть въ золотѣ“) остается и тамъ; второе *varcas* („блескъ, какой есть въ небесныхъ коровахъ“) соотвѣтствуетъ слову *yaśas* (срав. *yaśas* о небесныхъ коровахъ въ *Ār.* 3, 5), т. е. великолѣпіе; наконецъ, *brahmaṇo varcas* оказывается тождественнымъ съ *yaśṇasya paṇas*. По поводу *varcas* въ примѣненіи къ молитвѣ срав. въ *Ath.* V. 9, 1, 19 эпитетъ рѣчи (*vâc*): *varcasvati*, „блестящая“, т. е. сильная.—Подъ „дѣйствительною молитвою“ должно разумѣть такую молитву, которая оказываетъ дѣйствіе, т. е. доставляетъ человѣку все то, о чемъ онъ молить; срав. *satyo mantraḥ* (*RV.* 1,152,2), *satyâni ukthâ* (6,67,10):—Въ текстѣ нашего стиха я предполагаю ошибку и исправляю *mâ* (меня) въ *imâm* (эту), которое при чтеніи соединяется съ предшествующимъ словомъ *tena* (т. е. *tenemâm*), такъ что число слоговъ въ стихѣ остается то же самое. При *imâm* надо подразумѣвать *dîkshâm*, „религіозную церемонію“, и нѣтъ сомнѣнія, что полный гимнъ, изъ котораго вырванъ этотъ стихъ, заключалъ въ себѣ слово *dîkshâ* выше. Срав. въ *Ath.* V. 14,2,53: *varco goshu pravishṭam yat tenemâm sam srṅāmasi* („тѣмъ блескомъ, какой находится въ небесныхъ коровахъ, да снабдимъ мы эту!“) Слова эти влагаются въ уста „всѣхъ боговъ“, *viṣve devâs*, и обращены къ *dîkshâ*, религіозной церемоніи. Но и нашъ стихъ, судя по *Nâig. Dâivata*, есть *vâiṣvadevî*, т. е., посвященный „всѣмъ богамъ“.—Ошибка произошла вслѣдствіе того, что мѣстоименіе *imâm*, безъ существительнаго, къ которому оно относится, стало съ теченіемъ времени непонятнымъ.

11 ст.—Я рѣшилъ оставить начало этого стиха въ томъ видѣ, какъ оно передано рукописи ми, и потому долженъ былъ принять *îṣe* въ значеніи 2-го лица ед. ч. *med.* Подобныя формы намъ неизвѣстны, однако, и въ *îṣe* мы ожидали бы встрѣтить или 1-е, или 3-е лице ед. ч. Но принять здѣсь 1-е лице не допускаетъ смыслъ стиха, тѣмъ болѣе что рѣчь идетъ объ *насѣ*, а не обо *мнѣ*. Объясняя *îṣe* въ значеніи 3-го лица ед. ч., мы должны были бы исправить зват. пад. *virarṣin* въ именит. *virarṣî*, и слова: „ибо владѣеть ею великою онъ (т. е. Индра) преисполненный силы“

надо было бы понимать въ смыслѣ предложенія, стоящаго какъ бы въ скобкахъ; очевидно, что такое толкованіе мало удовлетворительно и вовсе не разъясняетъ намъ происхожденія ошибки. Но такъ же трудно предположить здѣсь и ошибочное чтеніе вмѣсто *īkshe* (2-е лице ед. ч.), такъ какъ оставалась бы непонятною причина, вызвавшая эту значительную ошибку. Со стороны теоретической форма *īse* въ значеніи 2-го л. ед. ч. не представляетъ большихъ трудностей, тѣмъ *īse*, 1-е или 3-е лице, но разница между ними въ томъ, что послѣднія формы были, дѣйствительно, въ употребленіи, между тѣмъ какъ *īse*—2-е л. представляется образованіемъ аномальнымъ. Извѣстно, что -е вмѣсто -те (греч.—*ται*) въ первомъ лицѣ ед. ч. медиума явилось еще въ индо-иранскую эпоху, хотя не было никакой фонетической необходимости для такого упрощенія формы. Къ той же эпохѣ относится измѣненіе -te (греч.—*ται*) въ -е въ 3-мъ лицѣ ед. ч., но лишь въ основѣ прошедш. совершеннаго (подъ влияніемъ объема формы?). Языкъ Ведъ пошелъ въ этомъ направленіи дальше и допускаетъ, рядомъ съ -te, -е также и въ настоящ. времени, между тѣмъ какъ въ позднѣйшемъ санскритѣ формы съ *e* оставались здѣсь неизвѣстными. Въ языкѣ Ведъ окончаніе -te въ настоящемъ времени преобладаетъ надъ -е, но за то нѣкоторые глаголы (безъ тематическ. гласной) почти исключительно употребляютъ -е ¹³²⁾; такъ, напр., отъ *īç* 3-е лице *īse* встрѣчается въ Ригведѣ болѣе 25 разъ, между тѣмъ какъ *īshṭe* мы находимъ здѣсь лишь одинъ разъ ¹³³⁾. Сообразно съ этимъ можно было бы думать, что и 2-е лице *īse* образовано въ Ведахъ по тому же принципу, какъ и 3-е, но противъ этого говоритъ уже единичность формы *īse* въ значеніи 2-го лица. Я думаю, что разъясненіе должна намъ дать здѣсь фонетика. Мы можемъ считать 2-е л. *īse* формою аномальною съ точки зрѣнія позднѣйшаго языка, но мы не знаемъ, на сколько она была аномальна въ болѣе древнюю эпоху, такъ какъ у насъ нѣтъ матеріала для заключенія. Глаголь *īç* приставляетъ флексивныя окончанія прямо къ корню, но этотъ корень оканчивается здѣсь на непервоначальную согласную *ç* (изъ *k*), и чтобы судить о большей или меньшей правильности формы 2-го лица *īse* (изъ *īç + se*), надо взять для

¹³²⁾ Срав. Дельбрюка *Das altindische Verbum aus den Hymnen des Rigveda seinem Baue nach dargestellt* (Halle. 1874.), стр. 67 и 70.

¹³³⁾ Срав. Словарь Грассмана къ Ригведѣ, подъ словомъ *īç*.

сравненія другіе глаголы на *ç*, приставляющіе флективные окончанія къ корню, а не къ основѣ на *-a*. Такіе глаголы есть, конечно, хотя и не въ большемъ числѣ, но трудно найти примѣры имен-но для 2-го лица. На основаніи тѣхъ данныхъ, однако, какія есть (изъ Ригведы: *dadṛkshe*, 2-е л. ед. ч. медиума въ прош. соверш., отъ *darç*; *nakshi*, ведійск. повелит.наклоненіе, 2-е л. ед. ч., отъ *naç*), можно думать, что отъ глагола *îç* правильною формою 2-го л. ед. числа мед. наст. вр. должно было быть *îkshe*. Эта форма, дѣйстви-тельно, существуетъ въ языкѣ, хотя встрѣчается далеко не такъ часто (въ Ригведѣ только два раза), какъ *îçishe*. Санскритскія грамматики говорятъ, что *ç* передъ *s* въ срединѣ словъ должно измѣняться въ *k* (за исключеніемъ нѣкоторыхъ именъ, гдѣ являет-ся *ç* передъ падежнымъ *s*), но правильнѣе, конечно, объяснять это *k* остаткомъ той эпохи, когда звукъ *ç* еще не существовалъ; другими словами, въ сочетаніи *ks k* не могло измѣняться въ *ç*. Такимъ обра-зомъ форма *îkshe* можетъ восходить прямо къ первоначальн. *îk-sai*, точно такъ же какъ, напр., въ мѣстномъ падежѣ множ. ч. *dikshu*, отъ *diç*, я вижу въ *k* не измѣненіе *ç*, но звукъ первоначальный. Очевидно, однако, что такія формы, какъ *îkshe*, могли съ теченіемъ времени показаться неудовлетворительными; основа глагола была (не въ теоретическомъ только отношеніи, но и для чутья говорившихъ) уже не *îk*, а *îç*, и исполнѣ естественны поэтому по-пытки перенести эту основу и во 2-е л. ед. ч. Но сочетаніе *çs* (или *çsh*) оказывалось труднымъ или даже невозможнымъ, и языкъ долженъ былъ выбирать между двумя средствами: полнымъ уподоб-леніемъ согласныхъ (т. е. исчезновеніемъ одной изъ нихъ) или же вставкою гласной, не имѣющей никакого этимологическаго значенія. Последнее средство употреблено было при образованіи формы *îçishe*, какъ и вообще гласная *i* съ теченіемъ времени получаетъ въ санскритѣ господство въ качествѣ „соединительной“ гласной въ собственномъ смыслѣ этого термина (срав., напр., 2-е лице ед. числа дѣйств. зал. въ прош. соверш.). Понятно, что когда второе изъ упомянутыхъ выше средствъ получило въ языкѣ преобладаніе по какимъ бы то ни было причинамъ, не было уже никакой не-обходимости обращаться въ данномъ случаѣ къ ассимиляціи со-гласныхъ. Но не такъ было первоначально, когда языку предсто-яло еще выбирать между двумя средствами: въ эту эпоху рядомъ съ *îçishe* могла быть образована и форма *îçe* (*îç+se*), которая тѣмъ скорѣе вышла изъ употребленія, что ничѣмъ не отличалась

отъ 1-го лица ед. ч., а также и отъ третьяго въ Ведахъ. Аналогію мы можемъ найти въ глаголахъ на *sh*, приставляющихъ флективныхъ окончанія прямо къ корню. Сочетаніе *shs* было опять таки невозможно, и языкъ обращался въ этомъ случаѣ или къ вставкѣ гласной *i* между *sh* и *s*, или къ измѣненію *sh* въ *k* (въ именахъ, передъ падежнымъ *s*, въ *t*). Здѣсь звукъ *k* не есть первоначальный (такъ какъ *sh*=первон. *s*), и происхожденіе его для меня не ясно: можетъ быть, въ этомъ случаѣ оказали вліяніе глаголы на *ç*? Какъ бы то ни было, кромѣ этихъ двухъ средствъ, языкъ могъ пользоваться и полною ассимиляціею согласныхъ *sh* и *s*, доказательствомъ чего служить ведійская форма повелит. наклоненія: *ḡoshi*, изъ *ḡosh+si*, отъ глагола *ḡush*. Съ точки зрѣнія позднѣйшаго языка эта ассимиляція является совершенно аномальною, точно такъ же какъ и ассимиляція въ *içe*, но въ болѣе древнемъ періодѣ своей жизни, когда еще не установились прочныя аналогіи, языкъ поступалъ въ этомъ отношеніи съ болѣе свободою. Что касается измѣненія *ç+s* въ *ç*, то форма *içe* (2-е лице) не есть единственный примѣръ этой ассимиляціи; подобнымъ же образомъ объясняется и ведійск. *yódrçmin* (RV. 5, 44, 8), изъ основы *yádrç+smin* (мѣстн. пад. ед. ч.); срав. *a-smin*, *ya-smin* и т. д. ¹³⁴⁾ Итакъ, форма *içe*, въ значеніи 2-го лица ед. ч., должна быть, по моему мнѣнію, удержана въ текстѣ. Изъ сказаннаго выше легко понять рѣдкое употребленіе этой формы; припомнимъ, что даже *ikshe* встрѣчается въ Ригведѣ лишь два раза, уступая обыкновенно мѣсто болѣе новой формѣ: *içishe* (20 разъ). Но въ одномъ стихѣ Ригведы мы находимъ, какъ кажется, и *içe* въ значеніи 2-го лица ед. ч. Это именно ст. 8, 60, 2: *nahi manuḥ páurusheya içe hi vaḥ priyaḡāta, tvam id asi kshapāvan*. Я думаю, что *vaḥ* представляетъ здѣсь ошибку, вмѣсто *paḥ*, и перевожу стихъ такимъ образомъ: „нѣтъ неистовства людскаго, ибо ты властвуешь надъ нами, о любящій *всѣ* существа ¹³⁵⁾ (т. е. Агни)! Ты, вѣдь, охранитель земли“. Ошибка въ мѣстоименіи могла произойти вслѣд-

¹³⁴⁾ Срав. въ др. бактр. языкѣ подобное же обращеніе *ç+s* въ *ç* въ формѣ *vivīçē*, отъ глагола *viç*, 2-е лице ед. ч. мед. прошедш. соверш. времени. Если я не ошибаюсь, это единственный примѣръ, извѣстный намъ изъ текстовъ для этого лица, такъ что на основаніи *vivīçē* нельзя еще принимать вмѣстѣ съ Шпигелемъ (*Grammatik der altbaktrischen Sprache*, стр. 251) окончаніемъ этой формы *ē*, а не *sē*, *shē*.

¹³⁵⁾ Петерб. Словарь даетъ слову *priyaḡāta* (встрѣчается только разъ) значеніе: «lieb—, erwünscht geboren». Грамматически возможны оба перевода.

ствие того, что форма *iṣe* не была понята. Во всякомъ случаѣ, нельзя, мнѣ кажется, оставить текстъ въ томъ видѣ, какъ онъ переданъ. Если мы примемъ здѣсь *iṣe* въ значеніи 3-го лица (срав. Грассмана) и удержимъ *vaḥ*, то зват. пад. *priyaśāta* долженъ быть измѣненъ въ именит. *priyaśātaḥ*, съ удареніемъ. Поправка, слѣдовательно, была бы никакъ не менѣе значительна (перемѣна формы и удареніе), чѣмъ та, какую вношу я, а между тѣмъ причина, вызвавшая ошибку, оставалась бы для насъ непонятною.

Viṇarṣin, какъ эпитетъ Индры, встрѣчается, напр., въ RV. 6, 32, 1; 6, 40, 2; 10, 113, 6 и т. д. *Nāighanṭuka* (3, 3) объясняетъ это слово черезъ *maṇant*, но буквальное его значеніе, по Петерб. Словарю, есть: „vollsäftig, strotzend, vollkräftig“; срав. *viṇarṣa* „strotzend“ и *garṣadūdban* (RV. 2, 34, 5) „имѣющій полное вымя“. Глаголь *garṣ* („быть полнымъ, изобиловать“) встрѣчается только съ префиксами *pra* и *vi*.

Vāśa имѣетъ въ Ведахъ нѣсколько значеній, и я различаю два слова *vāśa*, которыя восходятъ къ одному и тому же корню *vag* = *ug* „рости, увеличиваться“; срав. *ugra* сильный, *ośas* сила, а также лит. *augti* рости, лат. *augeo*, готск. *aukan* умножать, греч. *αὐξάνω*; др. бактр. *vaz* укрѣплять (въ санскритѣ *vāśay*), лат. *vegere*, *vigil*, готск. *vakan* бодрствовать (собств. „быть въ силахъ“). 1) *vāśa* (др. бактр. *vāza*) „сила, крѣпость“; „сильный, крѣпкій“, откуда развились значенія „быстрота“ (какъ проявленіе силы), „быстрый“, при чемъ „быстрый“ обратилось въ нарицательное названіе коня; 2) *vāśa* „обиліе, богатство“ и потому также „военная добыча“. Что касается *vāśa* „состязаніе, битва“, то оно должно быть объясняемо, вѣроятно, изъ втораго *vāśa*, черезъ посредство понятія „добыча“; срав. *dhana* „ставка, добыча“ и „состязаніе, битва“. Индійская традиція даетъ слову *vāśa* въ Ведахъ значеніе *appa*, т. е. „пища“, и для нѣкоторыхъ мѣстъ это, дѣйствительно, можетъ быть принято (срав. Петерб. Словарь), но я уже говорилъ выше о той связи, какая существуетъ между понятіями „сила, крѣпость“ и „пища“. Въ нашемъ стихѣ я понимаю *vāśa* какъ „богатство“ или „добычу“, но Петерб. Словарь объяснилъ бы его, вѣроятно, иначе, если судить по тому, что слово *vāśa* въ соединеніи съ прилагат. *sthavira* приводится здѣсь только въ значеніи „скаковая лошадь“ (Renner). Ни въ одномъ изъ трехъ примѣровъ, указанныхъ тамъ (RV. 6, 1, 11; 6, 37, 5; 7, 93, 2), я не вижу, однако, чтобы смыслъ, дѣйствительно, требовалъ переводить *vāśa sthavira*: „крѣпкій

конь"; съ такимъ же правомъ, если не съ бѣльшимъ, *vāḡa* могло бы быть понято въ значеніи „богатство“, точно, такъ же какъ и въ нашемъ стихѣ это послѣднее значеніе кажется болѣе подходящимъ. Сила и богатство составляютъ обыкновенные предметы ведійской молитвы, и нѣтъ никакой причины думать, чтобы изъ всего богатства, какое человекъ желаетъ получить, здѣсь назывался только „крѣпкій конь“. Само собою разумѣется, что вмѣсто „богатства“ мы можемъ поставить и „добычу“, особенно если примемъ во вниманіе окончаніе стиха. Прилагательное *sthavira* не можетъ служить препятствіемъ къ тому, чтобы *vāḡa* было понято въ нашемъ стихѣ (а равно и въ тѣхъ трехъ, которые указаны выше) въ значеніи „богатство“. *Sthavira* значитъ „плотный, крѣпкій, сильный“ (собств. „стойкій“) и встрѣчается въ Ригведѣ особенно часто какъ эпитетъ Индры (напр. 3, 46, 1; 6, 32, 1; 6, 47, 8; 10, 103, 5 и т. д.). Само собою разумѣется, что это же прилагательное могло употребляться и о богатствѣ, и невозможность сохранить въ переводѣ значеніа „крѣпкій, сильный“ ничего еще не доказываетъ, такъ какъ при употребленіи словъ въ переносномъ значеніи каждый языкъ идетъ своимъ путемъ. Припомнимъ, что напр. въ *Ag.* 1, 1 мы встрѣтили *oḡishṭha* „наисильнѣйшій“ въ качествѣ эпитета при *śravas* „слава“. Наконецъ, прямое подтвержденіе того, что *sthavira* могло употребляться съ словами, означающими „богатство“, мы находимъ въ прилаг. *sthūra* (откуда *sthūla*) „плотный, крѣпкій“¹³⁶). По образованію и по основному значенію *sthūra* есть вариантъ *sthavira*, такъ какъ оба слова образованы отъ корня *stu=sta* „стоять“, съ суф. -*ra*. Это-то прилагат. *sthūra* мы встрѣчаемъ въ соединеніи съ *ratna* „сокровище, богатство“, напр. въ *RV.* 6, 19, 10, гдѣ оно должно быть переводимо, конечно: „обильный“; срав. далѣе *sthūram rādhas* „обильный даръ“ въ *RV.* 8, 4, 19, а равно и обыкновенное значеніе *sthūla* (изъ *sthūra*): „толстый“. Эти аналогіи, я надѣюсь, достаточно оправдываютъ мой переводъ.

Vṛtreshu въ нашемъ стихѣ я перевожу: „въ битвахъ“, хотя собственно *vṛṭra* значитъ „врагъ“ (см. выше). Въ крайнемъ случаѣ можно было бы удержать это значеніе и здѣсь („у враговъ сдѣлай намъ противниковъ легко поражаемыми“), но я не видѣлъ въ этомъ необходимости, такъ какъ *vṛtreshu* и въ другихъ мѣстахъ

¹³⁶) Петерб. Словарь еще не доведенъ до словъ *sthavira*, *sthūra*.

указываетъ на то же значеніе: „въ битвахъ“. Такъ, напр., въ RV. 6, 26, 2 и 6, 46, 1 Индра называется *vṛtreshu satpati*, „владыкою въ битвахъ“, съ чѣмъ срав. 1, 53, 6: *vṛtrahatyeshu satpati*. Подобнымъ же образомъ въ RV. 1, 7, 5 мы читаемъ: *indram — havámahe, yugám vṛtreshu vaḡrīṇam*, „Индру призываемъ мы, пособника въ битвахъ, перунодержца“, съ чѣмъ срав. RV. 1, 129, 4: *indram uṣmāsi —, vaḡśeshu prásaham yugám*, „Индру желаемъ мы (т. е. имѣть), пособника въ битвахъ могучаго“. Бенфей въ *Orient und Occident* (I, 15) переводитъ стихъ 1, 7, 5 такъ: „Indra rufen wir — den die Dämonen zerschmetternden Genoss“, но этотъ переводъ нельзя считать вѣрнымъ, такъ какъ *vaḡrīṇ* значить собственно „имѣющій *vaḡta*“, и потому мѣстный падежъ *vṛtreshu* не можетъ зависѣть отъ него; и отдаю вслѣдствіе этого предпочтеніе прежнему переводу Бенфея: „Indra rufen wir — den blitzschleudernden Kampfgenoss“¹³⁷⁾. Въ томъ же значеніи употреблено *vṛtreshu* и въ ст. 7, 34, 3: *vṛtreshu śūrā māṣanta ugráh*, „въ битвахъ богатыри да помянуть сильные!“ Должны ли мы, на основаніи этихъ данныхъ, предполагать сущ. *vṛtra* съ значеніемъ „битва“? Я не думаю этого и объясняю *vṛtreshu* „въ битвахъ“ черезъ переносъ понятія „у враговъ“; въ пользу такого объясненія говорить то обстоятельство, что, за исключеніемъ мѣстн. пад. множ. ч., я не встрѣтилъ другихъ формъ, гдѣ бы значеніе „битва“ требовалось для слова *vṛtra*, но за то для мѣстнаго пад. множ. ч., т. е. для формы *vṛtreshu*, я не знаю примѣровъ изъ Ригведы, гдѣ бы мы должны были переводить *vṛtreshu*: „у враговъ“ (или это мой недосмотръ?).

Форма *suhanā* (имен. вин. пад. мн. ч. ср.р.) въ нашемъ стихѣ заставляла бы насъ предположить сущ. *suhana*, средн. р., съ значеніемъ: „легкое пораженіе“, т. е. пораженіе, которое легко сдѣлать; я предпочитаю, однако, видѣть въ *suhana* прилагательное („легко поражаемый“) и думаю, что чтеніе *suhanā* должно быть исправлено въ *suhanān* (относится къ *śatrūn*). Срав. употребленіе *suhana* въ Ригведѣ: 4, 22, 9; 7, 25, 5; 10, 105, 7.

12 ст.—„Двухъ-выменные“, т. е. коровы, подъ образомъ которыхъ представлялись облака.

¹³⁷⁾ Die Hymnen d. SV., Uebersetzung, стр. 219.

Пятая декада.

2 ст.—*Nāig-Dāivata* и Анукраманика къ Ригведѣ видятъ здѣсь Сурью, т. е. Солнце, но я думаю, вѣрнѣе будетъ относить этотъ стихъ къ Агни (какъ и предшествующій), ибо эпитетъ *vātaśūta* дается преимущественно этому богу (напр. RV. 1, 58, 4; 1, 65, 8; 8, 43, 4 и т. д.) и былъ бы мало понятенъ по отношенію къ солнцу; срав. также *vātasodita*, „погоняемый вѣтромъ“, объ Агни ¹³⁸⁾ (RV. 1, 58, 5; 1, 141, 7). Выраженіе „властвуетъ подъ многими образами“ объясняется изъ того, что Агни имѣлъ различныя формы проявленія.

3 ст.—Словарь Бетлингга и Рота даетъ здѣсь слову *anika* значеніе: „Aussehen, Erscheinung, insbesondere glänzende Erscheinung“, но это толкованіе кажется мнѣ искусственнымъ, хотя оно и согласнo съ объясненіемъ Яски (= *khyāna*, Nir. 12, 16), Грассманъ понимаетъ здѣсь *anika* въ значеніи „Reihe, Zug“, но безъ достаточныхъ основаній въ данномъ случаѣ (для нѣкоторыхъ мѣстъ это значеніе можетъ быть принято). Я слѣдую Бенфею, который сохраняетъ обыкновенное значеніе *anika* и переводитъ: „Antlitz“ (Orient und Occident III, 157) ¹³⁹⁾. Такъ же и Максъ Мюллеръ; см. его Essays II, 77.—Срав. RV. 1, 113, 19, гдѣ утреннiя заря, Ушасъ, называется лицомъ богини Адити (*aditer anika*).

Правильная этимологія слова *anika* указана въ недавнее время Бреалемъ ¹⁴⁰⁾, который производитъ его отъ нарѣчія *ani* (ср. греч. *ἐνί*) ¹⁴¹⁾ и сравниваетъ по образованію: *pratika* лице (*prati* къ), *anika* спинной хребетъ (*anu* въ значеніи „за, сзади“), *abhika* встрѣча (*abhi* къ), *arāka* отдаленіе (*ara* отъ), *urāka* сосѣдство (*ura* при, подъ) ¹⁴²⁾, хотя, впрочемъ, во взглядѣ на -ка я расхожусь съ Бреалемъ. Французскій ученый слѣдуетъ въ этомъ случаѣ общепри-

¹³⁸⁾ На основаніи *vātasodita* я предпочитаю переводить *vātaśūta*: «погоняемый вѣтромъ», а не «быстрый какъ вѣтеръ».

¹³⁹⁾ Иначе въ Die Hymn. d. SV., Nachträge und Verbesserungen, стр. 272.

¹⁴⁰⁾ Mémoires de la Société de linguistique de Paris, I, 405.

¹⁴¹⁾ Индійскіе грамматисты производятъ *anika* отъ *an* «дуть, дышать». Такая этимологія была бы возможна, конечно, еслибъ *anika* значило собственно «ротъ», но подобное значеніе неизвѣстно для этого слова.

¹⁴²⁾ Сюда же принадлежатъ: *ragāka* отдаленіе, *samika* враждебная встрѣча, стычка.

нтому мнѣнію и объясняетъ *pratīka* изъ *pratyāñs* „обращенный къ“, *anīka* изъ *anvāñs* „задній“ и т. д., но уже то, что мы не имѣемъ формъ: *abhyañs* при *abhīka*, *urāñs* при *urāka* (а также *anvāñs* при *anīka*) дѣлаетъ, по моему мнѣнію, сомнительнымъ такое объясненіе. Главное возраженіе я вижу, однако, не въ этомъ, но въ томъ, что, по аналогіи тѣхъ формъ, гдѣ *pratyāñs*, *anvāñs* и т. д. являются стянутыми, мы ожидали бы здѣсь: *pratīca*, *anīca* и т. д., и существованіе *k* вмѣсто *s* было бы непонятно. Нельзя, конечно, ссылаться на средн. родъ этихъ прилагательныхъ: *pratyak*, *anvak* и т. д., такъ какъ на концѣ словъ *s* не могло появляться въ санскритѣ, да и самыя основы не стянуты въ этихъ формахъ. Я предпочитаю поэтому видѣть въ словахъ: *anīka*, *pratīka*, *arāka* и т. д. суффиксъ *-ka* и сравниваю по образованію: латинск. *antīcus*, *postīcus*, а также * *recus*, * *procus* (въ обоихъ случаяхъ кратк. гласн.), которыя Мёнье (Meunier)¹⁴³⁾ возстановляетъ на основаніи *reciprocus*; сскр. *antika* „близость“; лит. *paskui* „за, сзади“, *paskūi* „послѣ“, съ котор. срав. сскр. *raśsa* „задній“, гдѣ *-sa* изъ первонач. *-ka* (срав. *ussa* „высокій“—др. бактрійск. *uśka*), и т. д. Сюда же принадлежатъ, между прочимъ: ст. сл. онако, опаки (изъ ара), откуда паки (съ разницею въ значеніяхъ), =двн. *abāh*, *abuh* „abgevandt, verkehrt, böse“¹⁴⁴⁾; сербск. преко; русск. поперекъ; прусск. *prīkan*, *prīkin* (въ I катихиз. *preiken*) „противъ“; ст. сл. ниць (срав. сскр. *nīca*) и т. д. Нарѣчія, предлоги, союзы и вообще частицы, оканчивающіяся на гласную, могли имѣть въ индоевроп. языкѣ эту гласную какъ краткою, такъ и долгою; отсюда объясняется, напр., параллельное употребленіе сскр. *pratīka* и *antika* или сскр. *anīka* = др. бактр. *ainīka*. Въ санскритѣ конечная гласная предлоговъ является по большей части краткою (но, напр., *ragā*), хотя въ словахъ производныхъ она можетъ быть и долгою; такъ, напр., *prati* имѣетъ долгое *i* не только въ *pratīka*, но также и въ *pratīra* „противный“, гдѣ я считаю суффиксомъ *-ra*, съ которымъ сравниваю, напр., лат. *-re* въ *prope*. Кромѣ *pratīra*, тотъ же суф. *-ra* мы находимъ въ

¹⁴³⁾ Mémoires de la Société de linguist. de Paris, I, 412.

¹⁴⁴⁾ Фикъ (Vgl. Wörterbuch, стр. 10) сравниваетъ двн. *abāh*, *abuh* (при ст. сл. онако онъ ставитъ вопросительный знакъ) съ сскр. *arāñs*, но подобныя сложенія предлоговъ съ глаголомъ *an k* (сскр. *añs*) не были, конечно, извѣстны въ индоевропейск. языкѣ.

sa^mīra „близкій“, anta^rīra „островъ“, соб. „срединный“, а равно въ prāra (изъ pra) и pa^rāra (изъ pa^rā), хотя точное значеніе двухъ послѣднихъ словъ намъ не извѣстно. Бенфей объясняетъ суф. -ra изъ глагольнаго корня ar „прилаживать“, но, не говоря о томъ, что я не могу видѣть въ суффиксахъ индоевропейской эпохи глагольныхъ корней, я нахожу такое объясненіе неудовлетворительнымъ и со стороны фонетической. Еще болѣе страннымъ кажется то мнѣніе, упоминаемое въ Петербургскомъ словарѣ, которое видитъ въ составѣ prātīra, sa^mīra и т. д. сущ. ar „вода“, не смотря на то, что слова prātīra, sa^mīra не имѣютъ ничего общаго съ ar „вода“ ни по значенію, ни по звуковой формѣ. Чтобы объяснить себѣ происхожденіе этого мнѣнія, надо припомнить не только anta^rīra „островъ“ (первоначально, по моему мнѣнію, „срединный“), но и anīra „находящійся близъ воды, изобилующій водою; болото“ и т. д. Значеніе anīra не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что въ составѣ его входитъ „вода“, но я думаю, было бы ошибочно видѣть въ anīra образованіе тождественное съ prātīra, sa^mīra, anta^rīra (а также, конечно, съ prāra и pa^rāra). По моему мнѣнію, anīra есть слово сложное, между тѣмъ какъ prātīra, sa^mīra и т. д. я не считаю такими. Нельзя, однако, видѣть въ составѣ anīra сущ. ar („вода“), такъ какъ аналогіи для подобнаго выпаденія гласной едва ли бы нашлись въ санскритѣ. Я думаю, что anīra сложено изъ anu (въ значеніи „у, при“) и основы *ur или *ura „вода“. Эта основа, правда, не сохранилась въ санскритѣ въ отдѣльномъ употребленіи, но существованіе ея подтверждается родственными языками, именно: лит. urė рѣка, ручей, латш. ura id., прусск. wurian облако (въ Эльбингск. Словарѣ), русск. Ура (гдѣ у изъ древняго дифтонга). Литовск. urė объясняютъ обыкновенно изъ ar, но переходъ a въ u въ литовск. языкѣ всегда обусловливается группою согласныхъ, изъ которыхъ первая есть плавная или носовая ¹⁴⁵⁾; при томъ же, основа ar сохранилась въ прусск. are рѣка, arus источникъ, латш. aris яма въ болотѣ, полная воды. Что касается основы ur-, то она, вѣроятно, родственна съ vār-

¹⁴⁵⁾ Кажущееся исключеніе изъ этого правила представляетъ только лит. ugnis «огонь», латш. uguns, и я считаю нужнымъ поэтому объяснить здѣсь u изъ an, предполагая основу *angni, въ которой первое n есть отраженіе втораго.

Подобнымъ же образомъ латинск. ignis предполагаетъ ingnis, ибо иначе происхожденіе i изъ a было бы здѣсь непонятно; см. Корсена Aussprache, 2-е изд., II, 275.

(изъ var-?), откуда сскр. *vāri* „большой пруд“, ст. сл. *вана* „болото, пруд, озеро“.

Возвращаясь къ слову *anika*, я долженъ прибавить, что, объясняя его вмѣстѣ съ Бреалемъ изъ нарѣчія *anī* (= *anī*) „къ“, мы поймемъ, что основное значеніе его есть „перёдъ“, откуда „лице“, но въ Ведахъ *anika* употребляется также о передней части, т. е. острѣ, копы или стрѣлы, и нѣтъ, конечно, никакой причины считать это значеніе переноснымъ. Иначе смотрю я на *anika* въ смыслѣ: „рядъ, толпа“, откуда въ позднѣйшемъ языкѣ образовалось значеніе „войско“ (въ словаряхъ также „битва“). Обыкновенно считают это *anika* однимъ и тѣмъ же словомъ съ *anika* „лице“, и Петерб. Словарь пытается объяснить переходъ значеній такимъ образомъ: „Vorderseite von etwas Aufgestelltem, einer Reihe u.s.w.; dann Reihe, Zug selbst (vgl. *frons*).“ Но, во-первыхъ, значеніе „рядъ, толпа“ извѣстно для *anika* уже въ гимнахъ Ведъ, между тѣмъ какъ въ смыслѣ „Vorderseite von etwas Aufgestelltem“ это слово тамъ не встрѣчается¹⁴⁶); во-вторыхъ, я не вижу, какая можетъ быть связь, напр., между *marutām anikam* (RV. 1, 168, 9), „толпа Марутовъ“, и выраженіемъ: *agnir vāi devatānām anikam* (Çat. Br. 5, 3, 1, 1), „Агни—глава¹⁴⁷) божествъ“, хотя оба примѣра отнесены Петерб. Словаремъ къ одной категоріи. По моему мнѣнію, *anika* „толпа, рядъ“ вовсе не родственно съ разсмотрѣннымъ нами выше *anika*, точно такъ же какъ и въ др. бактр. языкѣ я различаю *ainika* „лице“ отъ того *ainika*, которое извѣстно намъ изъ прилагат. *perethuainika*, составляющаго эпитетъ войска (*haēna*). Юсти переводитъ это прилагат.: „mit breiter Front“, желая примирить его съ *ainika* „лице“, но я думаю, что *ainika* въ *perethuainika* тождественно съ ведійск. *anika* „толпа, рядъ“ (позднѣе: „войско“), и потому понимаю это прилагательн. въ смыслѣ: „состоящее изъ обширной толпы“ или „изъ обширныхъ рядовъ“ (Бюрнуфъ: „aux larges bataillons“). Происхожденіе *anika* (др. бактр. *ainika*) „толпа, рядъ“ для меня не ясно.

4 ст.—Подъ образомъ быка здѣсь представляется солнце; см. объ этомъ мионическомъ образѣ Шварца *Sonne, Mond und Sterne* (Register)

¹⁴⁶) Да и вообще я не знаю примѣровъ, гдѣ бы это значеніе требовалось.

¹⁴⁷) Собств. «перёдъ» или «лице», въ такомъ же переносномъ употребленіи, какъ наше «глава».

и Аоанасьева Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу (Указатель). *Nāig-Dāivata* посвящаетъ нашъ стихъ вмѣстѣ съ двумя слѣдующими, между прочимъ, божеству *ātman*, подъ которымъ должно понимать Агни (см. выше). Точно такъ же и комментаторъ къ Яджурведѣ относитъ *ayam* къ Агни ¹⁴⁸⁾. По Анукраманикѣ къ Ригведѣ, божество, которому посвященъ гимнъ 10, 189, есть или *Sāṅparāḡnī* или *Sūrya*, но *Sāṅparāḡnī* называется вмѣстѣ съ тѣмъ какъ здѣсь, такъ и въ *Nāig-Ārsha*, авторомъ этихъ стиховъ.

Небо есть „отецъ“, земля—„мать“, т. е. всѣхъ существъ ¹⁴⁹⁾; здѣсь нѣтъ спеціальнаго отношенія къ быку-солнцу.

5 ст.—„Въ срединѣ“, т. е. между небомъ и землею; срав. комментатора къ Самаведѣ: „*antaḥ*“ *dyāvāprthivyoḥ madhye* ¹⁵⁰⁾. Форма *antar* (лат. *inter*) является въ болѣе полномъ видѣ въ *antariksha* „воздухъ“, собств. „находящееся въ срединѣ“ ¹⁵¹⁾, а также въ *antarīra* „островъ“, собств. „срединный“; срав. по образованію *uparī* „свыше, надъ“. Въ нашемъ стихѣ *antar* значитъ то же, что *antariksha*, и мы могли бы перенести его поэтому: „въ срединномъ пространствѣ“, т. е. „въ воздухѣ“.—„Испускающая послѣднее дыханіе“—исчезающая (при появленіи солнца); срав. Макса Мюллера *Vorlesungen über die Wissenschaft der Sprache*, II Serie, стр. 335. Въ прилагательн. *gosaṇā* „свѣтлая“ здѣсь надѣ видѣтъ, конечно, эпитетъ Утренней Зари ¹⁵²⁾.—*Maḥisha* я объясняю какъ прилагательное, которое часто встрѣчается въ Ведахъ; Словарь Бетлингга и Рота понимаетъ здѣсь это слово въ значеніи существительн., т. е. „буйволъ“.

6 ст.—Срав. RV. 6, 59, 6: *apād iyaṃ.... trīṇcat padā ny akramāt*, „эта безногая (Утрен. Заря, Ушасъ) на тридцать мѣстъ ступила“. Эти 30 мѣстъ или 30 жилищъ обозначаютъ, вѣроятно, жилища боговъ; срав. „тридцать три бога“ (напр. въ RV. 3, 6, 9). Бенфей видитъ здѣсь указаніе на 30 часовъ, изъ которыхъ состояли у Индѣйцевъ сутки, но такая метафора была бы мало понятна, тѣмъ болѣе что рѣчь идетъ здѣсь только о разсвѣтѣ.—*Paṭamga*, „летающій, крылатый“, употребляется и въ позднѣйшей литературѣ въ

¹⁴⁸⁾ См. Бенфея *Die Hymn. d. SV*, Uebersetzung, стр. 272, примѣч. 4.

¹⁴⁹⁾ Срав. русск. «Отецъ-небо» (въ заговорахъ) и «Мать-земля» и т. д.

¹⁵⁰⁾ См. Бенфея *ibid.*, примѣч. 5.

¹⁵¹⁾ См. Вебера въ *Indische Studien* I, 187; иначе объясняютъ *antariksha* Бетлинггъ и Ротъ.

¹⁵²⁾ Бенфей переводилъ этотъ стихъ иначе и относилъ *gosaṇā* не къ Утренней Зарѣ.

значеніи „солнце“. Петерб. Словарь это же значеніе даетъ слову *patamga* и въ нашемъ мѣстѣ, но я думаю, что въ гимнахъ Ведъ, тамъ, гдѣ солнце называется *patamga* (напр. въ RV. 1, 163, 6; 10, 177, 1 и 2), сознавалось еще первоначальное значеніе этого слова: „летающій“ или „крылатый“ (*patam+ga*), которое ясно напр. въ RV. 1, 118, 4. Срав. изъ позднѣйшей литературы *patamga* „птица, крылатое насѣкомое“. Названіе солнца *patamga* объясняется представленіемъ этого свѣтила въ образѣ птицы или крылататаго коня ¹⁵³).

Выраженіе *prati vastos*, которое затрудняло Бенфея, въ настоящее время можно считать яснымъ, и Петерб. Словарь, безъ сомнѣнія, вѣрно переводитъ *prati vastos*: „bei Tagesanbruch“. Но относительно конструкціи предложеній я отдаю предпочтеніе переводу Бенфея („Dreissig Häuser durchleuchtet er—es tönt dem Vogel Lobgesang—vom Morgen an mit seinem Strahl“) передъ тѣмъ толкованіемъ, какого держится, повидимому, Петерб. Словарь. Здѣсь нашъ стихъ приводится подъ словомъ *div* въ такомъ видѣ: *vāk patamgāya dhīyate, prati vastor aha dyubhiḥ*, откуда должно заключать, что слова *vāk patamgāya dhīyate* Бетлингкъ и Ротъ соединяють по смыслу съ послѣднею падою стиха. Форму *dyubhiḥ* Словарь принимаетъ здѣсь въ значеніи: „bei Tage, im Laufe der Tage, lange Zeit“ (срав. лат. *diu*). Въ этомъ значеніи *dyubhis* (отъ *div=dyu* день), какъ извѣстно, часто встрѣчается въ Ведахъ, но, съ другой стороны, не менѣе рѣдко находимъ мы эту форму въ смыслѣ: „сіяніемъ, лучами“, и я думаю, что это послѣднее значеніе болѣе подходитъ къ нашему стиху, при той конструкціи предложеній, которую я принимаю ¹⁵⁴). Въ пользу же этой конструкціи говорить, мнѣ кажется, и параллельное мѣсто, приведенное мною выше (RV. 6, 59, 6); подобно тому какъ тамъ Утренняя Заря ступаетъ на 30 мѣстъ, такъ и здѣсь Солнце, именно при разсвѣтѣ, освѣщаетъ 30 жилищъ; а восходящее солнце и утренняя заря не рѣдко совпадаютъ въ мифическихъ представленіяхъ. Что касается вставочнаго предложенія: *vāk patamgāya dhīyate*, то срав., напр., слѣдующій стихъ Ригведы (1, 10, 7): *suvivṛtam suniraḡam indra tvādātam id yasaḥ, gavām agraḡam vṛdhi*, гдѣ слова: *indra tvādātam id yasaḥ* составляютъ также

¹⁵³) См. объ этихъ образахъ Шварца *Sonne, Mond und Sterne* и Аванасьева *Поэтическое Возрѣніе Славянъ на природу*.

¹⁵⁴) По словамъ Бенфея, также и схолиастъ относитъ *dyubhis* къ *virāḡati*.

вставочное предложение, ибо смысл этого мѣста слѣдующій: „хорошо открываемый, хорошо опоражниваемый ¹⁵⁵⁾»,—Индра, тебѣ принадлежить (собств. „тобою дано“ или „оказано“) это славное дѣло,—хлѣвъ небесныхъ коровъ отвори!“ ¹⁵⁶⁾

Частицу *aha*, усиливающую предшествующее слово, я оставилъ въ нашемъ стихѣ не переведенною.

7 ст.—По поводу гимна RV. 1, 50 сравни лингвистическій и мифологическій комментарий Зонне въ *Zeitschrift* Куна (томы XII—XV).

8 ст.—При префиксѣ *vi* подразумѣвается та же глагольная форма *adṛśan*, которая стоитъ въ первой падѣ. Мы могли бы поэтому перевести такъ: „появилось его сіяніе (въ текстѣ множ. ч.), ясно видны его лучи у людей“ и т. д.

9 ст.—Въ позднѣйшемъ языкѣ *tagaṇi* обратилось въ нарицательное названіе солнца, но вмѣстѣ съ тѣмъ это слово употреблялось также и въ значеніи: „судно, челнъ“ (собств. „проходящее, движущееся“, отъ *tag*). Бенфей видитъ это послѣднее значеніе и въ нашемъ стихѣ, который онъ переводитъ такъ: „Ein allbewunderungswerthes Floss bist, Sonne“ (*Orient und Occident* I, 405). Такое толкованіе, однако, можетъ казаться сомнительнымъ, и я предпочелъ, слѣдуя Роту (срав. также Грассмана), удержать здѣсь первоначальное значеніе *tagaṇi*, которое нѣсколько разъ встрѣчается въ Ведахъ (о конѣ, объ Агни и т. д.). Въ примѣненіи къ солнцу мы находимъ *tagaṇi* еще два раза въ Ригведѣ (7, 63, 4 и 10, 88, 16), и въ обоихъ случаяхъ можно было бы перевести его даже словомъ „солнце“, между тѣмъ какъ въ нашемъ стихѣ смыслъ не допускаетъ подобнаго перевода. Срав. съ *tagaṇi* „неустанно или быстро движущееся“ *pataṃga* „крылатое“ или „летающее“, эпитетъ солнца въ Ведахъ, а позднѣе его нарицательное названіе (см. выше).

10 ст.—Слова: *viśvaṃ svaḥ* относятся какъ къ предшествую-

¹⁵⁵⁾ Собств. тотъ, изъ котораго хорошо выгоняются, т. е. освобождаются (небесн. коровы).

¹⁵⁶⁾ Иначе переводитъ этотъ стихъ Бенфей (*Or. und Occ.* I, 18), но неудовлетворительность его перевода, мнѣ кажется, очевидна: «Denn der von dir geschenkte Glanz (=Beute) ist umzudrehn, zu treiben leicht; eröffne du der Rinder Stall.» Замѣчу, что здѣсь совершенно произвольно принято для *yaśas* значеніе «Glanz»=«Beute». Самостоятельность словъ: *indra tvādātam id yaśaḥ* доказывается слѣдующимъ мѣстомъ (RV. 3, 40, 6): *girvaṃaḥ pāhi naḥ sutam madhor dhārābhir aśyase, indra tvādātam id yaśaḥ*.

щему *gratūāṇ*, такъ и къ послѣдующему *ḍṛṣe*. Очевидно, что выраженіе: *viṣvaṁ svar ḍṛṣe*, собств. „для видѣнія всего неба“, можетъ быть понимаемо не только въ страдательномъ значеніи, но также и въ дѣйствительномъ („чтобы видѣть все небо“). Мой переводъ основывается на параллельныхъ мѣстахъ, гдѣ *viṣvaṁ svar ḍṛṣe* значитъ, безъ сомнѣнія: „все небо, чтобы оно было видимо“; см. RV. 9, 61, 18 (*śyotir viṣvaṁ svar ḍṛṣe*); 10, 136, 1 (*keṣi viṣvaṁ svar ḍṛṣe, keṣīdam śyotir ucyate*); *Vāḍlakh.* 1, 8 (*yebhir apatyam manushaḥ parīyase yebhir viṣvaṁ svar ḍṛṣe*). Срав. въ предшествующемъ стихѣ: „все небо освѣщаешь ты“.

11 ст.—Относительно *bhuraṇyantam śanāṇi anu* Ротъ ¹⁵⁷⁾ думаетъ, что форма *śanāṇ* въ текстѣ „*pada*“ образована по ложной аналогіи изъ *śanāṇi*, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности эта послѣдняя форма не есть винит. пад. множ. ч., но винит. единств. ч., съ метрическимъ удлинненіемъ гласной и съ неправильнымъ ея назализованіемъ. Подобнымъ же образомъ Ротъ объясняетъ *vaṣāṇ anu* въ текстѣ „*pada*“ изъ *vaṣāṇi anu* (текстъ „*samhitā*“) = *vaṣām anu*. Мы увидимъ, однако, ниже, что нѣтъ никакой надобности принимать *vaṣāṇ* за винит. пад. ед. ч., между тѣмъ какъ въ *śanāṇi anu* въ пользу этого предположенія говорить, повидимому, единств. ч. формы *bhuraṇyantam*. Объясненіе Рота можетъ казаться довольно правдоподобнымъ, такъ какъ носовая согласная, дѣйствительно, удлиняетъ иногда предшествующую гласную ¹⁵⁸⁾, а что касается ошибочнаго обращенія -*ām* или -*āṇ* въ -*āṇ* (въ текстѣ „*pada*“), то можно было бы сравнить *devāṇ śanma* (въ „*samhitā*“: *devāṇ śanma*) въ RV. 1, 71, 3; 6, 11, 3 и *devāṇ śanmanā* въ RV. 10, 64, 14, гдѣ *devāṇ* неправильно возстановлено изъ *devām* = *devām*, родительн. пад. множ. ч., какъ это разъяснилъ Боллензенъ въ своей статьѣ *Die Lieder des Paraśara* ¹⁵⁹⁾. Во всякомъ случаѣ,

¹⁵⁷⁾ Zur Literatur und Geschichte des Weda, стр. 82; Jaska's Nirukta, Erläuterungen, стр. 163—164.

¹⁵⁸⁾ См. примѣры въ статьѣ Куна Sprachliche Resultate aus der vedischen Metrik.

¹⁵⁹⁾ Этотъ же родит. пад. мн. ч. *devām* Боллензенъ находитъ и въ ст. RV. 6, 51, 2, гдѣ текстъ имѣетъ, правда, *devānām śanma*, но метръ указываетъ на *devām*.—Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что родит. *devām* сохранился въ Ригведѣ только въ соединеніи съ *śanman*. Что же касается стиха RV. 4, 2, 3, гдѣ Боллензенъ подобнымъ же образомъ объясняетъ *devāṇ viṣas* изъ *devām viṣas* («die Götterstämme»), то я не могу съ нимъ согласиться, такъ какъ цезура заставляетъ отдѣлять *viṣas* отъ *devāṇ*, и въ этой послѣдней формѣ я вижу поэтому винит.

однако, объясненіе, представленное Ротомъ, не можетъ считаться вполне вѣрнымъ какъ вслѣдствіе единичности примѣра (ибо *vaçâñ* апи не принадлежитъ сюда), такъ и вслѣдствіе того, что ошибка, принадлежащая составителямъ текста „*pada*“, повторяется въ Самаведѣ, не смотря на то, что редакція Самаведы произошла независимо отъ редакціи Ригведы. Никто не станетъ сомнѣваться въ томъ, что сочетаніе *bhurañyantañ gāññ* апи представляетъ собою явленіе аномальное; но аномалія заключается, можетъ быть, лишь въ неправильномъ согласованіи опредѣлительнаго съ опредѣляемымъ. Мы видѣли выше, что нѣкоторые примѣры заставляютъ предполагать существованіе подобной неправильности согласованія въ именахъ средн. рода, хотя я и не считаю этотъ вопросъ выясненнымъ. Но если такое явленіе, дѣйствительно, существовало, то не было никакой причины, по которой оно должно было бы ограничиваться однимъ среднимъ родомъ. При томъ же, въ примѣрѣ: *bhurañyantañ gāññ* апи извиняющимъ обстоятельствомъ служить то, что множ. ч. *gāññ* (винит. пад.) употреблено здѣсь въ коллективномъ значеніи, и въ этомъ же смыслѣ могло бы стоять и единств. ч. *gāñ*. Срав. *trishv ā rocane divaḥ* (RV. 1, 105, 5; 8, 58, 3), „въ трехъ свѣтлыхъ областяхъ неба“, гдѣ Дельбрюкъ¹⁶⁰⁾ объясняетъ неправильность согласованія такимъ образомъ: „die drei Himmel bilden, so zu sagen, eine Dreieinigkeit und stehen darum im Singular“.

12 ст.—Ротъ и Бенфей¹⁶¹⁾ видятъ въ этомъ стихѣ „Nachsatz“ къ предшествующему, но я не считаю необходимымъ связывать ихъ такимъ образомъ и объясняю „которымъ глазомъ“ (въ предшествующемъ стихѣ) въ значеніи „этимъ глазомъ“.—Что касается глагола *mā*, то Петерб. Словарь даетъ ему здѣсь значеніе: „zu-richten, zubereiten, bilden, verfertigen“. Относительно нѣкоторыхъ

пад. За то *martān* въ томъ же стихѣ едва ли можетъ быть объяснено иначе, какъ въ смыслѣ родит. пад. мн. ч. (*martām*, *martāñ*). Вотъ самый стихъ: *antar iyase arushā yuḡāno yushmāñiç sa devān viça ā sa martān*, т. е.: «запрягши огненнокрасную пару, ты (о Агни) носишься между вами, богами, и родами людей». Дельбрюкъ (Zeitschrift, XX, 219), соглашающийся здѣсь съ Боллензеномъ, въ стихѣ RV. 4, 2, 11 принимаетъ самъ *martān* (т. е. *martām*) за родит. пад. мн. ч. («und vielleicht 1, 141, 6», прибавляетъ онъ, но въ указанномъ мѣстѣ текстъ имѣетъ *martam*).

¹⁶⁰⁾ Zeitschrift, XX, 225.

¹⁶¹⁾ См. Pota Zur Literatur und Geschichte des Weda, стр. 82; Jaska's Nirukta, Erläuterungen, стр. 163; Бенфей Die Hymn. d. SV., Nachträge und Verbesserungen, стр. 272.

мѣстъ это несомнѣнно, но въ данномъ случаѣ, мнѣ кажется, можно удержать основное значеніе этого слова.

13 ст.—Прилагат. *ṣundhyu* значитъ собственно „чистый, свѣтлый“ (срав. *ṣudh*, *ṣundh* „очищать“ и см. Nir. 4, 16), отсюда „прекрасный“, такъ какъ понятія блеска, свѣта и красоты обыкновенно тѣсно связаны въ языкахъ. Значеніе „прекрасный“ *ṣundhyu* можетъ имѣть, напр., въ RV. 10, 39, 7, гдѣ оно составляетъ опредѣленіе слова *yoshanā*, „молодая женщина“. Петерб. Словарь переводитъ *ṣundhyu*: „schmuck“.

Чтеніе *naptryas* (въ Ригведѣ *naptryas*) замѣчательно въ томъ отношеніи, что это единственный примѣръ изъ ведійской литературы, гдѣ мы находимъ слово *naptrī*, вмѣсто обычнаго *partī*. Ясно, что *naptrī* точно такъ же образовано отъ основы *napta-*, какъ *partī* отъ *parat-*, сскр. *parāt-*. Съ сскр. *naptrī* ближе всего по формѣ древнечешск. *neter-*, именительный падежъ *neti*; что касается выпаденія *p*, то срав. ст. сл. нетій „племянникъ“, изъ *partja* (срав. далѣе: сути изъ * супти, тети изъ * тепти и т. д.)

По поводу *rathasya naptryaḥ* (въ *Ar. naptryaḥ*) Бенфей ¹⁶²⁾ замѣчаетъ слѣдующее: „Die Rosse werden als mit dem Wagen innigst zusammengehörige, gleichsam als zu dessen gotra, Stamm, gehörend vorgestellt“.

14 ст.—Прилагат. *harit* имѣетъ то же значеніе, что и *hari*. Во множ. ч. *haritas* обозначаютъ часто коней Солнца, подобно тому какъ двойств. ч. *harī* или множ. *harayas* употребляется для обозначенія коней Индры. Сравненіе ведійск. *haritas* съ греческ. *Ἡρίτες*, выставленное Максомъ Мюллеромъ ¹⁶³⁾, не можетъ считаться вѣрнымъ (см. возраженія Курціуса въ *Grundzüge*, 4-е изд., стр. 120), хотя я и не отвергаю того, что *Ἡρίω*, *Ἡρίς*, *Ἡρίτες* и т. д. и сскр. *hari*, *harit* происходятъ отъ одного и того же корня; это родство по корню ничего не доказываетъ, однако, относительно тождества *Ἡρίτες* (которыхъ нельзя отдѣлять отъ *Ἡρίς*) съ ведійск. *harit*, множ. ч. *haritas*.—

Стихи 13 и 14 являются здѣсь въ порядкѣ обратномъ тому, какой мы находимъ въ Ригведѣ, ст. 8 и 9.

¹⁶²⁾ Orient und Occident I, 405.

¹⁶³⁾ Vorlesungen über die Wissenschaft der Sprache, II serie, 350 и слѣд.; Essays II, 119 и 325.

Отдѣлъ *Mahānāmni* замѣчателенъ по своему метрическому составу, для опредѣленія котораго индійскій комментарий могъ бы оказать, вѣроятно, большую пользу, но, къ сожалѣнью, я не имѣю этого пособия и долженъ основываться лишь на самомъ текстѣ да на тѣхъ немногихъ данныхъ, которыя указаны Веберомъ въ его сочиненіи *Ueber die Metrik der Inder* (*Indische Studien*, VIII томъ), стр. 68 и 69.—*Ārcika* дѣлитъ отдѣлъ *Mahānāmni* на 9 стиховъ, при чемъ рукописи, заключающія въ себѣ текстъ „*saṃhitā*“, разсматриваютъ каждый стихъ какъ особое цѣлое и потому дѣлятъ его на полустипіи (у меня „;“), а нѣкоторыя, по крайней мѣрѣ—түбингенская рукопись, присоединяютъ къ этому даже дѣленіе на пады (у меня „;“). Не трудно замѣтить, однако, что эти девять стиховъ образуютъ три строфы (по три стиха въ каждой), и это послѣднее дѣленіе ясно также изъ текста *Gāna*, т. е. изъ приложенія къ *Āgaṇya-Gāna*, гдѣ стихи *Mahānāmnyas* являются въ музыкальной формѣ: каждая строфа здѣсь заканчивается извѣстнаго рода музыкальнымъ финаломъ. Но то, что мы называемъ строфой, можетъ быть разсматриваемо также какъ стихъ и будетъ дѣлиться на полустипіи (т. е. полустрофы) и на пады. Первая и вторая строфы имѣютъ одно и то же число падъ, именно 13, между тѣмъ какъ третья заключаетъ въ себѣ 14 падъ; что же касается дѣленія этихъ строфъ на полустрофы, то какъ я заключаю на основаніи текста *Gāna* ¹⁶⁴⁾ и другихъ данныхъ, которыя будутъ указаны мною ниже, въ каждой строфѣ первая полустрофа состоитъ изъ двухъ стиховъ, а вторая изъ одного, т. е., напр., первая строфа (=ст. 1, 2 и 3) дѣлится на полустрофы послѣ втораго стиха.—Относительно строенія падъ въ стихахъ *Mahānāmnyas* легко замѣтить, что здѣсь господствуютъ пады въ 8 слоговъ ¹⁶⁵⁾, но къ нимъ присоединяются также пады въ 12 (т. е. $8 + \frac{8}{2}$) ¹⁶⁶⁾ и въ 5 слоговъ. Эти пятислоговые пады двухъ родовъ: однѣ изъ нихъ являются послѣ первой пады вторыхъ стиховъ (т. е. въ ст. 2, 5, 8), именно: *svaḥ pañṣiḥ* ¹⁶⁷⁾, *añṣiḥ pa ṣoṣiḥ*, *añṣiḥ madāya*; другія мы находимъ

¹⁶⁴⁾ Мы видимъ здѣсь, что послѣдняя пада первой полустрофы повторяется при пѣніи.

¹⁶⁵⁾ Я останавливаюсь ниже на тѣхъ падахъ, гдѣ кажушіеся 7 или 9 слоговъ должны быть обращаемы при правильномъ чтеніи въ 8 слоговъ.

¹⁶⁶⁾ Двѣнадцатислоговые пады являются въ стихахъ 4 (вторая пада) и 7 (первая пада).

¹⁶⁷⁾ Читается: *svaḥ pa añṣiḥ*.

въ началѣ третьихъ стиховъ (т. е. въ ст. 3, 6, 9), именно: *evā hi śakraḥ, iṣe hi śakraḥ, vaśi hi śakraḥ*. Каждая такая пада не связывается по смыслу съ остальными падами стиха, и что касается, по крайней мѣрѣ, словъ: *svaḥ pāñṣiḥ, aṅṣur paśosiḥ, aṅṣur madāya* то въ нихъ должно видѣть, конечно, вставки, не принадлежащія къ стихамъ; труднѣе рѣшить это относительно словъ: *evā hi śakraḥ, iṣe hi śakraḥ, vaśi hi śakraḥ*, ибо они стоятъ въ началѣ (третьихъ) стиховъ и потому не могутъ нарушать ихъ цѣльности. Присутствіе вставокъ въ стихахъ *Mahānāmnyas* издавна было извѣстно, и въ литературѣ брахманъ и сутръ эти вставки носятъ названіе „*purīḥha*“ или „*purīṣhapada*“¹⁶⁸). *Purīṣha* (срав. ст. сл. прахъ?)¹⁶⁹) значитъ собственно „прахъ“, затѣмъ „щебень употребляемый для закладки пустаго пространства“, и отсюда это слово было перенесено, въ смыслѣ вставки, на вставочныя изреченія въ стихахъ *Mahānāmnyas*¹⁷⁰). Что касается происхожденія этихъ вставокъ, то я говорилъ уже въ Введеніи, что объясняю ихъ точно такъ же, какъ Стобху, т. е. вижу въ нихъ жертвенныя формулы, которыя соединялись съ стихами. Но эти вставки въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отличаются, однако, отъ Стобхы: во-первыхъ, онѣ внесены въ текстъ *Ārcika* (въ Стобхѣ ихъ нѣтъ), а во-вторыхъ, построены совершенно симметрично, такъ какъ каждая вставка состоитъ изъ пяти слоговъ и помѣщается въ опредѣленномъ мѣстѣ стиха; срав. также и звуковой ихъ составъ. Совершенно такого же рода вставки находимъ мы въ гимнѣ Самаведы *Utt.* 3, 1, 22, гдѣ онѣ также внесены въ текстъ *Ārcika*, но состоятъ не изъ пяти слоговъ, а изъ трехъ, при чемъ каждая вставка оканчивается на частицу *pa* („будто“) ¹⁷¹). Съ тѣми же вставками повторяется этотъ гимнъ въ *Ātharvaved* 2, 5 (съ нѣкоторою порчею) и въ *Śrāuta-sūtra* Ашва

¹⁶⁸) См. Петерб. Словарь, подъ словомъ *purīṣha*. Въ *Āitareya-Brāhmaṇa* 4, 4 (см. *Ind. Stud.* VIII, 69) эти вставки называются также *upāsarga*, но можно думать, что это послѣднее слово есть родовое названіе вставки; поэтому и вставки *brurīṣ* въ гимнѣ Самаведы *Utt.* 3, 1, 22 называются у Саяны *upāsargākṣharāṇi*, «вставочные слоги» (см. Бенфея *Die Hymn. d. SV. Uebersetz.* стр. 254).

¹⁶⁹) Если это сопоставленіе вѣрно, въ такомъ случаѣ гласная *i* въ *purīṣha* произошла путемъ фонетическимъ, т. е. *purīṣha* предполагаетъ болѣе древнюю форму * *pursha*, изъ первонач. * *parṣa*.

¹⁷⁰) Срав. въ *Nāig. Dāivata*: *mahānāmnyāḥ purīṣhayaḥ vā lingoktā vā*.

¹⁷¹) *Tāṇḍya-Brāhmaṇa* 12, 13, 21 называетъ эти вставки *bhurīṣ*; см. Вебера въ *Indische Studien* VIII, 69.

лаяны (*Ācvalāyana*) 6, 3, ¹⁷²⁾ такъ что присутствіе этихъ вставокъ въ *Āgika* Самаведы должно объяснять, вѣроятно, тѣмъ, что онѣ издавна соединялись съ стихами, не только при пѣніи этихъ послѣднихъ, но также и при чтеніи.

Возвращаясь къ метрическому составу стиховъ *Mahānāmnyas*, я долженъ разсмотрѣть теперь то, что говоритъ, повидимому, противъ моего дѣленія. Въ Петербургскомъ Словарѣ, подѣ словомъ *mahānāmna*, мы читаемъ: „*mahānāmni*; pl. Bez. neun vedischer Verse im Metrum *ṣakvarī*, welche mit „*vidā maghavan*“ beginnen“. Стихи *Mahānāmnyas*, дѣйствительно, называются, между прочимъ, *ṣakvayās* (см. Введение), что даетъ поводъ искать въ нихъ метръ *ṣakvarī*, но обыкновенная схема этого послѣдняго есть 8×7 , т. е. семь падъ, по восьми слоговъ въ каждой, а къ тексту нашихъ стиховъ (какъ при дѣленіи на девять, такъ и при дѣленіи на три) эта схема, конечно, не можетъ быть примѣнена. Во всякомъ случаѣ, естественно предполагать, что названіе извѣстнаго метра „*ṣakvarī*“ стоитъ въ связи съ названіемъ нашихъ стиховъ „*ṣakvayās*“, т. е. „могучіе“, но вопросъ въ томъ, какъ открыть эту связь метрическаго состава стиховъ *Mahānāmnyas* съ тѣмъ, что называется метромъ *ṣakvarī*. Необходимую принадлежность *ṣakvarī* составляютъ семь падъ (хотя первоначально эти пады могли быть не исключительно восьмислоговые) ¹⁷³⁾, между тѣмъ какъ въ строфахъ *Mahānāmnyas* даже за вычетомъ того, что мы признали вставками, число падъ получается значительно большее. Веберъ говоритъ по поводу этого слѣдующее: ¹⁷⁴⁾ „*Es ist nun zwar der Text dieser Verse (Mahānāmnyas) an den Stellen wo er vorkömmt so mit fremdartigen Zuthaten überhäuft, dass die eigentliche Grundform nur schwer erkennbar ist: nach Mādhava zu Pañcaviṃṣ. br. (т. е. Tāṇḍya-Brāhmaṇa) 10, 6, 5 indessen sind wirklich Verse im Metrum zu sieben pāda darunter zu verstehen*“. Слѣдовательно, Мадхава долженъ принимать почти половину падъ за вставочные, и дѣйствительно, въ первой строфѣ ¹⁷⁵⁾ онъ выбрасываетъ шесть падъ (1, 2, 6, 7, 9 и 13), называя ихъ вставками на подобіе стобһы (*stobhavat*). Веберъ при-

¹⁷²⁾ См. Pota Ueber den Atharva-Veda, стр. 11. Веберъ (въ указан. мѣстѣ) присоединяетъ къ этому ссылку на *Grānta-Sūtra* Шанкхьяны (*Ṣaṅkhāyana*) 9, 5, 3.

¹⁷³⁾ Ind. St. VIII, 67.

¹⁷⁴⁾ Ibid., стр. 68.

¹⁷⁵⁾ Я долженъ употребить названіе «строфа», въ отличіе отъ стиховъ, которые стоятъ въ текстѣ *Āgika*.

бавляетъ къ этому: „die andern 7 pāda sind in der That achtsilbig und dem Sinne nach zusammengehörig“. Но вѣдь Мадхава исключаетъ не только пятислоговые пады, но также и восьмислоговые, и при томъ съ ущербомъ для смысла стиховъ, такъ что подобнаго рода объясненіе естественнымъ образомъ можетъ возбуждать недовѣріе. Я не вижу даже, на чемъ могъ основываться Мадхава, называя ту или другую восьмислоговую паду вставочною; почему, напр., седьмая пада есть вставка, почему не восьмая? Пока это толкованіе схолиаста не будетъ подтверждено доказательствами изъ браһманъ или сутръ, я не могу смотрѣть на него иначе, какъ на чисто личную попытку объяснить метрической составъ стиховъ Mahānāmnyas. Задачею схолиаста (Мадхавы или кого либо изъ его предшественниковъ) было открыть метръ śakvarī въ нашихъ стихахъ, и самымъ простымъ образомъ, конечно, эта задача рѣшалась отбрасываньемъ того числа падъ, какое оказывалось лишнимъ, сравнительно съ схемою śakvarī; такого рода объясненіе могло оправдываться тѣмъ, что присутствіе вставокъ въ стихахъ Mahānāmnyas (но въ какомъ количествѣ?) всегда сознавалось. При томъ же, схолиастъ могъ видѣть, напр., въ Nidānasūtra слѣдующее опредѣленіе, касающееся нашихъ стиховъ: sapṭapadā¹⁷⁶⁾ prathamā śakvarī „изъ семи падъ состоитъ первая śakvarī“, и потому въ заключеніе своего изслѣдованія о первой строфѣ онъ прибавляетъ: iti prathamā śakvarī sapṭapadā gātā, „такъ первая śakvarī сдѣлалась состоящею изъ семи падъ“; но выраженіе, употребленное въ Nidānasūtra, какъ я покажу далѣе, вовсе не обязываетъ къ отбрасыванью шести падъ. Tāṇḍya-Brahmana (13, 4, 2) различаетъ въ стихахъ Mahānāmnyas слѣдующія составныя части: pañcapadā, śaṭpadā, sapṭapadā и dvipadā. Ясно, что толкованіе Мадхавы не находитъ здѣсь никакой поддержки, но, говоритъ Веберъ¹⁷⁷⁾, die hievon (т. е. отъ толкованія Мадхавы) abweichenden Angaben im Pañc. br. (=Tāṇḍ. Br.) 13, 4, 2, im Anupadasūtra 4, 1, und Nidānasūtra 3, 13¹⁷⁸⁾ beziehen sich nach Mādhava's specieller Erklärung auf die darin (т. е. въ Mahānāmnyas) aufgenommenen refrainartigen Einsätze“. Это, однако, не совсемъ точно, ибо какія, напр., могутъ быть здѣсь вставки изъ пяти падъ (pañcapadā)? Самые термины: pañcapadā, śaṭpadā и т. д. не объ-

¹⁷⁶⁾ Слово pada (ср.р.) имѣетъ здѣсь то же значеніе, что и pāda.

¹⁷⁷⁾ Ind. St. VIII, 68.

¹⁷⁸⁾ Къ сожалѣнію, Веберъ не приводитъ этого мѣста изъ Nidānasutra.

ясняются въ *Tāṇḍya-Br.* по отношенію къ стихамъ *Mahānāmnyas*, и эту задачу принимаетъ на себя произведеніе *Anupadasūtra*, занимающееся толкованіемъ всего того, что кажется темнымъ въ *Tāṇḍya-Br.* Не трудно замѣтить, однако, что въ данномъ случаѣ *Anupadasūtra* желаетъ объяснить то, что оставалось для нея самой непонятнымъ. Вотъ что мы читаемъ здѣсь (4, 1): *mahānāmnyas trayodaśapadāḥ, caturdaśottamā; teshāṃ vivekaḥ: pūrvapade dvipadā, gāyatrī prathamā, vishṭārapaṅktiḥ pare, gāyatraśāgataābhyām pañcapadā shaṭpadeti; pratilomārthavādo 'nabhyāse*, „стихи(=строфы) *Mahānāmnyas* состоятъ изъ 13 падъ каждый ¹⁷⁹⁾, а послѣдній стихъ имѣетъ 14 падъ; ихъ дѣленіе: двѣ первыхъ пады образуютъ метръ *dvipadā*, именно *gāyatrī dvipadā* въ первомъ стихѣ и *vishṭārapaṅktiḥ dvipadā* въ двухъ другихъ; далѣе, изъ падъ *gāyatra* и *śāgata* образуются *pañcapadā* и *shaṭpadā*. Объясненіе того, что не согласуется съ этимъ дѣленіемъ (или „противорѣчить этому дѣленію“), не извѣстно въ наукѣ“. Такимъ образомъ послѣднія слова показываютъ, что составитель *Анупадасутры* самъ сознавалъ неудовлетворительность своего объясненія, и дѣйствительно, оно дѣлаетъ этотъ вопросъ лишь болѣе запутаннымъ. Что касается количества падъ въ стихахъ *Mahānāmnyas*, то оно опредѣлено здѣсь совершенно согласно съ имѣющимся у насъ текстомъ: двѣ первыя строфы содержатъ въ себѣ по 13 падъ каждая (вмѣстѣ съ вставками), а послѣдняя имѣетъ 14 падъ. Но какъ же дѣлится эти строфы (стихи) составитель *Анупадасутры*? Встрѣчая въ *Tāṇḍya-Br.* терминъ *dvipadā* и соображаясь, можетъ быть, съ текстомъ *Gāna* (см. ниже), онъ примѣняетъ этотъ метръ къ двумъ начальнымъ падамъ, которыя, дѣйствительно, образуютъ *dvipadā*, и при томъ въ 1 ст. *gāyatrī dvipadā* (8+8), а въ 4 и въ 7 ст. *vishṭārapaṅktiḥ dvipadā* (8+12 или 12+8). Очевидно, однако, что эта *dvipadā* не составляетъ полустрофы, это только половина перваго стиха, при дѣленіи ихъ на 9 (какъ въ *Ārcika*), а не при дѣленіи на три. Затѣмъ, къ остальнымъ падамъ составитель *Анупадасутры* примѣняетъ термины *pañcapadā* и *shaṭpadā*, т. е. во второй полустрофѣ первыхъ двухъ строфъ онъ помѣщаетъ *pañcapadā*, а во второй полустрофѣ третьей строфы— *shaṭpadā*. Нельзя, конечно, думать, что *pañcapadā* и *shaṭpadā* входятъ въ одну и ту же строфу, такъ какъ здѣсь разсматриваются всѣ три строфы, а не двѣ первыхъ только, и, слѣдовательно, со-

¹⁷⁹⁾ Почему здѣсь множ. ч., а не двойствен.?

ставъ второй половины третьей строфы (гдѣ одною падою больше, чѣмъ въ двухъ первыхъ) остался бы не объясненнымъ. При томъ же, авторъ Анупадасутры прибавляетъ, что *raṇṣapadā* и *shaṭṭpadā* образуются изъ падъ *gāyatra* и *śāgata*; подъ первыми разумѣются пады въ 8 слоговъ (и менѣе), а подъ *gāgata* — пады въ 12 слоговъ и болѣе ¹⁸⁰⁾. Слѣдовательно, пятислоговые пады *Anupadasūtra* соединяетъ съ двѣнадцатислововыми (ибо иначе мы не имѣли бы въ стихахъ *Mahānāmnyas* падъ *gāyatra*), а отсюда ясно, что термины *raṇṣapadā* и *shaṭṭpadā* не могутъ относиться къ одной и той же полустрофѣ, такъ какъ, соединяя пятислоговые пады съ двѣнадцатислововыми, мы получаемъ уже здѣсь не 11 падъ (5+6), но менѣе. За то, примѣняя къ этимъ полустрофамъ дѣленіе, указанное Анупадасутрою, мы имѣемъ 4 или 5 падъ въ каждой строфѣ лишнихъ ¹⁸¹⁾, относительно которыхъ Анупадасутра ничего не говоритъ, какъ должно смотрѣть на нихъ. Если это вставки, то какія же именно пады должны считаться вставками? Во всякомъ случаѣ не пятислоговые (такъ какъ иначе здѣсь не было бы падъ *gāyatra*), хотя именно въ пятислововыхъ падахъ естественно было бы видѣти вставки, какъ я говорилъ о томъ выше. Неудовлетворительность этого дѣленія, мнѣ кажется, очевидна, а доказательствомъ того, что *Tāṇḍya-Br.* имѣетъ въ виду иное дѣленіе, служитъ терминъ *saptapadā*, упоминаемый здѣсь, между тѣмъ какъ *Anupadasūtra* обходитъ его молча. Можно было бы предположить, конечно, что *saptapadā* выражаетъ составъ цѣлой строфы и получается черезъ сложение *dvipadā* и *raṇṣapadā*; но это примѣнимо лишь къ двумъ первымъ строфамъ, а не къ третьей, и мы ожидали бы, слѣдовательно встрѣтить еще терминъ: *ashṭāpadā* (*dvipadā*+*shaṭṭpadā*).

Сообразуясь съ имѣющимся у насъ текстомъ стиховъ *Mahānāmnyas* (въ *Ārcika* и въ *Gāna*), мы должны объяснять дѣленіе ихъ, изложенное въ *Tāṇḍya-Br.*, слѣдующимъ образомъ. Первая полустрофа во всѣхъ трехъ строфахъ образуется изъ *saptapadā*, т. е. содержитъ семь падъ, при чемъ вставки: *svaḥ nāṇṣuḥ*, *aṇṣur na ṣoṣiḥ*, *aṇṣur madāya* не входятъ въ счетъ; вторая полустрофа въ

¹⁸⁰⁾ Пады *gāyatra* и *śāgata* имѣютъ при этомъ краткую *penultima*.

¹⁸¹⁾ Разница зависитъ отъ того, будемъ ли мы соединять обѣ пятислоговые пады съ восьмислововыми, или только послѣднюю, т. е. *evā hi śakraḥ*, *iṣe hi śakraḥ*, *vaṣi hi śakraḥ*. Въ текстѣ *Gāna* лишь эти пады соединяются съ восьмислововыми, между тѣмъ какъ *svaḥ nāṇṣuḥ* и т. д. составляютъ самостоятельные отдѣлы.

двухъ первыхъ строфахъ есть *raiṣaradā* (изъ пяти падъ), а въ третьей *shaṭpadā* (изъ шести падъ), и, слѣдовательно, пятислоговые пады: *evā hi śakraḥ*, *iṣe hi śakraḥ*, *vaṣi hi śakraḥ* не считаются здѣсь вставками (и не соединяются съ восьмислововыми, какъ въ *Gāna*). Принимая это дѣленіе, мы поймемъ какъ расположеніе текста, такъ и отношеніе стиховъ *Mahānāmpuṣas*—*Śakvargyas* къ метру *śakvargī*. Первая полустрофа первой строфы, взятая отдѣльно, представляетъ метръ *śakvargī*, т. е. имѣетъ 56 слоговъ, распределенныхъ между семью падами, съ дѣленіемъ послѣ четвертой пады (въ *Ārcika* на два стиха); что же касается строфъ второй и третьей, то здѣсь первая полустрофа есть *atiśakvargī* (*śakvargī* съ излишкомъ), въ 60 слоговъ, распределенныхъ между семью падами (одна пада въ 12 слоговъ), съ дѣленіемъ послѣ четвертой пады (въ *Ārcika* на два стиха). Выраженіе, употребленное въ *Nidānasūtra*: *saptapadā prathamā śakvargī*, я понимаю именно въ томъ смыслѣ, что первая полустрофа (во всѣхъ трехъ строфахъ) имѣетъ семь падъ.—

Теперь вопросъ въ томъ, какъ долженъ объясняться терминъ *dvipadā*. За недостаткомъ данныхъ, я не рѣшаюсь сказать объ этомъ что-нибудь опредѣленное, но думаю, что терминъ *dvipadā* стоитъ въ связи съ тѣмъ дѣленіемъ строфъ *Mahānāmpuṣas*, какое мы находимъ въ текстѣ *Gāna*; здѣсь двѣ первыхъ пады каждой строфы отдѣляются отъ послѣдующихъ падъ тѣмъ же знакомъ (e), какой употребляется и при дѣленіи строфъ. Это-то и дало, вѣроятно, поводъ составителю *Анупадасутры* примѣнять метръ *dvipadā* только къ двумъ первымъ падамъ въ каждой строфѣ; но дѣленіе, являющееся въ текстѣ *Gāna*, можетъ имѣть основаніемъ особыя правила, которыя касались только пѣнія этихъ стиховъ, и во всякомъ случаѣ, извѣстный намъ текстъ *Ārcika* не позволяетъ переносить въ него то же дѣленіе. При томъ, какъ я уже указывалъ, присутствіе метрическихъ полустрофъ можно открыть и въ текстѣ *Gāna*, именно въ томъ обстоятельствѣ, что только послѣдняя пада первыхъ полустрофъ повторяется при пѣніи.

I. 1 ст.—Первое *vidāḥ* читается въ три слога, съ разглагольствіемъ *ā*. Выраженіе *vidā vidāḥ* я не могъ перевести, такъ какъ значеніе втораго *vidāḥ* мнѣ не извѣстно. Во всякомъ случаѣ, это должно быть имя существительное (но не *vidā* „знаніе“), такъ какъ, во-первыхъ, едва ли можно ожидать употребленія глагольной формы *vidā's* два раза въ одной и той же падѣ, а во-вторыхъ, глаголь

vid требуетъ объекта. Vid (не vid „знать“) значить „находить, попадать на, дѣлаться участникомъ“ и т. д., и переводъ формы vidâs (2-е л. ед. ч. сослагательн. аориста) будетъ зависѣть отъ того, въ какомъ значеніи употреблено здѣсь существ. vidâ¹⁸²⁾.

Во второй падѣ предлогъ апи читается въ одинъ слогъ.—Значеніе „благословлять“, требуемое здѣсь смысломъ для глагола çais (собств. „славить, хвалить“, первоначально „сказывать“, именно хвалебный гимнъ), можетъ быть выведено на основаніи сущ. çaisa, которое въ Петерб. Словарѣ переводится, между прочимъ, словомъ „Segen“.

Родительн. падежи çasînam и rîgvînam произносятся въ 4 слога, съ разъятіемъ â.

2 ст.—Tuam читается какъ tuam. Выраженіе „освѣщай“ употреблено въ переносномъ значеніи, т. е. дѣлай нашу жизнь свѣтлою (=счастливою, пріятною). Слова dyumnâya na ische я перевелъ: „для нашего благоденствія“, такъ какъ трудно опредѣлить съ точностью, что именно выражаетъ здѣсь dyumna, и что выражаетъ ish. Оба эти слова могутъ обозначать какъ силу (ish собственно есть „сокъ“), такъ и богатство; слѣдовательно, тамъ, гдѣ они соединены, мы могли бы ихъ переводить: „для богатства и для силы“, или: „для богатства“, или: „для силы“, принимая ихъ въ двухъ послѣднихъ случаяхъ за синонимы. Во всякомъ случаѣ, общій смыслъ сохраняется въ выраженіи: „для благоденствія“.

3 ст.—Сочетаніе gâye vâçâya я перевожу: „для владѣнія крѣпостью силъ“, собственно „для владѣнія, именно для крѣпости силъ“, т. е. „для крѣпости силъ какъ владѣнія“ („какъ того, чѣмъ владѣютъ“). Этотъ переводъ, мнѣ кажется, указывается смысломъ: Индра приглашается пить Сому, который даетъ ему силу для пораженія враговъ; срав. слѣдующій стихъ. Грамматически слова gâye vâçâya могли бы быть поняты и иначе: „для богатства и для силы“ или „для богатства и имущества“ (если это синонимы); въ послѣднемъ значеніи понимаетъ, повидимому, Петерб. Словарь сочетание gâye vâçâya въ ст. RV. 3, 19, 1, гдѣ этотъ переводъ, дѣй-

¹⁸²⁾ Еслибъ не обращать вниманія на метрическій составъ этихъ стиховъ, то легко было бы относить въ качествѣ объекта къ vidâh винит. пад. gâtum (отъ gātu «ходить, успѣшность, благоденствіе»), такъ какъ глаголь vid довольно часто встрѣчается въ соединеніи съ винит. gâtum. Метръ не позволяетъ, однако, поступать такимъ образомъ.

ствительно, можетъ быть допущенъ (хотя и не требуется безусловно). Но въ нашемъ мѣстѣ нельзя предполагать, чтобы сочетаніе *gāye vāgāya* значило „для богатства и для силы“ или „для богатства и имущества“, такъ какъ Сомъ даетъ Индрѣ лишь силу, а выраженіе *ṛṇ́gase* „устремись“ не позволяетъ объяснять „для богатства и для силы“ или „для богатства и имущества“ въ значеніи „для дарованія богатства и силы“ или „для дарованія богатства и имущества“; ясно, что „дарованіе“ было бы подставлено нами совершенно произвольно. Срав. съ нашимъ мѣстомъ, напр., слѣдующій стихъ Ригведы (10, 116, 1): *pibā somam mahata indriyāya pibā vṛtrāya hantave çavishṭha, piba gāye çavase hūyamānaḥ piba madhvas tṛpad indrā vṛshasva*. Вильгельмъ ¹⁸³⁾ переводитъ его такъ: „bibe somam, ut magnam potentiam assequaris, bibe ad Vritram occidendum, robustissime, bibe, ut opes, vigorem praebeas vocatus, bibe, mellis satis, Indra, infunde!“ Очевидно, однако, что слово „praebeas“ вовсе не указывается смысломъ стиха, и я перевожу поэтому *gāye çavase*: „чтобы владѣть силою“ (собств. „для владѣнія: для силы“). Точно такъ же и въ другихъ мѣстахъ мы находимъ сущ. *gāi* или *gāyi* „имущество“ рядомъ съ словами, выражающими силу, крѣпость, при чемъ не всегда легко рѣшить, какъ должно понимать такое сочетаніе, въ смыслѣ ли имущества (богатства) и силы, или же въ смыслѣ силы какъ имущества (т. е. какъ того, чѣмъ владѣютъ). Последнее кажется болѣе вѣроятнымъ, напр., въ слѣдующемъ мѣстѣ (RV. 1, 129, 7): *vanema gayim gayivaḥ suvīryam gaṇvam santam suvīryam*, „да приобретемъ мы въ имущество, о владѣющій имуществомъ, богатырскую силу, радость дающую богатырскую силу“.

Форма *ṛṇ́gase*, надѣюсь, переведена мною вѣрно, хотя со стороны грамматической она остается для меня неясною. *Ṛṇ́gase* можетъ быть или 2-мъ л. ед.ч. изъяв. накл. мед., или инфинитивомъ; правда, для нѣкоторыхъ мѣстъ Ригведы принимаютъ еще третью форму *ṛṇ́gase* (удареніе не передано), съ значеніемъ 1-го л. ед.ч. сослагат. наклон. аориста ¹⁸⁴⁾, но къ нашимъ стихамъ эта послѣдняя форма не можетъ быть примѣнена, да и вообще существованіе ея не кажется мнѣ вполне доказаннымъ. Если въ стихахъ

¹⁸³⁾ De Infinitivi... forma et usu, стр. 50.

¹⁸⁴⁾ Грассманъ даетъ другое названіе такимъ формамъ; см. его Словарь къ Ригведѣ, подъ словомъ *tar*.

Maḥānāmn̄yas ṛṇ́ḡase есть инфинитивъ, въ такомъ случаѣ этотъ инфинитивъ употребленъ здѣсь въ значеніи повелительн. наклоненія. Подобное употребленіе инфинитива хорошо извѣстно изъ индоевропейск. языковъ и вполне понятно („ѣ устремленію себя“ = „устремись“), но по общепринятому мнѣнію, въ Ведахъ только инфинитивы на *-dhyái* и на *-sani* могутъ употребляться въ значеніи повелительн. наклоненія. Я думаю, однако, что этотъ вопросъ требуетъ еще пересмотра, и, напр., *stushé* въ ст. RV. 8, 5, 4 можетъ быть понято, по моему мнѣнію, лишь въ смыслѣ императивнаго инфинитива: *purupriyá na útaye purumandrá purúvasā, stushe karvāso aṣvinaḥ* („славьте (собств. „славить!“), Канвы, обоихъ Ашвиновъ“ и т. д.). Это же объясненіе могло бы быть распространено и на тѣ случаи, гдѣ въ *stushe, gr̥ṇishe* (сравни по образованію инфинитивъ *gr̥ṇishanī*), *ṛṇ́ḡase* видятъ первое лице ед. ч. сослагат. накл. аориста, равно какъ на *arṇase* въ RV. 10, 64, 3, *yaḡase* въ 8, 25, 1, *runishe* въ 7, 85, 1¹⁸⁵). Главное возраженіе противъ такого объясненія должно состоять, конечно, въ томъ, что всѣ эти образованія слѣдуютъ относительно утраты ударенія общему правилу, распространяющемуся на личныя глагольныя формы. Но развѣ императивное значеніе, присущее *ṛṇ́ḡase, gr̥ṇishe* и т. д., не могло вызвать того, чтобы на эти образованія повлила аналогія личныхъ глагольныхъ формъ?

Если же *ṛṇ́ḡase* въ стихахъ *Maḥānāmn̄yas* есть 2-е л. ед. ч. мед., въ такомъ случаѣ мы должны принять здѣсь переходъ отъ изъявит. накл. къ повелит. Извѣстно, что *veshi, satsi, yāsi* и т. д. употребляются въ Ведахъ въ значеніи не только изъявит. накл., но также и повелительнаго¹⁸⁶); со стороны теоретической не было бы поэтому большихъ препятствій къ тому, чтобы допустить подобное же употребленіе и для *ṛṇ́ḡase* и нѣкоторыхъ другихъ формъ.

Какъ должна рѣшаться поставленная мною дилемма, я не знаю, но мнѣ кажется, что истина заключается въ первой ея половинѣ.

Въ послѣдней падѣ слово *matsva* читается какъ *matsua*.

II. 4 ст.—Слово *suvíḡyam* при правильномъ чтеніи обращается въ *suvíḡyam* (срав. въ текстѣ *Gāna: suvíḡyam*); род. падежи *vāḡānām* и *ṣṡḡānām* имѣютъ по 4 слога, съ раззятіемъ послѣдняго ā.

¹⁸⁵) См. у Дельбрюка, *Das altindische Verbum*, стр. 181.

¹⁸⁶) См. *ibid.*, стр. 34—35.

Индра часто называется *vāḡānām patis*, и это выражение может быть понимаемо различно, такъ какъ *vāḡa* совмѣщаетъ въ себѣ нѣсколько значеній. Петерб. Словарь упоминаетъ объ *vāḡānām patis* при томъ *vāḡa*, которое означаетъ военную добычу, но я предпочитаю видѣть здѣсь въ *vāḡa* битву, между прочимъ—на основаніи ст. RV. 1, 11, 1, гдѣ Индра называется *vāḡānām satpatiḥ patih* (въ текстѣ винит. пад.), „владыка-предводитель въ битвахъ (собств. „битвъ“)“, и гдѣ, слѣдовательно, значеніе *vāḡānām* опредѣляется соединеніемъ этой формы съ *satpati* (см. объ этомъ словѣ Петерб. Словарь). Такъ же понимаетъ здѣсь *vāḡānām* и Бенфей („Herr der Schlacht“) ¹⁸⁷⁾. Припомнимъ, что гимны часто говорятъ о призваніи Индры въ битвахъ (*vāḡeshu* и т. д.)

Vaḡāy aṇu, „согласно съ желаніями“, т. е. „согласно съ твоими желаніями“ встрѣчается въ RV. 1, 82, 3; 1, 181, 5; 8, 4, 10; 10, 91, 7. Ротъ, какъ я уже говорилъ выше, объяснялъ *vaḡāy aṇu* изъ *vaḡam aṇu*, *vaḡam aṇu*, но очевидно, нѣтъ никакой необходимости видѣть здѣсь непремѣнно единств. число, а не множеств.

5 ст.—Родит. пад. *maḡhonām* произносится въ 4 слога, съ разъятіемъ ā. Звательн. падежъ *cikitvas* относится, конечно, къ Агни, и въ предшествующей вставкѣ слово *ṣocis*, „пламенный блескъ“, можно понимать по отношенію къ тому же богу. Форма *cikitvas* въ Ригведѣ употребляется исключительно въ примѣненіи къ Агни ¹⁸⁸⁾.

Vidé я перевожу „присутствуетъ“, но ставлю вопросительный знакъ, такъ какъ нельзя было бы ожидать ударенія на этой формѣ. Впрочемъ, въ Ведахъ есть и другіе примѣры, гдѣ присутствіе ударенія на глаголѣ для насъ непонятно ¹⁸⁹⁾. Во всякомъ случаѣ, было бы слишкомъ искусственно, конечно, объяснять *indro vide* въ смыслѣ относителн. предложенія („Славь Индру, который присутствуетъ“).

6 ст.—*Svarshat* есть сослагат. наклон. аориста (3-е л. ед. ч.) отъ того глагола *svaḡ*, которому дается въ *Nāighanṭuka* 2, 14

¹⁸⁷⁾ Но напр. въ RV. 1, 29; 2 Бенфей переводитъ *vāḡānām patis*: Herr der Nahrung (объ Индрѣ). Я думаю; однако, что это выраженіе, въ примѣненіи къ Индрѣ, всюду должно было имѣть одинъ и тотъ же смыслъ.

¹⁸⁸⁾ См. Словарь Грассмана.

¹⁸⁹⁾ См. Бенфея *Vollständige Grammatik der Sanskrit-Sprache*, стр. 68. Объясненіе нѣкоторыхъ случаевъ можно видѣть въ статьѣ Whitney'a *Beiträge zur Theorie des Sanskritverbalaccents* (*Beiträge zur vergleich. Sprachforschung* I, 187 и слѣд.) *

значение „идти“, и который могъ имѣть также, по крайней мѣрѣ— въ нѣкоторыхъ формахъ, переходное значение ¹⁹⁰⁾. Срав., напр., RV. 10, 187, 2 : sa naḥ parshad ati dvishaḥ (объ Агни), гдѣ parshat соотвѣтствуетъ нашему svarshat и происходитъ отъ глагола par „переезжать“ и „переводить, перевозить“ (срав. нѣм. hinüberfahren, übersetzen).

Послѣдняя пада легко могла бы быть отнесена къ формулѣ (срав. подобныя сочетанія въ Стобхѣ), но по метру она составляетъ необходимую принадлежность стиха. Что касается значенія, принимаемаго мною здѣсь для kratu, то сравни параллельныя мѣста въ Словаряхъ Грассмана и Бетлингга-Рота. Въ данномъ случаѣ это значеніе указывается слѣдующими за kratu словами: chandas и ṛtam bṛhat; подъ послѣднимъ должно разумѣть здѣсь вообще обрядовую сторону культа.

III. 7 ст.—Слово sâti можетъ значить какъ „дарованіе“ (=dâna въ индійск. словаряхъ), такъ и „пріобрѣтеніе“; см. о глаголѣ saṇ, sâ въ Введеніи.

8 ст.—При madâya можно подразумѣвать asti „есть“=„готовъ“.

9 ст.—Nûnam, „теперь“, усиливаетъ здѣсь повелит. наклоненіе bravâvahanâi и потому могло бы быть оставлено не переведеннымъ. Двойств. число въ bravâvahanâi указываетъ, вѣроятно, на два хора; срав. самъ bravâvahanâi въ RV. 1, 30, 6; самъ vocâvahanâi въ RV. 1, 25, 17 и т. д.

Слова navuam sanuase я перевожу: „вѣчно юнаго“, т. е. никогда не старѣющагося, всегда сохраняющаго свѣжесть силъ. Эти же слова, въ примѣненіи къ Индрѣ, мы находимъ въ двухъ слѣдующихъ стихахъ Ригведы: 8, 24, 26: tam и tvâ nûnam imahe navuam dāyishîṭha sanuase, „къ тебѣ вѣчно юному обращаемся мы теперь съ мольбою, о самый чудотворный“; 3, 31, 19: tam aṅgirasvan pamasâ sarayuan navuam kṛṇomi sanuase purāśam, „почитая его молитвою (собств. „поклоненіемъ“), будто Ангирасъ ¹⁹¹⁾, я дѣлаю этого древлерожденнаго вѣчно юнымъ“ ¹⁹²⁾. Послѣдній

¹⁹⁰⁾ Петерб. Словарь еще не доведенъ до svag. — Тотъ же корень, вѣроятно, является и въ греч. σῦρω (и долг.) <тащить>.

¹⁹¹⁾ Ангирасы—вышія существа, посредники между людьми и богами и вмѣстѣ съ тѣмъ родоначальники людей. Агни называется, между прочимъ, однимъ изъ Ангирасовъ. По всей вѣроятности, корень словъ agni и aṅgiras одинъ и тотъ же, именно ang (срав. aṅgāra уголь, ст. сл. дѣлѣ и т. д.).

¹⁹²⁾ Грассманъ переводитъ этотъ стихъ какъ-нибудь иначе, такъ какъ при purā-

стихъ будетъ намъ понятенъ, когда мы припомнимъ, что молитвы, по индйскому воззрѣнiю, даютъ богамъ силу и, такъ сказать, утверждаютъ за ними тѣ свойства и качества, которыя придавалъ имъ человѣкъ.—Наконецъ, въ Ригведѣ есть еще одинъ стихъ, гдѣ мы встрѣчаемъ выраженiе *paṇya saṇyase*, но тамъ оно относится не къ Индрѣ, а къ милости, ожидаемой отъ боговъ; впрочемъ, первая часть стиха представляется мнѣ не вполне ясною, и потому я сообщаю здѣсь текстъ безъ перевода: *tat su no paṇyam saṇyasa ādityā yaṇ mṛṇocati, bandhād baddham ivādite* ¹⁹³⁾ (8, 56, 18).—*Saṇyase* по формѣ есть дат. пад. ед. ч. отъ *saṇyas* „старый“ или собственно „старѣйшiй“; *saṇyase* „издревле, всегда“ (срав. *sanāt id.*, собств. аблативъ отъ *sana* „старый“) представляется поэтому аналогичнымъ съ *paṇyase* „снова“ (дат. над. отъ *paṇyas*). На сколько мнѣ извѣстно, прилагат. *saṇyas* передано намъ только въ формѣ окаменѣлаго дательн. падежа (т. е. нарѣчiя) *saṇyase*; по крайней мѣрѣ, Петерб. Словарь указываетъ подъ словомъ *saṇyas* лишь на тѣ два мѣста изъ Ригведы, которыя переведены мною выше. Бетлингкъ и Ротъ понимаютъ, повидимому, выраженiе *paṇya saṇyase* иначе, чѣмъ я, такъ какъ они вовсе не говорятъ объ употребленiи *saṇyase* въ качествѣ нарѣчiя; по моему мнѣнiю, *saṇyas*, *adject.*, должно быть исключено изъ Словаря (если дѣйствительно нѣтъ другихъ примѣровъ, кромѣ приведенныхъ здѣсь) и замѣнено словомъ *saṇyase*, *adv.* Въ подтвержденiе моего перевода сошлюсь на слѣдующее мѣсто въ Ригведѣ (2, 16, 1): *indram aṇyuram ḡarayantam ukshitam sanād yuvānam avase havāmahe*, „Индру нестарѣющагося, старость дающаго, полного силъ, вѣчно юнаго призываемъ мы на помощь“. Здѣсь выраженiе *sanād yuvam* не оставляетъ никакого сомнѣнiя и вполне соответствуетъ нашему *paṇyase paṇya*.

Текстъ „*pada*“ правильно дѣлитъ здѣсь слово *saṇyaya* на *saṇyaya*, между тѣмъ какъ въ Ригведѣ „*pada*“ имѣетъ *sa-maya*.

ḡam онъ подразумѣваетъ *soṇam* (см. подъ словомъ *ṇḡa*). Это предположенiе ни на чемъ не основано, однако: *ṇḡa* нѣсколько разъ встрѣчается въ Ригведѣ и нигдѣ не составляетъ эпитета Сомы, между тѣмъ какъ къ Индрѣ оно относится и въ стихѣ 6, 38, 3 (*ṇḡam aḡam indram*, «древлерожденнаго, нестарѣющагося Индру»). Слѣдовательно, еслибъ въ нашемъ мѣстѣ рѣчь шла о Сомѣ, то онъ былъ бы названъ, такъ какъ *ṇḡa* не есть его постоянный эпитетъ. Нѣтъ сомнѣнiя поэтому, что *ṇḡam* относится къ тому же лицу, что и *tam*, т. е. къ Индрѣ.

¹⁹³⁾ Срав. RV. 8, 18, 12: *tat su naḡ ṣarma yachatādityā yaṇ mṛṇocati* и т. д.

Это послѣднее дѣленіе вызвано ложною этимологіею слова, отъ *maṅ* „умирать“, такъ какъ *saṃaṅga* употребляется иногда о битвѣ (напр. RV. 9, 85, 2; срав. *Nāighant.* 2, 17). Но первоначальное значеніе этого слова есть „сходка“, отъ глагола *saṃ-ag* „сходиться, сбѣгаться“, откуда далѣе развились значенія: „собраніе“=„толпа“ и „собраніе“ общины для извѣстныхъ цѣлей, напр. для отправленія религіозной церемоніи (какъ въ нашемъ мѣстѣ). Съ другой стороны, „сходка“ могла употребляться также въ смыслѣ враждебной стычки, битвы. Срав. съ *saṃaṅga*: *saṃaga* и *saṃagaṇa* (др. перс. *hamagana*, др. бактр. *hamegena*). Подобный же переходъ значеній мы видимъ и въ *saṃgrāma*, „собраніе народа“ (срав. *grāma* „селеніе“, собств. также „собраніе“, и въ этомъ послѣднемъ значеніи иногда въ Ведахъ) и „непріязненія стычка, битва“.

Слово *sakhâ* (именит. пад.) неправильно раздѣлено въ текстѣ „pada“ на *sa-khâ*, подѣ въліяніемъ ложной этимологіи, которая видѣла здѣсь, вѣроятно, префиксъ *sa-*. Въ дѣйствительности это слово происходитъ отъ корня *sak* „слѣдовать“ (сскр. *sac*, лат. *sequi*, литовск. *sekti* и т. д.), откуда, съ удвоеніемъ, *sask* (изъ * *sasak*), т. е. ведійск. *saśc*, „слѣдовать“. Изъ *sask* должны объясняться сскр. *sakhi* = др. бактр. *hakhi-*, сскр. *sakha* = др. перс. *hakha-* (въ *hakhâmanis*)¹⁹⁴, такъ какъ индо-эранское *kh* восходитъ, между прочимъ, къ первонач. *sk* (черезъ посредство *skh*); срав. сскр. *khâ* источникъ, колодезь = др. бактр. *kha*, отъ корня *skap*, *skâ* „копать“¹⁹⁵). Мы должны, однако, имѣть въ виду, что переходъ группы *sk* въ индо-эр. *kh* былъ только возможенъ, но не былъ необходимъ, подобно тому какъ и позднѣе, на почвѣ санскрита, гдѣ это явленіе еще болѣе распространено, группа *sk* могла въ нѣкоторыхъ случаяхъ оставаться неизмѣненною. Далѣе, надо принять во вниманіе и то, что вполне вѣрные случаи образованія индо-эранск. *kh* изъ *skh* можно видѣть лишь въ тѣхъ словахъ, гдѣ *s* (подтверждаемое родственными языками) отпало еще въ индо-эранскую эпоху, между тѣмъ какъ то *skh*, которое сохранило *s* въ періодъ раздѣленія индійскихъ и эранскихъ языковъ, должно было смѣшиваться въ др. бактрійск. языкѣ съ *ṣk* изъ первоначальн. *sk*. Я думаю поэтому, что такіе случаи, какъ сскр. *skhad* „раскалывать“ и др. бактр. *ṣkenda* „ломаніе“, ничего не

¹⁹⁴) См. Фика *Vergleich. Wörterbuch*, стр. 318.

¹⁹⁵) *ibid.*, стр. 324.

могутъ доказывать относительно того, былъ ли здѣсь звукъ kh еще въ индо-эранск. эпоху, или же онъ образовался позже, въ санскритѣ. Сказанное о kh распространяется и на согласныя th, ph, которыя точно такъ же не были извѣстны въ индоевропейск. языкѣ, какъ и kh; на образованіе всѣхъ ихъ въ индо-эранск. языкѣ вліяло, между прочимъ, предшествующее s. Иначе думаетъ однако, Асколи, по крайней мѣрѣ—относительно kh (такъ какъ его лекціи не доведены еще ¹⁹⁶⁾ до th и ph). Асколи находитъ возможнымъ признать индоевроп. kh, на основаніи двухъ или трехъ примѣровъ ¹⁹⁷⁾, которые меня нисколько не убѣждаютъ. Такое kh онъ выводитъ изъ сскр. śāṅkhā „раковина“, греческ. χόχλος, χόχλη, латинск. congius; здѣсь первонач. k (или, по Асколи, kh) подтверждается и латышск. sence „раковина“ ¹⁹⁸⁾, которое до сихъ поръ не было, какъ кажется, сравнено съ этими словами, а греческ. χ=лат. g указываетъ, по моему мнѣнію, или на греко-итал. gh (если только существовалъ греко-итал. языкъ), или на индоевроп. gh ¹⁹⁹⁾, какъ варіантъ при k (подъ вліяніемъ предшествующ. n). Такой же варіантъ можно видѣть и въ литовск. pagas, ст. слав. ногъть, лат. unguis, греч. ὄνυξ, при сравненіи съ сскр. pākha, персидск. pākhuṇ (и русск. нокоть?); во всякомъ случаѣ, необходимость индоевроп. kh никакъ не слѣдуетъ изъ этого примѣра. Наконецъ, Асколи присоединяетъ сюда и сскр. mukha „ротъ, пасть“, которое онъ сравниваетъ съ греч. मुखός; но, не говоря о томъ, что это сопоставленіе можетъ казаться очень сомнительнымъ со стороны значенія словъ, самый примѣръ не имѣетъ никакой силы для того, кто объясняетъ греч. χ въ большинствѣ случаевъ изъ gh.—Затѣмъ, что касается образованія индо-эранск. kh, то Асколи, именно по поводу сскр. sakhi=др. бактр. hakhī, говорить, что др. бактр. kh не можетъ соответствовать первоначальн. sk ²⁰⁰⁾.

¹⁹⁶⁾ Я знакомъ лишь съ нѣмецкимъ переводомъ этихъ лекцій: Vorlesungen über die vergleichende Lautlehre des Sanskrit, des Griechischen und des Lateinischen (Halle. 1872).

¹⁹⁷⁾ См. въ указанномъ мѣстѣ стр. 161.

¹⁹⁸⁾ Это слово служитъ новымъ примѣромъ соответствія сскритскаго ś (изъ первонач. k) латышскому s (въ литовскомъ было бы sz).

¹⁹⁹⁾ Теорія Асколи объ образованіи греч. χ, ϑ, φ, лат. h, g, d, f, b изъ греко-итал. kh, th, ph не можетъ считаться доказанною, и я остаюсь при прежнемъ объясненіи (срав. Корсена), тѣмъ болѣе, что самое существованіе греко-итал. языка не есть еще фактъ несомнѣнный.

²⁰⁰⁾ Vorlesungen, стр. 186.

По моему мнѣнію, это заключеніе ошибочно: на основаніи того, что сочетаніе skh (çkh) невозможно въ др. бактр. языкѣ, нельзя еще заключать, что оно не было извѣстно и въ болѣе древнюю эпоху, т. е. въ индо-эранскомъ языкѣ; очевидно поэтому, что то skh, которое утратило s еще въ періодъ единства индійскихъ и эранскихъ языковъ, могло удержаться въ видѣ kh и въ др. бактр. языкѣ. Подобнымъ образомъ и относительно индо-эранск. th Асколи долженъ отрицать возможность происхожденія этого звука изъ sth, такъ какъ въ др. бактр. языкѣ сочетаніе sth (çth) невозможно. А между тѣмъ сравнительная грамматика представляетъ несомнѣнный, какъ мнѣ кажется, примѣръ образованія индо-эранск. th изъ sth, первонач. st, въ глагольномъ окончаніи 2-го лица ед. ч. Извѣстно, что въ прошедш. совершен. времени это окончаніе является въ сскр. —tha, которое соответствуетъ др. бактр. —tha²⁰¹⁾, а также греческ. —σθα (гдѣ θ изъ t), —θα латинск. —sti²⁰²⁾, готск. —st въ saistost (перфект. отъ saian „сб-ять“). Что касается обыкновеннаго окончанія этого лица въ готскомъ перфектѣ, t (напр. gaft, отъ giban „давать“), то я думаю, что это t произошло изъ st на почвѣ нѣмецкихъ языковъ, именно послѣ той эпохи, когда вослѣдовало здѣсь измѣненіе согласныхъ подъ вліяніемъ закона „Lautverschiebung“. Доказательствомъ этого служить то, что t не перешло здѣсь въ th, а осталось неизмѣненнымъ, какъ должно было оно оставаться въ сочетаніи st; припомнимъ, что законъ „Lautverschiebung“ съ особенною правильностью наблюдается именно на зубныхъ согласныхъ. Итакъ, я считаю необходимымъ признать уже для индоевропейскаго языка группу —st- въ окончаніи 2-го лица ед. ч. прошедш. соверш. времени. Если до сихъ поръ это не принималось во вниманіе²⁰³⁾, то лишь

²⁰¹⁾ Окончаніе —ta является здѣсь только послѣ ç (изъ s), напр., въ vōiçta=сскр. vettha, греч. οἷσθα. Я думаю, что ta въ этомъ случаѣ новѣе tha и образовалось подъ вліяніемъ того закона, по которому сочетаніе çth (sth) въ др. бактр. языкѣ было невозможно.

²⁰²⁾ Греч. α, лат. i, ведійск. â, являющееся иногда въ гимнахъ (въ текстѣ «samhitâ»), позволяютъ думать, что въ концѣ этой формы стояла носовая согласная.

²⁰³⁾ Курціусъ (Das Verbum der griechischen Sprache, стр. 53 и 102), сопоставляя греч.—σθα съ лат.—sti, готск.—st, предполагаетъ тѣмъ не менѣе, что греч.—σθα произошло изъ —ττα (первонач.—tva). Но на лат.—sti, готск.—st подобное объясненіе не можетъ быть распространено; слѣдовательно, оно не годится и для греч.—σθα.

потому, что лингвисты считали необходимымъ выходить непременно изъ —tva; но образование глагольныхъ окончаній во многихъ отношеніяхъ еще такъ загадочно, что здѣсь требуется особенная осторожность относительно того, чтобы предвзятыя теоріи не скрывали отъ насъ самыхъ фактовъ. Сочетаніе st принадлежало глагольному окончанію 2-го лица не только въ единств. ч., но также и во множ. и въ двойствен. Во множ. числѣ оно засвидѣтельствовано сскр. —tha (въ настоящ. вр.) и латинск. —stis ²⁰⁴), а въ двойствен. сскр. —thas (въ наст. вр.), —thus (въ перфектѣ) и готск. —ts, гдѣ t подъ вліяніемъ бывшаго нѣкогда s не перешло въ th.

Происхожденіе индо-эранскихъ kh, th, ph обуславливалось не однимъ только s, но и другими причинами, которыя пока еще не разъяснены. Въ санскритѣ эти согласныя образуются, между прочимъ, подъ вліяніемъ предшествующаго n или m ²⁰⁵) (напр. въ panthan—, manth, ślākh (изъ * ślankh), cṛñkhala, sañkhā, gamph, tumph=tump и т. д.), и можетъ быть, еще въ индо-эранскомъ языкѣ носовая способствовала образованію kh, th, ph, при чемъ сама она иногда исчезала (какъ и вообще носовыя согласныя отличаются особенною подвижностью). Такимъ образомъ, напр., индо-эранск. śarpha „копыто“ и др. сканд. háfr, hófr (нвн. Huf) могутъ восходить къ первоначальн. формѣ * kampra, откуда объясняется какъ индо-эранск. ph, такъ и др. сканд. â. По мнѣнію Асколи, индо-эранск. придыхательныя kh, th, ph, напр. въ sakhi—, ratha, śarpha, произошли изъ k, t, p, благодаря своему положенію между двумя гласными; но это еще вопросъ, благопріятствовало ли такое положеніе образованію придыхательныхъ въ индо-эранск. языкѣ.

Въ концѣ стиховъ Mañāpānuṣas стоитъ торжественное обращеніе къ богамъ, которое также занесено въ текстъ Arcika, хотя оно и не имѣетъ метрической формы ²⁰⁶). Почти въ томъ же самомъ видѣ мы находимъ эти слова въ одномъ изъ sāmaṇ сборника Āṅaṇya-

²⁰⁴) Очевидно, что, объясняя —st- въ —stī изъ индоевроп. —st-, мы не можемъ и въ —stis видѣть въ первомъ s согласную, принадлежащую къ основѣ перфекта.

²⁰⁵) Срав. въ греческ. языкѣ происхожденіе χ, θ, φ изъ k, t, p подъ вліяніемъ предшествующ. σ или γ, μ; см. Курциуса Grundzüge, 4-е изданіе, стр. 493 и слѣд.

²⁰⁶) Это не помѣшало, однако, нѣкоторымъ рукописямъ принимать эти слова за десятый стихъ.

Gâna ²⁰⁷⁾, а слѣдовательно и въ Стобхѣ; тамъ эта формула читается такъ: evâ hy agne hi, indra hi, rîsham hi, devâh.—Пушанъ есть имя бога, дающаго людямъ питаніе и вообще благоденствіе. По своему происхожденію Пушанъ есть, вѣроятно, обоготворенное солнце.

~~~~~

---

²⁰⁷⁾ AG. VI, 1, 10.

Āraṇya-Gāna. Составъ этого сборника по отношенію къ текстамъ Ārcika и Stobha.

Стихи, составляющіе *Āraṇyaka-saṃhitā*, принадлежатъ къ тексту *Ārcika*, т. е. являются здѣсь въ формѣ *ṛc*, а не въ формѣ *sāman*, предназначенной для пѣнія. Этотъ послѣдній видъ они получаютъ въ *Āraṇya-Gāna* (= *Āraṇyaka-Gāna*), въ томъ изъ четырехъ сборниковъ пѣснопѣній *sāman*, который примыкаетъ къ *Āraṇyaka-saṃhitā* и содержитъ въ себѣ всѣ приведенные мною выше стихи, но только въ томъ видѣ, какъ ихъ должно было пѣть, т. е. съ необходимыми музыкальными нотами, удлинненіями гласныхъ, повтореніями словъ и т. д. Отдѣлъ *Mahānāmni*, составляющій приложение къ *Āraṇyaka-saṃhitā*, является точно такъ же и здѣсь какъ прибавка, но уже въ музыкальной транскрипціи ¹⁾. Этимъ не ограничивается, однако, содержаніе AG.; кромѣ стиховъ изъ *Ar.*, мы находимъ здѣсь также и другіе стихи (въ формѣ *sāman*) изъ *Ārcika* Самаведы, при томъ именно изъ первой его части, т. е. изъ *Chandas*; помимо того, тѣ изреченія, которыя носятъ названіе *Stobha* (см. Введеніе), являются въ AG. не только какъ вставки въ *sāman*, но и какъ самостоятельныя пѣснопѣнія. *Stobha* входитъ сюда начиная съ четвертой главы первой прапатаки, при чемъ порядокъ, въ которомъ слѣдуютъ въ ней отдѣльные слоги (воскликанія), слова и цѣлыя предложенія, обыкновенно сохраняется въ AG. (иногда здѣсь являются повторенія); но тѣ немногія *stobhas*, которыя получили съ теченіемъ времени исключительно музыкальное назначеніе, повторяются въ *Sāman* безъ всякаго отношенія къ тексту *Stobha*, хотя всѣ онѣ стоятъ также и въ этомъ послѣднемъ, но только въ мѣстахъ опредѣленныхъ.

Названіе „*Āraṇya-Gāna*“ указываетъ на то, что этотъ сборникъ предназначался для пустынниковъ, а въ дѣленіи AG. на от-

¹⁾ Одна изъ рукописей, которыми я пользовался для AG., именно № 68 въ библиотекѣ India Office, не имѣетъ этой прибавки, но это обстоятельство—совершенно случайное, такъ какъ уже *Ārsheya-Brahma* включаетъ отдѣлъ *Mahānāmni* въ AG.

дѣлы рагван можно видѣть связь съ ритуаломъ. AG. имѣетъ два дѣленія: во-первыхъ, на шесть частей ргарâṭhaka, изъ которыхъ каждая подраздѣляется на половины (ardhpargarâṭhaka); во-вторыхъ, на три отдѣла рагван (собств. „сочлененіе“), имѣющіе спеціальныя названія. Первый отдѣлъ рагван оканчивается съ первой половиною второй прापатаки и называется агкарагван; второй идетъ до конца третьей прापатаки и называется dgrandvарагван; третій оканчивается вмѣстѣ съ шестою прапатакою и носитъ названіе vâcovratарагван. Что касается двухъ первыхъ названій, то слова арка и dvandva имѣютъ здѣсь, конечно, ритуальное значеніе: срав. у Бетлинга и Рота арка „bez. einer Ceremonie“ и dvandva „N. mehrerer Ekâha ²⁾“; относительно же vâcovrata я не имѣю никакихъ данныхъ, на основаніи которыхъ могъ бы принять здѣсь это слово въ ритуальномъ значеніи, и потому остается предположить, что третій отдѣлъ названъ vâcovratарагван по имени двухъ первыхъ sâman, которыми онъ начинается, и которые носятъ названіе: vâcovrate dve.

Въ Введеніи я говорилъ о томъ, что одинъ и тотъ же стихъ ṛc, равно какъ одно и то же изреченіе, могутъ являться въ формѣ многихъ sâman, при чемъ разница опредѣляется лишь музыкальною стороною. Каждый стихъ sâman имѣетъ свое спеціальное названіе, которое дается или по содержанію его, или по имени автора, которому онъ приписывается, или по имени божества, которому онъ считается посвященнымъ, или, наконецъ, по тѣмъ словамъ Стобны, которыя вставляются въ него; нѣкоторые названія остаются, впрочемъ, загадочными. Рукописи, которыми я пользовался для AG ³⁾, сообщаютъ по большей части названія sâman, хотя это дѣлается не во всѣхъ рукописяхъ одинаково исправно, и нѣкоторыя лишь мѣстами приводятъ ихъ (часто въ ошибочной формѣ). Но у насъ есть еще одно важное пособіе для повѣрки какъ этихъ названій, такъ и порядка sâman въ AG., именно оглавленіе къ этому сборнику, помѣщенное въ Ārshaya-Brâhmaṇa, ⁴⁾ въ слѣдъ за оглавленіемъ къ

²⁾ Ekâha есть однодневная религіозная церемонія.

³⁾ № 197 Dev. парижской Bibliothèque Nationale и № № 68, 665 и 1295 лондонской бібліотеки въ India Office; въ этомъ же порядкѣ я обозначаю эти рукописи черезъ A, B, C, D.

⁴⁾ = Ārsha-Brâhmaṇa. Въ рукоп. Ind. Off. № 665 это произведеніе называется въ началѣ Ārsha-Brâhmaṇa, а въ концѣ Ārshaya (читай: ārshaya)-Brâhmaṇa; въ берлинск. рук. читается ṛshi-brâhmaṇa, а въ началѣ: atha... ārshapradeṣo bhavati.

Grāmageya-Gāna. Въ той рукописи, которую я имѣлъ для *Ārsheya-Brāhmaṇa* (India Office № 665), оглавление къ AG. начинается съ восьмой главы третьей (и послѣдней) прапатаки и идетъ до конца произведенія, но въ берлинской рукописи *rshi-Brāhmaṇa* (№ 296 по каталогу Вебера) оно начинается, по словамъ Бенфея и Вебера,⁵⁾ съ 13 главы третьей прапатаки, и эта разница остается для меня необъяснимою. При сравненіи *Ārsh. Brāhmaṇa* съ текстомъ AG. оказывается мѣстами другой порядокъ стиховъ, а также и число *sāman*, упоминаемыхъ въ *Ārsh. Brāhm.*, больше того, какое я нахожу въ AG. Дѣленія на прапатаки и на *parvan Ārsh. Brāhm.* не передаетъ, но за то она часто знакомитъ насъ съ различными названіями, которыя носятъ одинъ и тотъ же стихъ *sāman*, между тѣмъ какъ въ рукописяхъ AG дается обыкновенно каждому *sāman* лишь одно названіе.

Я сообщаю здѣсь содержаніе AG. по отношенію къ текстамъ *Ārcika* и *Stobha*, при чемъ музыкальная сторона стиховъ *sāman* остается у меня не переданною. Сравни съ моимъ изложеніемъ Бенфея *Die Hymnen des Sāma-Veda, Harmonieen und Discrepanzen* а также *Indische Studien, III: Index zu den Harmonieen und Discrepanzen*.—Для *Stobha* и имѣлъ двѣ рукописи (Ind. Off. №№ 665 и 280),⁶⁾ писанныя въ текстѣ „pada“, который называется здѣсь *prakṛti* („первоначальный видъ“);⁷⁾ этотъ же текстъ удержанъ и мною, тѣмъ болѣе что мнѣ ничего неизвѣстно о существованіи для *Stobha* другаго текста. Повторенія одной и той же формулы я не передаю, за исключеніемъ лишь тѣхъ случаевъ, когда подобное повтореніе образуетъ цѣльный *sāman*.

I *prapāṭhaka*, 1 *ardha*:

1—8) *aśṭāu vāirûpâṇi* AB.:⁸⁾ 1) *aśṭāgovāirûpam*, 2) *hrasvâvāirûpam*=*hrasvâbrhadopaçâ* AB., 3) *pañcanidhanam* AB. (= *aśṭāu vāirûpâṇi* AG.), 4) *śaḍnidhanam* AB. (= *pañca-*

⁵⁾ Бенфея *Die Hymnen des SV.*, стр. VII; Вебера *Verzeichniss der Sanskrit-Handschriften*, стр. 70.

⁶⁾ Въ этомъ порядкѣ я ихъ обозначаю черезъ а и б.

⁷⁾ Обѣ рукописи начинаются словами: *atha stobha-prakṛtiḥ*. Срав. въ каталогѣ Ауфрехта *Stobhaprakṛti* (стр. 378 а и 393 б).—У Burnell'a, подъ № 153, значится *Stobhapada*.

⁸⁾ Знакъ AB. показываетъ, что извѣстное названіе встрѣчается только въ *Ārsheya-Brāhmaṇa*. Въ данномъ случаѣ названія стиховъ перепутаны въ AG., и родовое *aśṭāu vāirûpâṇi* (т. е. восемь *vāirûpa*) принято за специальное названіе третьяго стиха.

nidhanavâirûpam AG.), 5) saptanidhanavâirûpam=saptanidhanam AB., 6) ashṭanidhanavâirûpam=ashṭanidhanam AB., 7) dvâdaçanidhanam, 8) pushpam: Ch. 3, 2, 4, 6; St. 1, 4: *iṭ idâ diçam viçam has açvâ çicumati iṭ idâ yuvatih ca kumâriṇi svaḥ ḡyotiḥ hâi*.—9 и 10) antarikshe dve: Ch. 3, 1, 5, 7; St.: su-stubhaḥ ⁹⁾ tubhaḥ açvâ çicum akrân (9), vi-stubhaḥ ¹⁰⁾ tubhaḥ açvâ çicum akrân (10).—11 и 12) arishṭe dve: Ch. 6, 2, 2, 12.—13 и 14) aharite dve: Ch. 3, 2, 2, 4; St. 1, 5: bṛhat.—15) devasthânam=varuṇasya devasthânam AB.: Ch. 3, 1, 5, 7; St.: sahaḥ naraḥ satyam oḡaḥ sthât idam dyâuḥ akrân bhûmiḥ atatanat samudram sam acûkapat.—16) bṛhad devasthânam: Ch. 3, 2, 2, 6.—17 и 18) âirayâiriṇe dve: 17) St.: âirayat devâḥ divaḥ ¹¹⁾ ḡyotiḥ; Ch. 6, 1, 3, 1, 18) Ch. 2, 2, 2, 7.—19 и 20) âṇgirase dve: 19) Ch. 6, 1, 3, 1; St.: svaḥ ḡaganma mahaḥ pṛthivyâḥ ¹²⁾ divam â çakema ¹³⁾ vâḡinaḥ yamam, 20) Ch. 3, 2, 3, 8; St.: devânâṃ avasâ vayam (bṛhat ¹⁴⁾) namaḥ.—21) bârhaspatyam: id.—22) bhâradvâḡam: Ch. 3, 2, 1, 3.—23) âtharvaṇam: Ch. 1, 1, 3, 13; St.: âvat.—24) nâradvasam=nâradvasavacaḥ ¹⁵⁾ A.B.: Ar. 1, 1.—25 и 26) bṛhatî vâmadevye: St. bṛhat vâmam bṛhat pârthivam bṛhat antariksham bṛhat divam bṛhadbhyaḥ vâmebhyaḥ vâmam.—27) bṛhat=bhâradvâḡasya bṛhat AB.: Ch. 3, 1, 5, 2.

2 ardha:

1 и 2) vasishṭhaḡamadagnyor arkâu dvâu AG. AB. agastyâḡamadagnyor vâ AB.: Ch. 4, 1, 3, 6.—3) svaçirâm arkaḥ: Ch. 5, 2, 4, 2.—4) dirghatamaso 'rkaḥ: Ch. 6, 2, 2, 5.—5) marutâm arkaḥ: Ch. 3, 2, 2, 5.—6) samstobhaḥ ¹⁶⁾: St. 1, 6: sam tvâ anonavuh marutaḥ viçvasmât.—7) agner arkaḥ: Ch. 1, 1, 3, 7; St.: agniḥ mârddhâ abhavat divaḥ.—8) praḡâpater arkaḥ: Ch. 6, 2, 1, 2.—9 и 10) indrasyârkâu dvâu: Ar. 1, 2.—11) arkaçiraḥ=trishṭubhâm arkaçiraḥ: Ar. 1, 3.—12) arkagrîvaḥ: St.: patiḥ

⁹⁾ sushṭubhaḥ.

¹⁰⁾ vishṭubhaḥ.

¹¹⁾ Въ рук.: divâḥ. Долгота гласной попала сюда (как и во многих других мѣстахъ) изъ текста Gâna.

¹²⁾ Въ рук.: pṛthivyâ.

¹³⁾ Въ рук.: âçakema.

¹⁴⁾ Слова bṛhat въ Stobhâ нѣтъ, но см. выше.

¹⁵⁾ У Бенфея ошибочно: nâradvasavam.

¹⁶⁾ Въ AB. 5 и 6: marutârkâu dvâu samstobho vottaraḥ.

divaḥ antarikshasya pārthivasya apām osha-dhīnām viçvasya bhūta-sya.—13) varuṇasyārkaḥ=varuṇagotamayor arkaḥ AB.: St.: āyuh cakshuḥ śyotiḥ; Ar. 1, 4.—14 и 15) arkapushpe dve: Ch. 4, 1, 3, 6.—16, 17 и 18) āgyadohāni trīṇi=agner vāiçvānarasya trīṇy āgyadohāny ācidohāny ācyadohāni vā praśāpater vā vishṇor vā viçvāmitrasya vā AB.: 16) St. 1, 7: āgya-doham; Ch. 1, 2, 2, 5; 17) St.: ci-doham; Ch. id.; 18) St.: cyoham ṛtam; Ch. id.—19) rāivata ṛshabhaḥ¹⁷⁾=rudrasya ṛshabho rāivataḥ AB.: Ch. 2, 2, 2, 6.—20) vāirāga ṛshabhaḥ: Ch. 5, 1, 1, 8.—21) çākvara ṛshabhaḥ: Ch. 5, 1, 3, 1; St.: om çam yoḥ haviḥ.—22, 23 и 24) atīshaṅgās trayaḥ¹⁸⁾=indrasya trayo 'tishaṅgāḥ AB.: 22) rāudraḥ AB.: Ch. 6, 2, 1, 1; St.: atha; 23) vāsa-vaḥ AB.: Ch. 6, 1, 5, 11; 24) pārḡanyo vāiçvādevo vā AB.: Ch. 6, 2, 1, 6.—25—28) padastobhās catvāraḥ=prāśāpatyāç catvāraḥ padastobhā gāutamā vā vāiçvamitrā vā rāudrāgnā¹⁹⁾ vā AB.: Ch. 6, 2, 2, 5.

II prapāṭhaka, 1 ardha:

1—10) sarpasāmāni daça=daça saṃsarpāṇi mahasarpāṇi sarpasāmāni vā, 'thāparam: agneç ca prthivyāç ca vāyoç cāntarikshasya cādityasya ca divaç cāpām ca samudrasya ca māṇḍave dve; athāparam: bābhavāṇi catvāri pāvamānāni²⁰⁾ catvāri diçāṃ saṃsarpe dve AB.: 1) sarpam AG.: St. 1, 8: abhi imahe sarpa svaḥ; Ch. 4, 2, 4, 5; 2) prasarpam AG.: St.: abhi pra māṇhiḥ²¹⁾ imahe pra sarpa svaḥ; 3) utsarpam AG.: St.: ut sarpa svaḥ; 4) St.: svaḥ sam-sarpataḥ sarpata pra sarpata svaḥ gamema te vayam; Ch. 3, 2, 3, 8; 5) St.: svaḥ sam sarpa; 6) St.: sṛpāya pra sṛpa pra sṛpāya; Ch. 6, 2, 2, 1; 7) St. id.; Ar. 1, 5; 8) id.; 9) Ch. 5, 1, 3, 1; St.: diçāḥ pra-diçāḥ kalpantām rāgam gamema sva-rāgam gamema; 10) Ch. id.; St.: ut-diçāḥ vi-diçāḥ kalpantām vi-rāgam gamema sva-rāgam gamema.—11) triḥsāma=triḥsandhi AB.: Ch. 4, 1, 2, 9.—12) yaśnasārathi: Ch. 3, 2, 4, 4; St. 1, 9: bda (?) hariḥ matiḥ. 13) vṛshā: Ar. 1, 6.—14) ekavṛ-

¹⁷⁾ Рук. С имѣть: rāivatya ṛshabhaḥ.

¹⁸⁾ Рук. С имѣть, конечно, по ошибкѣ: atīshās trayaḥ. Срав. это же чтение въ тѣхъ рукописяхъ, которыми пользовался Бенфей.

¹⁹⁾ Рук. имѣть: rudrāgnā.

²⁰⁾ Рук. имѣть: pavamāni.

²¹⁾ Въ Стобѣ рук. б читается: māṇhiḥ (въ AG: māṇhiḥ); въ рук. а это слово пропущено.

sham ²²⁾: St.: ekam sam āirayat vṛdhe ekam sam āirayat mahe ekaḥ vṛshā vi rāḡati; Ch. 4, 2, 5, 9.—15) vidratham ²³⁾: Ch. 5, 1, 2, 2.—16) abhrātṛvyam: St.: huve vi-rāḡam sva-rāḡam mahat sâma aḡiḡane mahat bhadram aḡiḡane a-bhrātṛvyam aḡiḡane abhi-bhûḥ asi; Ch. 5, 1, 2, 1.—17 и 18) rāivate dve AG. AB. revatyō vâ AB.: Ch. 2, 2, 1, 9.—19) çākvaravarṇam: Ch. 5, 2, 4, 1; Ar. 1, 7 и 8.—20) nityavatsam: Ch. 5, 2, 3, 7.—21) rathamtaram=vasishṭhasya rathamtaram AB.: Ch. 3, 1, 5, 1; St.: as.—22) saptaham =ḡamadagneḥ saptaham AB.: Ch. 3, 1, 5, 2; St.: ayam vâyâu tri-vṛtam pra-vṛtam.—23—27) pañca pavimanti=pañca pavimanti mahāsāmāni: çarvasya prathamottame, rudrasya trīṇy; athâparam: agner harasī dve, kshurasya harasī dve, mṛtyor haraḥ pañcamam AB.: 23, 24 и 25); â-krandaya kuru ghosham mahântam harī (iti) indrasya abhi-yoḡaya âçû (iti) marmavidham dadatām an-yaḥ an-yam çalya-âtmâ patatu çlokam acha; pra yat cakram a-râvṇe sanatâi abhi-avartayat ŷyok it tisraḥ om hâtâi çayâtâi keçavat çiraḥ ²³⁾; 26) pra yat cakram и т. д.; St.: as phaṭ mṛs has; 27) pra yat cakram и т. д.; St.: abhi-abhûḥ has pra-has cakshuḥ.—28 и 29) harasī dve=sâmanī vâtrakâhye ²⁴⁾ (?), lokânâṃ çântir uttamam ²⁵⁾ AB.: 28) St.: kshuraḥ haraḥ-haraḥ vṛçca pra-vṛçca pra chindhi; стихъ: pra yat cakram и т. д.; 29) St.: vayaḥ bṛhat ṛtam haviḥ bhadram sva-dhâm svayam skrṇve (sic) isham ūrgam raḡaḥ svaḥ vâk idâ svaḥ bṛhat bhâḥ arkam arcata devâvṛdham (sic); Ch. 3, 1, 5, 1.—30) pañcanidhanam vâmadevyam: St.: iha pra-ḡâm iha rayim rarâṇaḥ rayaḥ-poshâya sukṛtâya bhûyase â agan vâmam idam bṛhat idam vâmam idam bṛhat

²²⁾ Въ AG. названія 14-го и 15-го стиховъ смѣшиваются; вмѣсто eka vṛsham здѣсь читается eśha vṛsham. Срав. то же въ рукописяхъ, которыми пользовался Бенфей.

²³⁾ Первый изъ этихъ стиховъ является въ Ārcika школы Nāigeyās (см. Введение): Ch. 7, 1, 10; можетъ быть, тамъ же находится и второй стихъ, хотя изъ оглавленія этого не видно. Замѣчательно, что AG. приводитъ оба стиха въ 24-мъ sâman въ текстѣ «рада», не въ музыкальной транскрипціи; причина этого та, конечно, что оба эти стиха но вошли въ Ārcika нашей редакціи.

²⁴⁾ Берлинск. рук. ṛshi-brâhmaṇa читаетъ: sâmanī vâtrikâhye; берлинск. рук. AG. № 279 Web.: sâmanī vâtrikâhye; (см. Бенфей Die Hymnen des SV., Harmonieen und Discrepanzen, стр. 178 примѣч.).

²⁵⁾ Берлинск. рук. AG. № 279 Web. читаетъ: uttaram (см. Бенфей ibid.), и это вѣрно. Порядокъ стиховъ здѣсь, вѣроятно, перепутанъ; 28-й ст. надо считать однимъ изъ kshurasya harasī dve (см. это названіе выше).

carācarāya bṛhate idam vāmam idam bṛhat; Ch. 2, 2, 3, 5 (начиная со словъ: ūtī sadāvṛdhaḥ и т. д.).—31) mahāvāirāḡam=ind-rasya mahāvāirāḡyaṁ vasishṭhasya vā AB.: St.: matsva oḡaḥ sahaḥ balam indraḥ vayaḥ dadhe sadham ²⁶⁾ ṛtam; Ch. 5, 1, 1, 8.—32) agneḥ priyam: St.: priyam brāhmaṇānām yat manaḥ tat mayi brāhmaṇānām paçūnām yat manaḥ tat mayi paçūnām yoshitām yat manaḥ tat mayi yoshitām; Ch. 1, 1, 1, 1.—33) sarpasāma=sar-pasāma kalmāsham vā AB.: St.: vīhi yave ²⁷⁾ sam yamanā na vi-āyamam vi yamam sam-āyamam ye ke ca udara-sarpināḥ tebhya-ḥ namaḥ; Ch. 2, 2, 3, 5.—34) setusāma=svargyaṁ setushāma AB.: St.: setūn tara duḥ-tarān dānena a-dānam a-krodhena krodham çrat-dhayā a-çraddhām satyena an-ṛtam eshā gatiḥ etat a-mṛtam svaḥ gaccha ḡyotiḥ gaccha setūn tīrtvā caturaḥ ²⁸⁾; Ar. 1, 9.—

2 ardha:

1 и 2) vasishṭhasya prāṇāpānāu dvāu ²⁹⁾: 1) St. 1, 10: āyuh satyam; Ch. 4, 1, 3, 6; 2) ³⁰⁾ St.: ānaḥ hiya mana-doham; Ch. id.—3 и 4) indrasya ānyāu dvāu: St.: enyāu-enyāu aho (iti) enyāu; Ch. id.—5 и 6) praḡāpater vratapakshāu dvāu AG. AB. ahorātrayor vā AB.: Ch. id.—7 и 8) ulvaḡarāyuni dve=indrānyā ulvaḡarāyuni dve AB.: Ch. id.—9 и 10) bṛhaspater balabhidī dve indrasya vā; udbhid vānayoḥ pūrvam AB. ³¹⁾: Ch. 1, 1, 2, 3.—11) bhargaḥ ³²⁾ St.: 1, 11: dhāma yat ³³⁾ bhargah; Ch. 3, 2, 2, 6.—12) yaçāḥ ³⁴⁾: St.: yaçāḥ varcaḥ asmin āyuh viçva-āyuh viçvam viçvam āyuh açīmahī pra-ḡām tvashṭaḥ adhi-nidhehi asme (iti) çatam

²⁶⁾ Т. е. «небо»? См. въ Nāighanṭ. 3, 30 sadhe (вариантъ: svadhe), двойств. ч., =dyāvāṛṭhivī.

²⁷⁾ Въ AG. въ музыкальной транскрипции: vihāyavā-i.

²⁸⁾ См. Введение.

²⁹⁾ AG. рукоп. В передъ заглавіемъ этихъ стиховъ замѣчаетъ: dakṣiṇānāsaruḡe vāyos tyāgaḥ.

³⁰⁾ AG. рукоп. В передъ вторымъ стихомъ замѣчаетъ: vāmanāsaruḡe vāyor grahaṇam, trir abhyastam.

³¹⁾ Также и AG. рук. D называетъ первый изъ этихъ стиховъ udbhid.

³²⁾ AG. рук. В (и, можетъ быть, Arsh. Brāhm.) имѣетъ: bhargāḥ, но долгота а здѣсь заимствована изъ sāman, гдѣ второе а въ bhargaḥ становится долгимъ. У Бенфея: bhargam.

³³⁾ Въ рукоп.: dhāmayat.

³⁴⁾ AB. имѣетъ въ виду два sāman и называетъ ихъ yaçasi dve, но въ AG. только одинъ стихъ yaçāḥ.

śtvema çaradaḥ vayam te; Ch. 3, 2, 3, 8.—13 и 14) yāme dve: Ch. 1, 1, 5, 9; St.: rāgam sva-rāgam vi-rāgam sva-rāgam.—15 и 16) gharmanatā dve: Ch. 6, 1, 3, 4; St.: gharmaḥ pra-vṛktaḥ tanvā sam āṇḍhe vṛdhe svaḥ ānaçe mahe (svaḥ).—17, 18 и 19) cakshu-samāni trīṇi=praśāpates trīṇi cakshuṁshi AB.: Ch. 6, 2, 1, 2.—20, 21 и 22) vārshāharāṇi trīṇi: Ar. 2, 1; St.: abhi sphūrḡa yam dvishmaḥ sam osha ³⁵⁾ abhi sphūrḡa yam dvishmaḥ.

III prapāṭhaka, 1 ardha:

1 и 2) dyāute dve AG. AB. dvaigate vā AB.: Ch. 3, 2, 3, 2; St. 1, 12: aṣvam-ishṭaye aṣvat-ishṭaye (!) ³⁶⁾.—3 и 4) tāsyandre dve AG. AB. tāsvindre vā AB.: Ch. 6, 2, 1, 6. — 5 и 6) tāuraçra-vase dve: Ch. 4, 1, 1, 6. — 7 и 8) dhenupayasī dve AB.: 7) dhenu AG.: St.: bhuvat śanat vṛdhat karat dhenu; Ch. 5, 2, 4, 2; 8) payaḥ AG.: St.: payaḥ; Ch. 1, 1, 3, 5. — 9 и 10) svarḡyoti-shī dve AB.: 9) svaḥ AG.: St.: svaḥ viçvam; Ar. 2, 2; 10) ḡyotiḥ AG.: St.: ḡyotiḥ viçvam; Ar. id.—11 и 12) yaṇvāpatye dve: Ch. 3, 1, 1, 5; Ar. 2, 3 и 2, 4; 12) Ch. 5, 2, 4, 1.—13 и 14) āyurnavastobhe dve: Ch. 5, 2, 1, 1.—15) rāyovāḡtyam: Ch. 5, 1, 3, 1.—16) bārhadgiram ³⁷⁾: Ch. 5, 1, 3, 3.—17) samkṛti AG. AB.=alamkṛti AG. рук. B: Ch. 5, 1, 3, 1.—1) pāthuraçmam ³⁸⁾: Ch. id.—19) çyāinam=çyenaḥ AB.: Ch. 4, 2, 4, 10.—20) vṛshakam ³⁹⁾: Ch. 5, 1, 3, 1. — 21 и 22) bhadraçreyasī dve AB.: 21) bhadram AG.: Ch. 5, 2, 2, 6; St. 1, 13: bhadram; 22) çreyaḥ AG.: Ch. id.; St.: çreyaḥ.—23 и 24) tantvotunī dve AB.: 23) tantuḥ AG.: St.: tantuḥ; Ch. 6, 1, 2, 1; 24) otuḥ AG.: St.: otuḥ; Ch. id.—25 и 26) sahomahasī dve AB.: 25) sahaḥ AG.: Ch. 5, 1, 1, 8; St.: sahaḥ; 26) mahaḥ AG.: Ch. id.; St.: bhūmiḥ antariksham dyāuḥ mahaḥ.—27 и 28) vārkaḡambhe dve: Ch. 3, 2, 2, 5; St.: viçvешam bhūtānām stobhānām. — 29 и 30) ishviçvaḡyotishī dve AB.: 29) Ch. 4, 1, 3, 1; St.: ish; 30) viçvaḡyotiḥ AG.: Ch. id.; St.: viçvaḡyotiḥ.

2 ardha:

1 и 2) draviṇavishpardhasī dve AB.: 1) draviṇam AG.: St. 1, 14: mahi; Ch. 2, 2, 5, 8; 2) vishpardhaḥ AG.: St.: divi; Ch.

³⁵⁾ Въ рукон.: oshā.

³⁶⁾ aṣvadishṭaye, т. е. aṣva-dishṭaye.

³⁷⁾ AB. имѣтъ: bārhadgire dve; слѣдовательно, одного sāman нѣтъ въ AG.

³⁸⁾ AB. имѣтъ: pāthuraçme dve; слѣдовательно, одного sāman нѣтъ въ AG.

³⁹⁾ AB. имѣтъ: vṛshake dve; слѣдовательно, одного sāman нѣтъ въ AG.

id.—3 и 4) yāmamādhucandase dve AB.: 3) yāmam AG.: Ch. 4, 1, 3, 8; 4) mādhhucandasam AG.: Ch. 2, 2, 2, 6.—5 и 6) va-sishṭhaçaphāu dvāu: Ar. 2, 5; St.: dyut dyutaḥ.—7 и 8) çukra-candre dve AB.: 7) çukrasāma AG.: St.: çukram çukram çukram çukram; Ar. 2, 6; 8) candrasāma AG.: St.: candram candram candram candram; Ch. 2, 2, 1, 3.—9—14) vāyoḥ shaṭ svarāṇi parāṇi vā (sparāṇi vā) ⁴⁰⁾ pāraṇāni ⁴¹⁾ vānantyāni vādityāni vā svargyāni vā svargyasya lokasya gamanāni vā AB. ⁴²⁾: 9—13) Ar. 2, 7; 14) Ch. 4, 2, 1, 10. — 15—25) vishṇos trīṇi svarīyāṃsi AB.: 15—19) pañcānugānam AG. AB.: Ar. 2, 7; St.: 15) antariksham svaḥ divam śaganma parāt param āirayata yaśṇaḥ divaḥ mūrdhā deva-mādanaḥ gharmaḥ śyotiḥ; 16) pṛthivī antariksham dyāuḥ āpaḥ kanikradat ⁴³⁾ sindhuḥ āpaḥ maruraḥ mādayan-tām gharmaḥ śyotiḥ; 17) divaḥ mūrdhānam sam āirayan yaçaḥ sam āirayan teḡaḥ sam āirayan svaḥ sam āirayan śyotiḥ sam āirayan yaçaḥ gharmaḥ śyotiḥ teḡaḥ gharmaḥ śyotiḥ svaḥ gharmaḥ śyotiḥ gharmaḥ gharmaḥ śyotiḥ; 18) idām yaccha haskṛtim yaccha manaḥ oḡaḥ yaccha manaḥ mahimānam yaccha yaçaḥ tvisham yaccha pra-ḡām varcaḥ yaccha paçān viçam yaccha brahma kshatram yaccha svaḥ śyotiḥ yaccha; 19) teḡaḥ gharmaḥ sam kṛḍante çiçumatiḥ vāyu-gopāḥ teḡasvatīḥ marudbhiḥ bhuvanāni cakraduḥ; 20 и 21) dṛyanugānam: Ar. id.; St.: indraḥ dhenuḥ āpaḥ dhenuḥ bhūmiḥ dhenuḥ antariksham dhenuḥ dyāuḥ dhenuḥ param dhenuḥ vratam dhenuḥ satyam dhenuḥ ṛtam dhenuḥ idā dhenuḥ svaḥ dhenuḥ śyotiḥ dhenuḥ; 22, 23, 24 и 25) caturanugānam: St.: 22) tokam pra-ḡām garbhaḥ naḥ yam adadhmahī ā ca parā ca pathibhiḥ carantaḥ; 23) ⁴⁴⁾ ayam sa çiṅkte yasmāt āpaḥ osha-dhayaḥ bhuvanāni cakraduḥ yasmāt sam-udriyāḥ bhuvanāni cakraduḥ yasmāt viçvā bhūtāni bhuvanāni cakraduḥ āpaḥ; 24) yebhiḥ vi-açvam āirayaḥ tebhiḥ vi açnu-hi madam yebhiḥ bhūtam sahaḥ tebhiḥ teḡaḥ āpaḥ yebhiḥ vi antariksham āirayaḥ (āpaḥ); 25) Ar. id.

IV prapāṭhaka, 1 ardha:

1 и 2) vācovrate dve: St. 2, 1: huve vācam vācam huve vāk

⁴⁰⁾ Слова «sparāṇi vā» включены мною по Бенфею (Harm. u. Discrepanz. стр. 221).

⁴¹⁾ У Бенфея: parāṇāni.

⁴²⁾ Название этих стихов в AG. является в чтении испорченным: dvyaśvarasā-māni shaṭ (рук. D). Срав. у Бенфея ошибочное чтение одной берлинск. рук.: dvyaṣṭara—.

⁴³⁾ В рукоп.: kanikradāt.

⁴⁴⁾ Справ. RV. 1, 164, 29.

çr̥notu vāk sam-āitu vāk (1), vāk ramatām ramatu vāk me (2).—
3) çaçasya karshû AB. ⁴⁵⁾; Ch. 2, 2, 4, 7; St.: vāk u.—4) sat-
trasyardhiḥ=çayavratam ⁴⁶⁾ sattrasyardhiḥ AB.: St.: aganma
gyotiḥ a-mṛtāḥ abhūma antariksham pr̥thivyāḥ ⁴⁷⁾ adhi ā aruhāma
divam antarikshāt adhi ā aruhāma avidāma devān ⁴⁸⁾ sam u de-
vāḥ aganmahī.—5) praśāpateḥ pratishṭhā: Ch. 1, 1, 3, 8.—
6) vyāhṛtiḥ: St.: eva hi eva bhūtāya rūpāya āyushe gyotishe.—
7) praśāpatyasya vratam=parameshṭhina praśāpatyasya
vratam AB.: St.: ā naḥ ⁴⁹⁾ bruve rakshata naḥ raksitāraḥ gopdyata
gopayitāraḥ; Ar. 3, 1.—8) āṅgirasasya vratam=kṛshṇasyāṅ-
girasasya vratam AB.: St.: soma-soma yatra cakshuḥ tat ā bhara
yatra çrotram tat ā bhara yatra rūpam tat ā bhara yatra varcaḥ
tat ā bhara yatra tejaḥ tat ā bhara yatra gyotiḥ tat ā bhara soma
rāgan.—9 и 10) somavrate dve: 9) Ar. 3, 2; St.: pnya (?); 10)
Ar. 3, 3; St.: gāna divam antariksham pr̥thivīm viçva-bhoḡasam
puru-rūpāḥ (sic) aḡiganaḥ.—11) bharadvāḡasya vratam: Ar. 1,
2; St. 2, 2: vāk da daya;—12) bharadvāḡinām vratam: St.: vā-
ḡam vi açnavāi su-dhāma dhāma.—13 и 14) yamavrate dve aṅ-
girasām vottaram=vasishṭhavrate dve aṅgirasām votta-
ram AB.: 13) Ar. 3, 4; St.: manaḥ vayaḥ varcaḥ idā āyuh svaḥ
gyotiḥ rtam mahaḥ; 14) Ch. 4, 1, 3, 6; St.: āyuh-dhāḥ asmabhyam
varcaḥ-dhāḥ devebhyaḥ.—15 и 16) açvinor vrata dve: Ch. 4, 1,
2, 2.—17 и 18) gavām vrata dve: 17) St.: gāvaḥ vṛshabha-pa-
tnīḥ vāi-rāḡapatnīḥ viçva-rūpāḥ asmāsu ramadhvam; Ar. 3, 5; 18)
Ar. 3, 4; St.: deveshu ni-dhīmān aham.—19 и 20) kaçyapavrate
dve: St.: çu antaḥ arkaḥ ⁵⁰⁾ gyotiḥ svaḥ dhenuḥ kahvāu (?) hvāu (?);
Ch. 4, 2, 3, 2.—

2 ardha:

1 и 2) aṅgirasām vrata dve: 1) Ch. 4, 1, 3, 6; St. 2, 3: sa-
hasvān sahasaḥ patiḥ adidyavat; 2) Ch. 3, 1, 5, 1; St.: svaḥ-ḡit
vāḡa-sātamaḥ adidyavat. — 3 и 4) apām vrata dve: St.: āirayat

⁴⁵⁾ Въ AG.: çasasya karshu.—По мнѣнію Петерб. Слов. (см. подъ словомъ çaça), karshû есть искаженіе изъ karṇāḥ; срав. у Латыяны названіе стиха sāman: ça-çakarṇā.

⁴⁶⁾ Можетъ быть, çayavratam есть названіе sāman, не извѣстнаго изъ AG.

⁴⁷⁾ Въ рук.: pr̥thivyā.

⁴⁸⁾ Срав. RV. 8, 48, 3.

⁴⁹⁾ Въ рук. а: ānaḥ.

⁵⁰⁾ Въ рук.: ārkaḥ (изъ sāman).

apaḥ sam ārayat bhūtam ārayat apām garbhaḥ agniḥ idā pṛthi-
vyāḥ garbhaḥ agniḥ idā agniḥ ci-çukvaḥ (sic) çukraḥ ci-çukvaḥ te-
gaḥ çakrasya çakvam tegaḥ sa-prāḥ sam-iciḥ (sic) tegaḥ ushaḥ na
garāḥ ⁵¹⁾ ārayan sam ārayan sam asvaran; Ar. 3, 6.—5 и 6) aho-
rātrayor vrate dve AG. AB., ahnaḥ pūrvam rātrer uttaram
AB.: 5) St.: prāk an-yat anu-vartate raḡaḥ ⁵²⁾ apa-ak an-yat tamaḥ
apa-ishati ⁵³⁾ bhāsā ⁵⁴⁾ arūrucat gharmaḥ arūrucat ushāsām divi
sūryaḥ vi-bhati; 6) Ar. 3, 7. — 7) vishṇor vratam: Ar. 3, 8; St.:
has sahas arcīḥ çociḥ tapaḥ haraḥ.—8) viçveshām devānām vrā-
tam: St.: shi; Ar. 3, 9. — 9 и 10) vasishṭhavrāte dve: Ch. 4,
1, 4, 8 и 4, 1, 3, 6. — 11) indrasya sāmḡayam: St. 2, 4: viçvā
dhanāni sam-ḡitya vṛtra-hā bhūri-āsutiḥ urum ghosham cakre lokam ⁵⁵⁾
(sic) vṛtram ebhyaḥ lokebhyaḥ nunudāḥ vṛtram ḡaghanvām ⁵⁶⁾ āpa-
tat vavāra yat tamaḥ.—12) agastyasya yaçāḥ: Ar. 3, 10.—13 и
14) samḡmite dve=praḡāpates trayastriṃçat (т. е. 33-й sāman,
считая съ начала прапратхаки) samḡmitam, catustriṃçat (т. е. 34-й
sāman),—samḡmite dve AB. ⁵⁷⁾: Ch. 13) 4, 1, 4, 6; 14) 4, 1, 3, 6;
St.: kshāu vratam svaḥ çakunaḥ. — 15) ḡamadagner vratam yu-
ḡyam=ḡamadagner vratam yugyam AB.: Ch. 3, 1, 5, 1; St.:
kapāu ḡyotiḥ pataḥ svaḥ pata ⁵⁸⁾ antariksham pṛthivīm pañca pra-
diçāḥ ṛshīn devān ⁵⁹⁾ varṇam.—16) daçastobham: Ch. 4, 1, 3, 6;
St.: ha u vāk ayaḥ yam vayaḥ. — 17) vātraghnam=indrasya
vātraghnam AB.: St.: vṛtra-hatyāya a-dhṛshṇave a-pūrave pṛthi-

⁵¹⁾ Справ. RV. 1, 69, 1 (см. Введение).

⁵²⁾ Здѣсь raḡas означаетъ «свѣтъ» (дня), въ противоположность tamas, «тьма» (ночи). Справ. Nir. 4, 19: ḡyotiḥ raḡaḥ pcyate.

⁵³⁾ О глаголѣ ish, ishati, въ значеніи «двигаться» см. Nāigh. 2, 14.

⁵⁴⁾ Можно было бы прочесть bhyasā, но это не имѣетъ смысла. Мои выписки изъ рукописей оказываются здѣсь недостаточными.

⁵⁵⁾ Некажено изъ çlokaḥ.

⁵⁶⁾ Въ AG. и въ Stobhḥ рук. a: ḡaghanvām (sic!).

⁵⁷⁾ Чтеніе Arsh. Br. является нѣсколько испорченнымъ, или, точнѣе, укорочен-
нымъ; очевидно, что и 14-й стихъ называется praḡāpateḥ samḡmitam (срав. у
Бенсона: praḡāpateç catusttriṃçat (т. е. sāma) samḡmitam), а оба вмѣстѣ они
носятъ названіе samḡmite dve или, какъ въ одной берлинск. рук. AG., praḡā-
pate dve. Испорченное чтеніе: catusttriṃçat samḡmite dve перенесено цѣликомъ
(вмѣстѣ съ числительными) въ берлинск. рук. AG. какъ заглавіе 14-го стиха (см.
Harmonieen und Discrepanzen, стр. 185 и 184).

⁵⁸⁾ Рук. a: patā; рук. b: pataḥ, но и послѣднее чтеніе ошибочно, какъ видно изъ
AG. (svashpatāntariksham).

⁵⁹⁾ Изъ devāṃ=devām, родит. пад. мн. ч.

vîm ca vi-vartaya antariksham su dhâraya divam vepa avepayah
vîtra-hâ sapatna-hâ; Ar. 3, 11. — 18) ashṭanidhanam: St.: abhi-
praghnantam oḡasâ su-oḡasâ asi pra-ânaḥ asi cakshuḥ asi asi çrot-
ram asi asi ḡyotiḥ asi idâm gaccha sūryam gaccha antariksham gac-
cha nâke vi bhâhi svaḥ gaccha ḡyotiḥ gaccha ati ḡyotiḥ vi bhâhi
ati.—19 и 20) indrasya râḡanarâuhine dve râuhine ⁶⁰⁾ vâ;
ekarsher vâ râḡanam, dhâtû râuhinam AB.: 19) râḡanam:
4, 1, 3, 6; St.: vayah bṛhat vi-bhrâshṭaye vi-dharmane satyam oḡah
raḡaḥ svaḥ bhadram su-dhâ isham ūrḡam bṛhat yaçaḥ divi dadhe;
20) râuhinam: Ch. id.; St.: ayâu ayam namaḥ kiṭ manaḥ pra-ânaḥ
cakshuḥ çrotram ghoshaḥ vratam bhûtam pânam ⁶¹⁾ cittam dhîtam.

V prapâṭhaka, 1 ardha:

1—5) agner ilândam pañcânugânam irântam vâ AB.: ⁶²⁾ 1)
St.: hu; 2) Ar. 3, 12; 3) Ar. 3, 13; 4) Ch. 4, 1, 3, 6; 5) Ar. 4,
1. — 6, 7 и 8) devavratâni trîṇi stobhamayâni=trîṇi devâ-
nâm vratâni devasya vâ: râudre pūrve, vâiçvadevam tṛtî-
yam; vâiçvadeve vâ pūrve râudram tṛtîyam AB.: St. 2, 5: 6)
adhi-pate mitra-pate kshatra-pata svaḥ-pate dhana-pate namaḥ ma-
nyunâ vîtra-hâ sūryeṇa sva-râṭ yaḡnâna maghavâ dakshîṇâ asya
priyâ tanuḥ râḡnâ viçâm dâdhâra vṛshabhaḥ tvashṭâ vṛtreṇa çaci-
patiḥ annena gayah pṛthivyâḥ sṛṇikah agninâ viçvam bhûtam abhi
abhavaḥ vâyunâ viçvâḥ pra-ḡâḥ abhi avapathâḥ vashaṭ-kâreṇa ardha-
bhâk somena soma-pâḥ sam-ityâ parame-sthî ye devâḥ devâḥ divi-
sadaḥ antariksha-sadaḥ pṛthivî-sadaḥ apsu-sadaḥ dikshu-sadaḥ âçâ-
sadaḥ stha tebhyaḥ vaḥ devâḥ devâḥ devebhyaḥ namaḥ ava ḡyâm
iva dhanvanaḥ vi te manyum nayâmasi mṛḍatâm nâḥ iha asmabhy-
am yaḥ idam viçvam yûyo ⁶³⁾ namaḥ; 7) namaḥ ut-tatibhyaḥ ca ut-
tanvânebhyaḥ ca namaḥ ni-sam-gibhyaḥ ⁶⁴⁾ ca upa-vâtibhyaḥ ca
namaḥ asyadbhyaḥ ca prati-dadhânebhyaḥ ca namaḥ pra-vidhyad-
bhyaḥ ca pra-vyâdhibhyaḥ ca namaḥ tsaradbhyaḥ ca tsâribhyaḥ ca
namaḥ çritebhyaḥ ca çṛâyibhyaḥ ca namaḥ tishṭhadbhyaḥ ca upa-tish-
ṭhadbhyaḥ ca namaḥ yate ca vi-yate ca namaḥ pathe ca vi-pathâya
ca; 8) namaḥ annâya namaḥ anna-pataye eka-akshâya ca ava-pan-

⁶⁰⁾ Иначе у Бенфея, который пишет râuhinêr (относится къ ekarsheḥ).

⁶¹⁾ Или yânam?

⁶²⁾ Въ AG. въ нѣкотор. друкон. ilândam, въ руких pañcânugânam.

⁶³⁾ Въ AG. рук. A: yûyo.

⁶⁴⁾ nishamgibhyaḥ.

nâdâya ca namaḥ namaḥ rudrâya tîra-sade namaḥ sthirâya sthira-dhanvane namaḥ prati-padâya ca paṭarîṇe ca namaḥ tri-ambakâya ca kapardine ca namaḥ âçrâyeḥbhyāḥ ca prati-âçrâyeḥbhyāḥ ca namaḥ kravyeḥbhyāḥ ca vi-rimpheḥbhyāḥ ⁶⁵⁾ ca namaḥ sam-vṛte ca vi-vṛte ca.—9) anuṣṭhâyaśnâyaśnâyam: Ar. 4, 2.—10) aḡitasya ḡitiḥ: St.: hup bi ⁶⁶⁾ hi ⁶⁷⁾; Ch. 3, 1, 5, 1.—11) somavratam: St.: hañ; Ar. 3, 2.—12) dîrghatamaso vratam AG. AB.=aṣvavratam AG. рук. D: St.: ayâu ⁶⁸⁾; Ch. 6, 1, 4, 7.—13 и 14) dve purushavrate: 13) Ar. 4, 3; 14) Ar. 4, 4. — 15—18) pañcânugânam: 15) Ar. 4, 5; 16) Ar. 4, 6; 17) Ar. 4, 7; 18) ⁶⁹⁾ St. 2, 6: asmin nṛmṇe nṛmṇam ni dhîmahe; Ch. 2, 2, 3, 5.—19—21) trîṇi lokânâṃ vratâni AG. AB. divo 'ntarikshasya pṛthivyâ ity; athâparam: dyâvâpṛthivyor viparîte ⁷⁰⁾ AB.: 19) St.: rūpam; Ar. 4, 8; 20) St.: vâk iyam antarikshe salilam lelâya; Ch. 2, 2, 3, 5; 21) St.: prati-sthâ asi prati-sthâ varcaḥ asi manaḥ asi bhûtam; Ar. 4, 8.—22) ṛçyasya sâma vratam vâ: Ar. 4, 9; St.: ṛçyâsaḥ ⁷¹⁾ indra bhuñ iti maghavan indra bhuñ iti pra-bhuñ iti indraḥ tasara-pûtaḥ.—

2 ardha:

1—10) daçânugânam=diçâṃ vratam daçânugânam AB.: 1) St. 2, 7: aham annam aham anna-adaḥ aham vi-dhârayaḥ; 2) aham sahaḥ aham sâ-sahiḥ aham sâ-sahânaḥ; 3) aham varcaḥ; Ar. 4, 10; 4) St.: aham teḡaḥ aham svaḥ ḡyotiḥ; 5) diçam duhe diçâu duhe diçaḥ duhe sarvâḥ duhe; 6) manaḥ aḡayit hṛdayam aḡayit indraḥ aḡayit aham aḡâisham; 7) vayaḥ-vayaḥ vayaḥ; 8) rūpam rūpam-rûpam; 9) hi yaḥ u ut apaptam ūrdhvâ nabhâñsi akṛshi vi adyâutsam atatanam pinvasva: 10) prathe prati-asthâm. — 11—20) daçânugânam=kaçyapavratam daçânugânam: kaçyapagrîvâ ⁷²⁾ dvitîyam, praḡâpater hṛdayam ⁷³⁾ pañcamam, iḍânâṃ samkshâ-

⁶⁵⁾ Вариантъ: vi-rampheḥbhyāḥ. Срав. въ Dhâtup. (28, 30) ramph и rimph: hiṃsâyaṃ.

⁶⁶⁾ Стобха имѣеть vi, какъ и въ другихъ случаяхъ v стоитъ здѣсь вмѣсто b.

⁶⁷⁾ Въ AG. слѣдуютъ затѣмъ слова: as phaṭ mṛs has, которые были уже приведены выше изъ Стобхи.

⁶⁸⁾ Стобха рук. b (какъ и Ar. G.) имѣеть: ayâu.

⁶⁹⁾ AG. рук. D ставитъ передъ этимъ sâman заглавие: ekânugânam.

⁷⁰⁾ Въ рукоп.: dyâvâpṛthivyorviparite.

⁷¹⁾ Стобха имѣеть: ṛshyâsaḥ.

⁷²⁾ Въ AG. grîvâyaṃ.

⁷³⁾ Въ AG. такъ же.

raḥ ⁷⁴⁾ shashīham, kaṣyapapucchaṃ ⁷⁵⁾ daṣamaṃ, prāḡ daṣamād gavāṃ vrata ⁷⁵⁾ AB.: 11) St. 2, 8: kahva; Ar. 1, 3; 12) St.: aho (iti) pra-śāḥ bhūtam aśīgane; 13) phal hāu; Ch. 4, 1, 3, 6; 14) Ch. 4, 1, 5, 5; 15) St.: imāḥ pra-śāḥ praśā-pate hṛdayam pra-śāḥ rūpam aśīgane; 16) (idā svaḥ śyotiḥ) ⁷⁶⁾; 17) Ar. 4, 11; 18) St.: dughāḥ; Ar. 2, 5; 19) St.: vāk ha; Ar. 4, 12; 20) St.: pra-śā to-kam aśīgane yaṣaḥ akrān bhūtam atatanat pra-śāḥ u sam acūkupat paṣubhyaḥ; Ar. 3, 12 ⁷⁷⁾; 21 и 22) nihnavābhinnavāu anaḍud-vrate vā AB.: St.: iti mātṛā carati vatsakaḥ svayam skunve.—

VI prapāṭhaka, 1 ardhā:

1) agner vratam: Ch. 1, 1, 3, 7; St.: 2, 9: bhrāḡa viṣvasya ḡa-gataḥ śyotiḥ. — 2) vāyor vratam: Ch. 5, 2, 3, 7; St.: viṣvasmāi ḡagate śyotiḥ.—3 и 4) mahāvāiṣvānaravrate dve: 3) St.: vayaḥ payaḥ cakshuḥ crotam āyuh tapaḥ varcaḥ teḡaḥ agniḥ sam-udram ā kshayat; Ar. 3, 8; 4) iha svaḥ vāiṣva-narāya pra-diṣaḥ śyotiḥ br̥hat induḥ idā satyam dyāuḥ bhūtam pṛthivī sahaḥ teḡaḥ āpaḥ ushāḥ diṣaḥ śyotiḥ gharmaḥ marudbhiḥ bhuvaneshu cakradat; Ch. 1, 1, 5, 9.—5 и 6) bhrāḡābhrāḡe dve=sūryasya bhrāḡābhrāḡe dve AB.: 5) Ar. 5, 1; St.: bhrāḡa; 6) Ch. 1, 1, 3, 7; St.: ā bhrāḡa. — 7 и 8) vāyor vikarṇabhāse dve, vāyor mṛtyor vā AB.: 7) vikarṇam AG.: Ar. 5, 2; St.: ṛtam me phaṭ; 8) bhāsam AG.: Ar. 3, 8; St.: bhadram cṛeyaḥ vāmam varam svam abhrāḡit śyotiḥ abhrāḡit dādivaḥ bhas.—9—19) āindram mahādivākīrtyaṃ sāuryaṃ vā daṣānugānam: tasya ciraḥ ca grivāḥ ca skan-dhaktikasāu ca purushāṇi ca pakshāu cātmā coru ca pucchaṃ cāitat sāma suparṇam ity ācakshate AB. ⁷⁸⁾; 9) St.: vāk śyotiḥ; 10) eva hi agne hi indra hi pūshan hi devāḥ; 11) (vayaḥ manaḥ vayaḥ pra-ānaḥ vayaḥ cakshuḥ vayaḥ crotam vayaḥ ghoshaḥ vayaḥ vratam vayaḥ bhūtam) ⁷⁹⁾; 12) id.; 13) ūrk dharmaḥ dharmaḥ; 14) dharma vi-dharma satyam ḡaya ṛtam banda ⁸⁰⁾ haṇ vam; 15) (abhrā-

⁷⁴⁾ Въ AG. такъ же.

⁷⁵⁾ Въ AG. нѣтъ этихъ названій.

⁷⁶⁾ Стоба не имѣетъ въ соответствующемъ мѣстѣ этихъ трехъ словъ, но см. выше.

⁷⁷⁾ Можетъ быть, этотъ стихъ входитъ и въ два слѣдующихъ śaman. Въ рукописяхъ AG., которыми я пользовался для этого мѣста, дѣленіе śaman ошибочно.

⁷⁸⁾ AG. рук. А ставитъ названіе mahādivākirtyaṃ передъ 15-мъ śaman.

⁷⁹⁾ Въ Стобѣ этихъ словъ здѣсь нѣтъ, но см. выше (AG. IV, 2, 29).

⁸⁰⁾ Въ Стобѣ: bada.

git gyotih) ⁸¹⁾; Ar. 5, 2; 16) St.: (*bhūmih antariksham dyāuh bhūtāya*) ⁸¹⁾; 17) (*dyāuh antariksham bhūmih ayushe*) ⁸¹⁾; 18) (*gyotih*) ⁸¹⁾; 19) *sam tvā bhūtāni āirayan sam tvā bhavyāni āirayan sam tvā bhaviṣyat āirayat sam tvā bhuvanam āirayat sam tvā bhūtam āirayat.*—

2 ardha:

1—21) *ādityavratam ekaviṃṣatyanugānam cāṇḍilīputro, dvāviṃṣatir iti vārshagaṇīputro* ⁸²⁾, „*vai devāḥ samāirayāḥ*“ (sic) *sam ṣatāni bhūtavad*“ ity ekam. „*citram devānām*“, „*antar*“ iti dvayor aparaṃ *gandharvāpsarasām ānandapratinandāu pakshāu, sāuryo 'tishaṅga, indrasya ca sadhastham, marutām bhūtiḥ, praḡāpateḥstisraḥ, sārparāḡn'āḥ sarpāṇām vārbudasya vā sarpasya gharmarocanam indrasya vā, shaḍ āindrāḥ paridhaya ṛtūnām, „vāg“ -ādi- „pitryam“ -antyam vāikalpikam, tan mitrāvaruṇayoḥ cakshur ity ācakshate, crotam ca, tad evāike: dvitīyo 'tishaṅgas, tam* ⁸³⁾ *mitrāvaruṇayoḥ crotam ity ācakshate, cakshuḥ ca, tad evāike: tṛtīyo 'tishaṅgas, tam indrasya cira ity ācakshata, ādityasyonnayam tad ādityātmā ity ācakshate.* AB.: 1) St. 2, 10: *uvi iti asi arūrucaḥ divam pṛthivim patih asi apmā osha-dhīnām viṇvashām devānām sam-it a-ḡasram gyotih ā-tatam āyuh yam avah ḡana* ⁸⁴⁾ *vanam svaḥ sṛpi pra-sṛpi astoshata sva-bhānavaḥ vi-prāḥ navishṭhayā matī* ⁸⁵⁾ *grāvāṇaḥ barhishi priye indrasya rañhyan bṛhat pra u eti*; Ar. 5, 3 и 5, 5 ⁸⁶⁾; 2) St.: *uvi higi higigi*; Ar. 5, 4; 3) St. id.; Ar. id.; 4) St.: *bhrāḡa*; Ar. 5, 3; Ch. 1, 1, 3, 11; 5) St.: *sahaḥ bhrāḡa apaḥ bhrāḡa abhrāḡit vi abhrāḡit adidyutat viṇvam bhūtam sahaḥ bṛhat adidyutat abhrāḡ pra-abhrāḡ adidyutat gharmaḥ arūrucat adidyutat gharmaḥ ushasaḥ arocayaḥ* (sic); 6) St.: *bhūtiḥ sarvān kāmān açīmahi*; Ar. 5, 5; 7) Ar. 5, 4; 8) Ar. 5, 5; 9) Ar. 5, 6; 10) St.: *ut-yan lokān arocayaḥ imān lokān arocayaḥ bhūtam arocayaḥ viṇvam bhūtam arocayaḥ*; 11 и 12) St.: *didīhi viṇvataḥ pṛthuḥ*; Ch. 1, 1, 3, 11, Ar. 5, 7 и 5, 8; 13) St. id.; Ar. 5, 9 и 5, 10; 14) St. id.; Ar. 5, 10 и 5, 11; 15) St. id.; Ar. 5, 12; 16) St. id.; Ar. 5, 12; 5, 13 и 5 14;

⁸¹⁾ Въ Стобѣхъ этихъ словъ здѣсь нѣтъ, но см. выше.

⁸²⁾ Можно было бы прочесть *vārshayaṇīputro*, но подобное имя не известно.

⁸³⁾ Въ рукоп.: *tan*.

⁸⁴⁾ Въ рукоп.: *ḡanā*.

⁸⁵⁾ Срав. RV. 1, 82, 2.

⁸⁶⁾ Такимъ образомъ Ar. 5, 5 предшествуетъ стиху Ar. 5, 4.

17) St.: vâk manaḥ pra-ânaḥ apa-ânaḥ vi-ânaḥ cakshuḥ çrotram çarma varma bhûtiḥ prati-sthâ â-dityaḥ pitryam âyuḥ pitryam; 18) St.: antaḥ deveshu rocace bhoḥ (?) ⁸⁷⁾; Ar. 5, 5; 19) Ch. 1, 1, 3, 11; 20) Ch. id., Ch. 4, 1, 3, 6; 21) ut nayâmi â-dityam prâcam (sic) yantam ut nayâmi ahaḥ-râtrâṇi ⁸⁸⁾ aritrâṇi dyâuḥ nâuḥ tasyâm asâu â-dityaḥ ïyate tasmin vayam ïyamâne iyâmahe (sic) priye dhâman tri-akshare.

Mahânâmnî=âindryo mahânâmnnyaḥ praġâpater vâ vishnor vâ viçvâmitrasya vâ simâ vâ maṭṇya ⁸⁹⁾ vâ çakvaryo vâ AB.

Для образца я привожу начало, изъ котораго можно видѣть дѣленіе стиховъ на составныя части:

e 2; vidâmaghavanvidâḥ, gâtumanuçaḥsishâḥ, dâ-îçâ 31 uvâ 23, î 34 ḍâ; e 2; çikshâçacînâmpatâ-î, pûrvîṇâmpuru 2, vasâ 31 ruvâ 23, î 34 ḍâ, âbhishṭumabhâ 2 yîshṭibhir â 31 uvâ 23, î 34 ḍâ, svar-nâñçû S ⁹⁰⁾ 2 ḥ, hâ 31 vâ 23, î 34 ḍâ, prâcetanapracetayâ, indrâ, dyumnâyanâ 2 ishâ-î, iḍâ, indrâ, dyumnâyanâ 2 ishâ-î, athâ, indrâ, dyumnâyanâ 2 ishâ-î, iḍâ, evâhiçakrorâye vâḡâḡayavâ 1 ġrî 3 vaḥ, и т. д. Въ концѣ строфы: iḍâ 2345; e 2.

---

⁸⁷⁾ Въ Стобхъ рук. а: bhâḥ.

⁸⁸⁾ âhorâtrâṇi.

⁸⁹⁾ У Бенфея (Die Hymn. d. SV., стр. VII): mâhṇya.

⁹⁰⁾ Знакъ «avagraha», передаваемый мною черезъ S, выражаетъ здѣсь, вѣроятно, тонъ «krushā».

ПРИЛОЖЕНІЕ.

НѢСКОЛЬКО СТРАНИЦЪ ИЗЪ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ГРАММАТИКИ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХЪ ЯЗЫКОВЪ.

Сскр. мѣстный пад. $\acute{n}\acute{a}bh\acute{a}u = \acute{n}\acute{a}bh\acute{a}$. Другіе случаи колебанія между - $\acute{a}$ и - $\acute{a}u$ въ концѣ словъ: оба варіанта восходятъ къ первонач. - $\acute{a}n$. Первое лице ед. ч. прошедш. совершен. времени. Присутствіе - n въ окончаніи первого лица ед. ч. настоящ. времени глаголовъ первого спряженія. Производные глаголы, образованные при помощи $ja = j\acute{a}$. Ст. слав. $имаамъ$ и т. д. Фонетическая аналогія между $бѣрж$ и $рыбоѣж$, литовск. $suku$ и $vilku$ и т. д. Присутствіе - n въ индоевроп. окончаніи творительн. пад. ед. ч. Окончаніе - n въ первомъ лицѣ ед. ч. прошедш. совершен. времени. Индоевроп. форма третьяго лица ед. ч. прошедш. совершен. времени. Отношеніе глагольныхъ окончаній (въ флексіяхъ) къ мѣстоименнымъ корнямъ. Возможное происхожденіе мѣстоименныхъ корней. Появленіе «я». Медіальныя окончанія въ глаголѣ и ихъ отношеніе къ окончаніямъ активнымъ. Усиленіе гласныхъ. Присутствіе - n въ окончаніи винительн. пад. двойствен. числа; совпаденіе этого падежа съ именительнымъ.

Заключеніе о мѣстн. пад. $\acute{n}\acute{a}bh\acute{a}u = \acute{n}\acute{a}bh\acute{a}$.

I.

По поводу формы мѣстнаго падежа $\acute{n}\acute{a}bh\acute{a}$ ($=\acute{n}\acute{a}bh\acute{a}u$), которую мы встрѣтили въ стихѣ *Āg.* 3, 13, я позволю себѣ разсмотрѣть здѣсь нѣкоторые явленія, стоящія въ связи съ сскр. $\acute{a}=\acute{a}u$ и имѣющія важность для сравнительной грамматики индоевропейскихъ языковъ.

Извѣстно, что такія формы мѣстнаго падежа, какъ: $agn\acute{a}$, $\acute{n}\acute{a}bh\acute{a}$, $\acute{u}gm\acute{a}$, $nemadhit\acute{a}$ и другія, отъ основъ на - i , составляютъ принадлежность ведійскаго языка и не встрѣчаются въ позднѣйшемъ санскритѣ, который имѣетъ вмѣсто того: $agn\acute{a}u$, $\acute{n}\acute{a}bh\acute{a}u$ и т. д. Но эти послѣднія формы существовали также и въ языкѣ Ведъ, и при томъ нѣкоторые имена на - i образуютъ здѣсь мѣстный пад. ед. ч. исключительно на - $\acute{a}u$, тогда какъ другія представляютъ оба окончанія, - $\acute{a}$ и - $\acute{a}u$, съ преобладаніемъ того или другаго (иногда подъ вліяніемъ слѣдующаго звука); такъ, напр., въ Ригведѣ форма $agn\acute{a}u$ встрѣчается чаще, чѣмъ $agn\acute{a}$, но $\acute{n}\acute{a}bh\acute{a}$ относится къ $\acute{n}\acute{a}bh\acute{a}u$, какъ 20 къ 2 ¹⁾. Ни Боппъ, ни Шлейхеръ не упоминаютъ о ведійск.

¹⁾ См. Грассмана Wörterbuch zum Rig-Veda.

формѣ на -â, а что касается обыкновеннаго окончанія мѣстнаго пад. основъ на -i, то оба они объясняютъ это -âu неудовлетворительно. Боппъ ²⁾ высказывалъ такое предположеніе, что -âu явилось здѣсь изъ -âs и есть собственно окончаніе родительнаго падежа, подобно тому какъ и -âu въ именит. винит. пад. двойств. ч. произошло, по его мнѣнію, изъ -âs; въ мѣстномъ пад. на -âu, отъ основъ на -i, замѣчательно еще то, что тематическая гласная выпадаетъ передъ этимъ окончаніемъ и сохраняется лишь въ словахъ ratyâu, sakhyâu (отъ rati—, sakhi—). Неудовлетворительность этого объясненія состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что переходъ âs въ âu не находитъ никакихъ аналогій ³⁾, а вмѣстѣ съ тѣмъ страннымъ казалось бы и то, что основы на -i такъ рано утратили настоящій мѣстный падежъ и должны были обратиться къ формѣ родительнаго пад.; наконецъ, окончаніе -âs является въ родительн. пад. лишь въ женскомъ родѣ.—Иначе смотрѣлъ на формы мѣстн. пад. agnâu, pâbhâu и т. д. Шлейхеръ ⁴⁾: онъ объяснялъ эти образованія тѣмъ, что основы на -i подчинились въ данномъ случаѣ аналогіи основъ на -u и приняли окончаніе, принадлежащее этимъ послѣднимъ (-âu изъ -avi ⁵⁾). Но и съ этимъ объясненіемъ нельзя согласиться: основы на -i нигдѣ не оказываютъ наклонности подчиняться аналогіи основъ на -u, не только въ санскритѣ, но и въ другихъ родственныхъ языкахъ; какія же фонетическія причины (а другихъ не могло быть) побуждали къ тому, чтобы форма *agnauі обратилась въ agnâu и совпала такимъ образомъ по окончанію съ sîpâu? Наконецъ, еслибъ Шлейхеръ принялъ во вниманіе ведійскія формы agnâ, pâbhâ и т. д., то долженъ былъ бы отказаться отъ того объясненія, какое дано имъ для agnâu, pâbhâu и т. д. Очевидно, что мѣстн. пад. agnâ относится къ agnâu точно такъ же, какъ именит. винит. двойств. ч. açvînâ (въ Ведахъ) къ açvînâu (въ Ведахъ и въ позднѣйшемъ санскритѣ) или какъ въ прошедш. совершен. врем. dadâ (въ Ведахъ) къ dadâu (въ Ведахъ и въ позднѣйшемъ санскритѣ). Шлейхеръ считаетъ формы açvînâ, dadâ болѣе древними, сравнительно съ açvînâu, dadâu, и видитъ въ âu

²⁾ Vergleichende Grammatik, второе изданіе, I, § 198.

³⁾ Мы увидимъ ниже, что и въ двойствен. числѣ -âu не можетъ объясняться изъ -âs.

⁴⁾ Compendium, второе изданіе, стр. 566.

⁵⁾ Я думаю, что это еще вопросъ, произошло ли -âu въ sîpâu изъ -avi въ sîpavi (въ Ведахъ).

„помутившееся“, $\hat{a}$ ⁶⁾); слѣдовательно, и форму $agn\hat{a}$ онъ долженъ былъ бы признать болѣе древнею, чѣмъ $agn\hat{a}u$ ⁷⁾), а потому объяснение, предложенное имъ для этой послѣдней, неудовлетворительно даже съ его точки зрѣнія. Трудно, однако, видѣть здѣсь въ $\hat{a}u$ измѣненіе гласной $\hat{a}$, такъ какъ вокализмъ санскрита стоитъ на очень древней ступени; обращеніе $\hat{a}$ въ e (это e не было дифтонгомъ), рассматриваемое Шлейхеромъ рядомъ съ переходомъ $\hat{a}$ въ $\hat{a}u$, вовсе не аналогично съ нимъ, и мы скорѣе бы ожидали въ такомъ случаѣ перехода $\hat{a}$ въ o (не дифтонгъ).

По Боппу, форма $a\check{c}vin\hat{a}$ новѣе формы $a\check{c}vin\hat{a}u$ ⁸⁾, и, слѣдовательно, $agn\hat{a}$ онъ объяснялъ бы изъ $agn\hat{a}u$ ⁹⁾). То обстоятельство, что $\hat{a}$ въ этихъ случаяхъ является лишь въ языкѣ Ведъ, а $\hat{a}u$ господствуетъ въ позднѣйшемъ санскритѣ, не доказываетъ еще, конечно, большей древности $\hat{a}$, сравнительно съ $\hat{a}u$, такъ какъ въ нѣкоторыхъ образованіяхъ ведійскій языкъ можетъ представлять черты болѣе новыя, чѣмъ тѣ, какія мы находимъ въ классическомъ санскритѣ. Но противъ Бопповскаго объявленія говоритъ неправильность перехода $\hat{a}u$ въ $\hat{a}$, а также и то обстоятельство, что ни въ одномъ изъ тѣхъ случаевъ, гдѣ вмѣсто ведійскаго $\hat{a}$ въ позднѣйшемъ языкѣ исключительно господствуетъ $\hat{a}u$, большая древность этого $\hat{a}u$, сравнительно съ $\hat{a}$, не подтверждается анализомъ.

Вотъ эти случаи, аналогичные съ $agn\hat{a}=agn\hat{a}u$: 1) первое и третье л. ед. ч. прош. соверш. времени глаголовъ на $-\hat{a}$: $dad\hat{a}=dad\hat{a}u$ и т. п.; 2) именит. винит. пад. двойствен. ч.: $a\check{c}vin\hat{a}=a\check{c}vin\hat{a}u$, $ubh\hat{a}=ubh\hat{a}u$ и т. п.

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что окончаніе $\hat{a}=\hat{a}u$ произошло здѣсь всюду однимъ и тѣмъ же путемъ, и объясненіе Боппа, мнѣ кажется, уже потому можетъ возбуждать недоверіе, что для $\hat{a}u$ въ перфектѣ онъ долженъ предполагать иное происхожденіе ¹⁰⁾, чѣмъ для $\hat{a}u$ въ двойств. ч. Ту же непоследовательность, и еще въ большей степени, мы видимъ у Куна, по отношенію ко всѣмъ тремъ $\hat{a}u$ ¹¹⁾). Принимая для $\hat{a}=\hat{a}u$ одно и то же происхожденіе во всѣхъ

⁶⁾ Compend., стр. 33.

⁷⁾ Такъ, дѣйствительно, поступаетъ Шереръ; см. его Zur Geschichte der deutschen Sprache, стр. 283.

⁸⁾ Vgl. Grammatik, I, §§ 206 и 208.

⁹⁾ Такъ поступаетъ Кунъ; см. Zeitschrift, XVIII, стр. 366.

¹⁰⁾ Vgl. Gram., II, § 618.

¹¹⁾ Zeitschrift, XV, 309; XVIII, 326 и 366.

указанных выше формахъ, мы должны вмѣстѣ съ тѣмъ имѣть въ виду, что нѣтъ никакихъ основаній считать здѣсь â болѣе древнимъ, чѣмъ âu, или наоборотъ (по крайней мѣрѣ, нельзя было бы доказать этого), и наша задача состоитъ, слѣдовательно, въ возведеніи этихъ â и âu къ одному и тому же сочетанію. Не трудно догадаться, что здѣсь должна была припимать участіе одна изъ носовыхъ согласныхъ, такъ какъ намъ извѣстно, что носовыя *n* и *m* не только могутъ исчезать (не всегда черезъ посредство носовыхъ гласныхъ), но также и развивать изъ себя гласный призвукъ *и*; это вокализированіе носовыхъ подробно рассмотрѣно Юг. Шмидтомъ въ его книгѣ: *Zur Geschichte des indogermanischen Vocalismus*. Теперь вопросъ въ томъ, которая же изъ двухъ носовыхъ согласныхъ стояла нѣкогда въ концѣ указанных выше формъ. Рѣшеніе этого вопроса я начну съ перфекта, въ связи съ которымъ мнѣ придется рассмотреть и нѣкоторые другія образованія индоевропейскаго языка.

II.

Кунъ и Шмидтъ ¹²⁾ объясняютъ сскр. 1-е л. ед. ч. перфекта *dadhâu* изъ * *dadhâm*, и это же объясненіе представлялось возможнымъ Боппу, хотя онъ и ставилъ рядомъ съ нимъ другое, болѣе неудовлетворительное (*âu* изъ â+u, вмѣсто â+â) ¹³⁾. Въ языкѣ Ведъ возможна была, конечно, и форма *dadhâ* (сравни въ третьемъ лицѣ *parâ=parâu*) ¹⁴⁾, гдѣ долгота гласной принадлежитъ глагольной основѣ (*dadhâ*), что видно изъ сравненія сакага и т. п. съ греческ. *σῖδα*, готск. *vait*, *baug* и т. д. Слѣдовательно, сскр. *âu* въ *dadhâu* мы имѣли бы право возводить только къ *âm*, но не къ *am*, что не достаточно было разграничено Куномъ и могло дать поводъ къ возраженію со стороны Дельбрюка ¹⁵⁾. Правда, въ текстѣ „*samhitâ*“ Ведъ

¹²⁾ Zeitschrift, XVIII, 326; Zur Geschichte des indogermanisch. Vocalismus, 152.

¹³⁾ Vgl. Gram., II, § 618.

¹⁴⁾ По крайней мѣрѣ, Бенфей не дѣлаетъ въ этомъ отношеніи никакого различія между первымъ и третьимъ лицомъ (см. Vollständige Grammatik der Sanskritsprache, стр. 41 и 377). Ригведа не даетъ здѣсь матеріала, такъ какъ въ ней ни разу не встрѣчается 1-е л. ед. ч. перфекта (дѣйств. зал.) отъ глаголовъ на -â; ср. Дельбрюка Das altindische Verbum, стр. 26.

¹⁵⁾ Zeitschrift, XXI, 88—89. Дельбрюкъ, подобно Шлейхеру, видитъ въ âu глухо звучащее â («eine dumpfere Aussprache des langen â»).

существуютъ и такія рѣдкія формы, какъ bibhayaû (въ „pada“ bibhaya) ¹⁶⁾, гдѣ долгота гласной можетъ быть объясняема вліяніемъ носовой, но * bibhayaû мы все таки не находимъ, такъ какъ основа не оканчивалась здѣсь на -á. Я думаю далѣе, что нѣтъ никакой необходимости предполагать для конечнаго *a* въ сакага, tatara и т. д. происхождение изъ *á*, ибо носовая согласная могла исчезать, не оставляя послѣ себя слѣда; по крайней мѣрѣ, таково мое мнѣніе.

Очевидно, что форма *dadâm, предполагаемая Куномъ и Шмидтомъ, можетъ опираться не только на санскритскія образованія, но также и на греческія, гдѣ въ сохраненіи конечной альфы легко усмотрѣть вліяніе носовой; *oîda*: *vaidam=πóδα: *padam. Эти же факты говорятъ вмѣстѣ съ тѣмъ противъ объясненія, предложеннаго Шлейхеромъ для 1-го л. ед. ч. перф. (-*a* изъ -*ma*) ¹⁷⁾, и потому понятно, что теорія Шлейхера не встрѣтила поддержки со стороны другихъ лингвистовъ; опроверженіе ея можно видѣть, напр., въ книгѣ Курціуса: *Das Verbum der griechischen Sprache*, стр. 35 и слѣд. Самъ Курціусъ не останавливается, однако, на формѣ *dadhâm, предположенной Куномъ, но идетъ далѣе и объясняетъ, напр., γέγονα изъ *γεγοναμι, сскр. *śaśāna* изъ *śaśānamī ¹⁸⁾, т. е. онъ думаетъ, что окончаніе -*mī* сохранялось здѣсь еще въ періодъ раздѣленія индоевропейскаго языка. Я не могу, однако, согласиться съ этимъ, такъ какъ не вижу никакихъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно было бы съ достовѣрностью указать на индоевроп. *gaganamī, въ значеніи 1-го л. ед. ч. перф.; эта форма можетъ быть построена лишь теоретически, такъ какъ окончаніе -*mī* не сохранилось здѣсь ни въ одномъ изъ индоевропейскихъ языковъ. Курціусъ ссылается на эол. *foídημι*, но неужели можно смотрѣть на это образованіе какъ на архаистическій перфектъ, утраченный всѣми другими языками? Самая единичность примѣра говоритъ противъ такого объясненія, и я не вижу причины, которая мѣшала бы признать *foídημι* за настоящее время, образованное такъ же, какъ *βρημι*, *χαλημι* и т. д.; слѣдовательно, *foídημι* тождественно по формѣ (но не по значенію) съ сскр. *vedaṃmī*.

Не соглашаясь съ Курціусомъ, я, вмѣстѣ съ тѣмъ, не могу счи-

¹⁶⁾ RV. 8, 45, 35.

¹⁷⁾ Compend., стр. 663.

¹⁸⁾ Подобный выводъ представлялся возможнымъ и Воппу; см. Vgl. Gram., II, § 611.

татъ достовѣрнымъ и то объясненіе, которое дано Куномъ и Шмидтомъ. Если въ періодъ раздѣленія индоевропейск. языка существовала форма перфекта * *dadhām*, то почему же конечное *m* нигдѣ не удержалось, между тѣмъ какъ въ другихъ временахъ это *m* сохраняется? Можно было бы допустить неправильность для того или другого изъ индоевроп. языковъ, но откуда это совпаденіе индо-эранскихъ языковъ съ греческимъ и латинскимъ ¹⁹⁾? Я думаю поэтому, что въ періодъ раздѣленія индоевропейскаго языка окончаніемъ 1-го л. ед. ч. перф. было не *m*, но *n*, которое по вліянію, оказываемому на предшествующіе звуки, стоитъ близко къ *m*. Очевидно, что одно-временное исчезновеніе конечнаго *n* въ языкахъ индо-эранскихъ, греческомъ и латинскомъ далеко не такъ удивительно, какъ должно было бы казаться подобное же исчезновеніе *m*, и причина этого та, что у насъ нѣтъ пока примѣровъ, на основаніи которыхъ мы могли бы судить, какъ должны были поступать языки съ конечнымъ *n* въ флексіяхъ, такъ какъ сравнительная грамматика до сихъ поръ нигдѣ не предполагала индоевропейск. *n* въ концѣ флексій. Противъ моего объясненія скрп. *dadhāu*, сакага и т. д. изъ * *dadhān*, * *ka-kaṇ* и т. д. говорить, повидимому, то обстоятельство, что въ окончаніи 1-го л. ед. ч. является всегда согласная *m*, а не *n*, такъ какъ самое окончаніе стоитъ въ связи съ мѣстоименнымъ корнемъ *ma*. Но во-первыхъ, въ мѣстоименіи 1-го лица мы встрѣчаемъ рядомъ съ *ma* также и *na* (произошло ли это *n* изъ *m*, или нѣтъ, для насъ въ данномъ случаѣ все равно), а во-вторыхъ, это же *n* легко открыть въ глагольномъ окончаніи 1-го л. ед. ч. не въ одномъ только перфектѣ.

Въ классическомъ санскритѣ 1-е л. ед. ч. настоящ. времени всегда оканчивается на *-mi*, но въ Ведахъ извѣстна и другая форма, на *-ā* (въ текстѣ „*pada*“ *-a*, по смѣшенію со 2-мъ л. повелит. наклон.), гдѣ *-a* принадлежитъ основѣ. Эта форма употребляется, правда, только въ сослагательн. наклоненіи, но подобное ограниченіе, само собою разумѣется, составляетъ черту позднѣйшую (изъ индо-эранской эпохи, какъ мы увидимъ ниже), такъ какъ первоначально сослагательн. наклоненіе не могло разниться въ своихъ окончаніяхъ отъ изъявительнаго. Дельбрюкъ ²⁰⁾ правильно объясняетъ

¹⁹⁾ Готскій языкъ, по своимъ законамъ окончанія словъ (*Auslaut'a*), не имѣетъ въ этомъ случаѣ никакого значенія.

²⁰⁾ *Das altindische Verbum*, стр. 23.

это -*ā* изъ -*āp* и приводитъ даже изъ Атарваведы (5, 8, 7) форму *tṛṇahāp* ²¹⁾, въ которой конечное *n* еще сохраняется; я нахожу, однако, эту форму крайне сомнительною ²²⁾ и не могу придавать ей никакого значенія. Въ -*āp*, -*ā* Дельбрюкъ видитъ измѣненіе того -*āpi* (т. е. *ā-pi*), которое является въ 1-мъ лицѣ ед. ч. повелит. наклон., и на основаніи его словъ можно было бы думать, что весь этотъ процессъ произошелъ на почвѣ древнеиндійскаго языка. Сравненіе съ языкомъ Авесты разубѣждаетъ насъ, однако, въ этомъ и заставляетъ признать уже для индо-эранской эпохи существованіе * -*āp*, (въ основахъ на -*a*), помимо -*āpi*. Окончаніе -*pi*, -*pi* употребляется въ Авестѣ, точно такъ же какъ и въ санскритѣ, съ значеніемъ 1-го л. ед. ч. повелит. накл., но кромѣ того, въ діалектѣ, на которомъ составлены Гатһы (ед. ч. *gāthā*), мы встрѣчаемъ также и окончаніе -*ā*, совпадающее съ ведійскимъ -*ā* въ первомъ лицѣ; то же окончаніе (съ сокращеніемъ въ -*a*) употребляется иногда, какъ кажется, и въ другихъ частяхъ Авесты ²³⁾. Обыкновенно эти формы на -*ā* понимаютъ въ значеніи изъявительнаго наклон. и, напр., въ *peresā* видятъ лишь вариантъ *peresāmi*, но я думаю, что и здѣсь существовало такое же различіе, какъ и въ языкѣ Ведъ; поэтому, напр., *zbaūā* я перевожу: „я стану призывать“, а не „я призываю“ ²⁴⁾. Подобнымъ же образомъ и въ будущихъ: *vakhshyā*, *dāōñhā* ²⁵⁾ и т. д. я вижу сослагательное наклоненіе; относительно *dāōñhā* такъ же думаетъ и Шпигель ²⁶⁾. Понятно, что въ соотвѣтствіе съ *vakhshyā* и т. д. мы могли бы ожидать въ Ведахъ, въ значеніи 1-го л. ед. ч. сослагат. наклон. будущ. врем., такихъ формъ, какъ * *karishyā*; эти формы въ дѣйствительности не сохранились, но лишь потому, что сослагател. наклоненіе будущ. врем. рано вышло изъ употребленія и извѣстно намъ только

²¹⁾ Ротъ и Витней пишутъ *tṛṇahām*.

²²⁾ Припомнимъ, что текстъ Атарваведы редижированъ довольно поздно.

²³⁾ См. Юсти Handbuch der Zendsprache.

²⁴⁾ Понятно, что смыслъ въ подобныхъ случаяхъ не можетъ рѣшаться, имѣемъ ли мы изъявительн. или сослагат. наклон.; но, напр., въ *uvaṇ iṣāi tavācā* (Y. 28, 4) или въ *uvaṇ tavācā iṣāicā* (Y. 49, 14) значеніе сослагател. наклоненія для формы *tavā* (отъ глагола *tu* «мочь, быть въ силахъ») не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ *iṣāi* есть, безспорно, сослагател. наклоненіе.

²⁵⁾ Образованіе *dāōñhā* изъ *dāsyā* исполнѣ правильно; о необходимомъ здѣсь выпадении *iota* см. Шпигеля Grammatik der altbaktrischen Sprache, § 79.

²⁶⁾ См. *ibid.*, стр. 392.

изъ одной формы 2-го л. ед. ч., именно изъ *karishyās* (RV. 4, 30, 23)²⁷⁾.

Что касается *-ni* (*-ā -ni*) въ повелительн. наклоненіи, то я вижу въ этомъ окончаніи специальное индо-эранское образование, но иначе смотрю я на *-ā* въ Ведахъ и въ Авестѣ. Это *-ā*, по моему мнѣнію, восходитъ къ индоевропейск. *-ān*, изъ котораго должны объясняться также греческ. *-ω*, латинск. *-ō*, др. ирландск. *-u*, ст. слав. *-ъ*, лит. *-uo*²⁸⁾ (въ медиумѣ, передъ *-s*), *-u*, готск. *-a*, днв. *-u*. Принято думать, что всѣ эти окончанія произошли изъ индоевропейск. *-ami* или *-āmi*, но откуда же явилось это совпаденіе другъ съ другомъ отдѣльных индоевропейскихъ языковъ, поступающихъ совершенно неправильно съ конечнымъ *-mi*? Сходство между языками можетъ быть, конечно, случайнымъ, тамъ, гдѣ оно объясняется изъ специальныхъ законовъ, дѣйствующихъ въ каждомъ изъ нихъ; но къ данному случаю это объясненіе не примѣнимо, такъ какъ специальные законы ни одного изъ этихъ языковъ не оправдываютъ того, что случилось съ конечнымъ *-mi*. Очевидно, что окончаніе *-mi* не могло отпасть вдругъ, и, слѣдовательно, должна была существовать промежуточная форма, оканчивавшаяся на *-m*. Естественно думать, что для чутъ говорившихъ это *-m* совпадало съ тѣмъ *-m*, которое является въ окончаніи 1-го л. ед. ч. прошедшихъ временъ, но почему же съ послѣднимъ *-m* языки (по крайней мѣрѣ, нѣкоторые) поступали иначе, чѣмъ съ первымъ? Курциусъ, объясняя греч. *φέρω* изъ **bharami*, **bharam*, замѣчаетъ при этомъ слѣдующее: „*Warum aus *φέρω nicht *φέρων ward, wie aus ξ-φερω ξ-φερον, bleibt freilich noch dunkel*“²⁹⁾. Мы могли бы, пожалуй, отнести къ этому „почему“ довольно равнодушно, еслибъ оно не напрашивалось при анализѣ той же формы и въ другихъ языкахъ; а это обстоятельство должно наводить насъ на мысль, что наша первая посылка ошибочна, т. е. что мы не имѣемъ основанія объяснять *φέρω*, *fero* и т. д. изъ **bharami* или **bharami*.

²⁷⁾ Эту же форму Максъ Мюллеръ (*Rig-Veda-Sanhita transl. and explain*, стр. 189) предлагаетъ видѣть въ стихѣ RV. 1, 165, 9, гдѣ текстъ *«pada»* имѣетъ *karishyā* (не *karishyā*).

²⁸⁾ Этотъ звукъ выражается обыкновенно черезъ *u*, имѣющее сверху ^o (какъ въ чешскомъ), но за недостаткомъ шрифта я долженъ употребить вмѣсто того *uo*. Въ литовскихъ книгахъ *uo* часто встрѣчается, хотя надо отдать преимущество правописанію Шлейхера, Куршата и др., такъ какъ этотъ звукъ произносится въ разныхъ нарѣчіяхъ различно; въ нѣкоторыхъ онъ, дѣйствительно, есть дифтонгъ *uo*.

²⁹⁾ *Das Verbum der griechisch. Sprache*, стр. 44.

Такимъ образомъ я думаю, что для каждого безпристрастнаго читателя очевидна несостоятельность того мнѣнія которое вывести индо-эранск. -â, греч. -ω, лат. -ô, др. ирландск. -и, ст. сл. -ж, лит. -ио, -и, готск. -а, днв. -и изъ индоевропейск. -*ati* или -*âti*. Ниже я разсмотрю вопросъ о томъ, произошло ли предполагаемое мною индоевроп. -*ân* изъ -*âti*, или нѣтъ, а теперь указываю лишь на необходимость признать существованіе этого -*ân*, какъ варианта при -*ati* или -*âti*, въ настоящ. и будущ. глаголъ перваго спряженія.³⁰⁾ Я вывожу для индоевропейск. языка форму * *bhagân*, а не * *bhagan*, такъ какъ долгота гласной указывается сравненіемъ языковъ; правда, мы могли бы объяснять происхожденіе долготы вліяніемъ носовой согласной, но въ такомъ случаѣ сходство между собою отдѣльныхъ языковъ было бы странно, такъ какъ конечная носовая не должна была непременно удлиннять предшествующую гласную. Каждый согласится, что гораздо вѣрнѣе будетъ объяснять греч. -ω, лат. -ô изъ -*ân* (не изъ -*an*), при чемъ можетъ оставаться не рѣшеннымъ, произошли ли эти ω, ô изъ носовыхъ гласныхъ, или нѣтъ.³¹⁾ Наконецъ, предполагаемое мною -*ân* подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что краткое -*an* мы должны признать въ перфектѣ, а окончаніе 1-го л. ед. ч. перфекта не могло имѣть то же количество гласной, какъ и соответствующее окончаніе настоящаго или будущаго времени, ибо иначе непонятно было бы, почему языки поступаютъ съ окончаніемъ перфекта не такъ, какъ съ окончаніемъ настоящаго или будущаго. Труднѣе опредѣлить количество *a* передъ -*ti*; указываетъ ли индо-эранское *bhagâti* на индоевроп. * *bhagâti*, или же мы должны предполагать для индоевропейск. языка * *bhagati*? Шлейхеръ принималъ въ качествѣ индоевропейской формы * *bhagati*,³²⁾ точно такъ же какъ и Бопль отдавалъ предпочтеніе * *bhagâti* передъ

³⁰⁾ Для краткости я удерживаю эту старую терминологию.

³¹⁾ Извѣстно, что формы *faciōm*, *videōm* и т. д., встрѣчающіяся въ рукописяхъ Плавта, считаются Ричлемъ, Флекейзенемъ, Корсеномъ за простыя описки (см. Корсена *Aussprache*, 2-е изд., I, стр. 267), и потому нѣтъ необходимости примирять ихъ съ тѣмъ объясненіемъ, которое я даю для *faciō*, *videō* и т. д. Самое большее, что могли бы доказать формы *faciōm*, *videōm* (еслибъ онѣ не были описками), это то, что конечное *o* было здѣсь въ извѣстную эпоху носовою гласною, которая выражалась то черезъ *o*, то черезъ *om*; въ послѣднемъ случаѣ писали *m*, и не *n*, по аналогіи съ *sum*, *dicam* и т. д.

³²⁾ *Compend.*, стр. 763.

* bharami, хотя признавалъ возможною и эту послѣднюю форму³³⁾. Дѣйствительно, долгота гласной въ bhagâmi могла бы быть явленіемъ специально индо-эранскимъ, подобно долготѣ *a* въ bhagâmasi (bhagâmas), bharâvasi (bharâvas); необходимости, однако, нѣтъ въ такого рода заключеніи, такъ какъ индо-эранск. bhagâmasi, bharâvasi могли быть образованы по аналогіи съ формою bhagâmi, вынесенною изъ индоевропейской прародины. Итальянскій ученый Асколи рѣшительно высказывается въ пользу индоевроп. * bharami и объясняетъ греческ. ω, лат. ô черезъ переходъ ami въ avi, av, au,³⁴⁾ но это объясненіе возбудило у Курціуса вполне основательныя сомнѣнія, хотя онъ также предпочитаетъ для индоевропейск. языка форму * bharami; греч. ω въ φέρω произошло, по его мнѣнію, изъ носовой гласной, съ которою можно сравнить ст. слав. ѡ въ берѡ.³⁵⁾ Тотъ, однако, кто вмѣстѣ съ мною выводитъ греч. φέρω, ст. сл. берѡ и т. д. изъ индоевроп. * bhagân, долженъ признать, что эти формы ничего не могутъ рѣшать относительно количества *a* передъ *mi*. Такимъ образомъ, пока не будетъ доказано противное, я остаюсь при томъ мнѣніи, что индоевропейск. языкъ въ періодъ, предшествовавшій раздѣленію, имѣлъ * bhagâmi (=индо-эранск. bhagâmi), а не * bharami; долгота гласной находитъ соотвѣтствіе въ предположенной мною параллельной формѣ * bhagân.

Шереръ въ своей книгѣ: Zur Geschichte der deutschen Sprache (стр. 173; 228)³⁶⁾ высказалъ такое предположеніе, что глаголы съ основою настоящ. врем. на -*a* оканчивались въ индоевроп. языкѣ въ 1-мъ л. ед. ч. на -*â*, между тѣмъ какъ -*mi* принадлежало лишь глаголамъ втораго спряженія. Очевидно, однако, что это предположеніе совершенно невѣроятно; противъ него говоритъ индо-эранск. bhagâmi (по Шереру, -*mi* приставлено здѣсь вполнѣ послѣдствіи), гомеровск. ἐθέλωμι (въ сослагат. наклон.) и т. д., а равно и то, что присутствіе носовой послѣ -*â* доказывается ст. слав. -ѡ, литовск. -uo, и (и конечно также др. ирландск. -и). Съ этими возражені-

³³⁾ Vgl. Gram., II, § 434.

³⁴⁾ Di un gruppo di desinenze indo-europee (1868.). Я знакомъ съ этою статью главнымъ образомъ по рецензій, помѣщенной въ Revue de linguistique, II, стр. 340 и слѣд.

³⁵⁾ Das Verbum der griechisch. Sprache, стр. 43—44.

³⁶⁾ См. подробный разборъ этой книги, сдѣланный Куномъ въ Zeitschrift, XVIII, 321—411.

ями мы не можем встрѣтиться при томъ объясненіи, которое даю я для индо-эранск. -â, греч. -ω, лат. -ô и т. д.

Я думаю, что въ индоевроп. языкѣ глаголы перваго спряженія имѣли въ 1-мъ л. ед. ч. настоящ. и будущ. врем. (а слѣдовательно и въ сослагательн. наклон. не только этихъ временъ, но также и прошедшихъ) двѣ формы, одну на -*âmi*, другую на -*âli*. Нѣкоторые отнесутся, можетъ быть, недовѣрчиво къ возможности существованія такихъ вариантовъ въ индоевроп. языкѣ, но по моему мнѣнію, ошибка Шлейхера при воссозданіи этого языка состояла главнымъ образомъ въ томъ, что онъ часто искалъ единства тамъ, гдѣ его не было. Говоря объ индоевроп. языкѣ, мы разумѣемъ обыкновенно тотъ періодъ его жизни, который непосредственно предшествовалъ распаденію этого языка, а въ эту эпоху индоевроп. языкъ не былъ, конечно, какимъ-то примитивнымъ языкомъ,³⁷⁾ но долженъ былъ имѣть за собою богатую исторію, ибо иначе онъ не выработалъ бы формы въ томъ совершенствѣ, какое мы находимъ въ немъ. Слѣдовательно, въ эту эпоху даже то, что восходитъ къ первоначальному единству, могло уже распасться на варианты (примѣры представляетъ жизнь cadaго языка), но въ данномъ случаѣ, какъ я постараюсь показать далѣе, мы имѣемъ такіе варианты, которые, по всей вѣроятности, никогда не были тождественны, и истинное различіе которыхъ стоитъ въ связи съ образованіемъ „я“ въ индоевроп. языкѣ.

Принимая индоевроп. формы * *bhaḡân* = * *bhaḡâmi*, я, на основаніи сходства, представляемаго большинствомъ языковъ нашей семьи, заключаю, что въ періодъ раздѣленія индоевроп. языка формы вида * *bhaḡân* преобладали надъ формами вида * *bhaḡâmi*. Допустивши это, мы легко поймемъ, почему европейскіе языки или ихъ группы (нѣтъ надобности въ гипотезѣ общеевропейскаго языка) независимо другъ отъ друга утратили формы вида * *bhaḡâmi*: это явленіе было слѣдствіемъ закона аналогіи, оказываемой большинствомъ на меньшинство, при чемъ могла вліять и сравнительно бôльшая краткость формы * *bhaḡân*. Наконецъ, та же аналогія стала распространяться мало по малу и на глаголы втораго спряженія, и потому, напр., греч. δέιχνυμι обратилось въ δέιχνύω, литовск. dēmi въ dedu; понятно, что подобный переходъ не можетъ быть объясняемъ стремленіемъ къ сокращенію звуковой формы.—Но, спро-

³⁷⁾ Въ этомъ отношеніи можетъ быть сбивчиво названіе «Ursprache», «праязыкъ».

ситъ читатель, почему же языки индійскіе и эранскіе пошли инымъ путемъ? Если формы вида * *bhaṛān* преобладали въ индоевропейск. языкѣ надъ формами вида * *bhaṛāmi*, въ такомъ случаѣ должна быть непонятною утрата первыхъ въ языкахъ индійскихъ и эранскихъ. Разгадка этого заключается, по моему мнѣнію, въ томъ обстоятельстве, что еще въ индо-эранскую эпоху, какъ я указывалъ выше, окончаніе -*ān* въ 1-мъ л. ед. ч. стало принадлежностью только сослагательнаго наклоненія; другими словами, индо-эранскій языкъ воспользовался существованіемъ вариантовъ * *bhaṛān* = *bhaṛāmi* для цѣлей грамматическихъ, и одну изъ этихъ формъ, именно * *bhaṛān* онъ сталъ употреблять въ значеніи сослагательнаго наклоненія (такъ какъ иначе 1-е л. ед. ч. сослагател. наклон. настоящ. и будущ. не отличалось по звуковому виду отъ 1-го л. ед. ч. изъявит. наклон.). Подъ вліяніемъ этой же формы образовалось, можетъ быть, и * *bhaṛāni*, изъ * *bhaṛāmi*, въ 1-мъ л. ед. ч. повелительн. наклоненія. Такимъ образомъ окончаніе -*ān* (= -*ā* въ Ведахъ и -*ā* въ Авестѣ) въ 1-мъ л. ед. ч. съ теченіемъ времени нераздѣльно слилось съ значеніемъ сослагател. наклоненія и потому должно было исчезнуть, какъ скоро сослагател. наклоненіе вышло изъ употребленія. Нѣчто подобное существовало, можетъ быть, и въ греческ. языкѣ, если судить по гомеровск. ἑθέλωμι, но только здѣсь наоборотъ, окончаніе -*μι* совпало съ сослагател. наклон. (потому и въ аористахъ: ἄγαγωμι, τέχωμι и т. д.), а -*ω* съ изъявительн.; во всякомъ случаѣ, однако, греческій языкъ никогда не различалъ такъ строго обоихъ окончаній, какъ индо-эранскій, и все дѣло ограничилось здѣсь, повидимому, лишь попытками, которыя могли затянуть только на время конечную гибель формъ вида * *bhaṛāmi*. Но въ латинскомъ языкѣ оба эти окончанія существеннымъ образомъ разнятся, и -*ō* (изъ -*ān*) стало принадлежностью изъявительн. наклоненія, между тѣмъ какъ -*at* (изъ -*ā - mi*) употребляется въ сослагательномъ. Подобнымъ же образомъ и древнеирландскій языкъ различаетъ между изъявительн. *biur*, изъ * *biru* (гдѣ -*u* изъ -*ān*), и сослагател. - *ber* (= лат. *feram*).

Однимъ изъ доказательствъ того, что фέρω, беръ и т. д. не могутъ быть объясняемы изъ * *bhaṛāmi* (или * *bhaṛami*) простымъ стремленіемъ къ сокращенію формы, служатъ производные глаголы съ такъ называемымъ суф. -*aja*. Въ этихъ глаголахъ сокращеніе было бы особенно понятно, такъ какъ они отличаются наибольшею полнотою звуковой формы, а между тѣмъ именно въ нихъ-то мы встрѣчаемъ окончаніе -*mi* въ евро-

пейскихъ языкахъ, напр. въ эол. *ῥημι, ἄλῃμι*, ст. слав. *имамъ*, древневерхненѣм. *sakēm=sagēn, salbōm* и т. д.; сюда же принадлежитъ, вѣроятно, и лат. *inquam*.³⁸⁾ Совершенно естественно то, что съ теченіемъ времени и эти глаголы подчиняются аналогіи большинства, но самое существованіе формъ *ἄλῃμι, имамъ, sakēm*, одновременно съ *φέρω, берѣ, бігу*, требуетъ объясненія. Шлейхеръ видѣлъ въ этомъ -*mi* не первоначальное окончаніе, но позднѣйшій переносъ изъ втораго спряженія.³⁹⁾ Я не нахожу, однако, возможнымъ согласиться съ этимъ объясненіемъ, такъ какъ не видны причины, которыя могли бы вызвать явленіе, противорѣчащее общему стремленію языковъ къ сокращенію звуковой формы; при томъ же, и здѣсь нельзя упускать изъ виду совпаденіе отдѣльныхъ индоевроп. языковъ другъ съ другомъ. Курціусъ вполне основательно, по моему мнѣнію, считаетъ эол. формы *ἄλῃμι, ῥημι* остаткомъ глубокой древности,⁴⁰⁾ и напрасно только не указываетъ онъ при этомъ хотя бы ни древневерхненѣм. языкъ, гдѣ соотвѣтствующіе глаголы имѣютъ въ 1-мъ л. ед. ч. -*m* или -*n*, изъ первонач. -*mi*.⁴¹⁾ Курціусъ не объясняетъ, однако, почему самыя полныя формы особенно неохотно поддавались стремленію къ сокращенію, точно такъ же какъ и Боппъ даетъ очень неудовлетворительное объясненіе сохраненію -*m*— -*n* въ двн. *sakēm=sagēn, rētōm=bētōn* и т. д.⁴²⁾ Для насъ этотъ вопросъ долженъ быть поставленъ въ нѣсколько иномъ видѣ, такъ какъ въ греч. -*ω*, ст. слав. -*ѡ*, двн. -*и* я не вижу сокращенія изъ -*āmi* (или -*ami*); мы должны, слѣдовательно, попытаться объяснить, почему форма *bhara-jāmi могла сохраниться въ тѣхъ языкахъ, въ которыхъ *bhara-mi была вытѣснена формою *bhara-n.

Двойное окончаніе 1-го л. ед. ч. настоящ. вр. принадлежало въ индоевроп. языкѣ, какъ я говорилъ, только глаголомъ перваго спряженія (поэтому и въ будущ., и въ сослагательн. наклон. прошедшихъ временъ то же двойное окончаніе 1-го л. ед. ч.), между тѣмъ какъ глаголы втораго спряженія имѣли въ 1-мъ л. ед. ч. настоящ. вр. всегда -*mi*. Ясно, что сохраненіе формы *bhara-jāmi въ евро-

³⁸⁾ Тотъ же корень, что въ ст. слав. *ѣжчати, ѣжливъ*? Въ *inquis, inquit* и т. д. является другая основа (на первонач. *a*).

³⁹⁾ *Compend.*, стр. 665 и 667.

⁴⁰⁾ *Das Verbum der griechisch. Sprache*, стр. 39.

⁴¹⁾ Гласная *i* должна была здѣсь отпасть по закону окончанія словъ.

⁴²⁾ *Vgl. Gram. II, § 436, 3.*

пейскихъ языкахъ легко объяснилось бы, еслибъ оказалось, что глаголы вида * bhara-jāmi принадлежали въ индоевроп. языкѣ ко второму спряженію, и, слѣдовательно, форма * bhara-jān никогда не существовала тамъ. Впослѣдствіи эти глаголы, какъ и другіе, подчинились аналогіи перваго спряженія, которая могла здѣсь дѣйствовать тѣмъ съ большею силою, что формы * bhara-jasi, * bhara-jati и т. д. легко напоминали * svidjasi, * svidjati и т. д., а эти послѣдніе всегда принадлежали къ первому спряженію (основа настоящ. съ суф. -ja).—Извѣстно, что * bhara-jati должно дѣлиться на bhara-ja-ti, т. е. первое *a* въ такъ называем. суф. -aja- составляетъ окончаніе основы, къ которой приставлено -ja. Что касается происхожденія этого -ja, то я согласенъ съ тѣми лингвистами, которые видятъ въ немъ глаголѣ ja=jā „идти“ ⁴³⁾, но я не могу согласиться, когда это -ja отождествляютъ съ тѣмъ -ja, которое служитъ для образованія основы настоящ. времени. За этимъ послѣднимъ -ja должно быть признано мѣстоименное происхожденіе, ибо нѣтъ причины отдѣлять его отъ остальныхъ суффиксовъ, образующихъ основу настоящ. времени, т. е. отъ -a, -na, -ni. вмѣстѣ съ тѣмъ, ничто не заставляеть насъ возводить эти два -ja къ одному и тому же источнику, а напротивъ, допуская совершенно различное ихъ происхожденіе, мы тѣмъ легче поймемъ ту разницу, какая существуетъ въ употребленіи двухъ этихъ образованій. Принципъ, по которому составлена форма * bhara-jati тотъ же, что и въ будущ. * da-sjati; какъ здѣсь корень-основа *da* соединяется съ настоящ. временемъ отъ глагола *as* (въ основѣ *as-ja—, s-ja—*), такъ и въ * bhara-jati основа *bhara—* соединена съ настоящ. времен. отъ глагола *ja*. Но глаголѣ *ja* (=jā), само собою разумѣется, принадлежитъ ко второму спряженію; слѣдовательно, и производные глаголы вида * bhara-jati должны быть относимы по своему образованію точно такъ же ко второму, а не къ первому спряженію. Все это такъ, но тѣмъ не менѣе форма * bhara-jān должна была употребляться въ индоевроп. языкѣ, ибо иначе непонятно было бы, почему мы встрѣчаемъ въ Авестѣ *vāuraū, araū* ⁴⁴⁾, въ соотвѣтствіе съ формами европейскихъ языковъ. слѣдовательно, составъ глаголовъ вида * bhara-jati былъ забытъ еще до раздѣленія индоевроп. языка, или, другими словами, эти глаголы (по звуковому своему виду) подчинились здѣсь

⁴³⁾ См. объ этомъ вопросѣ у Курціуса, *Das Verbum*, стр. 291 и слѣд.

⁴⁴⁾ См. Юсти *Handbuch der Zendsprache*, стр. 399.

аналогіи перваго спряженія. Такимъ образомъ анализъ производныхъ глаголовъ вида * *bhagaĵati* нисколько не объясняетъ еще, почему европейскіе языки, утратившіе форму * *bhagāmi*, сохраняютъ, однако, * *bhagaĵāmi*. Объясненіе этого явленія, я надѣюсь, можетъ быть найдено въ связи съ разборомъ славянскихъ производныхъ глаголовъ.

Бопшъ, говоря объ окончаніи 1-го л. ед. ч. настоящ. врем., указываетъ, между прочимъ, на то, что носовая *m* изъ *-mi* сохраняется до сихъ поръ въ словинскомъ языкѣ, напр. въ *pletem*, *gorim*, *dêlam* ⁴⁵⁾. Кунъ въ своей рецензіи книги Шерера разсматриваетъ и другія славянскія нарѣчія, сохраняющія это *-m*, точно такъ же какъ и Курціусъ припоминаетъ сербск. *плетемъ* въ доказательство того, что въ европейскіихъ языкахъ не совсѣмъ исчезло еще *-m* въ окончаніи 1-го л. ед. ч. настоящ. врем. глаголовъ съ основою на первоначальн. *a* ⁴⁶⁾. Есть, однако, существенная разница между *-m* въ *pletem* и *-m* въ *dêlam*, что не было понято ни этими учеными, ни Миклошичемъ ⁴⁷⁾; всѣ они заблуждаются также и касательно отношенія ст. слав. *жъ* въ *плетѣ* къ *-m* въ *pletem*. Если *плетѣ* и *pletem* восходятъ къ одной и той же формѣ, какъ думаютъ Бопшъ, Миклошичъ и другіе, то спрашивается, какъ же звучала эта форма. Она должна была, понятно, сохранять конечное *i*, такъ какъ еще въ общеславянск. языкѣ вошелъ въ силу законъ, по которому каждое слово могло оканчиваться лишь на гласную (простую или носовую); этотъ же законъ, какъ извѣстно, удерживался не только въ общемъ южнославянск. языкѣ, но и въ старославянскомъ. Но съ другой стороны, сравненіе славянскихъ нарѣчій дѣлаетъ несомнѣннымъ существованіе общеславянск. * *pletj*, такъ какъ лишь изъ общеславянск. *жъ* объясняется окончаніе этой формы во всѣхъ славянскихъ языкахъ (пожалуй, за исключеніемъ словацкаго) ⁴⁸⁾, въ томъ числѣ и въ сербско-словинскомъ, гдѣ рядомъ съ *-em* мы находимъ также сербско-хорватск. *-и* (преимущественно въ хорватскомъ), словинск. *-о* (преимущественно въ старыхъ памятникахъ). Далѣе, принимая во вниманіе литовскій языкъ (*-uo-*, *-и*), мы не затруднимся признать окончаніе *-on* или *-ôn* и для литовско-славянскаго языка. Такимъ образомъ очевидно, что формы *плетѣ* и *pletem* не

⁴⁵⁾ Vgl. Gram. II, § 436, 2.

⁴⁶⁾ Zeitschrift XVIII, 327—328; Das Verbum der griechisch. Sprache, стр. 43.

⁴⁷⁾ См. его Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen, Dritter Band.

⁴⁸⁾ Но и здѣсь является *и* въ реку.

могутъ быть возводимы къ одному общему источнику, и нѣтъ надобности указывать на несоотвѣтствіе между *e* въ -ем и *o* или *ô* въ *ж*. Но позволительно ли думать, что *pletem* предполагаетъ общеславянск. форму * *pletemi*, какъ вариантъ при * *pletъ*? Я принимаю подобные варианты для индоевроп. языка, и признаніе общеславянск. * *pletemi* заставило бы меня только исправить предположенное мною выше индоевроп. * *bharâmi* въ * *bharami*; при всемъ томъ, я не могу допустить существованія общеславянск. * *pletemi*. Извѣстно, что окончаніе -ем въ 1-мъ л. ед. ч. настоящ. врем. глаголовъ перваго спряженія встрѣчается въ нарѣчіяхъ словинскомъ, сербскомъ (вмѣстѣ съ хорватскимъ, гдѣ, однако, часто употребляется -и), словацкомъ и въ діалектахъ обоихъ лужицкихъ нарѣчій ⁴⁹⁾ и частію польскаго. На основаніи такого распредѣленія фактовъ можно было бы предположить общеславянск. -emi, еслибъ какія нибудь другія соображенія заставляли насъ думать, что въ общеславянск. языкѣ формы вида * *pletemi* во всякомъ случаѣ существовали; но подобныхъ побудительныхъ причинъ я не знаю и считаю нужнымъ поэтому объяснять *pletem* иначе. По моему мнѣнію, *pletem* есть форма новая, вызванная аналогіею глаголовъ на -*m* (=ст. слав. -мь), и при томъ тогда, когда конечная гласная въ *dam* и др. уже отпала, такъ что въ переходѣ *pletu* (словинск. *pleto*) въ *pletem* не было особеннаго распространенія звуковой формы. Само собою разумѣется, нельзя остановиться на этомъ въ объясненіи *pletem*, но должно показать, что именно заставляло измѣнять *pletu* въ *pletem*, а въ виду согласія, представляемаго въ этомъ отношеніи различными славянскими нарѣчіями, необходимо найти для всѣхъ ихъ одну и ту же причину, изъ тождества которой вытекало бы и тождество слѣдствія. Такую причину я вижу въ стремленіи отличать 1-е л. ед. ч. настоящ. врем. отъ 3-го л. множ. ч. (въ польск. *pięm* и т. д. отъ 3-го л. ед. ч.), которое совпало здѣсь съ 1-мъ л., какъ скоро утрачено было конечное -*t* (=ст. слав. -тъ), подобно тому какъ онъ было утрачено и въ 3-мъ л. ед. ч. Слѣдовательно, 3-е л. мн. ч. *pletu* (словинск. *dělajo*) потеряло конечное -*t* прежде, чѣмъ явилась форма 1-го л. ед. ч. *pletem*, вмѣсто *pletu* (словинск. *pleto*). Относительно словацкаго языка, который сохранилъ въ 1-мъ л. -и только въ *reku*, можно было бы замѣтить, что здѣсь 3-е л. мн. ч. достаточно уже отли-

⁴⁹⁾ Въ нижнелужицкомъ нарѣчій гласная *e* въ -ем обратилась въ *jô, o*.

чалось отъ 1-го ед. ч. количествомъ гласной, такъ какъ въ 3-мъ л. мн. ч. -и есть гласная долгая (ú); это возраженіе потеряетъ, однако, свою силу, какъ скоро мы припомнимъ, что во множествѣ случаевъ оба лица все таки должны были совпасть (напр. *tiahnu*), вслѣдствіе извѣстнаго закона, дѣйствующаго въ словацкомъ языкѣ по отношенію къ долготѣ гласныхъ. Формы 1-го л. ед. ч. и 3-го множ. стоятъ на столько далеко одна отъ другой по своему значенію, что ихъ звуковое тождество могло бы не препятствовать одновременному существованію *pletu*, 1-го л. ед. ч., и *pletu*, 3-го л. множ. ч. Въ такомъ бы положеніи дѣло, вѣроятно, и оставалось (какъ оно дѣйствительно можетъ оставаться въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ), еслибъ не оказали вліянія тѣ глаголы, въ которыхъ 1-е л. ед. ч. издавна оканчивалось на -m (=ст. сл. -мь), и гдѣ, слѣдовательно, не могло произойти звуковое совпаденіе этого лица съ 3-мъ множ. ч. Понятно, что языки воспользовались аналогіею такихъ глаголовъ и, принявши -m за признакъ 1-го лица, измѣнили *pletu* въ *pletem*. То обстоятельство, что эта форма звучитъ *pletem*, а не *pletum* (*pletom*), показываетъ, что основа *plete-*, являющаяся въ другихъ лицахъ, ясно представлялась говорившимъ, и обращеніе *pletu* въ *pletem* казалось тѣмъ, чѣмъ оно и было въ дѣйствительности, т. е. замѣною одного окончанія другимъ, тождественнымъ по значенію и болѣе выразительнымъ со стороны звуковой.

Не одни только глаголы, приставающіе въ настоящ. времени флексивныя окончанія прямо къ корню (ст. сл. есмь, вѣмъ и т. д.), послужили тѣми образцами, по которымъ создана была форма *pletem*; но такое же вліяніе оказали и тѣ многочисленные производные глаголы, примѣромъ которыхъ можетъ служить словинск. *dêlam*. Относительно этихъ послѣднихъ глаголовъ нельзя уже сомнѣваться въ томъ, что окончаніе -mъ въ 1-мъ л. ед. ч. настоящ. врем. существовало въ нихъ еще въ общеславянскомъ языкѣ, такъ какъ всѣ славянскія нарѣчія представляютъ формы, соотвѣтствующія словинск. *dêlam*, т. е. съ согласною m въ окончаніи 1-го л. ед. ч. Только въ нарѣчіяхъ старославянскомъ и великорусскомъ настоящ. время вида * дѣлаамъ, * дѣлаамъ почти вытѣснено другимъ, параллельнымъ образованіемъ, хотя и здѣсь мы находимъ ст. сл. имаамъ, имаамъ⁵⁰⁾, русск. областн. знаамъ (=знаю). Та-

⁵⁰⁾ Но въ новоболгарскомъ этотъ классъ глаголовъ вполне развитъ, откуда слѣ-

кимъ образомъ очевидна необходимость признать здѣсь окончаніе -mī вынесеннымъ изъ общеславянскаго языка (ибо иначе непонятно было бы сходство, представляемое всѣми славянскими нарѣчіями именно въ этомъ классѣ глаголовъ), а въ этомъ общеславянск. -mī мы увидимъ, конечно, старое индоевропейск. окончаніе, особенно если примемъ во вниманіе эол. *δρῆμι, χαλῆμι*, двн. *salbōm, sakēm* и т. д. Да и какъ же иначе могли бы мы объяснить его? Если -mī перенесено сюда изъ такихъ глаголовъ, какъ *esmī, *dāmī (ст. сл. есмь, дамь), то почему же переносъ ограничился лишь одними производными глаголами, да и какія причины вообще могли вызвать его въ общеславянскомъ языкѣ? Ясно, что здѣсь не было того повода, который впослѣдствіи способствовалъ переходу, напр., словинск. *pleto* въ *pletēm*.

Въ старославянскомъ языкѣ формы вида *дѣламы, за исключеніемъ только имаамъ, были вытѣснены параллельнымъ образованіемъ дѣлаѡ, подобно тому какъ и въ великорусскомъ форма дѣлаю господствуетъ. Изъ сравненія съ другими славянскими нарѣчіями (напр. съ древнечешскимъ) не трудно заключить, однако, что подобныя формы существовали уже въ общеславянск. языкѣ, т. е. мы можемъ признать общеславянск. *dělājъ, 3-е л. ед. ч. *dělājeti. Обыкновенно, думаютъ, что, напр., и чешск. *dělá*, польск. *działa*, южнославянск. *děla* и т. д. восходятъ также къ общеслав. *dělājeti, при чемъ не отдають себѣ яснаго отчета касательно отношенія -amъ въ 1-мъ л. ед. ч. къ общеслав. -ājъ. Но еслибы мы даже оставили безъ вниманія послѣдній пунктъ, то все-таки не могли бы согласиться съ такимъ объясненіемъ. Гласная *a* въ чешск. *dělá*, польск. *działa*, южнослав. *děla* произошла, конечно, черезъ стяженіе, какъ это доказывается не только ст. сл. имаамъ, но также и чешскимъ *á* въ *dělám, delá* и т. д., сравнительно, напр. съ 3-мъ лицомъ множ. ч. *dělají*, гдѣ стяженія нѣтъ; подобнымъ же образомъ и въ польскомъ языкѣ *działam, działa* и т. д. имѣютъ *a* „наклоненное“ (*á*), т. е. склоняющееся къ *o*, между тѣмъ какъ, напр., въ 3-мъ л. множ. ч. *a* не наклонено. По мнѣнію Миклошича ⁵¹⁾, чешск. -*á*- стянуто изъ -*aje*-, но такое объясненіе противорѣчитъ закону стяженія гласныхъ въ

дуетъ, между прочимъ, ошибочность того мнѣнія, которое не дѣлаетъ никакого различія между нарѣчіями старославянскимъ и древнеболгарскимъ.

⁵¹⁾ Vgl. Gram, der slavischen Sprachen, III, стр. 429.

чешскомъ языкѣ: изъ *dělaje* - здѣсь должно было бы образоваться *děle* - (ср., напр., *dobrého* изъ *dobrajeho*), такъ какъ при стяженіи двухъ различныхъ гласныхъ въ чешск. языкѣ вторая поглощаетъ первую (и становится долгою) ⁵²⁾. Но точно такъ же въ польскомъ *działa-*, словинск. *děla* - нельзя видѣть стяженія *a* изъ *aje*, такъ какъ мы и здѣсь ожидали бы въ такомъ случаѣ *e*. Слѣдовательно, мы должны возводить это стянутое *a* къ общеславянск. *āja* (въ періодъ раздѣленія общеславянск. языка каждое *a* было долгимъ), и на это же сочетаніе указываетъ ст. сл. *aa* (откуда *a*) въ *имаамъ*, *имаать*. Правда, ст. сл. *aa* въ *имаать* могло бы быть объяснено изъ *ae* на основаніи specialнаго закона старославянскаго языка, но во-первыхъ, едва ли можно отдѣлять ст. сл. *имаать*, *имать* отъ соотвѣствующихъ формъ другихъ славянскихъ нарѣчій, а во-вторыхъ, мы не имѣемъ права предполагать общеславянск. - *aješi* (въ 1-мъ л. ед. ч.), къ которому пришлось бы въ такомъ случаѣ возводить ст. сл. - *аамъ* въ *имаамъ*. Сообразно съ этимъ можно думать, что и въ формахъ *гнѣвааши*, *бываать* и т. под. (изъ Супр. рукоп.) сочетаніе *aa* произошло изъ *āja*, а не изъ *aje*; иной вопросъ, конечно, употреблялись ли эти формы въ старославянскомъ нарѣчьи, или же онѣ внесены изъ другихъ нарѣчій. Относительно русск. *знашь*, *быватъ* и т. под. трудно рѣшить, куда должно относить эти формы, но въ данномъ случаѣ то или другое рѣшеніе не можетъ имѣть для насъ большаго значенія, такъ какъ мы становимся теперь на почву общеславянск. языка.

Изъ сказаннаго выше слѣдуетъ, что въ общеславянск. языкѣ формы * *gādāj**, * *gādajeti* существовали рядомъ съ * *gādājāmi*, * *gādājāti*. Что касается долгаго *a* передъ іотомъ въ концѣ *gādā-*, то мнѣ кажется, нельзя сказать ничего вѣрнаго относительно происхожденія этой долготы, такъ какъ здѣсь представляются возможными различныя рѣшенія. Въ литовскомъ языкѣ формамъ * *gādāj**, * *znāj** (изъ * *zināj**, но *i* выпало еще до раздѣленія общеславянск. языка) ⁵³⁾ соотвѣтствуютъ *žinau*, *jėszkau* и т. под., но здѣсь вопросъ въ томъ, было ли *a* до выпаденія іота долгимъ, или краткимъ; въ

⁵²⁾ Понятно, что такіе случаи, какъ *víti* (= *vāti*), не составляютъ исключенія: *á* въ *vāti* произошло изъ *eja*, а *í* въ *víti* изъ *eje*, съ извѣстнымъ обращеніемъ *ie* (= ст. слав. *ѣ*) въ *í*.

⁵³⁾ Миклошичъ помѣщаетъ этотъ глаголь не на мѣстѣ, относя его къ классу «бити»; по ср. чешск. *znám*, польск. *znam* и т. д. Точно такъ же и другіе лингвисты (напр. Фикъ) ошибочно видятъ здѣсь корень *gnā*, а не *gan*.

žinau и т. под. іотъ выпалъ еще въ литовско-латышскомъ языкѣ (ср. латыш. *zinu*), и потому во всякомъ случаѣ мы не могли бы ожидать здѣсь литовск. *o* ($\equiv \hat{a}$), хотя бы *a* было первоначально долгимъ. Съ другой стороны, надо замѣтить, что литовскій языкъ отличается такіе глаголы, какъ *žinau*, *jėszkau* и т. д., отъ глаголовъ: *gaudoju* (отъ *gauda* „рыданіе, вопль“), *pasakoju* (отъ *pasaka* „сказка“), *lakiuju* и т. д., между тѣмъ какъ въ славянскихъ языкахъ оба класса смѣшиваются. Новый вопросъ: на сторонѣ котораго языка въ этомъ случаѣ бѣлая древность? Въ санскритѣ глаголы не-отъименные удерживаютъ передъ *-ya-* краткое *a* основы (*veda-yati*), но глаголы отъименнаго происхожденія допускаютъ варианты и съ долгимъ $\hat{a}$, какъ напр.: *yoktrayati* (отъ *yoktra*) и *açvāyati* (отъ *açva*). Въ пользу же индоевроп. вариантовъ * *bharājati* и * *bharajati* могло бы говорить то обстоятельство, что, напр., въ латинск. языкѣ мы находимъ *monere* рядомъ съ *doma-*, въ греческомъ * *φορε-je-* рядомъ съ *δαμα-je* и т. д.; при такомъ предположеніи *e* объяснялось бы изъ краткаго *a*, между тѣмъ какъ напр. лат. *domā-* должно было бы восходить къ первонач. *damāja-* (или * *damājā-*).

Обратимся теперь къ долготу *a* послѣ іота въ * *gādājāti*. Здѣсь, мнѣ кажется, не можетъ быть никакихъ сомнѣній относительно того, какъ произошла эта долгота, если мы припомнимъ сказанное выше объ *jā* въ производныхъ глаголахъ. Мы видѣли, что это *jā* есть собственно глаголъ *ja* („идти“) и потому даже *a priori* мы могли бы предложить, что рядомъ съ этимъ *ja* въ производныхъ глаголахъ употреблялся и исконный его вариантъ *jā*, съ долгою гласною. Языки индо-эранскіе не представляютъ такихъ образований, какъ * *bharayāti* или * *bhārayāti*, и я вижу въ этомъ утрату, на которую оказало, можетъ быть, вліяніе опять-таки сослагательное наклоненіе (*bhārayāti* есть сослагат. наклоненіе при изъявительн. *bhārayati*). Латинскій языкъ и готскій не могутъ говорить ни за, ни противъ въ этомъ вопросѣ, такъ какъ намъ неизвѣстенъ процессъ, результатомъ котораго является, напр., лат. *domās* или готск. *salbōs*; но въ греческомъ мы находимъ полное соотвѣтствіе такимъ формамъ, какова, напр., общеслав. * *gādājāti*. Уже Курціусъ находитъ нужнымъ объяснять эол. *φίλημι*, *δοκίμωμι* и т. д. изъ * *φιλεῖμι*, * *δοκιμοῖμι* (затѣмъ * *φίλημι*, * *δοκίμωμι*, при вліяніи іота на долготу предшествующей гласной), между тѣмъ какъ, напр., *φέρω* онъ возводитъ къ

* bharami, съ краткою гласною передъ -mī; долгота гласной въ -jēmi, т. е. первонач. -jâ-mī, объясняется, по его мнѣнію, изъ того, что ja есть здѣсь глаголь ⁵⁴). Курціусъ не распространяетъ, однако, это jâ на другія лица, кромѣ 1-го л. ед. ч. (почему, я не знаю), но Мангольдъ идетъ дальше и предполагаетъ, напр. * ὄραjημι, * ὄραjησι, * ὄραjητι, при двойствен. * ὄραjετον, множеств. * ὄραjεμεν и т. д. ⁵⁵). Мангольдъ указываетъ при этомъ на аналогію τίθημι, которая въ греческомъ языкѣ, дѣйствительно, могла получить значеніе, но не въ индоевропейскомъ, такъ какъ здѣсь глаголь jâ (вариантъ при ja) сохранялъ всюду долгую гласную (ср. санскритъ). Наконецъ, и въ греческомъ мы находимъ образованія, свидѣтельствующія о долгомъ -ja- не только въ трехъ лицахъ ед. числа, но и въ другихъ формахъ; сюда я отношу, напр., δαμῶσι, ἀντιῶσι, στιχῶντο, ὀρώτε, ὀρώντες, ἡβῶσα и т. д. Извѣстно, что въ настоящее время различныя образованія, представляемыя греческими verba contracta, получили вполне удовлетворительное объясненіе, и то, что въ старыхъ грамматикахъ носило нелѣпое названіе: „растяженіе“, давно уже понято наукою какъ не-стяженіе. Загадочными оставались только такія формы, какъ δαμῶσι, ὀρώте и т. д., между тѣмъ какъ для ὄραας Мангольдъ далъ уже правильное объясненіе (изъ ὄραjησι); вмѣстѣ съ тѣмъ онъ показалъ, что въ δαμῶσι, ὀρώте и т. д. нельзя видѣть перестановку ωο въ σο ⁵⁶), которую готовъ былъ допустить здѣсь Курціусъ. Я думаю, что эти формы, оставленныя Мангольдомъ не разъясненными ⁵⁷), получаютъ надлежащее освѣщеніе въ связи съ общесл. * gádājāti, * gádājáte и т. д. и восходятъ къ индоевроп. образованіямъ вида * bhara-jāti.

Такимъ образомъ, допуская индоевроп. варианты * bhara-jāti =

⁵⁴) Studien zur griechischen und lateinischen Grammatik, III, стр. 392—393; Das Verbum der griechisch. Sprache, стр. 345—355.

⁵⁵) Studien zur griechisch. und lateinisch. Grammatik, VI, стр. 179 и слѣд.

⁵⁶) Ibid. стр. 170 и слѣд.

⁵⁷) Едва ли могутъ показаться убѣдительными слѣдующія слова Мангольда (стр. 178): Ita igitur formas ὀρόντα, ὀρώτε al. ortas esse existimo, ut eo tempore, quo in sermone vulgari jam nullae aliae formae nisi contractae usurparentur, rhapsodi recentiores, cum jam non bene intellegerent, quae esset ratio formarum a majoribus acceptarum, sed eas distractas, esse e formis, quibus ipsi uterentur, contractis putarent, pro ὀρόντα, ὀρότε levi mutatione ὀρώντα, ὀρώτε cantare coepissent.

* bharajāti, мы поймемъ, почему европейскіе языки утратившіе * bharāmi, могли удержать, однако, * bharajāmi. Эта послѣдняя форма употреблялась въ соотвѣтствіе съ * bharajāsi, * bharajāti и т. д. (2-е спряженіе), между тѣмъ какъ формы * bharajasi * bharajati вызывали въ первомъ л. ед. ч. * bharajān, подобно * bharān при * bharasi. Слѣдовательно, и для общеславянскаго языка мы должны предположить производные глаголы съ -jā-, такъ какъ иначе непонятно было бы сохраненіе -m (-n) въ двн. sakēm, salbōm и т. д. Подобный же выводъ можно сдѣлать и по отношенію къ лат. inquam.

Въ славянскихъ языкахъ изъ первоначальн. -aja- объясняютъ не только а, но также ê (ст. сл. ѣ) и ѣ. На основаніи чешск. umím, польск. umiem, словинск. umém и т. д. мы можемъ допустить и въ глаголахъ на -ê- общеславянск. -mí въ окончаніи 1-го л. ед. ч. настоящ. врем.; я долженъ, однако, воздержаться отъ болѣе подробнаго анализа, такъ какъ для меня не ясно происхожденіе здѣсь общеславянск. ê = литовск. é. Что касается глаголовъ на -î-, то въ нихъ общеславянск. -mí можетъ быть выведено, собственно говоря, лишь на основаніи чешскаго языка (chválím); понятно, что тѣ славянскія нарѣчія, въ которыхъ существуютъ формы pletem и т. под., не имѣютъ въ этомъ случаѣ сами по себѣ никакого значенія. Какъ бы то ни было, со стороны теоретической я ничего не имѣю противъ общеславянск. -mí въ этихъ глаголахъ, хотя и долженъ отказаться вывести общеславянскую форму, соотвѣтствующую чешск. chválím. Относительно же образованія славянскихъ глагольных основъ на -î- я позволю себѣ замѣтить слѣдующее. Съ общеславянск. глаголами * positi, * voziti и т. д. должны быть сближаемы тѣ литовскіе глаголы на * yti (напр. vartyti, laužyti и т. д.), которые образуютъ настоящ. время отъ другой основы (vartau, laužau, подобно, напр., žinau). Можно думать, что это î производныхъ глаголовъ образовалось еще въ литовско-славянскомъ языкѣ, хотя въ послѣдствіи литовскіе и славянскіе языки пошли различными путями при употребленіи этихъ основъ. По мнѣнію Шлейхера ст. слав. глаголы носити и т. д., литовск. vartyti и т. д. произошли независимо другъ отъ друга, хотя и ст. слав. носити и литовск. vartyti онѣ возводятъ къ первоначальнымъ образованіямъ на -aja-; ст. слав. и въ носити Шлейхеръ объясняетъ изъ тѣъ, а литовск. у въ vartyti изъ iji⁵⁸⁾. Нельзя, однако, согласиться съ этимъ

⁵⁸⁾ Compend., стр. 362 и 363.

объясненіемъ, такъ какъ оно не можетъ быть доказано ни по отношенію къ славянскимъ языкамъ (неправильное образованіе ера), ни по отношенію къ литовскимъ (изъ первоначальн. *varta*— въ *vartaja*— нельзя ожидать въ литовск. языкѣ *varti*—). Тѣмъ менѣе основанийъ объяснять здѣсь слав. *i*, литовск. *y* изъ первоначальн. *aja*, если мы допустимъ, что *i* существовало еще въ литовско-славянскомъ языкѣ. Я думаю, что эти глаголы должны быть объясняемы въ связи съ латинскими глаголами на *-î-*, какъ напр. *sorîre* (съ ними смѣшиваются отъименные глаголы, какъ напр. *finîre*). По мнѣнію Шлейхера, *i* и здѣсь произошло изъ *iji* (=первонач. *-aja-*)⁵⁹⁾, но сомнительность такого объясненія очевидна, особенно если мы примемъ во вниманіе глаголы *monêre*, *sedêre* и т. д. (*ê* изъ *eje*=*aja*). Корсень думаетъ, что лат. *ê*, *i* въ производныхъ глаголахъ образовались изъ *ei*, а это *ei* онъ возводитъ къ первоначальному *aja* черезъ посредство *aiê*, *ai*, *ei*; на мой взглядъ все это требовало бы доказательствъ, а аналогія, на которую ссылается Корсень, не можетъ быть убѣдительна по многимъ причинамъ⁶⁰⁾.

Литовско-славянск. *i* съ одной стороны, и лат. *i*, съ другой, найдутъ, по моему мнѣнію, удовлетворительное объясненіе, какъ скоро мы признаемъ въ нихъ первонач. *jâ*. Въ индоевроп. языкѣ глаголь *ja* могъ приставляться не только къ основѣ на *-a* (*bhaga-jati), но также и къ корню-основѣ, доказательствомъ чего служатъ готскіе глаголы *satjan*, *tamjan* и т. д.; сюда же принадлежать, можетъ быть, и нѣкоторые греческіе глаголы на *-ιζω*, какъ напр. *ἐμφοδίζω*. Но рядомъ съ *ja* въ индоевроп. языкѣ существовалъ, какъ мы знаемъ, глаголь *jâ*; слѣдовательно, по аналогіи съ *bhagajati = *bharajâti мы можемъ предположить и для *bharjati вариантъ *bharjâti, и эту-то глагольную основу на *-jâ* я вижу въ литовск. *varty*—, ст. слав. *носи*—, лат. *sorî*—. Переходъ первоначальн. *-jâ*, послѣ согласной (не въ концѣ слова), въ литовско-славянск. *-î* подтверждается словомъ **šiva-s*⁶¹⁾, которое можно вывести изъ сравненія литовск. *szuvas* съ русск. *сивъ*, словинск. *siv*, польск. *siv* и т. д.; этому *šiva— соотвѣтствуетъ въ санскритѣ *śuāva*, т. е. первоначальн. *kiāva, *kjāva. Какъ въ *сивъ*, такъ и въ *нести* согласная *s* оста-

⁵⁹⁾ Ibid. стр. 359.

⁶⁰⁾ Ueber Aussprache, Vocalismus und Betonung der lateinisch. Sprache, второе изданіе, II, стр. 731.

⁶¹⁾ Буква *ç* выражаетъ здѣсь тотъ звукъ, изъ котораго образовались славянск. *s* и литовск. *sz*, соотвѣтствующія первоначальн. *к* (*к* небн.).

лась неизмѣнною въ *и*, вслѣдствіе того что іотъ уже не существовалъ здѣсь въ общеславянск. языкѣ. Но еще важнѣе аналогія, представляемая повелительн. наклоненіемъ славянскихъ глаголовъ втораго спряженія. Извѣстно, что славянск. повелительн. наклоненіе есть по образованію желательное, а въ составъ желательнаго наклоненія (во второмъ спряженіи) входитъ то же *jâ*, которое мы открыли и въ производныхъ глаголахъ. Понятно, что *dadî*— въ ст. слав. дадимъ, дадите произошло изъ *dadjâ*— (въ индоевроп. * *dadjâma*, * *dadjâta*) еще въ ту эпоху, когда зубныя согласныя не должны были измѣняться подъ смягчающимъ вліяніемъ іота; слѣдовательно, общеслав. *dadî*— (ст. слав. дади-мъ): индоевроп. *dadjâ*— = общеслав. *posî*— (ст. слав. носи-ти): индоевроп. *pakjâ*—. Но что касается *-jâ* въ конечныхъ слогахъ, то оно не стягивалось въ *-î* даже въ общеславянск. языкѣ (не только въ литовско-славянск.); какъ это можно видѣть, напр., изъ ст. слав. даждь (=индоевроп. * *dadjâs*); ср. также берѣшти изъ первонач. * *bharantjâ*.

III.

До сихъ поръ мы нигдѣ не встрѣтились съ необходимостью объяснять ст. сл. -жъ въ окончаніи 1-го л. ед. ч. путемъ фонетическаго измѣненія изъ первоначальн. -*âmi* или -*ami*. Напротивъ, самая возможность перехода конечнаго -*âmi* (или -*ami*) въ ст. слав. -жъ=общеслав. -жъ, литовск. -уо, -и требовала бы доказательствъ. Тотъ, кто принимаетъ такой переходъ, руководствуется, конечно аналогією, указанною Шлейхеромъ по поводу творительнаго падежа ед. ч. ⁶²⁾. Шлейхеръ объясняетъ ржкожъ (ср. таѣже костижъ) изъ * *ranka-jâ-mi* ⁶³⁾ и предполагаетъ, что существительныя, принадлежащія къ классу „влькъ“, должны были собственно имѣть въ творительн. пад. ед. ч. * *влькж*, гдѣ -жъ изъ -*ami*, между тѣмъ какъ существующая форма влькомъ (влькѣмъ) образована по аналогіи основъ на первонач. -и: сынѣмъ, обыкновенно сынѣмъ. Подобнымъ же образомъ литовскій творительн. пад. *vilku* объясняется Шлейхеромъ изъ * *vilkam*, * *vilkami*, а также и двн.

⁶²⁾ Compend., стр. 581; Indogermanische Chrestomathie, стр. 364—365.

⁶³⁾ Шлейхеръ видитъ здѣсь соединеніе двухъ окончаній творительн. пад.: -â и -bhi (ст. слав. -мъ).

wolfu изъ * wolfâmi (здѣсь Шлейхеръ принимаетъ удлинненіе гласной). Для аналогіи указывается при этомъ на окончаніе 1-го л. ед. ч.: ст. слав. -ѣ, литовск. -и, двн. -и. Понятно, что мы должны были бы поставить весь этотъ вопросъ иначе, такъ какъ мы ищемъ доказательствъ именно для того, что Шлейхеръ считаетъ фактомъ несомнѣннымъ, и на что онъ ссылается какъ на вѣрную аналогію. Измѣняя постановку вопроса, мы могли бы придти къ слѣдующему выводу: если объясненіе, данное Шлейхеромъ для формъ творительнаго падежа вѣрно, то очевидно, ст. слав. везѣ, литовск. veži, двн. wigu не имѣютъ рѣшающаго значенія въ вопросѣ объ индоевроп. * vaghâp, какъ формѣ 1-го л. ед. ч. настоящ. врем. Но доказать вѣрность Шлейхеровскаго объясненія творительныхъ падежей: рѣкоѣ, vilku, wulfu я считаю дѣломъ невозможнымъ.

Останавливаясь на языкахъ славянскомъ и литовскомъ, мы прежде всего должны были бы предположить, что слав. -ѣ въ рѣкоѣ, костикѣ и литовск. -и въ vilku, изъ -ômi, -âmi, явились независимо другъ отъ друга; слѣдовательно, сходство образованія здѣсь было бы случайнымъ, между тѣмъ какъ везѣ, veži восходятъ, конечно, къ общей формѣ съ окончаніемъ -оп или -ôn (хотя бы это -оп, -ôn произошло изъ -âmi, -ômi). Правда, мы поступили бы иначе, еслибъ была намъ передана форма * влъкъ; ея нѣтъ, однако, и мы находимъ вмѣсто того форму влъкомъ, которая правильно объясняется изъ первонач. * varkabhi: Шлейхеръ напрасно усматриваетъ здѣсь вліяніе основъ на первонач. -и, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности основы на -а и на -и лишь смѣшивались въ этомъ падежѣ (какъ и въ другихъ), вслѣдствіе чего рядомъ съ -омъ является также и -ъмъ. Признавая случайнымъ сходство между литовск. -и въ vilku и ст. слав. -ѣ въ рыбоѣ, мы этимъ самымъ дѣлаемъ еще болѣе сомнительнымъ то объясненіе, которое дается для этихъ формъ Шлейхеромъ: каждый согласится съ тѣмъ, что отпаденіе конечнаго -i въ -mi было неправильно, а случайное сходство двухъ языковъ въ самой неправильности всегда кажется страннымъ и вызываетъ сомнѣнія въ вѣрности прилагаемаго объясненія. Но еслибъ мы даже согласились съ Шлейхеромъ касательно ст. слав. влъкомъ и признали для литовско-славянскаго языка прототипы формъ vilku, рыбоѣ, съ окончаніемъ -оп, -ôn изъ первонач. -âmi, -ômi, то и эта гипотеза мало помогла бы: почему -mi теряло конечную гласную лишь въ основахъ на -а, -â и въ нѣкоторыхъ на -i, между тѣмъ какъ въ другихъ осно-

вахъ это -mī сохраняется (литовск. *supimī*, *akimī*, ст. слав. сынѡмъ = сынѡмъ, пѡтемъ = пѡтѡмъ)? Чтобы объяснить себѣ неправильное отпаденіе -i въ -mī, надо допустить существованіе какой-то неизвѣстной намъ причины, вызвавшей такое явленіе; но если была такая причина, то она должна была сказаться всюду въ -mī, безъ всякаго отношенія къ тѣмъ основамъ, къ которымъ присоединялось это окончаніе. Такимъ образомъ я не нахожу возможнымъ согласиться съ Шлейхеромъ въ объясненіи творительн. пад.: *vilku*, *рыбѡмъ*, *костѡмъ*.

Обращаясь затѣмъ къ древневерхненѣмецк. языку, мы и здѣсь встрѣчаемся съ неправильностью: *wulfamī или *wulfāmī (послѣднюю форму предполагаетъ Шлейхеръ, но откуда здѣсь долгота въ *a*?) должно было, конечно, утратить конечное -i, какъ гласную краткую, но мы все таки не ожидали бы встрѣтить *wulfu*. Слѣдовательно, и для древневерхненѣмецк. языка трудно принять Шлейхеровское объясненіе.

А между тѣмъ очевидно, что фонетическая аналогія должна существовать между образованіемъ 1-го л. ед. ч. настоящ. врем. и тѣми формами творительн. пад., о которыхъ говоритъ Шлейхеръ. Касательно литовск. -и въ *vilku* онъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что это -и произошло изъ -uo (какъ *sukū* изъ *sukuō, поэтому въ медиумѣ *sukuos*), которое сохраняется въ склоненіи мѣстоименномъ, какъ напр. въ *tuomī*, гдѣ къ формѣ *tuo* приставлено другое окончаніе творительн. пад., -mī. Но аналогія можетъ быть распространена еще дальше, и готск. *vulfa* относилось бы въ такомъ случаѣ къ двн. *wulfu*, литовск. *vilku*, ст. слав. *костѡмъ* точно такъ же, какъ готск. *vīga* относится къ двн. *wīgu*, литовск. *veži* (въ медиумѣ *vežiūo-s*), ст. слав. *везѡмъ*. Боппъ, Шлейхеръ и друг. считаютъ, правда, готск. *vulfa* вовсе не родственнымъ по падежному окончанію съ двн. *wulfu*, но я не вижу достаточныхъ основаній для такого мнѣнія, тѣмъ болѣе что, напр., всѣ согласны относительно тождества двн. *imū* („ему“) и т. под. съ готск. *imma*. Въ готск. -а въ *vulfa* и т. д. совпали, какъ я думаю, окончанія двухъ падежей: дательнаго (изъ -*âi*) и творительнаго (изъ -*ân*), между тѣмъ какъ въ древневерхненѣмецк. оба окончанія могутъ различаться, а именно -а употребляется въ дательн. пад., -и въ творительн. Это различіе не проводится, однако, строго, и дательн. падежи на -и мы находимъ не только въ мѣстоименіяхъ (слѣдовательно и въ прилагательн. неопредѣленныхъ:

blindemu), но и въ нѣкоторыхъ именахъ, по крайней мѣрѣ — въ отдѣльныхъ діалектахъ; наконецъ, господствующее окончаніе дательн. пад. ед. ч. въ древневерхненѣмецк. именахъ на первонач. -а (мужск. и средн. р.) есть -е, а это е можетъ объясняться не только изъ -а, но также и изъ -и. Въ готскомъ языкѣ, какъ я сказалъ, оба окончанія совпали, но преобладаніе при этомъ имѣлъ дательн. падежъ, что доказывается, между прочимъ, склоненіемъ мѣстоименій, гдѣ дательный и творительный падежи разнились по самой основѣ (ср. др. бактрійск. дательн. пад. *tahmâi*⁶⁴); изъ первоначальн. * *tasma-ai*, и творительн. *tâ*, изъ первонач. * *tân*; готск. *thamma* есть поэтому настоящій дательн. падежъ, между тѣмъ какъ въ творительномъ мы бы ожидали * *tha* (подобно *viga* изъ * *vigân*). Но творительн. падежъ рано вышелъ изъ употребленія и сохранился лишь въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ, какъ-то: *thê* (тѣмъ), *hvê* (собств. чѣмъ), *svê* (какъ), *sva* (такъ). Съ этими образованіями правильно сравниваютъ двн. *hwiu*, *diu* и т. д., и готск. ê надо объяснять здѣсь поэтому изъ *ia*, какъ указывалъ Гриммъ⁶⁵), или *ja*, ибо иначе нельзя было бы понять соответствія между готск. ê и древневерхненѣм. *iu*=др. саксонск. *iu*. Слѣдовательно, творит. падежи *hvê*=*hwiu*, *thê*=*thiu* (*diu*) образованы отъ основъ *hvia*, *thia*, между тѣмъ какъ готск. *sva* (двн. *sô*, англосакс. *svâ*) мы можемъ выводить прямо отъ основы *sva*. Очевидно, что *sva*: * *svân*=*viga*: * *vigân*, а потому и здѣсь нѣтъ причины видѣть отпаденіе -*mi*.

Для индоевроп. языка я принимаю два окончанія творительн. пад. ед. ч.: *bhî* и -*ân* (по Шлейхеру: -*bhî* и -*â*), а такъ какъ -*bhî* въ языкахъ нѣмецкихъ и литовско-славянскихъ обратилось въ -*mi*, то отсюда явствуетъ аналогія, существующая здѣсь между формами творительн. пад. ед. ч. и глагольнымъ окончаніемъ 1-го л. ед. ч. настоящ. врем. Мы знаемъ, что ни въ древнеиндійск., ни

⁶⁴) Эта форма не встрѣчается въ текстахъ, но можетъ быть выведена на основаніи *ya h m â i*.

⁶⁵) *Geschichte der deutschen Sprache*, второе изданіе, II, стр. 644—645. (Иначе Боппъ и Шлейхеръ.) Гриммъ, однако, напрасно видитъ подобное же происхожденіе въ каждомъ готск. ê (*ibid.* стр. 585); за исключеніемъ *thê* и т. д. мы можемъ съ увѣренностью отнести сюда лишь *hêr* «сюда, здѣсь»=двн. *hiar* (едва ли это *ia* первоначальное; вѣроятно, изъ *ea*), отъ основы *hia*, а также, можетъ быть, *skê-vjan* «ходить» (кор. *skju*). Слѣдовательно, переходъ *ia*, *ja* въ готск. ê наблюдается лишь внутри корней.

въ древнебактр. языкѣ конечное *n* не могло сохраняться, и потому ведійск. *aśvā*, сскр. *manasā*, др. бактр. *aśrā*, *aśra*, *manaiḥā*, -*a*, могутъ быть объясняемы изъ первоначальн. **akvān*, **manasān*; сскр. *aśvena* (въ Ведахъ также *aśvenā*) представляетъ новое образованіе, съ такимъ же *n*, какъ, напр., въ родит. *vāṛiṇas*; Къ индоевроп. -*ān* восходятъ, какъ мы видѣли, и литовск. *tuō* (въ *tuō-mi*), *vilku*, двн. *hwiu*, *wulfu*, готск. *hvē*, *sva* и частію *vulfa*. Что касается основъ женск. рода на -*ā*, то въ языкахъ древнеиндійск. и древнебактрійск. онѣ образуютъ творительн. пад. ед. ч. или подобно основамъ мужеск. и средн. рода (ведійск. *dhārā*, др. бактр. *daēnā*, *daēna*), или же съ *i*отомъ передъ -*ā*, т. е. первонач. -*ān* (сскр. *dharayā*, др. бактр. *daēnaṃ*). Эти же формы на -*j-ān* мы находимъ въ славянскихъ языкахъ, какъ напр. въ ст. слав. *рыбоѡ*, а въ соотвѣтствіе съ ведійск. *dhārā* мы ожидали бы здѣсь **рыбѡ*. Извѣстно, что напр. въ Супр. рукоп. такія формы дѣйствительно встрѣчаются (*нуждѡ*), хотя въ ст. сл. нарѣчій онѣ, по всей вѣроятности, не существовали, но вопросомъ можетъ быть, не произошло ли **рыбѡ*, словинск. *ribo* (въ Фрейзингенск. статейхъ: *vuerun*, *to* и т. д.) черезъ стяженіе -*oŭ*. Тотъ же вопросъ можно повторить и по отношенію къ западнымъ славянскимъ нарѣчьямъ, и только словацк. *rybou* несомнѣнно указываетъ на стяженіе изъ *ryboju* (= ст. слав. *рыбоѡ*) ⁶⁶). Какъ бы то ни было, литовско-славянскій языкъ имѣлъ формы творительн. пад., соотвѣтствующія ведійск. *dhārā*, т. е. первонач. **dha-gān*, и притомъ -*ān* не переходило здѣсь въ -*ōn* (или въ носовую гласную), какъ это видно изъ литовск. языка. Конечная гласная въ творительн. мега является теперь краткою (какъ и въ именит.), но извѣстно, что первоначальная долгота сохраняется въ мѣстоименіяхъ (*sziā*, *szié*=*sziā*, *sziē*), а также въ прилагательн. опредѣленныхъ, гдѣ прибавочное мѣстоим. *jis* предохраняетъ окон-

⁶⁶) Что касается сербск. *рибоѡ*, а также діалектн. словинск. *riboŭ*, *ribum*, то само собою разумѣется, мы имѣемъ въ этихъ формахъ суф. - *mi*. Я не вхожу здѣсь въ разсмотрѣніе того, вызвано ли это образованіе только аналогією другихъ основъ (во избѣжаніе совпаденія творит. пад. сербск. *рибу*, словинск. *ribo* съ винительн. *рибу*, *ribo*), или же это есть возведеніе въ принципъ того, что допускалось и въ болѣе древнемъ періодѣ жизни славянскихъ языковъ; ср. русск. области. *силомъ* и т. под. Въ старыхъ литовскихъ книгахъ можно также встрѣтить спорадическіе примѣры подобнаго образованія: *duopomī*, отъ *duopa* (См. Отчеты г. Микуцаго).

чанія прилагательн. отъ сокращенія; поэтому мы встрѣчаемъ здѣсь творит. пад. ед. ч. женск. р. *gerája*, *geráje*. Но и въ именахъ существительныхъ женск. р. на -а, -ја, -е (изъ ја) конечная гласная въ творительн. пад. еще недавно была долгою, какъ свидѣтельству- ютъ о томъ старопечатныя литовскія книги, въ которыхъ я на- хожу иногда -е въ творительн. пад. вмѣсто теперешняго -е ⁶⁷). Что же касается основъ, подобныхъ *merga* (т. е. на -а, а не на -ја), то здѣсь количество конечной гласной въ творит. пад. ед. ч. могло бы быть опредѣлено по книгамъ только въ томъ случаѣ, еслибъ ѣ обратилось въ о; но въ сѣвернолитовскихъ нарѣчійхъ, вліяніе которыхъ такъ замѣтно на старопечатныхъ книгахъ, ѣ мо- жетъ оставаться неизмѣненнымъ въ о, и потому нельзя отличить здѣсь краткаго а отъ долгаго. Замѣчательно, однако, то, что твор. пад. *merga* и т. под. не рѣдко имѣютъ въ старопечатныхъ кни- гахъ конечное а съ точкою вверху, которое я передаю черезъ а ⁶⁸); это начертаніе, встрѣчающееся еще въ первой литовск. книгѣ (катихизисъ 1547 г.), выражаетъ звукъ средній между а и о (по- добный польск. „наклоненному“ а), и при томъ обыкновенно дол- гій: *rapa*=ропо; *pa*=ро; *ant*, *idant* (гдѣ переходъ а въ а обуслов- ливается группою п + согласн.) и т. д. Отсюда не слѣдуетъ еще, что въ южнолитовскихъ нарѣчійхъ творит. пад. *merga* звучалъ прежде *mergo*; напротивъ того, изъ *geráje* мы видимъ, что ѣ не переходило здѣсь въ о. Но это-то обстоятельство и свидѣтельству- етъ, по моему мнѣнію, о вліяніи исчезнувшаго п. Просматри- вая всѣ падежи опредѣлен. прилагат. *gero-jí* (женск. родъ), мы видимъ, что долгое а остается неизмѣненнымъ въ о въ творительн. ед. ч. и въ винительн. ед. и множ. ч. Въ двухъ послѣднихъ случаяхъ, какъ извѣстно, послѣ ѣ стояло п, которое и до сихъ поръ сохраняется въ нѣкоторыхъ жемайтскихъ говорахъ (*geran-jen*, *gerans-es*), а также въ людвиновскомъ (южнолитовск.) винит. пад. множ. ч. *gerais-es*, изъ *gerans-es*, подобно *tais*, *jais* (винит.), изъ *tans*, *jans* ⁶⁹); слѣдовательно, мы должны заключать, что и въ тво-

⁶⁷) Напр., въ литовск. катихизисѣ 1701 года (изданъ въ Кенигсбергѣ) я нахожу *su laupsé ir dekacone* (стр. 39).

⁶⁸) Ср. Клейна *Grammatica lituonica* (Regiomonti. 1653), стр. 3: *Puncto «a» notari potest in iis vocibus, ubi sonum habet obscurum et q. cum «o» mixtum, ut: Adomas, Anusas, amen, a; ibid. стр. 45: Ablat. instrument. in hac (secunda) declinatione fit a nominativo, saltim «a» ultimae syllabae punctando et translate accentu ex penultima in ultimam, ut: a «duona» est ablat. «duona».*

⁶⁹) См. Литовскія Пѣсни, изданныя В. Миллеромъ и мною, стр. 11.

рительномъ падежѣ *geráje* сохраненіе *a* стоитъ въ связи съ носовою *n*, которая потомъ исчезла. Въ жемайтскихъ книгахъ я, дѣйствительно, встрѣчаю такія формы творительн. пад., какъ *raprastan-je* (*su druska raprastanje* въ Виленскомъ календарѣ Ивинскаго на 1848 годъ), и хотя существованіе ихъ въ современныхъ говорахъ представляется мнѣ еще не доказаннымъ, тѣмъ не менѣе со стороны теоретической я ничего ни имѣю противъ творит. *geranje* и могу видѣть въ этихъ формахъ подтвержденіе моихъ выводовъ касательно индоевроп. творительн. падежа.

Въ древневерхненѣм. языкѣ творительн. пад. ед. ч. отъ именъ жинск. рода на *-a* мы находимъ, напр., въ *êwâ* (mit *ersnâ êwâ* „certa lege“), *lêra* (*zwifalda lêra* „*duplici doctrina*“) ⁷⁰⁾, гдѣ *-â*, *-a* (конечная носовая правильно отпала) точно такъ же осталось неизмѣненнымъ, какъ и въ литовск. языкѣ.

Что касается основъ на *-i* и на *-u*, то въ нихъ индоевроп. языкъ имѣлъ въ творит. пад. ед. ч. (кромѣ *-bhi*) какъ *-ân*, такъ и *n*; изъ первыхъ формъ объясняются сскр. *avûâ*, *hanvâ*, др. бактр. *bâzvo* = *bâzva*, ст. слав. *костѣѣ*, а изъ вторыхъ ведійск. *matî*, др. бактр. *gairî*, *paçu* и т. д. Отношеніе между *matî*, (первонач. * *matîn*) и *matyâ* (первонач. * *matî-ân*) такое же, какъ. напр., въ родит. пад. ед. ч. между сскр. *hano-s* и *hanv-âs*.

IV.

Возвращаясь къ прошедш. совершен. времени, я укажу теперь вкратцѣ на тѣ причины, которыя не позволяютъ мнѣ согласиться ни съ однимъ изъ объясненій, предложенныхъ для 1-го лица ед. ч.: сскр. *veda*, *saṁara*, др. бактр. *vaêda*, *vavasa*, греческ. *οἶδα*, *γέγονα*, латинск. *dedi*, *tutudi*, готск. *vait*, *vag*. Гипотеза Шлейхера, объяснявшаго конечное *a* изъ *-ma*, имѣетъ противъ себя отсутствіе примѣровъ, которые оправдывали бы здѣсь выпаденіе *m* еще въ индоевроп. языкѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ, невозможно понять при этомъ объясненіи ни греч. *-α*, ни лат. *-i*, ни сскр. *-âu* въ *dadâu*. Что же касается мнѣнія, по которому индоевроп. языкъ въ періодъ раздѣленія имѣлъ въ окончаніи 1-го л. ед. ч. прошедш. совершен. врем. *-a-mi*, то противъ этого говоритъ неправильность

⁷⁰⁾ Compend., стр. 579.

измѣненія -amі во всѣхъ индоевроп. языкахъ, сохранившихъ перфектъ; почему нигдѣ не удержалось не только -mі, но даже -m? Я указывалъ также на невозможность допустить индоевроп. *dadām, *kakatām, такъ какъ оставалось бы непонятнымъ, почему -am въ перфектѣ должно было измѣняться иначе, чѣмъ -am въ прошедш. несовершен. или въ аористѣ, по крайней мѣрѣ—въ языкахъ санскритскомъ, др. бактрійскомъ и частію латинскомъ; со стороны греческаго языка можно было бы сослаться, конечно, на такія формы, какъ ἤα, ἔλυσα. По мнѣнію Бенфея ⁷¹⁾, сскр. -āu въ dadāu произошло изъ ā-va, гдѣ -va есть укороченное bhūva (вмѣсто babhūva), т. е. перфектъ отъ bhū (флексивное окончаніе отпало); въ связи съ этимъ -va онъ разсматриваетъ не только лат. -vi, но даже греческ. перфекты τέτυφα, δέδωκα и т. д. Невѣроятность такого объясненія очевидна, и нѣтъ, конечно, необходимости подвергать его болѣе внимательному разбору; при томъ же, Бенфей не разъясняетъ, почему различные индоевроп. языки независимо другъ отъ друга утратили флексивное окончаніе. Наконецъ, возможно было бы еще одно мнѣніе касательно 1-го л. ед. ч. въ прошедш. совершен.: не отпало ли здѣсь первоначальное окончаніе еще до раздѣленія индоевроп. языка? Но и это мнѣніе крайне несостоятельно, такъ какъ, во-первыхъ, мы не имѣемъ никакого основанія предполагать для индоевроп. языка возможность отпаденія флексивныхъ окончаній, а во-вторыхъ, такое мнѣніе оставляло бы безъ надлежащаго объясненія сскр. -āu (dadāu), лат. -ī, греч. -α. Понятно далѣе, что мы не можемъ принимать для перфекта окончаніе -ā-p, которое я нахожу въ настоящ. времени: краткость гласной засвидѣтельствована не только санскритомъ, но и готскимъ языкомъ. Итакъ, намъ остается предположить что этимъ окончаніемъ было въ перфектѣ -a-p. Трудно сказать что нибудь опредѣленное касательно отношенія a въ -ap къ ā въ -āp, но по всей вѣроятности, долгота и краткость тематической гласной одинаково восходятъ къ періоду основъ. Изъ этого -ap объясняются сскр. и др. бактр. -a, греч. -α, лат. -ei (не дифтонгъ, но звукъ близкій къ литовск. e), -ī; готскій языкъ слѣдовалъ общему закону окончанія словъ и долженъ былъ поэтому отбросить сочетаніе -ap. Что касается сскр. -āu въ dadāu, то и здѣсь -āu произошло изъ -āp (долгота гласной принадлежала

⁷¹⁾ Kurze Sanskrit-Grammatik, стр. 146.

⁷¹⁾ Ср. Вонна Vgl. Gram. II, § 610.

глагольной основѣ): носовая согласная или поглощалась предшествующею гласною, или же развивала изъ себя гласный призвукъ и (черезъ посредство носовой гласной)⁷²⁾. Развитие этого призвука какъ здѣсь, такъ и въ другихъ индоевроп. языкахъ, не было необходимымъ, и отсюда объясняется возможность существованія параллельныхъ формъ на -ā и на -āu, изъ которыхъ послѣдняя въ данномъ случаѣ господствуетъ въ классическомъ санскритѣ⁷³⁾.

Принимая индоевроп. окончаніемъ 1-го л. ед. ч. въ перфектѣ -an, мы можемъ въ связи съ этимъ -an объяснить и ту долготу конечнаго a, которая является спорадически въ гимнахъ Ведъ (въ текстѣ „samhitā“). Извѣстно, что конечная гласная бываетъ не рѣдко долгою въ текстѣ „samhitā“ тамъ, гдѣ текстъ „pada“ и позднѣйшій языкъ указываютъ на краткость; при томъ, нѣкоторые окончанія имѣютъ въ текстѣ „samhitā“ долготу лишь спорадически, какъ напр. -a въ 1-мъ л. ед. ч. прошедш. совершен. врем. обыкновенно сохраняютъ и здѣсь краткость. Наука не занималась еще разъясненіемъ всѣхъ этихъ долготъ по отношенію къ краткостямъ, да и трудно было предпринять подобное изслѣдованіе, пока не собраны всѣ случаи, относящіеся сюда изъ „samhitā“ Ведъ⁷⁴⁾. Само собою разумѣется, что европейскіе ведисты, имѣющіе передъ собою опытъ классическихъ филологовъ, никогда не дойдутъ до объясненія такихъ долготъ „metri causa“. Но тотъ же опытъ позволяетъ предполагать, что и въ гимнахъ Ведъ, въ томъ видѣ, какъ мы ихъ знаемъ, могла дѣйствовать иногда при употребленіи долгихъ гласныхъ ложная аналогія: извѣстно, что по времени происхожденія эти гимны относятся къ разнымъ эпохамъ и прошли затѣмъ черезъ руки различныхъ редакторовъ. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ намъ незачѣмъ прибѣгать къ подобному объясненію, такъ какъ долгота въ bibhaya = bibhaya легко объясняется иначе. Ошибочно было бы думать, что долгота конечной гласной, являющаяся въ „samhitā“, всегда предшествовала краткости, наблюдаемой въ „pada“ и въ позднѣй-

---

⁷²⁾ Ср. Iog. Шмидта Zur Geschichte des indogermanisch. Vocalismus, стр. 147 и слѣд.

⁷³⁾ Въ творительн. пад. -ān не обращалось въ сскр. -āu, можетъ быть потому, что носовая согласная исчезла здѣсь еще въ индо-эранск. эпоху.

⁷⁴⁾ Бенфей обѣщаетъ представить въ скоромъ времени изслѣдованіе «Ueber die Quantitätsverschiedenheiten in den Samhitā- und Pada-Texten der Veden»; см. Einleitung in die Grammatik der vedischen Sprache, Erste Abhandlung (Göttingen. 1874), стр. 12. Къ сожалѣнію, этотъ послѣдній трактатъ былъ полученъ мною лишь во время печатанія этихъ листовъ.

шемъ языкѣ; противъ этого говоритъ то, что долгота упорно сохраняется въ санскритѣ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ сравнительная грамматика заставляетъ насъ признать гласную непремѣнно долгую въ индоевроп. языкѣ. По моему мнѣнію, колебаніе между краткостью и долгою конечной гласной въ Ведахъ должно объясняться частію тѣмъ, что подобное колебаніе существовало еще въ индоевроп. языкѣ (напр., въ нарѣчій *evā*—*eua* „такъ“), частію же вліяніемъ исчезнувшей носовой согласной. Но я не думаю, чтобы между -*an* и -*a* должно было всегда предполагать промежуточный звукъ -*ā*: конечное *n* могло или отпадать безъ слѣда, или же передавать свой вокальный элементъ предшествующей гласной. Такимъ образомъ форма *bibhayan* обращалась или въ *bibhaya*, или въ *bibhayā*; понятно, что съ теченіемъ времени обѣ эти формы вступили въ борьбу, и одна изъ нихъ была на столько вытѣснена другою, что могла сохраняться лишь въ качествѣ архаизма.

Совершенно аналогичнымъ съ окончаніемъ 1-го л. ед. ч. прошедш. совершен. времени представляется въ санскритѣ окончаніе именит. винит. пад. ед. ч. именъ среднего рода на -*an*, какъ напр. *pāman*. Въ позднѣйшемъ языкѣ, въ текстѣ „*raḍa*“ Ведъ и обыкновенно въ „*saṃhitā*“ именит. винит. падъ отъ *pāman* мы находимъ въ формѣ *pāma* (какъ *bibhaya* изъ *bibhayan); но рядомъ съ *pāma* въ текстѣ „*saṃhitā*“ встрѣчается иногда и *pāmā*, гдѣ долгота объясняется точно такъ же, какъ въ *bibhayā*. Здѣсь опять такі *pāmā* не есть форма болѣе древняя, чѣмъ *pāma*, но обѣ онѣ одинаково восходятъ къ *pāman*.—Какъ въ санскритѣ, такъ и въ др. бактрійск. языкѣ именит. винит. пад. ед. ч. именъ средн. р. на -*an* аналогиченъ по окончанію съ 1-мъ л. ед. ч. перфекта. Что касается греческаго языка, то здѣсь взаимное отношеніе представляется не столь яснымъ, вслѣдствіе того, что основы на -*an* средн. р. утрачены въ косвенныхъ падежахъ ⁷⁵⁾. Во всякомъ случаѣ, однако, позволительно видѣть основу *δνομαν*- (ср. *δνομαίνω*) въ именит. винит. *δνομα*, между тѣмъ какъ *δνοματ*- должно признать образованіемъ спеціально греческимъ, изъ *δνομαντ-. Въ латинск. языкѣ основы средн. р. на -*an*, какъ извѣстно, удерживаютъ *n* въ именит. винит. пад. ед. ч., и слѣдовательно, языкъ поступалъ здѣсь иначе,

⁷⁵⁾ Шлейхеръ въ Компендіумѣ приводитъ въ парадигмахъ склоненій греческ. *τάλαν* въ соотвѣтствіи съ сскр. *pāma*, лат. *posui* и т. д., но, по всей вѣроятности, мы имѣемъ въ *τάλαν*-, *μελαν*- и т. д. позднѣйшія образованія, которые не должны быть сопоставляемы потому съ исконными индоевроп. основами.

чѣмъ въ 1-мъ л. ед. ч. перфекта. Но слѣдуетъ ли заключать на основаніи этого, что объясненіе, предложенное мною для послѣдней формы, ошибочно? Я думаю, что такое заключеніе не требуется, и различная судьба -ап въ *fesei*, *fesi* и въ *poen* показываетъ только, что конечное -ап, -еп въ латинск. языкѣ не должно было непременно обращаться въ -ê, -î, но могло также и сохраняться. Понятно, однако, что нужны были особыя причины, которыя препятствовали конечному -ап, -еп въ *poen*, *sepen* и т. д. измѣняться въ -ê, -î; эти причины состояли, конечно, въ томъ, что основы *poen-*, *sepen-* слишкомъ живо представлялись чутью говорившихъ и препятствовали утратѣ конечнаго -п въ именит. винит. пад. *poen*, *sepen*. Подобная же борьба двухъ стремленій, внѣшняго, физиологическаго, и внутренняго, опредѣлявшагося вліяніемъ аналогіи, могла происходить и въ языкахъ индо-эранскихъ при образованіи именит. винит. пад. *pâta* и т. д.; различный исходъ этой борьбы въ этихъ языкахъ, съ одной стороны, и въ латинскомъ, съ другой, зависѣлъ отъ того, на сколько сильна была физиологическая потребность обращать конечное -ап, -еп въ -â, -а; -ê, -î. Подобно латинскому языку и готскій иначе поступаетъ съ именами средн. рода на -ап (въ именит. винит. пад.), чѣмъ съ окончаніемъ перфекта -ап; въ то время какъ *vait* образовалось изъ первоначальн. * *vaidan* согласно съ общими законами готскаго языка, именит. винит. пад. * *pâtan* обратился здѣсь въ *pâtô*, вмѣсто ожидаемаго *pam*. Ясно, что борьба тѣхъ двухъ стремленій, о которыхъ я говорилъ выше, должна была происходить и здѣсь, и слѣды ея остались въ гласной -ô, которая образовалась изъ -ап, -âп вслѣдствіе того, что языкъ неохотно разставался съ конечнымъ п.

Въ заключеніе этого очерка, посвященнаго первому лицу ед. ч. перфекта, я долженъ указать еще на одну ст. слав. форму, именно на вѣдѣ. Извѣстно, что эта форма стоитъ особнякомъ въ системѣ ст. слав. спряженія и этимъ самымъ заставляетъ видѣть въ ней остатокъ какого-то образованія, утраченнаго славянскими языками. Никто не рѣшился бы, конечно, объяснять вѣдѣ изъ * вѣдѣмъ, но значеніе, принадлежащее формѣ вѣдѣ, побуждало все таки искать въ ней настоящ. время, но только не дѣйствительн. залога, а медиума. Въ этомъ смыслѣ объясняли вѣдѣ Миклошичъ и Боппъ⁷⁷⁾,

⁷⁷⁾ Миклошича *Vergl. Grammatik der slavischen Sprachen*, III, 165; Боппа *Vergl. Grammatik*, II, § 512, Anm. 2.

хотя противъ такого объясненія можно выставить сильныя возраженія. Во-первыхъ, что замѣтилъ и самъ Боппъ, гласная *ъ* въ вѣд- не должна была существовать въ медіумѣ (ср. сскр. *vide*); во-вторыхъ, образованіе индо-эранск. -е (=ai) изъ -те (= -tai, греч. *ται*) вовсе не оправдываетъ подобнаго же явленія и въ ст. слав. языкѣ; въ-третьихъ, страннымъ кажется то, что медіумъ удержался здѣсь лишь въ одномъ словѣ, хотя не видны причины, которыя могли бы способствовать сохраненію его именно въ формѣ вѣдѣ. Правда, Боппъ находитъ медіальныя окончанія и въ дасть, мо-гошѣтъ, но это мнѣніе, казавшееся сомнительнымъ и Миклошичу, едва ли можетъ встрѣтить въ настоящее время поддержку ⁷⁸⁾. Если же мы станемъ объяснять вѣдѣ въ качествѣ перфекта, въ такомъ случаѣ будутъ понятны намъ и форма этого слова и единичность примѣра. Конечное *ъ* въ вѣдѣ восходитъ къ -еп, т. е. первонач. -ap, и аналогія имѣ, сѣмѣ не должна быть обязательною, подобно тому какъ и въ латинск. и въ готск. языкахъ *pothen*, *namô* уклоняются отъ *fecit*, *valet*. Извѣстно, что *ep* обращается въ ст. слав. (и въ общеслав.) языкѣ какъ въ *ѣ*, такъ и въ *ъ* ⁷⁹⁾ (не дифтонгъ), и конечное *ъ* (=e) въ вѣдѣ произошло, быть можетъ, еще въ литовско-славянскую эпоху; литовскіе языки не сохранили образованій, соотвѣтствующихъ ст. слав. вѣдѣ, и потому вопросъ о времени происхожденія здѣсь звука *ъ* изъ *ep* не можетъ быть рѣшенъ окончательно. Что же касается единичности примѣра, то она станетъ вполне понятною, когда мы припомнимъ, что перфектъ *vaidan еще въ индоевроп. языкѣ получилъ значеніе настоящ. времени и даже по самому образованію основы уклонился отъ другихъ перфектовъ (утратилъ удвоеніе). Слѣдовательно, форма, происшедшая изъ этого *vaidan, могла удержаться и въ томъ языкѣ, который забылъ уже перфектъ какъ время. Само собою разумѣется, что нѣкогда рядомъ съ вѣдѣ должны были существовать и другія лица, которыя, однако, въ послѣдствіи исчезли, подъ давленіемъ формъ настоящ. времени, тождественныхъ съ ними по значенію; намъ переданъ, слѣдовательно, лишь послѣдній эпизодъ той борьбы, какая должна была происходить въ этомъ глаголѣ между формами перфекта и настоящ. времени.

⁷⁸⁾ См. по поводу формъ дасть (дасть) и т. под. главнымъ образомъ статью Лескина въ *Beiträge*, VI, стр. 184 и слѣд.

⁷⁹⁾ Объ образованіи *ъ* изъ *ep* см. Шмидта *Zur Geschichte des indogermanisch. Vocalismus*, стр. 85 и слѣд.

V.

Обращаюсь теперь къ сскр. -âu=вед. -â, -âu въ 3-мъ л. ед. ч. прошедш. совершен. врем. Это окончаніе является въ тѣхъ же глаголахъ, въ которыхъ мы находимъ его въ 1-мъ л., т. е. въ глаголахъ, имѣющихъ корень-основу на -â. Я не могу объяснять здѣсь происхождение -âu путемъ фонетическимъ уже потому, что нельзя допустить для индоевроп. языка полного тождества между первымъ и третьимъ лицомъ въ перфектѣ. Гипотеза Шлейхера касательно происхожденія -a въ 3-мъ л. * vaida (сскр. veda, греч. οἶδε, готск. vait) изъ -ta на столько же несостоятельна, какъ и его мнѣніе объ -a изъ -ma въ 1-мъ л.; нѣтъ примѣровъ, которые позволяли бы предполагать подобное выпаденіе согласной въ индоевроп. языкѣ. Съ другой стороны, на основаніи латинск. dedeit, dedît нельзя еще заключать, что этимъ окончаніемъ было -t (изъ ta или ti), такъ какъ утрата конечнаго t въ индоэранск. языкахъ представлялась бы явленіемъ аномальнымъ. При томъ же, долгота гласной передъ -t въ латинск. dedeit, dedît не объясняется изъ родственныхъ языковъ, и я готовъ думать поэтому, что въ латинск. dedit, fecit и т. д. мы имѣемъ аористъ, который слился съ перфектомъ и вытѣснилъ 3-е л. ед. ч., принадлежавшее этому послѣднему. На основаніи сскр. veda (др. бактр. dada), греч. οἶδε, готск. vait можно предположить индоевроп. форму 3-го л. * vaida; но спрашивается, отпало ли здѣсь окончаніе -ta, -ti, или же оно никогда не существовало. Кромѣ того, что мнѣ кажется невозможнымъ допускать отпаденіе флексивныхъ окончаній въ эпоху совмѣстной жизни индоевроп. языковъ, непонятно было бы и то, почему окончаніе 3-го л. отпало лишь въ перфектѣ и удержалось въ другихъ временахъ; причины, вызывавшія это явленіе, во всякомъ случаѣ не могли быть фонетическія, такъ какъ согласную t мы не рѣдко встрѣчаемъ въ окончаніи индоевроп. словъ. Гораздо естественнѣе думать, что въ 3-мъ л. перф. * vaida никогда не существовало окончаніе -ta, -ti. Извѣстно, что перфектъ былъ образованъ никакъ не позже, чѣмъ настоящ. время (временное различіе внесено позднѣе), и нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ предположеніи, что въ эпоху происхожденія 3-го л. * vaida, * kakara (=kakâra) языкъ не пользовался еще мѣстоимен. корн. ta, ti для обозначенія въ глаголѣ третьяго ли-

ца. Другими словами, въ эту эпоху языкъ отличалъ особыми мѣстоименными корнями лишь два первыхъ лица, между тѣмъ, какъ въ третьемъ онъ употреблялъ основу на -а. Простой корень (хотя бы съ удвоеніемъ и съ усиленіемъ гласной) былъ недостаточенъ для созданія какой бы то ни было формы, но въ основѣ на -а а есть мѣстоименный корень, а индоевроп. формы создавались именно при помощи соединенія глагольныхъ корней съ мѣстоименными. Итакъ, надо думать, что основы * babhaga, * kakaga и т. д. специализировались въ значеніи глагольной формы 3-го л. тогда, когда мышление создало формальныя отношенія, и когда каждая основа должна была стать формою. Подобнымъ же образомъ основы на -а, безъ удвоенія, послужили къ образованію глагольной формы 2-го лица ед. ч., съ значеніемъ повелительнаго наклоненія. Прежде думали, что сскр. bhaga, греч. φέρε и т. д. утратили то окончаніе, которое является, напр., въ сскр. cṛudhi, греч. κλύθι, но такое предположеніе ничѣмъ не можетъ быть доказано, и относительно повелит. * bhaga мы должны придти къ тому же заключенію, какъ и относительно 3-го л. перф. babhaga; здѣсь я могу сослаться на Дельбрюка, который также отказывается видѣть въ сскр. повелит. bhaga отпаденіе -dhi или другого какого-нибудь окончанія ⁸⁰⁾. Примѣняя добытое нами въ сскр. 3-му л. ед. ч. перф. dadāu parṅāu и т. д., мы должны будемъ объяснять здѣсь āu влияніемъ ложной аналогіи, оказанной первымъ лицомъ dadāu, parṅāu, такъ какъ āu въ 3-мъ л. не могло произойти путемъ фонетическимъ. Легко, конечно, злоупотреблять „ложною аналогіей“ при объясненіи нѣкоторыхъ фактовъ, представляемыхъ языкомъ, но въ данномъ случаѣ такое объясненіе, мнѣ кажется, не можетъ возбуждать большихъ сомнѣній. Въ 90 примѣрахъ на 100 (отношеніе приблизительное) 3-е л. ед. ч. сскр. перф. должно было совпадать съ первымъ по окончанію; что же удивительнаго, если въ остальныхъ 10 случаяхъ, гдѣ существовала разница, 3-е л. приняло по аналогіи то же окончаніе, какое получало (путемъ фонетическимъ) 1-е л., и такимъ образомъ dadāu = dadā, изъ *dadān, оказало влияние на обращеніе dadā въ 3-мъ л. также въ dadāu. Конечная гласная въ 3-мъ л. veda, tatāna и т. д. является иногда въ Ведахъ (въ текстѣ „samhitā“) долгою; въ этой долготѣ я вижу искомымъ вариантъ краткости, такъ какъ нѣбогда конечная

⁸⁰⁾ Das Altindische Verbum, стр. 33.

гласная каждого слова (основы) могла быть и долгою и краткою. Подобнымъ же образомъ во 2-мъ л. ед. ч. повелит. наклон. конечное *a* часто бываетъ долгимъ въ текстѣ „*saṃhitā*“ Ведь, вслѣдствіе чего эти формы трудно отличать отъ 1-го л. ед. ч. сослагат. накл. (на - *ā*).

VI.

Индоевроп. окончаніе -*n*, выведенное мною для перваго лица ед. ч. въ настоящ. времени (глаголовъ перваго спряженія) и въ перфектѣ, побуждаетъ меня коснуться труднаго вопроса о происхожденіи мѣстоименныхъ корней вообще и „я“ въ особенности. Ученіе Боппа о присутствіи мѣстоименныхъ корней въ глагольныхъ окончаніяхъ составляетъ для меня безспорную истину, на ряду съ другими основными выводами, добытыми тѣмъ же Боппомъ въ области сравнительной грамматики; всѣ возраженія, какія представлялись до сихъ поръ противъ теоріи агглютинаціи, дали, по моему мнѣнію, только болшую прочность этой теоріи и ни мало не поколебали ея. Такимъ образомъ я считаю совершенно вѣрнымъ, напр., то, что форма *asmi* состоитъ изъ глагольнаго корня *as* въ соединеніи съ мѣстоименнымъ корнемъ, обозначающимъ первое лице; но можно ли утверждать (какъ это дѣлается обыкновенно), что *mi* произошло изъ *ma*? Обращеніе *a* въ *i* (черезъ посредство *e*) не составляетъ, конечно, ничего необыкновеннаго, но языковѣдѣ не стоитъ уже теперь на той ступени, когда довольствовались рѣшеніемъ вопроса, можетъ ли вообще переходить звукъ *икс* въ звукъ *игрек*. Мы должны опредѣлить, наблюдается ли такой переходъ въ извѣстномъ языкѣ, и если наблюдается, то при какихъ именно условіяхъ, а для этого надо указать на аналогичные примѣры. Понятно, что по отношенію къ индоевроп. языку всѣ подобныя примѣры должны быть болше или менше сомнительны сами по себѣ, и слѣдовательно, тѣмъ сильнѣе должна быть причина, побуждающая насъ видѣть въ гласной *i* въ *mi* звукъ не первоначальный, но образованный изъ *a*. Въ склоненіи перваго личнаго мѣстоименія мы, дѣйствительно, находимъ корень *ma*, который легко открыть и въ нѣкоторыхъ глагольныхъ окончаніяхъ (напр. въ -*ma-si*), но въ значеніи *ma* намъ извѣстны также *pa* и *a*, для которыхъ опять-таки мы не въ силахъ доказать происхожденіе изъ *ma*. Я не утверждаю положительно, что индоевроп. *ma* никакъ не

можно перейти въ *mi* или въ *pa*, *a*, но я отрицаю необходимость признавать эти *mi*, *pa*, *a* образовавшимися *непрерывно* изъ *ta*. Обыкновенно думаютъ, что личное мѣстоименіе должно восходить къ одному опредѣленному корню, и это апіористическое мнѣніе заставляло даже объяснять индоевроп. *ju* изъ *tu* (во 2-мъ лицѣ), не смотря на то, что фонетика не въ состояніи оправдать подобный переходъ звуковъ какими бы то ни было аналогіями. Шлейхеръ, столь строго относившійся всегда къ звуковымъ измѣненіямъ, былъ вынужденъ прибѣгнуть при объясненіи личныхъ мѣстоименій къ слѣдующему аргументу: „Uebersieht man die in den verschiedenen sprachen so stark abweichenden stamformen der personalpronomina, so ergibt sich klar, dass hier nicht an lautgesetzliche veränderung, sondern nur an mer oder minder willkürliche verdrehung gedacht werden kann. Es scheint, als ob das deutliche hervortreten der stämme für die I und II person in den sprachen vermeiden sei“ и т. д. ⁸¹⁾. Но болѣе или менѣе умышленное измѣненіе звуковъ представляетъ собою такой факторъ, который можетъ быть крайне опасенъ для науки, такъ какъ умышленное измѣненіе звуковъ ⁸²⁾ послужило бы quasi-объясненіемъ для многого, что неясно въ фонетикѣ.

Извѣстно дѣленіе корней на корни глагольные и мѣстоименные, или качественные и указательные ⁸³⁾. Разница между тѣми и другими должна быть исконною, и всякіи попытки привести оба эти класса къ первоначальному тождеству были бы до крайности фантастичны. Нѣкоторые (немногіе, впрочемъ) лингвисты вѣрятъ въ такое тождество, хотя никто изъ этихъ вѣрящихъ не понимаетъ его, конечно. Трудно, безъ сомнѣнія, объяснить себѣ появленіе въ языкѣ двухъ классовъ корней, но легче ли понять родство „того“ или „этого“ съ какимъ-нибудь глагольнымъ корнемъ? Во многихъ языкахъ существуютъ описательныя выраженія для обозначенія „я“ или „ты“, но эти *описательныя* выраженія предполагаютъ существованіе личныхъ мѣстоименій; своего рода эвфемизмъ побуждаетъ лишь избѣгать словъ „я“ и „ты“ и замѣнять ихъ другими. Допустимъ, что подобное описательное выраженіе съ тече-

⁸¹⁾ Compend., стр. 657.

⁸²⁾ См. объ умышленномъ измѣненіи звуковой формы у Макса Мюллера, Vorlesungen über die Wissenschaft der Sprache, II Serie, стр. 28 и слѣд. (Первое изданіе.) Но на сколько позволительно обобщать подобнаго рода частныя явленія?

⁸³⁾ Существуютъ также и другія названія для этихъ двухъ классовъ; см. Курціуса Zur Chronologie der indogermanisch. Sprachforschung (первое изданіе), стр. 20.

ніемъ времени теряетъ свой первоначальный смыслъ и абстрагируется до степени личнаго мѣстоименія, т. е. становится адекватомъ „я“ или „ты“; но въ данномъ случаѣ понятія „я“ и „ты“, существовали уже прежде, и этотъ процессъ, слѣдовательно, не имѣетъ ничего общаго съ образованіемъ понятій „я“ или „ты“ при помощи какихъ-нибудь глагольных корней. Шлейхеръ, чувствовалъ вообще большое нерасположеніе къ этимологіямъ, позволяетъ себѣ, однако, высказаться очень рѣшительно относительно тождества *та* „я“ съ глагольнымъ корнемъ *та* „мѣрять, думать“; „dise wurzel bedeutet auch „mensch“ (vgl. altind. ma-nu-, got. ma-n-), der als „denkender“ bezeichnet wird, und was sollte „ich“ ursprünglich anders sein als „mensch“?“⁸⁴⁾. Большую способность къ отвлеченію должны мы признать за тѣмъ первобытнымъ народомъ, который выработалъ себѣ понятіе „я“ изъ понятія „человѣкъ“; но не это одно останавливаетъ насъ въ словахъ Шлейхера. Корень *та*, *тан* не имѣлъ значенія „человѣкъ“; это значеніе явилось лишь позже, въ той или другой основѣ (т. е. въ соединеніи глагольнаго корня съ мѣстоименнымъ), и при томъ тогда, когда было забыто первоначальное значеніе этихъ словъ (положимъ: „думающій“). Понятно, что и *та* „я“ могло бы образоваться изъ *та* „думать, думающій“ лишь при полномъ забвеніи этого послѣдняго значенія, а между тѣмъ въ дѣйствительности мы этого не видимъ, и кор. *та*, *тан* на ряду съ *та* „я“ продолжаетъ сохранять свое прежнее значеніе. Тотъ, кто вѣритъ въ тождество корней мѣстоименныхъ съ глагольными, не имѣетъ никакой надобности доказывать это тождество: если извѣстный мѣстоимен. корень произошелъ черезъ отвлеченіе корня глагольнаго, то понятно, нѣтъ никакой возможности опредѣлить его первоначальное, конкретное значеніе, такъ какъ иначе невозможно было бы отвлеченіе. По поводу приведенныхъ мною выше словъ Шлейхера считаю нужнымъ замѣтить, что, объясняя *та* „я“ изъ *та* „человѣкъ“, Шлейхеръ этимъ самымъ допускаетъ возможность существованія въ индоевроп. языкѣ различныхъ словъ для выраженія „я“, такъ какъ не одинъ только кор. *та*, *тан* послужилъ къ образованію значенія „человѣкъ“. Если слово „думающій, человѣкъ“ могло дойти до значенія „я“, то то же могло случиться и съ словомъ „земной, человѣкъ“⁸⁵⁾; а какъ скоро путемъ отвле-

⁸⁴⁾ Compend., стр. 642.

⁸⁵⁾ Ср. лат. homo, лит. žmogus, готск. guma (основа guman-).

ченія образовалось понятіе „я“, на столько же безразлично стало то или другое звуковое его выраженіе, какъ для насъ теперь не имѣть никакого значенія отсутствіе звуковой связи между *я* и *мой*.

Принимая дѣленіе корней на два неродственныхъ между собою класса, мы не можемъ, конечно, отдѣлять личныя мѣстоименія отъ прочихъ и должны, слѣдовательно, возводить „я“ къ корнямъ мѣстоименнымъ. Въ эпоху происхожденія корней самосознаніе оставалось еще неизвѣстнымъ человѣку: до появленія „я“ существовали уже корни, употреблявшіеся въ указательн. значеніи, какъ это видно изъ тождества звуковой формы индоевроп. *та* въ значеніи перваго личнаго мѣстоименія и *та* указательнаго. Само собою разумѣется, никто не найдетъ возможнымъ объяснять *та* указательн. изъ *та* „я“, но такъ же трудно видѣть въ этихъ двухъ *та* два различныхъ корня: *та* „я“ составляетъ противоположность съ *та*, какъ указаніемъ на внѣшній предметъ (лице), и нельзя думать, конечно, чтобы два противоположныхъ представленія могли выразиться съ самаго начала въ однихъ и тѣхъ же звукахъ. Итакъ, *та* въ значеніи 1-го лица должно было произойти изъ *та* указательнаго; но если корни съ указательнымъ значеніемъ существовали еще до появленія самосознанія, то отсюда слѣдуетъ, что всѣ эти *та*, *та*, *са* и т. д. не могли разниться первоначально по своему значенію („такой-то тотъ“ или „такой-то этотъ“), такъ какъ у человѣка не было еще той мѣрки, по которой онъ могъ бы создать себѣ пространственныя отношенія. Слѣдовательно, съ мѣстоименными корнями при ихъ появленіи не могло соединяться опредѣленное значеніе, между тѣмъ какъ каждый глагольный корень былъ звуковымъ выраженіемъ извѣстнаго представленія, соединявшагося только съ нимъ однимъ. Отсюда видно, какъ существенно отличіе корней мѣстоименныхъ отъ корней глагольныхъ. Трудно, конечно, допустить мысль объ одновременномъ появленіи этихъ обоихъ элементовъ рѣчи (напр. *та* съ какимъ-нибудь конкретн. значеніемъ и *та* указательн.), и эта трудность должна еще болѣе увеличиться, когда мы примемъ во вниманіе, что одни изъ этихъ корней имѣли неопредѣленное (указательное) значеніе, другіе же соответствовали исполнѣ опредѣленнымъ впечатлѣніямъ. Но еще невозможно предпологать два совершенно отдѣльныхъ періода образованія звуковъ языка, ибо въ такомъ случаѣ было бы непонятно, почему созданіе новыхъ корней не повторялось дальше:

каждому новому моменту въ развитіи человѣческой мысли должны были бы соответствовать и новыя звуковыя выраженія (новые корни), чего мы, однако, не видимъ. Я думаю, что мѣстоименныя корни, какъ *составная часть рѣчи*, дѣйствительно, моложе корней глагольныхъ, но звуки, въ которыхъ они выразились, на столько же древни, на сколько древни звуковыя выраженія корней глагольныхъ. Вопросъ о взаимномъ отношеніи тѣхъ и другихъ корней рѣшается мною при помощи слѣдующей гипотезы. Для важнаго ясно, что звуковымъ матеріаломъ, изъ котораго произошелъ языкъ, послужили тѣ естественныя, произвольныя звуки, которые выходили изъ человѣческой гортани въ силу рефлекса одного ряда нервовъ (чувствующихъ) на другой (нервы двигательные). Существованіе такихъ произвольныхъ звуковъ не есть еще языкъ, и тайна происхожденія послѣдняго состоитъ въ закрѣпленіи извѣстнаго впечатлѣнія въ опредѣленномъ звуковомъ выраженіи, которое способно было вызвать въ слушатель то же представленіе, съ какимъ соединялось оно для лица говорившаго. Появленіе языка вноситъ ограниченіе въ употребленіе этихъ естественныхъ звуковъ, а опытъ и развитіе мысли должны были еще болѣе сѣзуть ту сферу, въ которой возможно ихъ существованіе, но исчезнуть совсѣмъ эти звуки не могли, такъ какъ всегда остаются причины, вызывающія ихъ появленіе: эти причины состоятъ въ неприготовленности чловека къ воспріятію того или другаго чувственнаго возбужденія, по крайней мѣрѣ въ той степени силы, въ какой это возбужденіе получается имъ въ данный моментъ. Ясно, что тѣмъ недостаточнѣе знакомство чловека съ окружающимъ міромъ, тѣмъ болѣе новодовъ къ появленію этихъ естественныхъ звуковъ, и мы должны думать поэтому, что нѣкогда естественныя звуки занимали весьма видное мѣсто по отношенію къ звукамъ языка. Съ теченіемъ времени не только ограничивалась сфера, въ которой возможно было появленіе естественныхъ звуковъ, но и число ихъ становилось, можетъ быть, меньше: случайное повтореніе одного и того же звука нѣсколько разъ при извѣстномъ ощущеніи могло имѣть слѣдствіемъ то, что и при новомъ повтореніи того же ощущенія вырывался тотъ же звукъ, въ силу привычки, усвоенной при рефлексѣ голосовыми мышцами. Для происхожденія естественныхъ голосовыхъ звуковъ совершенно безразлично то, какое именно чувственное возбужденіе вызываетъ (путемъ рефлекса) ихъ, но при появленіи языка эти звуки могли обращаться въ глагольныя корни

лишь въ томъ случаѣ, если чувственное возбужденіе проникало въ сознаніе какъ впечатлѣніе. Каждое движеніе (въ обширномъ смыслѣ этого слова) есть по природѣ своей отраженное, хотя его *origo*, чувственное возбужденіе, можетъ оставаться неяснымъ и не проходить черезъ сознаніе; понятно, что тѣ естественные звуки, которые (вмѣстѣ съ тѣлодвиженіями и т. д.) являлись результатомъ подобнаго чувственного возбужденія, оставались внѣ сферы глагольныхъ корней, но изъ нихъ, я думаю, должно объясняться происхожденіе корней мѣстоименныхъ. Предположимъ, что человѣкъ, уже ознакомившійся (черезъ посредство глагольныхъ корней) съ окружающимъ его міромъ, рано или поздно обратилъ вниманіе на произвольные жесты и понялъ ихъ въ смыслѣ указанія, т. е. выдѣленія извѣстнаго предмета (явленія) изъ ряда другихъ. Такимъ образомъ смутное представленіе объ указаніи (конечно, индивидуальномъ) составлялось на основаніи того впечатлѣнія, которое производилъ жестъ, и въ жестѣ же это представленіе находило соответствующее выраженіе. Но произвольные жесты могли сопровождаться произвольными голосовыми звуками, которые, при отсутствіи задерживающей силы, продолжали являться и тогда, когда эти жесты обратились въ произвольные. Первоначально, какъ я сказалъ, указаніе выражалось только въ жестахъ, и сопровождавшіе ихъ естественные звуки могли не обращать на себя вниманія; но привычка, пріобрѣтенная человѣкомъ на корняхъ глагольныхъ: думать въ звукахъ, съ теченіемъ времени возбудила это вниманіе и заставила соединять представленіе о томъ или другомъ индивидуальномъ указаніи не только съ жестомъ, но и съ сопровождавшими его естественными звуками. Такимъ образомъ могли явиться звуковые жесты, т. е. мѣстоименные корни. Понятно, что мѣстоименные корни употреблялись не иначе, какъ въ соединеніи съ жестами, ибо лишь жестъ возбуждалъ опредѣленное впечатлѣніе, которое распространялось и на сопровождавшіе этотъ жестъ звуки. Въ качествѣ естественныхъ звуковъ мѣстоименные корни были разнообразны, и это разнообразіе осталось за ними и тогда, когда они сдѣлались составною частью языка, что вполне понятно, такъ какъ человѣкъ не могъ въ это время образовать одного общаго представленія объ указаніи (которому бы соответствовало одно звуковое выраженіе), но составлялъ себѣ лишь частныя представленія объ индивидуальныхъ указаніяхъ. Вскорѣ за обогащеніемъ языка мѣстоименными корнями послѣдовало образованіе

сложныхъ корней (основъ), напр. ама, апа и т. д., назначеніемъ которыхъ было, вѣроятно, выраженіе болѣе сильнаго указанія, въ соотвѣтствіе съ силою или повтореніемъ жеста. Очевидно, впрочемъ, что начала подобнаго сложенія могутъ крыться еще въ томъ періодѣ, когда мѣстоименные корни были естественными звуками.

Важною эпохою для всей послѣдующей исторіи мѣстоименій было появленіе „я“, вмѣстѣ съ которымъ устанавливалась точка отправленія при указаніи на предметы внѣшняго міра. Еслибъ сознаніе „я“ существовало до появленія языка, въ такомъ случаѣ естественно было бы ожидать, что оно выразится въ одномъ словѣ (корнѣ), но невозможно думать, чтобы, создаваясь при пособіи уже готоваго языка, представленіе объ „я“ нашло себѣ сразу соотвѣтствующее звуковое выраженіе. До познанія „я“ человѣкъ доходилъ медленно, и внѣшними средствами, при пособіи которыхъ совершалась эта работа, были жесты въ соединеніи съ мѣстоименными корнями, а изъ этихъ послѣднихъ ни одинъ не имѣлъ преимущества передъ другими, ибо только употребленіе могло дать такое преимущество. Еслибъ индоевроп. языки сохранили до насъ лишь одно та въ значеніи мѣстоимен. корня перваго лица, то и тогда мы не могли бы быть увѣрены въ томъ, что представленіе объ „я“ соединялось съ однимъ этимъ корнемъ, такъ какъ возможно было бы предполагать утрату другихъ корней, имѣвшихъ одно значеніе съ та. Я думаю поэтому, что нѣтъ достаточныхъ основаній объяснять па изъ та: оба корня могли независимо другъ отъ друга послужить къ образованію представленія объ „я“. Понятно, однако, что каждый мѣстоименный корень, получившій значеніе „я“, не могъ въ то же время употребляться по отношенію къ внѣшнимъ предметамъ, ибо иначе не существовало бы самое „я“. Отсюда объясняется, почему мы не встрѣчаемъ корней та и па въ значеніи указательныхъ мѣстоименій ⁸⁶⁾, и отсюда же слѣдуетъ, что всѣ тѣ сложные основы, въ которыхъ мы находимъ указательн. та и па, должны были произойти въ ихъ прототипахъ раньше того времени, къ которому относится появленіе самосознанія. Сюда принадлежать не только основы мѣстоименныя: ама, апа и т. д. (не изъ ам-а, ап-а ⁸⁷⁾?), но и тѣ, которыя

⁸⁶⁾ Мѣстоименіе па въ языкѣ Папи произошло, вѣроятно, изъ епа.

⁸⁷⁾ Существовали ли простые мѣстоимен. корни такого вида, какъ ам, т. е. изъ гласн. + согласн.?

составлены изъ глагольныхъ корней въ соединеніи съ указательн. та и па.

Посмотримъ теперь, есть ли необходимость объяснять - *mi* въ *asmi* изъ *та*. Понятно, что безъ крайней необходимости такое объясненіе не должно быть принимаемо, ибо, во-первыхъ, переходъ *а* въ *і* (черезъ посредство *е*) обусловливается обыкновенно вліяніемъ послѣдующихъ звуковъ (чего здѣсь не было), а во-вторыхъ, въ особенностяхъ безъ этого вліянія, онъ свидѣтельствуешь о значительномъ паденіи вокализма, которое едва ли можетъ быть допущено нами для индоевроп. языка. Изъ сказаннаго мною выше касательно *та* и *па* слѣдуетъ, что первоначально въ значеніи „я“ могли употребляться не одни только *та* и *па*, но и другіе корни; корень *mi* можетъ быть прослѣженъ нами такъ же далеко, какъ и *та*, ибо мы находимъ его въ основахъ мѣстоименныхъ и именныхъ. Если суф. *mi* восходитъ къ первонач. *mi*, то почему же - *mi* въ *asmi* должно объясняться изъ *та*? Корни *mi* и *tu* представляютъ собою исконные варианты корня *та*, а извѣстенъ тотъ фактъ, что мѣстоименные корни при каждой изъ согласныхъ могутъ имѣть любую изъ трехъ гласныхъ: *а*, *і*, *и* ⁸⁸⁾ (отсюда и мѣстоименная триада: *а*, *і*, *и*). Даже въ позднѣйшей жизни индоевроп. языка не дѣлалось различія въ значеніи при употребленіи той или другой гласной, и понятно, что это различіе не могло также существовать и въ болѣе древнемъ періодѣ, когда вообще не соединялось никакого опредѣленнаго значенія ни съ однимъ изъ мѣстоименныхъ корней. Въ пользу происхожденія *mi* въ *asmi* изъ *та* могло бы говорить только одно обстоятельство, именно то, что въ склоненіи перваго личнаго мѣстоименія основа *mi* не выводится для индоевроп. языка. Это обстоятельство, однако, слишкомъ ничтожно, чтобы ослабить силу возраженій, какія могутъ быть сдѣланы противъ перехода *та* въ *mi*, и легко можетъ быть понято нами, когда мы припомнимъ, что личные мѣстоименія извѣстны намъ лишь начиная съ эпохи, непосредственно предшествовавшей раздѣленію индоевроп. языка, между тѣмъ какъ происхожденіе осно-

⁸⁸⁾ Мы не имѣемъ, конечно, никакого права объяснять *і* или *и* изъ *а*, но вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ казаться сомнительнымъ, чтобы варианты *та*, *mi*, *tu*; *та*, *ti*, *tu* существовали еще тогда, когда эти сочетанія были естественными звуками. Я не думаю, чтобы естествен. звуки имѣли такую опредѣленность, и скорѣе готовъ предположить, что *та*, *mi*, *tu* образовались изъ *m'* (*m* съ глухимъ гласнымъ призвукомъ), *та*, *ti*, *tu* изъ *t'* и т. д.

ны (впоследствии формы) *asmi* относится къ гораздо болѣе древнему времени; не было бы ничего удивительнаго поэтому, еслибъ основа *mi* была утрачена съ теченіемъ времени, подъ давленіемъ тождественной по значенію *ma*. Но вопросъ еще въ томъ, дѣйствительно ли мѣстоименная основа *mi* не существовала въ періодъ раздѣленія индоевроп. языка; нѣкоторые индоевропейскіе языки указываютъ, по моему мнѣнію, на эту основу, точно такъ же какъ во 2-мъ лицѣ на *ti* и въ 3-мъ на *si*.

Итакъ, мы имѣемъ полное право считать *mi* исконнымъ вариантомъ *ma*, и присутствіе *ma* въ *-masi* (въ 1-мъ л. множ. ч.) никоимъ образомъ не обязываетъ насъ предполагать, что и *-mi* въ 1-мъ л. ед. ч. произошло также изъ *ma*. Даже медіальное окончаніе *-mai*, еслибъ мы его объясняли изъ *-mami*, свидѣтельствовало бы лишь о томъ, что въ эпоху, когда образовалось это сложеніе, *-mi* въ основахъ *asmi* и т. под. не получило еще окончательнаго преобладанія надъ *-ma*. Но происхожденіе *-mai*, *-sai*, *-tai* изъ *-mami*, *-sasi*, *-tati* кажется мнѣ невозможнымъ, и каждый согласится со мною, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что объясненіе *-mai* изъ *-mami* и т. д. требуетъ въ себя очень большой вѣры.

VII.

Вопросъ объ образованіи медіальныхъ окончаній имѣетъ свою особую литературу ⁸⁹⁾, и въ мои намѣренія не можетъ входить подробное разсмотрѣніе этого вопроса здѣсь, гдѣ мнѣ приходится касаться его лишь мимоходомъ. Позволю себѣ, однако, высказать сущность моего взгляда на происхожденіе медіальныхъ окончаній.

Въ медіальн. *-mai*, *-sai*, *-tai*, несомнѣнно, кроются мѣстоименные корни, употреблявшіеся въ значеніи первыхъ двухъ лицъ и въ общемъ указательномъ, но ни это убѣжденіе, ни тѣмъ болѣе фонетическій анализъ не могутъ навести насъ на мысль о происхожденіи *-mai*, *-sai*, *-tai* изъ *-mami*, *-sasi*, *-tati*. Мы знаемъ, что въ значеніи мѣстоимен. корня перваго лица употреблялось не одно только *ma* и потому не имѣемъ причины искать во что бы то ни стало присутствія это *ma* въ *mai*. Разсматривая медіальн. окончаніе *-mai* ⁹⁰⁾ исключительно съ фонетической стороны, мы должны при-

⁸⁹⁾ См. главнымъ образомъ статьи Мистели и Куна въ *Zeitschrift*, т. XV.

⁹⁰⁾ Сказанное мною далѣе объ окончаніи *-mai* распространяется, *mutatis mutandis*, и на *-sai*, *-tai*.

знать, что оно могло произойти двоякимъ путемъ: или черезъ механическое соединеніе *ma + i*, или же черезъ усиленіе основной гласной *i*, находящейся въ *mi*. Противъ перваго объясненія говорить уже то, что дифтонги индоевроп. языка въ большинствѣ случаевъ, какъ показываетъ анализъ, происходили путемъ не механическимъ; во-вторыхъ, *i*, которое мы бы получили въ *ma + i*, не могло бы объясниться для насъ въ своемъ значеніи по отношенію къ образованію медіальныхъ окончаній. Слѣдовательно, намъ остается предположить, что *ai* въ *-mai* есть усиленіе основной гласной *i*. Само собою разумѣется, что возможность такого простаго объясненія медіальн. окончаній не могла ускользнуть отъ вниманія лингвистовъ: Поттъ и Курціусъ давно объясняли медіальн. *ai* черезъ усиленіе гласной *i*. Любопытно, однако, то, что Курціусъ въ послѣдствіи отказался отъ этого объясненія и принялъ господствующее въ наукѣ мнѣніе, по которому *-mai* произошло изъ *-mami* ⁹¹⁾. Причины, побудившія Курціуса взять назадъ свое прежнее объясненіе, формулированы имъ такъ: „Es ist unwahrscheinlich, dass zur Zeit, da sich die Medialendungen bildeten, die activen Endungen schon von altem *ma*, *tva* u. s. w. zu *mi*, *si* u. s. w. herabgesunken waren, zumal da uns in der Form *-tha* und in der 3 S. *tu* des Imperativs Formen mit andern Vocalen erhalten sind. Und dass sich aus dem geschwächten *mi* wieder durch Steigerung *mai* entwickelte, widerspricht dem normalen Laufe der Lautgeschichte. Ueberdies sind einige Secundärformen, namentlich die 1 S. $\mu\eta\nu$ und die sanskritische 2 S. *thās* auf diesem Wege gar nicht zu begreifen“ ⁹²⁾. Первое возраженіе не имѣетъ для насъ силы, такъ какъ мы видѣли, что нѣтъ никакой необходимости объяснять *mi* изъ *ma*; что же касается втораго возраженія, то я займусь имъ ниже, а теперь замѣчу лишь вообще, что нельзя считать доказаннымъ, будто такъ называемыя вторичныя глагольныя окончанія произошли непосредственно изъ такъ называемыхъ первичныхъ.

Признавая, что *ai* въ *-mai* есть усиленіе гласной *i*, мы далеко не разрѣшаемъ еще этимъ вопроса о происхожденіи медіальн. *-mai*, такъ какъ надо понять ту связь, которая существуетъ между фоне-

⁹¹⁾ Кунъ (Zeitschrift, XV, 401 и слѣд.) выводитъ *-mami* (что не составляетъ разницы при общей постановкѣ вопроса), но ср. замѣчанія Курціуса (Das Verbum der griechisch. Sprache, стр. 82).

⁹²⁾ Das Verbum и т. д., стр. 80—81.

тическимъ образованіемъ -*mai* и *tām* значеніемъ, какое имѣетъ это окончаніе. И Поттъ и Курціусъ видѣли въ образованіи медіальн. *ai* изъ *i* символическое значеніе, но теорія символизма, при бѣльшихъ успѣхахъ сравнительной грамматики индоевропейскихъ языковъ, способна возбуждать къ себѣ все меньше и меньше довѣрія; это обстоятельство осталось, можетъ быть, не безъ вліянія на перемѣну взгляда Курціуса въ вопросѣ о происхожденіи медіальн. *ai*. Если мы обратимся къ нашему чутью въ языкѣ, то оно можетъ, напр., найти соотвѣтствіе между полнотою формы „нашивать“ и *tām* значеніемъ, какое съ нею соединяется по отношенію къ „нести“, „носить“; но отсюда нельзя еще ничего вывести для теоріи символизма, такъ какъ въ нашемъ примѣрѣ мы имѣемъ дѣло не съ образованіемъ формы, но съ формою уже сложившеюся. Я охотно готовъ признать, что и въ медіальн. дифтонгахъ, какъ скоро они произошли, чутье говорившихъ находило связь съ интензивностью значенія, но прежде должны были все таки существовать эти дифтонги. Очевидно, что, объясняя медіальн. *ai* усиленіемъ основнаго *i*, мы этимъ самымъ приводимъ вопросъ объ образованіи медіальныхъ окончаній въ зависимость отъ того, какъ должно объясняться вообще усиленіе гласныхъ.

Давно уже сознавалась потребность найти фонетическое основаніе для дифтонговъ индоевропейск. языка *ai* и *au* ⁹³⁾ (не *tēh*, которые произошли черезъ механическое соединеніе *a+i* или *+u*), но пока приступали къ этому вопросу съ апіористическими теоріями, результаты не могли получиться удовлетворительные. Правильнымъ образомъ этотъ вопросъ былъ поставленъ лишь тогда, когда Кунъ и Шереръ показали, что въ нашихъ заключеніяхъ о происхожденіи дифтонговъ индоевроп. языка мы должны основываться на *tēh* новыхъ языкахъ, въ которыхъ дифтонги (не механическіе) образуются въ историческое время, какъ въ новонемецк. и въ англійскомъ ⁹⁴⁾ (присоединимъ сюда и новочешскій языкъ). На основаніи этихъ данныхъ Кунъ и Шереръ пришли къ тому заключенію, что индоевроп. *ai*, *au* образовались изъ *i*, *u*, а долготу въ *ī*, *ū* они объясняли вліяніемъ ударенія (съ чѣмъ, какъ мы увидимъ далѣе, можно не соглашаться). Юг. Шмидтъ въ своей книгѣ:

⁹³⁾ Шлейхеръ построилъ для индоевроп. языка двѣ степени усиленія, но въ настоящее время едва ли кто нибудь изъ лингвистовъ слѣдуетъ этой теоріи Шлейхера.

⁹⁴⁾ Zeitschrift, XII, 143; Zur Geschichte der deutschen Sprache, стр. 19; 26 (Шмидта Zur Geschichte des indogermanisch. Vocalismus, стр. 140).

Zur Geschichte des indogermanischen Vocalismus примѣняетъ образованіе дифтонговъ изъ долгихъ гласныхъ къ объясненію цѣлаго ряда явленій, стоящихъ въ связи съ вліяніемъ носовой на удлинненіе *i*. Признавая большія достоинства за книгою Шмидта, я долженъ, однако, замѣтить, что наиболѣе расхожусь съ нимъ именно въ той главѣ, которая толкуетъ о „Vocalsteigerung aus Nasalierung entstanden“. Въ другомъ мѣстѣ, я надѣюсь, мнѣ представится случай говорить о теоріи Шмидта, а здѣсь, въ поясненіе сказаннаго далѣе, ограничусь лишь слѣдующимъ: всѣ явленія, разсматриваемыя Шмидтомъ въ названной выше главѣ, распадаются, по моему мнѣнію, на двѣ категоріи: или форма съ дифтонгомъ есть параллельная при формѣ съ носовою согласной (напр. греч. *λαῖτω*, лит. *lėku*, (сскр. *reçâmi* въ *Dhâtur.*) и, съ другой стороны, сскр. *gīrakti*, прусск. *rolinka*, лат. *linquit*), или же дифтонги *ai*, *ei*, *oi*, + согласн. произошли непосредственно изъ *an*, *en*, *on*, + согласн., черезъ вокализированіе носовой, т. е. черезъ развитіе изъ нея гласнаго призвук*a*i (напр. готск. *braids*, литовск. *plėku*, *teivas*=*tenvas*, *laiszis*, т. е. *liaiszis*=*leiszis*, изъ *lenszis* и т. д.)⁹⁵).

Упомянувъ о мнѣніи Куна и Шерера, Шмидтъ замѣчаетъ (стр. 140): „Beide gelerten haben nur darauf hin gewiesen, dass in jüngerer sprachperioden (neuhochdeutsch, englisch) *i*, *u* zu *ei* (*ai*), *au* werden, und somit nur die möglichkeit dar getan, dass im urindogermanischen ein gleiches geschehen sei, aber das tatsächliche vorhandensein von *i*, *u* an stelle eines späteren *ai*, *au* nicht auf gezeigt, was ich hier mit einigen beispilen versuchen will“. Примѣры, сообщаемые имъ далѣе изъ языковъ санскритскаго, древнебактрійскаго, греческаго и нѣмецкаго, должны показать или долготу тамъ, гдѣ, согласно съ общимъ правиломъ, надо было бы ожидать дифтонга (который дѣйствительно является въ нѣкоторыхъ языкахъ), или же спорадическое измѣненіе долгой гласной въ дифтонгъ въ томъ или другомъ изъ этихъ языковъ. Но Шмидтъ, какъ мнѣ кажется, заблуждается относительно природы дифтонговъ, происходящихъ изъ долгихъ гласныхъ. Когда мы встрѣчаемъ въ извѣстномъ языкѣ переходъ одного звука въ другой, мы должны опредѣлить себѣ, ка-

⁹⁵) Сюда же, между прочимъ, принадлежатъ лит.(людвиновск.) *tais*, *jaïs*, *geraisés*, изъ *taips*, *jaips*, *geranses* (см. выше), а также лесб. *παῖσα*, *μοῖσα* и т. под. Юг. Шмидтъ ошибочно, по моему мнѣнію, выводитъ здѣсь *i*оту изъ сигмы (Vocalismus, стр. 112).

кія общія причины руководятъ этимъ переходомъ, т. е. совершается ли онъ вслѣдствіе вліянія сосѣднихъ звуковъ или слоговъ, или вслѣдствіе смѣшенія одного звука съ другимъ, очень близкимъ къ нему (напр. смѣшеніе г и л), или, наконецъ, вслѣдствіе физиологической потребности (извѣстнаго языка въ опредѣленномъ періодѣ его жизни). Въ первыхъ двухъ случаяхъ, и особенно во второмъ, измѣненіе одного звука въ другой можетъ оставаться явленіемъ болѣе или менѣе спорадическимъ (но можетъ обращаться и въ законъ); въ третьемъ же случаѣ оно необходимо проходитъ черезъ весь строй языка. Очевидно, что обращеніе *і, ѵ* въ *аі, ау* есть слѣдствіе физиологической потребности, т. е. неудобства, ощущавшагося при произнесеніи *і* и *ѵ*; о вліяніи сосѣднихъ звуковъ или слоговъ здѣсь, конечно, не можетъ быть рѣчи, но это также и не смѣшеніе двухъ родственныхъ звуковъ, ибо *і* и *ѵ* существеннымъ образомъ разнятся отъ *аі* и *ау*. При поверхностномъ взглядѣ переходъ *і, ѵ* въ *аі, ау* можетъ казаться явленіемъ противорѣчащимъ общему стремленію языка, выражающемуся въ паденіи звуковой формы, но болѣе внимательный взглядъ не замедлитъ обнаружить истинную причину этого явленія.

Извѣстно, что исторія звуковъ представляетъ намъ рядомъ съ ассимиляціей совершенно противоположное стремленіе къ диссимиляціи. Только тотъ, кому чуждо наблюденіе надъ языкомъ, способенъ былъ бы усмотрѣть въ этомъ соединеніи двухъ противоположныхъ стремленій нѣчто невѣроятное. Въ дѣйствительности же оба стремленія одинаково имѣютъ физиологическое основаніе и объясняются удобствомъ произношенія: ассимиляція избѣгаетъ различія, диссимиляція—полнаго тождества. Въ обращеніи *і, ѵ* въ *аі, ау* я вижу диссимиляцію; здѣсь не было вліянія сосѣднихъ звуковъ, но диссимиляція все таки могла имѣть мѣсто, вслѣдствіе того, что *і, ѵ* распадаются на *іі, уу*. Это стремленіе къ диссимиляціи не коснулось звука *â*, но нѣтъ никакой необходимости думать, что переходъ *і, ѵ* въ *аі, ау* долженъ былъ сопровождаться соответствующимъ измѣненіемъ и звука *â*. Какъ скоро, однако, въ извѣстномъ языкѣ (или въ діалектѣ) появляется образованіе *аі* (*еі*) или *ау* (*оу*) изъ *і, ѵ*, оно непременно проходитъ черезъ весь строй языка, и я не могу поэтому согласиться съ Шмидтомъ, который допускаетъ спорадическое образованіе дифтонговъ изъ долгихъ гласныхъ. Иной вопросъ, конечно, можемъ ли мы надѣяться найти въ индоевропейскихъ языкахъ остатки тѣхъ *і, ѵ*, которыя образовывали

изъ себя дифтонги *ai*, *au* еще до раздѣленія индоевроп. языка. Невозможнаго въ этомъ, конечно, нѣтъ, такъ какъ дифтонги *ai*, *au* вовсе не вели за собою немедленнаго исчезновенія тѣхъ *i*, *u*, изъ которыхъ они происходили; *i* и *ai*, *u* и *au* могли существовать въ языкѣ въ теченіе извѣстнаго времени въ качествѣ вариантовъ, но то же самое физиологическое стремленіе, которое обращало долгія гласныя въ дифтонги, должно было, наконецъ, дать этимъ послѣднимъ рѣшительное господство. Въ настоящее время я не беру на себя разбора всѣхъ тѣхъ примѣровъ, которые приводитъ Шмидтъ съ цѣлью доказать присутствіе въ индоевроп. языкахъ остатковъ „eines fossilen Vorguna“, но долженъ замѣтить, что вообще я склоненъ видѣть параллельныя образованія тамъ, гдѣ Шмидтъ принимаетъ тождество. Такъ, напр., др. бактр. *ṣtaora*, греч. *ταῦρος*, слав. *туръ*, литовск. *tauras*, готск. *stiur* я отдѣляю отъ сскр. *sthāra* „плотный, крѣпкій“, двн. *stūri* „magnus“, ⁹⁶⁾: по моему мнѣнію, мы имѣемъ здѣсь два индоевроп. слова (съ различными значеніями), а не одно. Точно такъ же и сскр. *gūhati* я не отождествляю съ др. бактр. *gaozaiti*, греч. *γεῦθει*, но вижу въ нихъ два различныя образованія: долгота *ū* въ сскр. *gūha* — произошла подѣ влияніемъ бывшаго нѣкогда *n*, т. е. *gūha* — предполагаетъ болѣе древнюю основу * *gundha* — * *gunha* — (ср. *gunṭh* = *guh*). Иначе была бы непонятна аномалія, представляемая этимъ глаголомъ, такъ какъ аналогія другихъ глаголовъ требовала здѣсь дифтонга. Но есть случаи, въ которыхъ мы обязаны признать для индоевроп. языка, въ періодъ раздѣленія, долгія гласныя *i* и *u*, и гдѣ нѣтъ даже никакихъ основаній предполагать существованіе *ai*, *au*, какъ вариантовъ при *i* и *u*. Такъ, напр., сскр. *dhūma*, греч. *θυμός*, лат. *fumus*, литов. *dūmai* (мн. ч.), ст. слав. дымъ указываютъ, конечно, на индоевроп. * *dhūma* —, и двн. *toum* не можетъ имѣть значенія въ виду согласія, представляемаго прочими языками; *toum* или восходитъ къ другой индоевроп. формѣ, или объясняется изъ какого нибудь спеціальнаго закона (неизвѣстнаго мнѣ), дѣйствовавшаго въ двн. языкѣ. Сравни далѣе: сскр. *sānu*, литовск. *sānus*, ст. слав. сынъ; сскр. *vīra*, литовск. *vyras*; сскр. *śīva*, лит. *gyvas*, ст. слав. живъ, лат. *vivus* и т. д. Спрашивается: почему же эти

⁹⁶⁾ Въ двн. *stūri* = *stūri* дифтонгъ *iu* не долженъ быть сравниваемъ съ *iu* въ готск. *stiur*, такъ какъ *stūri* произошло изъ *stūri*, вследствие перегадовки (Umlaut'a) *ū* подѣ влияніемъ слѣдующаго *i*.

i, *u* не обратились въ *ai*, *au*? Я не могу видѣть здѣсь уклоненія отъ общаго правила, такъ какъ то фیزیологическое стремленіе, въ силу котораго являлись дифтонги изъ *i*, *u*, не допускало, по моему мнѣнію, подобныхъ уклоненій; слѣдовательно, должна была существовать разница между *i* въ * *gîva* и *i* въ * *dîva*, откуда * *daiva* (сскр. *deva* и т. д.). Чтобы опредѣлить эту разницу, я долженъ прибѣгнуть къ гипотезѣ, которая, можетъ быть, не покажется неправдоподобною: я думаю, что въ индоевроп. языкѣ (въ извѣстномъ періодѣ его жизни) долгія гласныя *i* и *u* обращались въ дифтонги только тогда, когда съ ними соединялось удареніе. Очевидно, что удареніе, соединяясь съ долгою, особенно благопріятствовало появленію диссимиліаціи въ *i*, *u*, такъ какъ, падая лишь на одну часть долгой гласной, оно тѣмъ яснѣе выставляетъ *i* и *u* въ качествѣ *ii*, *uu*. Число индоевроп. основъ съ дифтонгами *ai* и *au* значительно больше числа основъ съ долгими гласными *i* и *u*, и это показываетъ, что удареніе охотно соединялось съ долгою, хотя необходимой связи между ними не было, и мы не должны объяснять происхожденіе долгихъ гласныхъ въ индоевроп. языкѣ вліяніемъ ударенія. Нѣтъ причины думать, что долгія гласныя моложе краткихъ ⁹⁷⁾: долгота и краткость одинаково восходятъ, по моему мнѣнію, къ той эпохѣ, когда количество гласной не было опредѣленнымъ, т. е. когда въ одномъ и томъ же корнѣ гласная могла быть и долгою и краткою. Съ теченіемъ времени, когда артикуляція приобрѣла большую опредѣленность, краткія гласныя легко могли получить преобладаніе надъ долгими, въ силу стремленія языка къ сокращенію звуковой формы; мы можемъ думать, что тамъ, гдѣ долгота осталась, языкъ соединялъ съ нею извѣстный отгѣнокъ въ значеніи. Колебаніе между краткостью и долгою всего долѣе существовало въ конечныхъ гласныхъ (т. е. въ концѣ словъ), и потому-то въ корняхъ, оканчивающихся на гласную, мы находимъ эту гласную какъ краткою, такъ и долгою. Даже въ позднѣйшемъ періодѣ жизни индоевроп. языка могла еще сохраняться та же неопредѣленность гласнаго окончанія, какъ это показываютъ, напр., частицы (предлоги и т. д.), оканчивающіяся на гласную. Можетъ быть, и здѣсь употребленіе вносило нѣкоторое различіе между долгою и краткою гласною, хотя во всякомъ

⁹⁷⁾ Понятно, что я исключаю отсюда всѣ тѣ случаи, гдѣ долгота развивается подъ вліяніемъ сосѣднихъ звуковъ.

случаѣ это различіе не могло быть существенно, между тѣмъ какъ напр., при употребленіи основъ * аква - (сскр. асва и т. д.) и аквâ - языкъ соединялъ съ разницею количества гласной различіе въ родѣ. Не „родъ“ создалъ долготу гласной въ * аквâ -, но прежде уже существовавшая долгота послужила средствомъ для звуковаго отличія женск. рода отъ мужск. Подобнымъ же образомъ мы различаемъ по значенію „обязывать“ отъ „обязывать“, хотя никто не думаетъ, конечно, что стремленіе выразить это различіе создало форму „обязывать“ изъ „обязывать“.

Примѣняя добытое нами къ медіальн. окончаніямъ, мы должны признать, что индоевроп. -mai, -sai, -tai образовались изъ -mî, -sî, -tî, съ удареніемъ на î⁹⁸). Корни mî, sî, tî, были вариантами корней mi, si, ti, подобно va въ * аквâ - рядомъ съ va въ аква -. Далѣе, какъ при употребленіи * аква и * аквâ - языкъ различалъ „родъ“ при помощи количества гласной, такъ и варианты -mî и -mî (= mai) получили различныя значенія: съ болѣе сильнымъ окончаніемъ языкъ сталъ соединять и болышую интензивность смысла, и такимъ-то образомъ создалась грамматическая категория медиума.

До сихъ поръ я говорилъ лишь о такъ называемыхъ первичныхъ медіальныхъ окончаніяхъ. По отношенію къ вторичнымъ вопросамъ усложняется тѣмъ, что трудно вывести индоевроп. формы для нѣкоторыхъ лицъ, но, напр., несомнѣнно, что 2-е и 3-е л. ед. чис. имѣли въ періодъ раздѣленія индоевроп. языка, между прочимъ, слѣдующія вторичныя окончанія: 2-е л. въ дѣйствит. залогѣ -s, въ медиумѣ -sa; 3-е л. въ дѣйствит. залогѣ -t, въ медиумѣ -ta. Эти окончанія принято объяснять такимъ образомъ, что -s и -t выводятъ изъ первоначальн. -si и -ti (какъ и -m въ 1-мъ лицѣ изъ -mi), а для -sa и -ta предполагаютъ происхожденіе изъ sasi, sas; -tati, -tat. Противъ объясненія -s, -t (и -m) изъ -si, -ti (и -mi) нельзя выставить, конечно, серьезныхъ возраженій, такъ какъ отпаденіе конечной гласной (не прикрытой удареніемъ) извѣстно и помимо того изъ индоевроп. языка; ср., напр., -s въ окончаніи именит. пад. ед. ч. изъ -sa, -t въ именит. винит. пад. средн. рода мѣстоименій изъ -ta, и т. д. Но не такъ легко согласиться съ объясненіемъ -sa, -ta изъ -sasi, -sas; -tati, -tat: конечная

---

⁹⁸) Отсюда нельзя еще заключать, что и въ окончаніяхъ mî, sî, tî удареніе стояло на î.

гласная *i* могла отпасть здѣсь по той же причинѣ, какъ и въ *-s*, *-t*, изъ *-si*, *-ti*, но почему мы находимъ *-sa* и *-ta*, а не *-sas* и *-tat*? Возможно то, что въ индоевропейск. языкѣ, въ періодъ его раздѣленія, не каждая согласная допускалась въ концѣ слова, но именно для *-s*, *-t* (и *-m*) мы имѣемъ доказательства въ пользу ихъ существованія въ концѣ словъ; совершенно непонятно было бы поэтому отпаденіе *-s* и *-t* въ *-sa* и *-ta*. Защитники той теоріи, по которой окончанія *-sa* и *-ta* произошли изъ *-sas* и *-tat* ссылаются иногда на греч. *-μην* и сскр. *-thās* (во 2-мъ лицѣ ед. ч.), въ которыхъ, по ихъ мнѣнію, удержалась согласная (отпало только *i*). Шлейхеръ, однако, былъ правъ въ томъ отношеніи, что не рѣшался высказать рѣшительное мнѣніе касательно сскр. *-thās*, греч. *-μην* и во всякомъ случаѣ не ставилъ эти окончанія основаніемъ для цѣлой теоріи. Дѣйствительно, эта теорія, на слабую сторону которой я уже указалъ, не можетъ искать себѣ существенной поддержки въ сскр. *-thās*, греч. *-μην*. Если *-μην* произошло изъ индоевроп. *-mamī*, *-mam*, то, во-первыхъ, спрашивается, почему же индо-эранск. *-a* ⁹⁹⁾ (изъ *-ma*, какъ *-e* изъ *-me* = *mai*) утратило конечное *m*, а во-вторыхъ, долгота гласной въ греческ. *-μην* также должна потребовать объясненія. Я думаю, что греч. *-μην* можетъ быть поставлено рядомъ съ *-την* (= сскр. *-tām*), какъ на это указывали, между прочимъ, Шлейхеръ и Бенфей ¹⁰⁰⁾, и въ конечномъ *ν* въ *-μην* не слѣдуетъ видѣть поэтому остатка перваго личнаго мѣстоим. *ma*. Что же касается сскр. *-thās*, то я долженъ признаться, что вовсе не цѣню происхожденія этого окончанія, которое стоитъ особнякомъ въ ряду другихъ и не находитъ соотвѣтствія даже въ др. бактрійск. языкѣ. Во всякомъ случаѣ, на основаніи др. бактрійск. и греческ. языковъ мы въ правѣ вывести индоевроп. *-sa* для 2-го л. ед. ч. въ медиумѣ; сскр. *-thās* можетъ восходить къ какому нибудь параллельному образованію, подобно тому какъ рядомъ съ *-sa* существовало въ индоевроп. языкѣ и *-sya*. Понятно, что первую часть въ *-thās* является та же основа *tha-* (изъ *sta*), которую мы находимъ и въ дѣйствительномъ залогѣ, но принципъ, по которому образовано *-thās*,

⁹⁹⁾ Является только въ желательн. наклоненіи. Обыкновенное такъ называем. вторичное окончаніе 1-го л. ед. ч. въ индо-эранск. медиумѣ есть *-i*, которое объясняютъ изъ *-a*, что однако, можетъ казаться сомнительнымъ.

¹⁰⁰⁾ Шлейхера *Compend.*, стр. 689; Бенфея *Ueber einige Pluralbildungen des indogermanisch. Verbum*, стр. 38.

для меня не ясенъ. Курциусъ, придающій столь важное значеніе сскр. -thās (какъ и греч. -μην), не разъяснилъ, однако, происхожденія здѣсь долготы, которая не могла бы появиться, еслибъ -thās образовалось изъ первоначальн. -tvasi, -tvas.

По моему мнѣнію, такъ называемыя вторичныя медіальныя окончанія произошли, по крайней мѣрѣ—отчасти, вслѣдствіе причинъ фонетическихъ, подобно первичнымъ окончаніямъ. Активные формы * abharas, * abharat я вывожу изъ * abharasa, * abharata, гдѣ мѣстоименные корни sa и ta имѣютъ то же значеніе, что si и ti въ * bharasi, * bharati; языкъ воспользовался существованіемъ мѣстоименныхъ вариантовъ, чтобы отличить этимъ одни глагольныя образованія отъ другихъ. Но какъ -si, -ti могли имѣть гласную долгую (откуда -sai, -tai), такъ и -sa, -ta существовали рядомъ съ -sâ, -tâ; съ болѣе сильными окончаніями соединялась и здѣсь интензивность значенія, и медіальн. -sa, -ta я объясняю именно изъ этихъ -sâ, -tâ. Одновременно съ тѣмъ, какъ активныя -sa, -ta теряли конечную гласную, медіальныя -sâ, -tâ обращались въ -sa, -ta, хотя въ эпоху раздѣленія индоевроп. языка долгота здѣсь не исчезла еще совсѣмъ, ибо въ Ведахъ конечная гласная этихъ окончаній является иногда долгою (въ текстѣ „samhitâ“). Подобнымъ же образомъ объясняется отношеніе между -anta и -ant въ 3-мъ л. множ. ч., равно какъ рядомъ съ активнымъ -m (изъ -ma) въ 1-мъ л. ед. ч. мы находимъ медіальн. -ma (-mâ) въ индо-эранск. -a (-â) и въ первой части греческ. -μην. Далѣе, для 1-го л. множ. ч. мы можемъ предположить медіальн. -madhâ, -madha при активн. -madha, -madh (-ma, гдѣ dh отпало, можетъ быть, еще въ индоевроп. языкѣ); греческ. -μεθα или восходитъ къ -madhâ, или же стоитъ въ связи съ эол. -μεθεν и съ тѣмъ -μεθον, которое приводится въ грамматикахъ какъ окончаніе двойствен. числа ¹⁰¹⁾. Греческ. -σθε указываетъ на индоевроп. -sdhva (= -sdhvâ; ведійск. -dhva засвидѣтельствовано слишкомъ недостаточно), между тѣмъ какъ въ соотвѣтствующемъ активномъ окончаніи является, повидимому, другая основа, и сскр. -ta, греч. -τε (перенесенное и въ настоящ. время) могутъ объясняться изъ -ta-dha, -tadh, подобно -ma изъ -madha, -madh. Такого рода несоотвѣтствіе не заключаетъ въ себѣ, конечно, ничего удивительнаго,

¹⁰¹⁾ Относительно сомнѣній, которыя возбуждало -μεθον, см. у Курциуса, Das Verbum der griechisch. Sprache, стр. 97—98.

ибо въ распоряженіи языка было нѣсколько образованій, получившихъ одно и то же значеніе. Припомнимъ, что и въ такъ называем. первичныхъ окончаніяхъ замѣчается такое же несоотвѣтствіе основъ между активн. -masi, -tasi и медіальн. -madhai, -sdhvai. На это обстоятельство долженъ обратить вниманіе тотъ, кто нашелъ бы сомнительнымъ признанное мною выше окончаніе -п въ 1-мъ л. ед. ч. на томъ лишь основаніи, что это п не является въ соотвѣтствующемъ окончаніи медиума; но вѣдь, напр., и рядомъ съ активн. -dhi (во 2-мъ л. ед. ч. повелит. наклон.) мы не находимъ медіальнаго -dhai, хотя и не можемъ утверждать, чтобы это послѣднее окончаніе никогда не существовало въ индоевроп. языкѣ.

Изъ сказаннаго мною слѣдуетъ, между прочимъ, то, что термины „первичный“, „вторичный“, примѣняемые къ глагольнымъ окончаніямъ, не вѣрны: такъ называемыя вторичныя глагольныя окончанія, рассмотрѣнныя выше, не произошли изъ первичныхъ, но представляютъ собою исконныя параллельныя образованія. Ради практическаго удобства мы можемъ называть одни глагольныя окончанія первыми, другія вторыми, но въ такомъ случаѣ придется присоединить къ нимъ еще третьи окончанія, именно тѣ, въ концѣ которыхъ мы находимъ согласн. *m* (греч. *v*), какъ напр., въ сскр. -tām, -tham, -dhvam, греч. -την, -τον, -μην, -μεθεν и т. д. Относительно происхожденія этого *m* я не могу ничего сказать и долженъ лишь повторить слова Курціуса: „Ich fürchte, wir müssen hier dies *m* vorläufig als ein *x* stehen lassen, dessen Erklärung der Zukunft überlassen bleiben muss“¹⁰²⁾.

VIII.

Въ первой главѣ я указывалъ на то, что колебаніе между конечными *â* и *âu* замѣчается въ древнеиндійск. языкѣ, кромѣ перфекта (въ 1-мъ и въ 3-мъ л. ед. ч.) и мѣстн. пад. ед. ч. основъ на -î, также и въ именит. винит. пад. двойств. ч., напр. aṣvīnâ (въ Ведахъ)=aṣvīnâu (въ Ведахъ и въ позднѣйшемъ санскритѣ). Боппъ предполагалъ, что сскр. -âu произошло изъ -âs черезъ вокализированіе *s*, а въ -âs онъ видѣлъ усиленіе того -as, которое составляетъ окончаніе именит. пад. множ. ч. Въ ведійск. -â Боппъ при-

¹⁰²⁾ Das Verbum der griechisch. Sprache, стр. 73.

знавалъ укороченное -âu, и съ этимъ -â, др. бактр. -а (но также -â) онъ приводилъ кажимъ-то образомъ въ связь греческ. -ε¹⁰³⁾; наконецъ, и литовск. -uo, -u должно было по его мнѣнію объясняться также изъ -â. Очевидно, что противъ каждаго изъ этихъ соображеній могутъ быть выставлены сильныя возраженія, и я не вижу возможности согласиться съ тѣмъ или другимъ пунктомъ. Но и объясненіе, данное Шлейхеромъ, на столько же неудовлетворительно. Шлейхеръ говоритъ: „Die endung war ursprünglich wol -sâs, denung des pluralen -sas, darauss -âs, wie im plural -as auss -sas; für die indogermanische ursprache sind also wol formen wie *vâk-âs, *sunuv-âs u. s. f. vorauss zu setzen“¹⁰⁴⁾. Слѣдовательно, первое s въ -sâs предполагается здѣсь только по аналогіи съ тѣмъ -sas, которое можетъ являться въ именит. пад. множ. ч., и Шлейхеръ, какъ мы видимъ, самъ признаетъ, что въ періодъ раздѣленія индоевроп. языка это s уже не существовало. Но и конечное s въ -sâs также не можетъ быть доказано, ибо та древнебактрійск. форма (ameretâtâoç-са, ameretâoç-са), на которую ссылается Шлейхеръ, легко объясняется иначе¹⁰⁵⁾. Что касается сскр. -âu, то Шлейхеръ видитъ въ этомъ дифтонгѣ „помутившееся“ â, противъ чего, однако, выставлены мною выше возраженія. Происхожденіе греч. -ε онъ не объясняетъ, такъ какъ нельзя назвать объясненіемъ слѣдующія слова: „Dieser casus (nominat. accusat. dual.) hat überall ε zur endung als rest von -âs, -â“. Въ литовск. -uo, -u въ tuo-du, vilku Шлейхеръ видитъ окончаніе, принадлежавшее первоначально основамъ на -u (sunu) и перенесенное въ послѣдствіи въ основы на -a; но отъ -avâs до -uo, -u большой переходъ, и я желалъ бы встрѣтить примѣры,

¹⁰³⁾ Vgl. Gram, I, § 209: «Von der Veda-Endung â und dem im Zend dafür stehenden kurzen a gelangt man leicht zum griechischen dualen ε, da dieser Vocal am Ende sehr gern das alte a vertritt».

¹⁰⁴⁾ Compend., стр. 537.

¹⁰⁵⁾ См. Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, XXV, 231, гдѣ Ротъ объясняетъ ameretâtâoç-са въ значеніи именит. пад. ед. ч., т. е. изъ ameretâts, съ правильнымъ переходомъ ts въ ç и съ измѣненіемъ â âo (котор. этимологически соответствуетъ первонач. â). То же объясненіе распространяется, конечно, и на ameretâtâoç-са, haurvâoç-са, haurvatâoç-са. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, однако, контекстъ не позволяетъ принимать эти формы за именит. пад. (напр. Y. 34, 11), и тамъ я вижу родит. пад. двойств. ч., который и безъ того засвидѣтельствованъ въ этихъ именно формахъ; въ древнебактр. языкѣ родительн. пад. (собств. родительн. раздѣлительн.) употребляется иногда очень свободно и можетъ замѣнять винительн. (для множ. ч. см. примѣры въ грамматикѣ Шпигеля, стр. 289).

которые позволили бы предполагать для литовск. языка отпаденіе долгаго -âs.

По моему мнѣнію, неудовлетворительность выводовъ Боппа и Шлейхера по этому вопросу проистекала изъ того, что они не различали въ именит. винит. пад. двойств. ч. двухъ окончаній. Извѣстно, что сравнительная грамматика выводитъ для двойственного числа три падежныхъ окончанія, существовавшія въ индоевропейск. языкѣ въ періодъ его раздѣленія: одно принадлежитъ именит. винит. звателън. пад. (женск. и средн. родъ въ основахъ на -a, -â могутъ отличаться по окончанію отъ основъ мужеск. р. на -a), другое — дательн. и творительн. и третье — родительн. и мѣстн. Однако, даже на основаніи Компендіума Шлейхера можно предположить, что число падежныхъ окончаній двойств. ч. доходило въ индоевроп. языкѣ (въ періодъ его раздѣленія) до четырехъ. Шлейхеръ отказывается вывести индоевроп. форму родит. мѣстн. пад. въ этомъ числѣ, и дѣйствительно, изъ сравненія санскритскаго, древнебактрійск. и старославянск. языковъ получаются два окончанія, а не одно. Первоначально каждое изъ этихъ окончаній выражало, конечно, лишь одинъ изъ двухъ падежей, но мы не обязаны думать, что такъ было и въ эпоху раздѣленія индоевроп. языка. Напротивъ, тотъ фактъ, что въ санскритск., старославянск. и кельтск. языкахъ мы находимъ здѣсь лишь одно окончаніе, объясняется именно при томъ предположеніи, что уже въ индоевроп. языкѣ оба окончанія употреблялись безразлично для двухъ падежей, подобно тому какъ безразлично они употребляются и въ древнебактрійск. языкѣ. Въ этомъ предположеніи нѣтъ, конечно, ничего невѣроятнаго, тѣмъ болѣе, что возможность смѣшенія падежн. окончаній въ индоевроп. языкѣ засвидѣтельствована творит. пад. ед. ч. Сравнительная грамматика открываетъ, какъ извѣстно, два окончанія для этого падежа въ ед. ч. (по Шлейхеру, -bhi и -â; по моему выводу, -bhi и -ân), хотя ни въ одномъ изъ языковъ, гдѣ они сохранились оба, не существуетъ между ними различія въ употребленіи. Шлейхеръ былъ правъ, однако, дѣлая слѣдующее заключеніе: „Da der instrumentalis auch zwei verschiedene functionen hat, indem er sowol das verbundensein, als das mittel und werkzeug bezeichnet, so ligt es nahe zu vermuten, dass jeder diser functionen ursprünglich eines der beiden suffixe entsprochen habe, von denen jedoch im vor liggenden zustande der sprache ein jedes beide

zeigt“¹⁰⁶⁾. Такое же смѣшеніе падежн. окончаній вижу я и въ именит. вин. пад. двойств. ч.

Близкое родство двойств. ч. съ множеств., принимаемое Боппомъ и Шлейхеромъ, не подлежитъ, мнѣ кажется, никакому сомнѣнію, и двойств. ч. представляется образовавшимся изъ множ. ч. Именит. пад. двойств. ч. отличался въ индоевроп. языкѣ отъ именит. множ. ч. тѣмъ, что не имѣлъ въ окончаніи согласной s, и потому при именит. множ. ч. * *varkâs* (т. е. *varka-as*), * *vâk-as* именит. двойств. ч. звучалъ * *varkâ*, * *vâka*. Отсюда, какъ мы видимъ, легко объясняются греч. *λύκω*, *ῥέ*, ст. слав. раба. Шлейхеръ безъ достаточныхъ основаній предполагаетъ, что первоначальн. окончаніемъ именит. пад. множ. ч. было -sas, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ онъ признаетъ, что первое s исчезло еще въ индоевроп. языкѣ во всѣхъ основахъ, за исключеніемъ основъ на -a, -â. Дѣйствительно, въ Ведахъ мы находимъ рядомъ съ именит. пад. множ. ч. *devâs* также и *devâsas*, въ Авестѣ *асрâ* (*асра*) и *асрâоіно*, въ клинообразныхъ надписяхъ *martiyâ* и *bagâha*; но уже то обстоятельство, что обѣ формы употреблялись одновременно какъ въ индо-эранск. языкѣ, такъ и позже, дѣлаетъ сомнительнымъ предположеніе, по которому *асvâs* произошло изъ *асvâsas*. При томъ же, другіе индоевроп. языки не представляютъ окончаній -âsas, между тѣмъ какъ индо-эранскому *асvâs* соотвѣтствуютъ готск. *vulfos*, оскск. *Nuvlanus*, умбр. *Ikuvinus*; подобнымъ же образомъ и въ женск. родѣ индо-эранск. *асvâsas* не находятъ соотвѣтствія въ другихъ индоевроп. языкахъ, между тѣмъ какъ форма *асvâs* тождественна, напр., съ литовск. *gankos*, готск. *gibos*. Итакъ, мы имѣемъ полное основаніе предполагать для индоевропейск. языка именит. мн. ч. * *akvâs*, (какъ это принимаетъ и Боппъ), изъ *akva+as*, подобно * *vâkas*, изъ *vâk-as*; форма же на -âsas представляетъ или параллельное индоевропейск. образованіе (но * *akvâs* во всякомъ случаѣ произошло не изъ * *akvâsas*), или, что мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ, специальное индо-эранское. Слѣдовательно, выведенная мною форма именит. пад. двойств. ч. вполне согласуется съ формою именит. множ. ч. Ведійскій именит. винит. пад. двойств. ч. *devâ* (какъ и др. бактр. *асрâ*, *асра*) могъ бы восходить къ индоевроп. * *daivâ* (ср. греч. *λύκω*, ст. слав. раба), но форма *marutâ* не нашла бы здѣсь объясненія, такъ какъ въ основахъ на согласную именит.

¹⁰⁶⁾ Compend., стр. 577.

пад. двойств. ч. долженъ былъ оканчиваться въ индоевроп. языкѣ на -а (греч. -ε), подобно именит. множ. ч. на -as. Рядомъ съ devâ, marutâ въ Ведахъ встрѣчаются формы devâu, marutâu, которые въ позднѣйшемъ санскритѣ господствуютъ исключительно, а мы уже знаемъ, какъ должно объяснять древнеиндѣйск. -â = -âu въ концѣ формъ; въ devâ=devâu, marutâ=marutâu мы имѣемъ, слѣдовательно, первоначальный винит. пад. двойств. ч.: * daivân, * marutân. Къ подобному же заключенію приводитъ насъ и литовск. vilku, гдѣ -u изъ -uo, сохраняющагося въ tuo-du „эти оба“ и т. д. (ср. suku, гдѣ -u изъ -uo въ sukuo-s). Очевидно, что и греч. λύω могло образоваться не только изъ первонач. * varkā, но также и изъ * varkân (ср. φέρω). Полученное нами окончаніе винит. двойств. ч. -ân произошло, вѣроятно, изъ -ans, являющагося въ винит. множ. ч., подобно именит. двойств. ч. -а изъ именит. множ. ч. -as. Правда, Шлейхеръ считаетъ индоевроп. окончаніемъ винит. множ. ч. не -ans, но -ams, однако онъ не могъ бы доказать этого, такъ какъ -ams выведено имъ лишь на основаніи винит. ед. ч. на -am. Мы можемъ оставить въ сторонѣ вопросъ о томъ, произошло ли это -ans изъ ans, или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ надо признать, что окончаніе -ans существовало въ винит. множ. ч. задолго до раздѣленія индоевроп. языка, ибо изъ него объясняется -ân въ винит. (впослѣдствіи винит. и именит.) двойств. ч. Что касается удлинненія гласной въ -ân, то полную аналогію представляетъ дателън. творительн. пад. двойств. ч. на -bhjâm по отношенію къ дателън. множ. ч. на -bhjams (прусск. -mans). Причины, вызвавшія долготу гласной въ этихъ двухъ окончаніяхъ, были, можетъ быть, фонетическія (вліяніе группы „носовая согласн.+s“).

Въ основахъ на -i и на -u именит. пад. двойств. ч. могъ образовываться троякимъ образомъ: ¹⁰⁷⁾ 1) * pati-a, * raqu-a, и это образованіе осталось въ греч. πόλις, νέκυς, 2) * pataj-a, * rakav-a, въ греч. πόλεψ, γλυκέψ, и 3) * patî, * rakû, откуда формы всѣхъ другихъ индоевроп. языковъ, сохранившихъ двойств. ч., при чемъ должно замѣтить, что первонач. * patîn, * rakûn (винит. пад. двойств. ч.), теряя конечное n, сливались съ * patî, * rakû. Троякій именит. пад. двойств. ч. въ основахъ на -i и на -u стоитъ въ

¹⁰⁷⁾ Само собою разумѣется, не каждое слово должно было употребляться во всѣхъ трехъ образованіяхъ

связи съ образованіемъ въ тѣхъ же основахъ именит. множ. ч., для котораго въ индоевроп. языкѣ могутъ быть предположены слѣдующія формы: * *pati-as*, * *raku-as*; * *pataj-as*, * *rakav-as*; * *patís*, * *rakûs*. Сравнительная грамматика не признавала до симъ поръ такихъ индоевроп. формъ, какъ * *patís*, * *rakûs*, но на мой взглядъ онѣ (въ особенности отъ основъ на -i) достаточно засвидѣтельствованы языками литовскимъ (*akys*, *sunûs*), старославянск. (кости), готскимъ (*mahteis*)¹⁰⁸, а равно Ведами и Авестою. Сюда же, вѣроятно, принадлежатъ и лат. *ovis*, *ovês* (*oveis*, гдѣ *ei* выражаетъ звукъ средній между *i* и *ê*); *fructûs*. Подобное же разнообразіе имѣлъ въ индоевроп. яз. и родит. пад. ед. ч. отъ основъ на -i и на -u: * *pataj-as*, * *pati-as*, * *patai-s*; * *rakav-as*, * *raku-as*, * *rakau-s*. Ср. также сказанное выше о творительн. пад. ед. ч., а равно и тѣ формы аблатива (ед. ч.), какія можно вывести изъ древнебактр. и латинск. языковъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ падежное окончаніе могло не имѣть гласной *a* или *â*, и конечная согласная приставлялась при этомъ непосредственно къ основамъ на -i, -u, но только эти *i*, *u* были долгими; изъ долгихъ же *i*, *u*, какъ скоро на нихъ падало удареніе, образовались и дифтонги *ai*, *au* (*pataj-as, *patai-s; *rakav-as, *rakau-s). Въ основахъ *patî-*, *rakû* и т. под. слѣдуетъ признать исконные варианты основъ *pati-*, *raku-* и т. под.

IX.

Возвращаясь къ формѣ мѣстн. пад. *nâbhâ* = *nâbhâu* и т. под., которая дала поводъ къ изложеннымъ выше соображеніямъ, мы, я думаю, имѣемъ право предположить и здѣсь происхожденіе -*â* = -*âu* изъ -*âp*. Въ пользу этого говорятъ, во-первыхъ, остальные случаи, представляющіе колебаніе между *â* и *âu* въ концѣ формъ, а во-вторыхъ, древнебактрійск. мѣстн. пад. ед. ч. отъ основъ на -i: *gara*, *uta-yûtâ*, *yûto* и т. под. можетъ быть примиренъ съ древнеиндійск. *nâbhâ* = *nâbhâu*, *agnâ* = *agnâu* и т. под. лишь при томъ предположеніи, что древнеинд. *â* = *âu*, древнебактр. *â* (*a*), о восходятъ къ первоначальн. *âp* (не -*ap*, такъ какъ мы не имѣемъ права выводить сскр. *âu* изъ *ap*). Очевидно, что совершенно произвольно было бы допустить

¹⁰⁸) Въ настоящее время не подлежитъ уже сомнѣнію, что готск. *ei* выражаетъ долгое *i*; см., между прочимъ, Шмидта *Zur Geschichte des indogermanisch. Vocalismus*, стр. 48, примѣч.

вмѣстѣ съ Шпигелемъ ¹⁰⁹⁾ образование древнебактр. *gaḡa* изъ * *gaḡauḡi*; но эти же древнебактр. формы свидѣтельствуютъ, между прочимъ, и противъ того мнѣнія, по которому сскр. *pābhāu*, *agnāu* и т. д. вызваны аналогіею основъ на -у. ¹¹⁰⁾ Итакъ, мы не можемъ признавать для индоевроп. языка одно только окончаніе -і въ мѣстн. пад. ед. ч. (въ склоненіи именъ), но должны рядомъ съ этимъ -і предположить другое окончаніе, съ согласною п. Первоначально оба окончанія разнились, конечно, по своему значенію, но еще до раздѣленія индоевроп. языка эта разниа исчезла здѣсь, точно такъ же какъ, напр., въ творительн. соціативн. окончанія -āp и -bhi употреблялись безразлично со стороны значенія еще въ эпоху совмѣстной жизни индоевроп. языковъ. Понятно, что не одні только основы на -і имѣли въ мѣстн. пад. ед. ч. окончаніе съ согласною п, но то же окончаніе могло присоединяться и къ другимъ основамъ. Въ Авестѣ мы встрѣчаемъ формы мѣстн. пад. отъ основъ на -у: *bareshna*, *pereto* и т. под., вполне соотвѣтствующія формамъ *gara*, *uḡto* и т. под.; въ Ведахъ сюда принадлежатъ, можетъ быть, нѣкоторыя формы на -ā отъ основъ на -а, -ā, хотя, какъ я говорилъ въ Комментаріи, я не вижу возможности отличать эти формы отъ творительн. (соціативн.) падежа; наконецъ, мы увидимъ далѣе, что и литовск. языкъ представляетъ соотвѣтствующія образованія.

По поводу присутствія носовой согласной п въ мѣстн. пад. ед. ч. можно припомнить какъ ip въ томъ же падежѣ мѣстоименій, такъ и окончаніе мѣстн. пад. множ. ч. (въ склоненіи именъ и мѣстоименій). Въ *Beiträge* (VIII, 116) я указывалъ на то, что индоевроп. окончаніемъ мѣстн. пад. множ. ч. должно было быть или -svam, или svap; носовой согласной п я отдаю теперь предпочтеніе передъ m, въ виду того, что такимъ образомъ легче понять отпаденіе носовой въ сскр. -su, др. бактр. -hva, -shva, -hu, -shu, др. персидск. -uvā. Точно такъ же и относительно др. бактр. -y-ā (-y-a), др. персидск. -y-ā, -ā въ мѣстн. пад. ед. ч. нельзя утверждать, что эти -ā, -yā соотвѣтствуютъ загадочнымъ сскр. ām, -y-ām

¹⁰⁹⁾ *Grammatik der altbaktrisch. Sprache*, стр. 132.

¹¹⁰⁾ Въ дополненіе къ сказанному выше замѣчу, что Бенфей (см., напр., *Kurze Sanskrit-Grammatik*, стр. 296) объясняетъ вліяніе этой аналогіи родствомъ въ санскритѣ у и v; но примѣры, указываемые изъ пракрита, не имѣютъ обязательнаго значенія по отношенію къ санскриту.

(въ гласныхъ основахъ женск. р.), ибо конечная согласная *m* по общему правилу должна была бы удержаться въ др. бактрійск. и др. персидск. языкахъ.—Въ литовск. языкѣ мѣстн. пад. ед. ч. отъ всѣхъ именныхъ основъ, за исключеніемъ основъ на -а мужеск. р., образуется при помощи -ја, -је, для котораго Боппъ и Шлейхеръ¹¹¹⁾ находятъ возможнымъ предполагать родство съ сскр. *uâm*, но, прибавляетъ Шлейхеръ, лит. (-ја), -је можетъ имѣть также и другое происхожденіе. Дѣйствительно, если судить по другимъ случаямъ, слѣды конечнаго -*m* (въ видѣ *p* или въ видѣ носовой гласной) въ -ја, -је должны были бы сохраниться въ нѣкоторыхъ говорахъ, но этихъ слѣдовъ я не нахожу здѣсь и потому долженъ предположить, что литовск. -ја -је восходитъ или къ первоначальн. -ја, -jâ (количество гласной не можетъ быть опредѣлено), или же къ -jâp, если носовая *p* отпала здѣсь еще въ литовско-славянск. языкѣ (когда существовало различіе между конечными *m* и *p*). Въ первомъ случаѣ съ литовск. *akuje*, *aszvoje* (женск. р.) можно было бы сравнить сскр. дателън. пад. *açvâya* (мужеск. р.).

Что касается именныхъ основъ мужеск. р. на -а, то онѣ образуютъ теперь въ литовск. яз. мѣстн. пад. ед. ч. на -е (*rone*). Обыкновенно объясняютъ это -е изъ -ai, но нѣтъ никакой возможности согласиться съ такимъ объясненіемъ: литовск. *e* никогда не соответствуетъ первонач. *ai*, точно такъ же какъ, напр., ст. слав. *e* мы не могли бы возводить къ индоевроп. *ai*. Только въ нарѣчій пашѣ „дома“ мы находимъ дифтонгъ *ë*, который могъ бы быть объясняемъ изъ *ai*, но нельзя думать, что -е въ *rone* произошло изъ -*ë*, такъ какъ переходъ *ë* въ *e* невозможенъ. Въ литовскихъ книгахъ я нахожу иногда въ окончаніи мѣстн. пад. *rone*, *dëve* и т. д. гласную *ë* (*dëve*), и это же *ë* является передъ -је (-ја) въ формахъ *dëveje*, *roneje* и т. под. Можно, конечно, объяснять *rone* изъ *roneje*, но вопросъ въ томъ, какъ образовалось *ë* въ -*ëje*. По аналогіи съ *aszvoje*, *akuje*, *sunuje* мы ожидали бы *ronoje или *ronaje (ср. латышск. діалектич. *vakara-ja*), откуда слѣдуетъ, что форма *roneje* образована иначе, чѣмъ *aszvoje*, *akuje*, *sunuje*. Я думаю, что въ *roneje* къ мѣстн. пад. *rone* прибавлено другое окончаніе, -је (по аналогіи остальныхъ основъ), подобно тому какъ въ *tuomi* или въ діалектич. *vilkumi* форма творит. пад. *tuoi*, *vilku* соединена съ новымъ окончаніемъ того же

¹¹¹⁾ Vgl. Gram., I, § 202; Compend., стр. 569.

пад.: -mī. Слѣдовательно, господствующая форма мѣстн. пад. ропе произошла изъ ропе́ (извѣстно, что конечное *е́* охотно сокращается въ *е*), а *е́* могло быть образовано здѣсь изъ *а* подъ вліяніемъ носовой *и* еще въ ту эпоху, когда дѣлалось различіе между конечными *m* и *n*, т. е. въ литовско-славянск. языкѣ. Припомнимъ, что и въ вѣдѣ конечное *ѣ* есть *е́*, изъ первонач. *ap*. Въ ст. слав. языкѣ въ соотвѣтствіе съ литовск. -*ė*, -*e* въ окончаніи мѣстн. пад. мы ожидали бы -*ѣ*, но то *ѣ*, которое намъ извѣстно въ этихъ формахъ, есть не *е́*, но дифтонгъ (литовско-славянск. *ai*), такъ какъ гортанныя *к*, *г*, *х* передъ *ѣ* = *е́* должны были измѣняться въ *ч*, *ж*, *ш*, а не въ *ц*, *з*, *с*. Слѣдовательно, ст. слав. *ѣ* въ бозѣ и т. под. должно быть сравниваемо съ прусск. -*ai* (напр. *wirdai*) латышск. -*ā* (изъ -*āi*, которое сохраняется въ діалектахъ), а не съ литовск. -*ė*, -*e*.

Итакъ, конечное *n* въ мѣстн. пад. ед. ч., выведенное мною изъ *nābhā* = *nābhāu*, др. бактр. *gara*, *bareshna*, можетъ находить подтвержденіе и въ литовск. яз. Но трудность, разрѣшить которую удовлетворительнымъ образомъ я не въ состояніи, все таки остается: какимъ путемъ формы *nābhā* = *nābhāu*, *bareshna* произошли отъ основъ *nābhi*, *bareshnu*? Боппъ, объяснявшій *agnāu* изъ * *agnās*, видѣлъ здѣсь выпаденіе тематической гласной и ссылался на *sakhyāu*, *patyāu* (отъ *sakhi*-, *pati*-). Эти послѣднія формы, однако, могутъ быть поняты нами совершенно въ иномъ свѣтѣ: извѣстно, что основы *sakhi*-, *pati*- въ нѣкоторыхъ падежахъ иначе поступаютъ съ тематическ. гласною, чѣмъ остальные основы на -*i*; можно думать поэтому, что и мѣстн. пад. *agnāu* образованъ не изъ * *agnāu* (какъ *sakhyāu*), но другимъ путемъ. Изъ сравненія дател. пад. *agnau*-е и т. под. съ *sakhy*-е, *paty*-е или родительн. аблат. *agne-s* (т. е. *agnai-s*) и т. под. съ *sakhy-us*, *paty-us* легко придти къ тому заключенію, что и въ мѣстн. *agnāu*, *nābhāu* и т. под. падежное окончаніе приставлено къ основѣ *agnai*-, *nābhai*-, а не къ *agni*-, *nābhi*-. Такимъ образомъ для формъ * *agnān*, * *nābhān* (откуда *agnā* = *agnāu*, *nābhā* = *nābhāu*) я предполагаю происхожденіе изъ * *agnau-an*, * *nābhau-an*. Окончаніемъ мѣстн. пад. я принимаю здѣсь -*an*, а не *ān*, такъ какъ, во-первыхъ, мы встрѣтили уже выше -*ān* въ творительн. соціативн., а во-вторыхъ, литовск. -*ė* (-*e*) указываетъ также на -*an*, а не на -*ān*. Слѣдовательно, въ *sakhyāu*, *patyāu* (какъ будто изъ * *sakhyān*, * *patyān*) образованіе дифтонга *āu* вызвано аналогіею дру-

гихъ основъ на -i. Изъ сравненія сскр. *agnâu* и т. д. съ др. бактр. *gaga* и т. д. можно заключать, что стяженіе -*aya* въ -*ân* послѣдовало еще въ индо-эранск. языкѣ, хотя рядомъ съ стянутыми формами здѣсь употреблялись также и полныя формы, сохраняющіяся въ др. персидск. *harauvataiyâ*, *bâkhtraiyâ*. Подобнымъ же образомъ въ др. бактр. *barëshna*, *pereto* и т. д. -*ân* (откуда -а, -о) произошло, повидимому, (въ ту же эпоху?) изъ -*avan*, и эти нестянутыя образованія мы находимъ въ др. персидск. *dahyaunâ*, *ufrâtaunâ*. Стяженіе -*aya*- и -*ava*- въ -*â*- представляется здѣсь явленіемъ аномальнымъ, вслѣдствіе чего мое объясненіе формъ *nâbhâu*, *agnâu*, др. бактр. *gaga*, *baresna* должно возбуждать вполне основательныя сомнѣнія. Я не вижу, однако, другаго выхода и буду надѣяться, что фонетика подтвердитъ со временемъ предполагаемое мною стяженіе. Въ сскр. винословныхъ образованіяхъ *śâraya*-, *smâraya*- и т. д., отъ глаголовъ *śi*, *smi* и друг., не имѣемъ ли мы то же явленіе, и не произошло ли *smâraya* - изъ *smayaraya -? Любопытно припомнить также винит. пад. ед. ч. *gâm* = др. бактр. *gam* (въ Авестѣ рядомъ съ *gâum* и *gaom*), гдѣ индо-эранск. â должно было образоваться изъ *ava*; форма *gavam* сохраняется въ языкѣ Пали.¹¹²⁾ Точно такъ же и винит. множ. ч. сскр. *gâs* указываетъ на стяженіе изъ формы *gavas*, которую мы находимъ въ Пали. Здѣсь, мнѣ кажется, трудно сомнѣваться въ существованіи стяженія, но какія именно причины вызывали это явленіе?

¹¹²⁾ См. Минаева Очеркъ фонетики и морфологіи языка Пали, стр. 29.

ГЛАВНЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Страница.	Строка.	Напечатано.	Должно читать.
3	2 св.	yacâmahe	yaśâmahe
5	10 "	бюло	было
7	10 "	онѣ	они
21	1 сн.	uktvâ	uktvâ;
22	12 "	vârtika	vârttika
35	6 "	barhish	barhishi
43	12 "	tegaḥ	teśaḥ
50	11 "	говорить)	говоритъ
55	2 "	Sprachliche	Sprachliche
64	1 "	tavânagaso	tavânâgaso
66	1 св.	mânushânâm	mânushânâm
"	14 сн.	ḍṛṇhatu	ḍṛṇhatu
70	4 и 5 св.	sûryasya	sûryasya
"	1 сн.	должно прибавить: Въмѣсто „sarvâ“ въ RV. и въ Ath.V. читается viçvâ.	
72	21 св.	carati	carati
74	16 сн.	yahi	yâhi
107	1 св.	ayuh	âyuh
110	5 сн.	śanan	śanan
111	6 св.	padaśnâ	padaśnâ
129	8 "	пада	pada
148	10 и 11 "	purîsha	purîsha
"	3 сн.	вмѣсто напечатаннаго должно читать: Срав. въ Nâig.-Dâivata: âindryo (въ рукоп. âindro) vâ mahânâmnyaḥ purîshayavâ liṅgoktâ vâ.	
160	13 св.	непріязненія	непріязненная
167	20 "	и имѣлъ	я имѣлъ
168	2 "	ashṭanidhanam	ashṭanidhanam
169	14 "	padastobhâs	padastobhâṣ

Страница.	Строка.	Напечатано.	Должно читать.
169	3 сн.	pavanâni	pâvanâni
170	7 "	но	не
172	9 "	gyotiḥ	-gyotiḥ
174	4 св.	a-mṛtâḥ	a-mṛtâḥ
"	8 "	parameshḥina	parameshḥinaḥ
175	13 "	nunudâḥ	nunudânaḥ
176	2 "	ashṭanidhanam	ashṭānidhanam
"	18 "	kshatra-pata	kshatra-pate
"	13 сн.	nâḥ	naḥ
177	7 св.	hañ	i hañ
178	16 "	teḡāḥ	teḡaḥ
"	3 сн.	mahâdivâkirtyam	mahâdivâkīrtyam
179	2 св.	ayushe	âyushe
"	20 "	apmâ	apām
180	14 "	pûrvîṇâmpuru	pûrvîṇâmpurû

Вмѣсто ḥ нѣсколько разъ встрѣчается h.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ.

5	17 св.	объявненія	объясненія
10	7 сн.	karishyaḥ	karishyaḥ
11	12 "	* bharami	* bharâmi
15	6 "	жчати, желивъ	лчати, леливъ
32	7 и 8 св.	ни нъ	не въ
33	8 "	но	на
"	9 "	ḡa	ḡa
41	13 "	ader	oder

